

Хью Лофтинг

**Доктор
Дулиттл
и его звери**

Хью Лофтини

Доктор Дулиттл и его звери

Сочинения для детей
в трех книгах
Книга вторая

МОСКВА
• ОЛИМП • ППП •
1992

ББК 84.7 США
Л 81

С англ ийского

Пересказ
Барбары Давыдовой и Валерия Нижника

Рисунки автора

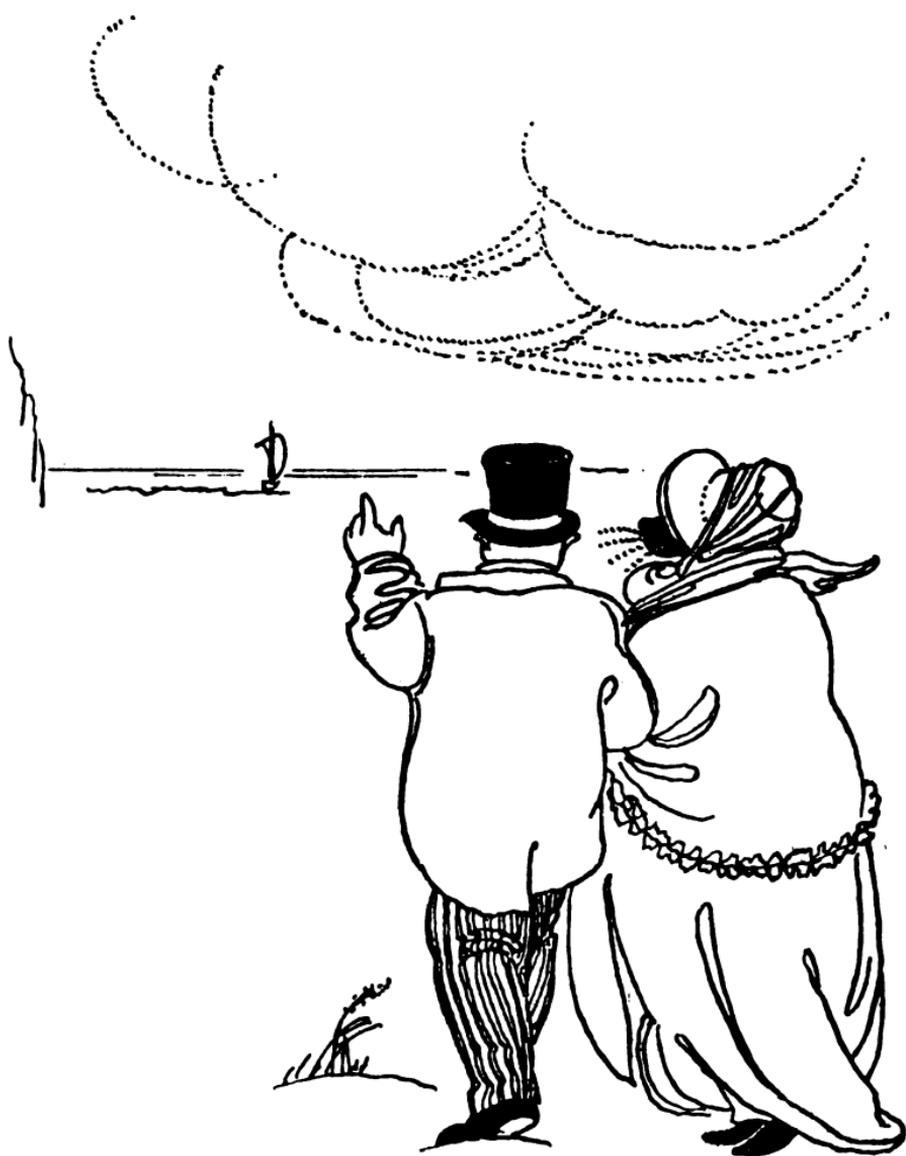
Оформление В. Завадовской

4804040100-034
Л _____ подписное
Г 68(03)-92

ISBN 5-7390-0091-2

© Пересказ Б. Давыдовой, В. Нижника, 1992
© Состав, оформление. Агентство «Олимп», 1992

Цирк доктора Дулиттла

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

У ОЧАГА

А теперь настало время рассказать, что приключилось с доктором медицины Джоном Дулиттлом, когда он ездил из города в город с бродячим цирком.

По чести говоря, доктор вовсе не собирался становиться бродягой навсегда. Он только хотел показать публике невиданного двухголового зверя тяни-толкая и выручить на этом денег, чтобы расплатиться с моряком за одолженный корабль. Как вы знаете, корабль наскочил на скалы и пошел ко дну у берегов Африки. Однако мудрая сова Бу-Бу не раз говаривала — и была совершенно права, — что доктору разбогатеть так же легко, как уторм умыться. Доктор не был жаден, на себя почти ничего не тратил и был счастлив даже без гроша в кармане. Наверное, поэтому, как только у Джона Дулиттла начинали водиться деньги, он тут же тратил их. Утка Крякки рассказывала, что уже раз пять-шесть на ее памяти доктор зарабатывал кучу денег, но чем больше становилась эта куча, тем скорее деньги ушлывали неизвестно куда. Конечно, Джон Дулиттл никогда не был настоящим богачом, и даже когда он выступал в цирке со своими зверями, к концу каждого месяца в его карманах становилось пусто, словно деньги оттуда выдувало ветром.

Но давайте вернемся к тому времени, когда доктор Джон Дулиттл, пес О'Скалли, утка Крякки, сова Бу-Бу, поросенок Хрюкки, белая мышь и тяни-толкай вернулись из Африки в свой маленький домик на окраине Паддлеби-на-Марше. Надо было думать, как прокормить

такую большую звериную семью, а доктор, как на грех, снова остался без гроша.

К счастью, хозяйственная Крякки прихватила с собой припасы из кладовой пиратского корабля. Она долго считала, прикидывала и так и этак и в конце концов сказала, что пищи им хватит на два дня, от силы — на три. Но остальные так радовались возвращению домой, что пропустили слова Крякки мимо ушей.

Утка не могла сидеть без дела и тут же отправилась на кухню чистить кастрюли, драить сковородки и готовить обед. А доктор и другие звери побежали в сад сказать «Привет!» своим любимым уголкам. Они все еще бродили по садовым дорожкам и вздыхали от чувств, когда слышался звон — это Крякки, ударив ложкой по сковородке, возвестила о том, что обед готов. Все помчались наперегонки, чтобы занять места за столом на кухне, где было так приятно коротать вечера.

— Не пора ли нам зажечь огонь в очаге? — спросил О'Скалли. — Что-то похолодало. Этот сентябрьский ветерок продувает меня насквозь. Мы так давно не сидели вместе у огня.

— А доктор расскажет нам что-нибудь занятное! — обрадованно воскликнул поросенок. — Историю про лису, которая хотела украсть гуся!

— Может быть, может быть, — промычал в ответ доктор с набитым ртом. — До чего же вкусны эти пиратские сардины! Просто объеденье!

Но до занятных историй дело не дошло. Как всегда, к доктору пришли пациенты. Сначала ласка — она сломала коготок. Не успел доктор перевязать ей лапку, как прилетел соседский петух. У него разболелось горло, он хрипел и кукарекал шепотом, настолько тихо, что утром даже не смог никого разбудить своим пением. Потом пара фазанов принесла своего птенца. Он был слабый, болезненный и отказывался клевать пшено.

Жители Паддлеби еще не знали о возвращении доктора, а среди зверей и птиц новость разлетелась в мгновение ока. До самого ужина Джону Дулиттлу пришлось перевязывать лапы и крылья, давать микстуры и порошки, ставить компрессы.

— Ничего не изменилось! — ворчала Крякки. — Ни минуты покоя!

К вечеру сильно похолодало. К счастью, в подвале нашлась охапка дров, и после ужина звери расселись вокруг очага и принялись наперебой просить доктора рассказать им что-нибудь или почитать книгу.

— Нет-нет, — отказался наотрез доктор. — Лучше подумайте о том, где нам найти подходящий бродячий цирк. Если мы должны заработать денег, чтобы расплатиться с моряком, то это дело нельзя откладывать. До сих пор мне не встречался ни один цирк, к которому мы могли бы присоединиться. С чего же начать? Насколько я понимаю, бродячие цирки потому так и называют, что они не стоят на месте. Где же нам их искать?

— Тсс! — вдруг зашикала на них сова. — Кто-то стучится к нам в дверь.

— Странно! — удивился доктор, выбираясь из кресла, где ему было так уютно. — Кто бы это мог быть?

— Вы помните ту даму, что села на ежа? — пропищала мышь. — Наверное, другой доктор плохо лечит ее ревматизм, и она снова вспомнила о Джоне Дулиттле. Надо бы ее отвадить раз и навсегда. Позовите из подвала ежа, пусть встретит гостью.

— Как ты можешь?! — воскликнул доктор и пошел открывать дверь.

На пороге стоял торговец едой для кошек Мэтьюз Магг по прозвищу «кошачий кормилец».

— Мэтьюз?! — удивился Джон Дулиттл. — Входите, милости прошу. Как вы узнали, что я вернулся?

— Как узнал? — переспросил «кошачий кормилец». — Мне о том донесли мои старые кости. Сегодня поутру у меня прихватило поясницу, и я сказал жене: «Что-то у меня спина побаливает, никак доктор вернулся. Заглянука на всякий случай я к нему вечером».

Хотя Мэтьюз Магг и пришел на всякий случай, но именно на этот всякий случай он принес баранью косточку для О'Скалли, кусочек сыра для мышки, морковку для Хрюкки и цветок в горшке для доктора. А когда гость уселся возле очага, доктор протянул ему трубку и кисет с табаком. Душистый дым поплыл по кухне.

— Ну уж теперь-то вы наверняка посидите дома месяц-другой, — сказал Мэтьюз Магг.

— Боюсь, что мне не суждено стать домоседом, — от-

ветил доктор. — Конечно, надо бы привести в порядок сад — уж больно он зарос и одичал, пока меня не было. Но мне срочно нужны деньги.

— Да, — задумчиво протянул Мэтьюз, — мне они всегда нужны и всегда — срочно. Скажу вам по секрету, я сумел кое-что поднакопить — целых двадцать пять шиллингов. Если они вас выручат...

— Не выручат, — остановил его доктор. — Меня не выручат и сто шиллингов. У меня слишком много долгов. Но я знаю, что делать. В Африке я вылечил от ужасной болезни племя обезьян, и они подарили мне редкое животное. У него две головы.

— Две головы? — поразился «кошачий кормилец». — Где оно? Я хочу на него посмотреть!

— Его зовут тьяни-толкаем, и он сейчас щиплет травку в саду. Но учтите, что он очень застенчивый и не любит, когда его разглядывают. Давайте лучше возьмем ведро воды и сделаем вид, что пришли напоить его.

Когда Мэтьюз и доктор вернулись на кухню с пустым ведром, «кошачий кормилец» сиял от восторга.

— Я никогда не видел ничего подобного! — приговаривал он. — Вы заработаете кучу денег, если будете показывать его в цирке. На днях в Гримблдон приехал цирк. Давайте завтра утром отправимся туда и поговорим с хозяином.

— Так и быть, — согласился доктор. — Но пожалуйста, никому ни слова о тьяни-толкае, пока он не выступит в цирке перед публикой. Иначе зеваки нас замучают.

Г л а в а 2

КАК ДОКТОРА ПРИНЯЛИ ЗА ШАЛТАЯ-БОЛТАЯ

Мэтьюз Магг слыл чудачком. Он что ни день брался за новое дело, и, наверное, поэтому деньги у него не задерживались. Как только очередное занятие надоело ему, он бросал его и снова торговал вразнос мясом для кошек и собак и ссужал за пару грошей своего терьера окрест-

ным мельникам и крестьянам, в чьих амбарах не было житья от крыс.

Неугомонный Мэтьюз уже попытался пристроиться на работу в цирк, но ему отказали. Теперь, когда он узнал, что доктор Дулиттл хочет выступать на арене с необыкновенным зверем, он снова загорелся и уже видел себя и своего друга доктора хозяевами самого большого в мире цирка.

Ранним утром следующего дня Мэтьюз снова постучал в дверь доктора. Заботливая Крякки сунула им в карман сверток с булочками и сардинами, и друзья двинулись в путь.

Идти было далеко. Доктор и Мэтьюз молча шагали по дороге и вдруг слышали за спиной цокот копыт — их догоняла повозка. На повозке восседал крестьянин с женой.

— Не стоит и просить их подвезти нас, — проворчал Мэтьюз Магг. — Это Исидор Стайлз, богач и скряга. Я хорошо знаю его, не раз ловил с моим псом крыс в его амбарах. Его жена — вон то старое огородное пугало — ни за какие коврижки не согласится сидеть рядом с крысоловом.

Но все произошло совсем не так, как думал «кошачий кормилец». Запряженная в повозку лошадь много слышала о докторе и сразу же узнала его — маленького, толстенького звериного доктора. Как хозяин ни понукал ее, она остановилась возле путников и заржала.

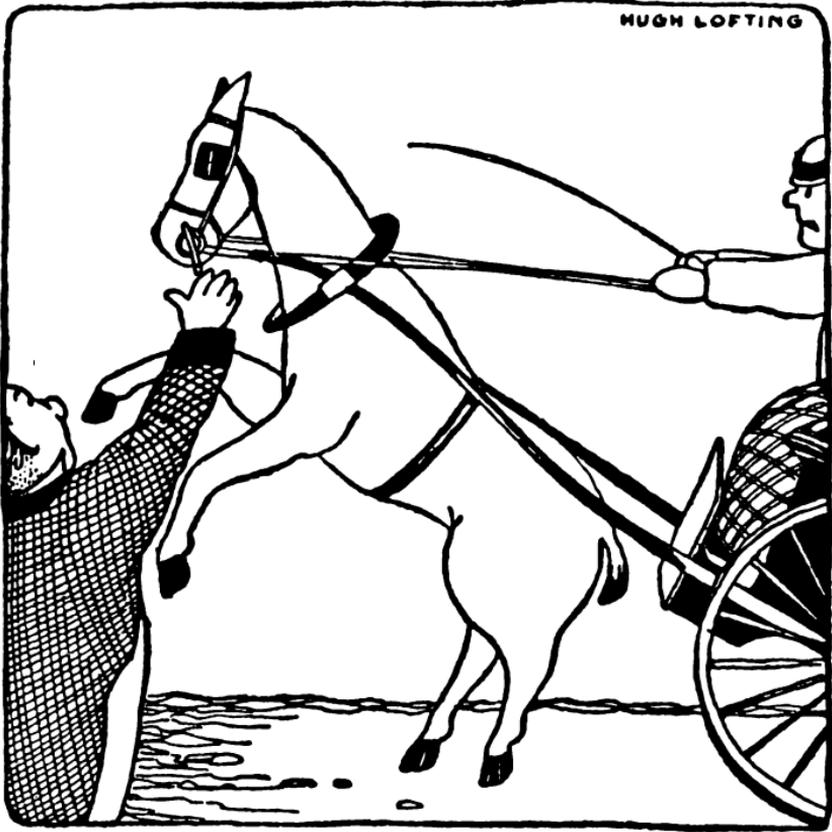
— Здравствуйте, доктор. Куда путь держите?

— В Гримблдон, на ярмарку, — ответил доктор.

— Нам с вами по пути, — сказала лошадь. — Садитесь, я вас подвезу. Места всем хватит.

— Спасибо, но, похоже, мы твоему хозяину не приглянулись. Так что не зли его и беги в Гримблдон. Мы уж как-нибудь и пешком дойдем.

Лошадь нехотя подчинилась и потащила повозку дальше по дороге. Она бежала и говорила сама себе: «Как стыдно! Доктор, наш любимый доктор идет пешком, а грубиян и невежа едет себе и в ус не дует. Стыдно! Да если лошади в нашей деревне узнают, что я не помогла доктору, они знаться со мной не захотят!»

И лошадь закусила удила, встала на дыбы, взбрыкнула и помчалась назад к доктору. Хозяин повис на вожжах, его жена завизжала от страха, но лошадь не обращала на них внимания.

— Садитесь, доктор, садитесь, — сказала она, останавливаясь рядом с путниками. — А если хозяева не захотят потесниться, я сброшу их в придорожную канаву.

И она снова стала брыкаться. Доктор испугался, что лошадь действительно покалечит хозяев, и схватил ее под уздцы. Лошадь тотчас же успокоилась и присмирела.

— Ума не приложу, что с ней случилось, — охал крестьянин. — Как взбесилась! И как это вам удалось совладать с ней? Даже не знаю, довезет она нас до Гримблдона или нет.

— Довезет, — обнадежил его доктор, — непременно довезет, если я сяду на козлы.

— Уж и не знаю, как вас благодарить, — затараторила жена крестьянина. — Я так испугалась, так испугалась, когда она понесла!

Доктор сел рядом с хозяином и принял из его рук вожжи. Мэтьюз Магг с довольной улыбкой пристроился рядом с бледной хозяйкой.

— Прекрасная погода, госпожа Стайлз, — заметил он, приподымая выдавшую виды шляпу. — Крысы в амбаре не беспокоят?

К полудню они приехали в Гримблдон. В городе было шумно, празднично одетые горожане тянулись на ярмарку. Чего там только не было! Свирепого вида быки с крутыми рогами, вымытые розовые свиньи, лошади с вплетенными в гриву лентами. Доктор и Мэтьюз Магг протиснулись сквозь толпу, поблуждали среди длинных рядов с корзинами, мешками и просто охапками всякой снеди и наконец-то выбрались к балагану, где давал представление бродячий цирк.

У входа стоял небольшой деревянный помост. Рядом в маленькой будке располагалась касса. Хозяин цирка, розовощекий здоровяк с большими черными усами, представлял публике циркачей. Они поднимались на помост, кувыркались, жонглировали и чего только не делали, а хозяин кричал:

— Только у нас! Только у нас вы увидите лучших акробатов, лучших укротителей, лучших заклинателей змей!

Артисты сменяли друг друга на помосте. По словам хозяина, все они были лучшие в мире, и даже пожира-тель огня и тот мог за выступление съесть пламени больше, чем его было на великом лондонском пожаре. Дела явно шли на лад, потому что публика бойко раскупала билеты.

— Я должен поговорить с хозяином, — шепнул доктор на ухо Мэтьюзу Маггу. — Как его зовут?

— Александр Блоссом. Его цирк — один из лучших, — также шепотом ответил Мэтьюз. — Я уже побывал у него на представлении и хлопал в ладоши так, что они болят до сих пор.

Доктор протолкался к помосту, но как он ни пытался знаками привлечь к себе внимание хозяина цирка, тот не

замечал его и продолжал нахваливать своих артистов. И тогда доктор тоже вскарабкался на помост, подошел к Блоссому и дернул его за рукав.

Хозяин цирка онемел, когда увидел вместо жонглера или фокусника маленького толстенького человечка. Но, как и большинство циркачей, он не привык лазить за словом в карман, и пока доктор раздумывал, с чего бы начать, Александр Блоссом закричал в толпу:

— А вот и лучший в мире Шалтай-Болтай! Он будет кувыркаться по арене, да так, что вы животы надорвете от смеха! Покупайте билеты! Шалтай-Болтай только у нас!

Публика хохотала, а доктор краснел и уже не знал, как выйти из неловкого положения. Он снова открыл рот, чтобы объяснить хозяину, кто он такой и чего хочет, но тут из толпы долетел громкий возглас:

— Джон!

Доктор повернул голову и нашел глазами звавшего его. Посреди толпы стояла женщина и размахивала зеленым зонтиком. Доктора как ветром сдуло с помоста.

— Кто это? — спросил его Мэтьюз Магг.

— Боже! — бормотал еще больше смутившийся доктор. — Что же мне делать? Ведь это моя сестра Сара!

Глава 3

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЦИРК!

— Здравствуй, Сара, — сказал Джон Дулиттл, когда наконец протиснулся к сестре. — Ты прекрасно выглядишь.

— Что все это значит, Джон? — набросилась на него сестра. — Будь добр, объясни мне, что все это значит! Ты действительно кувыркаешься на арене? Неужели ты, доктор медицины, превратился в бездомного фигляра по кличке Шалтай-Болтай? Тебе было мало, что ты потерял всех пациентов из-за мышей, жаб и прочей гадости? Как тебе не стыдно! Что ты здесь делаешь?

— Я хочу поработать в цирке, — промямлил доктор.

Сара открыла рот, как выброшенная на берег щука, закатила глаза, и казалось, вот-вот упадет в обморок. Стоявший рядом с ней высокий мужчина в одежде священника взял ее под руку.

— Что с тобой, дорогая? — спросил он.

— Ах, Ланселот, — вымолвила Сара слабым голосом, — это мой брат Джон, врач из Паддлеби. Джон, знакомься, это мой супруг, его преподобие Ланселот Дигли, настоятель церкви в Гримблдоне. — Она вроде бы поуспокоилась, пока, гордясь, представляла брату своего преподобного супруга. И вдруг снова взорвалась: — Какой позор, Джон! Шут! Циркач! А это еще кто с тобой?

— Неужели ты забыла? Это Мэтьюз Магг, ты же должна его помнить по Паддлеби.

— Крысолов! — И Сара снова закатила глаза.

— Не вижу ничего плохого, — пытался успокоить ее доктор, — весьма почтенное занятие. К тому же теперь Мэтьюз торгует мясом. Господин Магг, позвольте вам представить его преподобие Ланселота Дигли, — произнес он так торжественно, словно знакомил пастора не с потрепанным «кошачьим кормильцем», а с самим королем, облаченным в пурпурную мантию. — Господин Магг — мой лучший пациент.

— Скажи лучше, последний пациент, — не унималась Сара. — Если ты и в самом деле решил податься в цирк, обещай мне, что не будешь выступать под своим именем. Подумать страшно, что будет, если вдруг все узнают, что шурин пастора Дигли — циркач!

Доктор задумался на минуту, затем улыбнулся и примирительно сказал:

— Так и быть, Сара, я назовусь Джоном Смитом. Но если меня узнают, я не виноват.

С этими словами доктор попрощался с Сарой, поклонился его преподобию Ланселоту Дигли и поспешил к хозяину цирка. Представление уже началось, и Александр Блоссом сидел у входа и считал деньги. Доктор рассказал ему, кто такой тяни-толкай и как он выглядит, и попросил взять их в цирковую труппу.

— Не может быть! — самоуверенно заявил Блоссом. — Таких зверей не бывает.

— Они бывают, еще как бывают! — вставил свое слово Мэтьюз Магг.

— Покажите мне вашего тяни-пихая, — потребовал хозяин цирка: — Приведите его сюда!

— Тысяча извинений, — вежливо ответил доктор, — но зверь этот очень застенчив, и лучше будет, если вы взглянете ко мне в Паддлеби.

— Ладно, так уж и быть! Ждите меня сегодня вечером, — согласился Блоссом. — Если у вашего тащи-толкая и вправду две головы, я возьму его к себе в цирк.

Доктор Дулиттл объяснил хозяину цирка, как найти маленький домик на окраине Паддлеби, и вместе с Мэтьюзом Маггом отправился в обратный путь. Оба они были очень довольны началом.

— Когда вы нашнете выштупать в ширке, возьмите меня ш шобой, — говорил Мэтьюз Магг. Он набил рот

булочкой с сардинками и поэтому шепелявил. — Я вам пригожусь-с-сь. Кто же вам будет сторожить жверей, кормить их, чиштить клетки?

— Я-то с удовольствием, но как же ваша торговля?

— Да разве это торговля? — махнул рукой Мэтьюз и впился зубами во вторую булочку. — Что она мне приносит? Медные гроши... Вы думаете, так уж приятно разносить мясо любимцам старых богатых дам? Ты протягиваешь холеному пуделю косточку, а он от нее нос воротит... А меня с детства тянуло на приключения. Боже мой — бродить по городам с цирком!

— А как же ваша жена? — пытался отговорить его доктор.

— Теодора? Да она сама увяжется за нами. Ее хлебом не корми, а подай на блюде что-нибудь новенькое. Она будет нам штопать, готовить... Да вы вроде меня и не слушаете, доктор? О чем вы задумались?

— О Саре, — ответил Джон Дулиттл.

— Вы о ней не беспокойтесь, — утешил его Мэтьюз. — Ее супруг, преподобный Дрыгли, показался мне приятным человеком.

— Не Дрыгли, а Дигли, — поправил Мэтьюза доктор. — Похоже, его тоже с детства тянуло на приключения, иначе он не женился бы на Саре. Бедный, славный Дигли!

Поздним вечером, после того как утихла ярмарка в Гримблдоне, господин Блоссом, как и обещал, пришел к доктору. Уже стемнело, поэтому Джон Дулиттл взял фонарь и повел гостя в сад, где тyani-толкай щипал травку. Хозяин цирка открыл рот от удивления и не закрывал его до тех пор, пока они не вернулись в кабинет.

— Сколько вы хотите за своего зверя? — спросил он напрямик доктора.

— Нисколько, — ответил тот. — Тyani-толкай не продается.

— Какая ерунда! — пренебрежительно махнул рукой Блоссом. — Да зачем он вам? Вы же не умеете управляться со зверями. Вы растеряетесь на арене и провалите все выступление. А я выдрессирую вашего тащи-пихая. Хотите четыреста шиллингов?

— Тyani-толкая, с вашего позволения, — поправил циркача доктор.

- Пятьсот шиллингов! — поднял цену Блоссом.
- Нет, — не уступал доктор.
- Восемьсот! Тысяча! — не унимался хозяин цирка.

Чем больше денег предлагал господин Блоссом, тем больше округлялись глаза «кошачьего кормильца».

— Соглашайтесь, соглашайтесь, — шепнул он доктору. — Да на такие деньги можно купить целый цирк!

— И не уговаривайте меня, — твердо сказал Джон Дулиттл. — Или вы принимаете меня в цирк вместе с тьяни-толкаем, или мы ищем другой цирк. Я обещал заботиться о нем и не отдавать в чужие руки.

— Что это значит? — удивился Блоссом. — Кому и что вы обещали? Разве двухголовый зверь не ваш?

— Он свой собственный, — объяснил доктор. — Он оказал мне любезность, когда согласился поехать со мной в Англию, вот я и пообещал ему, что с ним ничего плохого не случится.

Хозяин цирка удивленно вытаращился на доктора, затем покрутил пальцем у виска, наклонился к Мэтьюзу Маггу и спросил:

— И давно это у него?

Мэтьюз уже открыл рот, чтобы объяснить хозяину, что Джон Дулиттл говорит по-звериному, но доктор дернул его за рукав и приказал молчать.

— Или вы берете меня вместе с тьяни-толкаем, или мы ищем другой цирк, — повторил Джон Дулиттл.

Господин Блоссом молча нахлобучил на голову шляпу и также молча откланялся.

Когда он ушел, Мэтьюз Магг огорченно заохал:

— Что вы наделали, доктор! Такие деньги! Ну чего вам вздумалось упрячиться?

— Не велика потеря! — несколько не огорчился доктор. — К тому же я уверен, что он вернется.

Доктор оказался прав — не прошло и десяти минут, как в дверь постучали и на пороге снова появился господин Блоссом. Он предложил вдвое, втрое больше, но в конце концов, ему все же пришлось согласиться на условия доктора.

А условия были такие: доктор, тьяни-толкай и другие звери будут жить и путешествовать в отдельном фургоне. Блоссом будет за свой счет кормить их. Тьяни-толкай вы-

берет себе один выходной день в неделю, а деньги, вырученные за выступления двухголового зверя; доктор и Блоссом поделят пополам.

И лишь в самом конце Блоссом вдруг спросил:

— А, собственно, как вас зовут?

Доктор вспомнил, о чем его спросила Сара, и ответил:

— Джон... эээ... Джон Смит.

— Вот и хорошо, господин Смит, — сказал хозяин цирка, — завтра к одиннадцати утра я пришлю за вами фургон. Доброй ночи!

Как только за ним закрылась дверь, прибежали Крякки, Хрюкки, О'Скалли, Бу-Бу и белая мышь. Конечно же они весь вечер просидели в углу и внимательно вслушивались в разговор.

— Ура! — хрюкнул поросенок. — Да здравствует цирк!

А остальные крякали, лаяли, взвизгивали и пищали от радости.

— Вот уж не думал, что вы умеете так торговаться, — удивленно сказал Мэтьюс Магг. — Я-то считал себя невесть каким торговцем, но вам я в подметки не гожусь. А Блоссом-то каков, а? Не захотел упустить выгодное дельце! Согласился на все ваши условия.

— Милый старый дом, — расчувствовалась Крякки. — Опять нам придется покинуть тебя. Бог знает когда мы теперь вернемся.

— Ура! — не унимался Хрюкки. Он встал на задние ножки, приплясывал и бросал в воздух цилиндр доктора. — Да здравствует цирк!

Глава 4

ДА ВЕДЬ ЭТО ДОКТОР ДУЛИТТЛ!

На следующее утро Крякки разбудила всех ни свет ни заря — ведь надо было успеть позавтракать, убрать со стола, вымыть посуду и уложить вещи до одиннадцати часов.

И все же утка немного перестаралась. Уже к десяти ча-

сам все было закончено, дом заперт, и звери битый час слонялись по саду в ожидании, когда за ними заедет цирковой фургон. И только доктор до последней минуты был занят делом — как и обычно, к нему шли и шли пациенты со всей округи.

О'Скалли стоял на ближайшем перекрестке и вертел головой по сторонам — выглядывал, не появился ли цирковой фургон. Вдруг он радостно взвизгнул и припустил к дому.

— Едет! Едет! — залаял он. — Такой красивый! В желтую и красную полоску!

Все засуетились. Каждый хватал в лапы, в крылья, в зубы свои пожитки и припасы на дорогу. Поросенок Хрюкки крепко сжимал огромный пучок редиски. Вдруг — вот те на! — нитка, связывающая пучок, лопнула — и красивые розовые кругленькие корешки покатились во все стороны.

Фургон подъехал к дому. Он и вправду был просто на загляденье: два окошка, дверь, внутри печка, а снаружи дымоход. Свежая желтая и красная краска блестела под солнцем. Фургон был новый, с иголки, вот только тащила его старая-престарая лошадь. Доктор заговорил с ней и узнал, что старую конягу звали Бетти и что она уже двадцать пять лет беспрерывно работает в цирке.

Неугомонная Крякки проверила все углы и, хотя не нашла там ни единого пятнышка пыли, все же на всякий случай вымыла пол и только потом разрешила остальным располагаться. В углу, поближе к печке, она устроила постель доктору.

Звери заняли места кто где хотел. Хрюкки уселся у окошка, О'Скалли по привычке лег у дверей, а белая мышка завернулась в его лохматый хвост. И только доктор не спешил садиться в фургон. Он подумал, что старушке Бетти будет очень тяжело тащить такую поклажу, и хотел идти за фургоном и подталкивать его сзади.

— Бросьте, доктор, мне не впервой, — отговаривала его Бетти. — Бывало и похуже.

— Нет-нет, — не уступал доктор. — Если уж ты не хочешь, чтобы я помогал тебе, я пойду рядом.

Дверь захлопнулась, на окошках задернулись занавески, чтобы любопытные зеваки не глазели на тyani-тол-

кая и не беспокоили его зря, и фургон покати́л в Гримблдон. Возница сидел на козлах, рядом по обочине шагали доктор и Мэтьюз Магг. На Ратушной площади в Паддлеби возница остановил лошадь и зашел в лавочку купить хлеба и ветчины на дорогу. Тем временем вокруг фургона собралась толпа зевак. Они просто сторали от любопытства. Кто и куда едет в таком красивом, цветном фургоне? Мэтьюза Магга так и подмывало во всеуслышание объявить, что это он вместе со своим другом доктором Джоном Дулиттлом едет в цирк. Как ни чесался у Мэтьюза язык, пришлось держать его за зубами: доктор строго-на-строго приказал ему молчать.

В два часа пополудни они въехали на ярмарку в Гримблдоне и остановились у циркового балагана. Сам хозяин, господин Блоссом, с нетерпением ожидал их у дверей.

— А зачем вам поросенок? — удивился он, заглядывая внутрь фургона. — Ну да ладно, главное — что ваша двухголовая диковина здесь.

Фургон поставили рядом со свежесколоченным загоном для тьяни-толкая. Это был невысокий помост, с трех сторон обнесенный глухим забором, с четвертой стороны стояла кассса и висел занавес, так что только тот, кто заплатил деньги, мог подняться по ступенькам и полюбоваться на невиданного зверя.

Над загоном на большом полотнище было написано:

**ТОЛЬКО У НАС!
ТЯНИ-ТОЛКАЙ
ДВУХГОЛОВЫЙ ЗВЕРЬ ИЗ АФРИКАНСКИХ ЛЕСОВ**
*Милости просим полюбоваться
всего за шесть пенсов*

Блоссом хотел тут же выставить тьяни-толкая напоказ, но доктор воспротивился.

— Нет-нет, — говорил он, — так нельзя. Тьяни-толкай зверь пугливый, ему сначала надо обжиться в цирке, привыкнуть к шуму и суете, а уж потом его можно будет и показать публике.

Блоссом наморщился, словно ему наступили на мозоль, но уступил — в конце концов хозяином тьяни-толкая был не он.

— Так и быть, — сказал Блоссом, — пусть зверь пообвыкнет, а я тем временем проведу вас по цирку и познакомлю с артистами.

Тяни-толкаю принесли сена и воды, устроили его в загоне, и доктор отправился в сопровождении хозяина осматривать цирк. Конечно, все звери увязались за ними, только домовитая Крякки осталась наводить уют в их новом жилище.

Цирк давал большие представления под большим куполом два раза в день. Вокруг располагались помосты, шатры и загоны. Там выступали силачи и акробаты, там показывали дикарей с острова Борнео и бородатых женщин, там факиры заклинали змей, там можно было посмотреть на диких зверей и побросать кольца на рог носорожьего чучела.

Первым делом доктор и его «семейка» направились в зверинец. Боже! Как жалко выглядели там звери! Несчастные, неухоженные, со свалявшейся шерстью, они уныло жевали солому или глодали голые кости. Джон Дулиттл покраснел от гнева и уже открыл рот, чтобы обругать хозяина цирка бездельником, но Мэтьюз Магг вовремя дернул его за рукав и шепнул:

— Не торопитесь, доктор! Пусть сначала Блоссом увидит, чего стоите вы и ваши звери, и тогда можно будет ставить ему любые условия. А сейчас ссора ни к чему хорошему не приведет — мы потеряем работу да и беднягам из зверинца ничем не поможем.

Доктор последовал совету Мэтьюза и сдержал свой гнев. И все же он шепнул зверям в клетках:

— Погодите немного. Я, Джон Дулиттл, даю вам слово, что найду способ помочь вам.

Тем временем в зверинец вошел служитель. За ним гурьбой двигались посетители: крестьяне и горожане, дети и взрослые. Служитель остановился у клетки с косматым зверьком и сказал:

— Дамы и господа! Перед вами знаменитый хищник патагонских лесов харри-гарри. По ночам он висит на ветке, зацепившись за нее хвостом, и поджидает запоздалых путников. Вы только посмотрите, как сверкают его глаза!

Зверек затравленно смотрел на толпу зевак.

— Да ведь это обыкновенный опоссум, — пробормотал доктор. — Он из семейства сумчатых.

— Из семейства сумчатых? — удивленно хрюкнул поросенок. — Они что, всем семейством живут в сумке? В большой-пребольшой?

— Да нет, — объяснил ему доктор. — У них на животе большая складка, похожая на сумку, они в ней носят детенышей.

— А здесь, — громко кричал служитель у следующей клетки, — вы видите самого большого в мире слона!

— Вот так самый большой! — проворчал себе под нос Джон Дулиттл. — Обычный слоненок, ему до слона еще расти и расти!

Затем господин Блоссом провел их к небольшому шатру, где сидела заклинательница змей принцесса Фа-

тима. Посетителей там не было, и принцесса сидела одна. Она пудрила нос и проклинала все на свете на чистейшем английском языке. По выговору в ней легко было узнать уроженку Лондона. Рядом с ней на полу стояла большая корзина, кишевшая змеями.

— Не бойтесь, Мэтьюз, — успокоил доктор «кошачьего кормильца». — Они неядовитые.

— Неядовитые?! — воскликнула принцесса Фатима и зло сверкнула глазами. — Да это королевские кобры из Индии!

— Как бы не так, — возразил доктор. — Это безобидные черные ужи из Америки.

И он погладил одного из ужей по головке.

— Не прикасайтесь к ним! — вскричала Фатима и вскочила со стула. — Не прикасайтесь к ним или... я вас укушу!

Может быть, она и в правду укусила бы доктора Дулиттла, но тут вошел господин Блоссом, а за ним посетители, пожелавшие посмотреть невиданный номер со смертельно ядовитыми змеями. Хозяин цирка отвел доктора в сторонку и шепнул:

— Как она хороша! Это один из лучших моих номеров.

Из-за занавеса послышалась барабанная дробь и пение флейты. Принцесса Фатима в восточном одеянии подошла, покачиваясь, к корзине, вытащила оттуда двух ужей и обмотала их вокруг шеи.

— Прекрасные дамы и благородные господа, — пропела она слащаво, — соизвольте подойти поближе. Пусть лучистые звезды ваших глаз обратятся на черных чудовищ подземного царства...

— Что она говорит? — хрюкнул поросенок. — Какие звезды и какие чудовища? Я ничего не понимаю!

— По чести говоря, я тоже, — ответил ему доктор Дулиттл. — Похоже, принцесса считает, что так принято говорить на Востоке.

— На Востоке я не бывал, — проворчал Хрюкки, — но мне это напоминает шипение сала на сковородке. У меня мороз по коже идет.

Хозяин цирка заметил, что номер со змеями не понравился «мистеру Смигу», и предложил ему отправиться дальше.

— Давайте-ка заглянем на минутку в мой кукольный театр, — сказал он.

Заглянуть-то они заглянули, но не на минутку. Дело в том, что Хрюкки никогда не видел кукольное представление. Когда они вошли, лохматая собака Тобби кусала ярко раскрашенного Арлекина за нос. Поросянок открыл рот от изумления и, как его ни уговаривали, не соглашался сдвинуться с места, пока не досмотрит все представление до конца.

С тех пор поросянок не пропустил ни одного кукольного спектакля и обязательно садился в первом ряду и во все глаза смотрел на веселых и забавных деревянных человечков и зверушек. Увы, в театре изо дня в день играли одну и ту же пьесу. Но даже это не останавливало Хрюкки, и скоро он уже знал наизусть каждое слово.

А у следующего помоста собралась большая толпа, и мальчишки восторженно смотрели на циркового силача. Вот тут-то не было никакого обмана. Гири были настоящие, очень тяжелые, и когда силач бросал их на помост, доски прогибались от удара.

И вот силач лег на спину и принялся ногами жонглировать большим чугунным шаром. Зрители хлопали в ладоши и кричали от восторга. Вдруг раздался громкий треск — одна из досок помоста проломилась, силач не удержал тяжелый шар, и он с размаху упал ему на грудь. Толпа ахнула, Блоссом бросился на помост. Чугунный шар был такой тяжелый, что только двое мужчин смогли снять его с груди силача, но сам силач так и не встал. Он лежал неподвижно с закрытыми глазами и мертвенно-бледным лицом.

— Доктора! — крикнул Блоссом. — Скорее найдите доктора!

Но никого искать уже было не надо: Джон Дулиттл стоял рядом.

— Дайте-ка мне его осмотреть, — сказал он, вставая на колени возле потерявшего сознание силача.

— Вы не сможете ему помочь, — возразил Блоссом. — Он тяжело ранен и еле дышит. Здесь нужен врач.

— А я и есть врач, доктор медицины, — ответил Джон Дулиттл, ощупывая грудь силача. — Мэтьюз, будьте добры, принесите мне из фургона черный саквояж.

— Вы доктор? — удивился Блоссом. — Как же так? Вы же назвались господином Смитом!

— Да ведь это доктор Дулиттл! — крикнул кто-то из толпы. — Когда-то он был лучшим врачом во всей округе. Мне ли его не знать, если я сам у него лечился! Доктор Джон Дулиттл из Паддлеби, собственной персоной!

Глава 5

ДОКТОР ПАДАЕТ ДУХОМ

Чугунный шар сломал силачу два ребра, но, слава Богу, он обладал недюжинным здоровьем, поэтому доктор надеялся на скорое выздоровление. Силача уложили в постель, и доктор навещал его четыре раза в день, а Мэтьюз ухаживал за ним как сиделка.

Силача в цирке любили и дали ему шутливое прозвище — Геракл. Он был благодарен доктору за помощь и лечение и потом — долг платежом красен! — не раз выручал доктора.

Теперь, когда доктора узнали и всем стало известно, что он не кто иной, как доктор Джон Дулиттл из Паддлеби, не имело смысла скрываться под чужим именем. Скоро, очень скоро циркачи подружились с ним и то и дело обращались к нему за советом.

На следующий день тяни-толкая показали публике. Нигде, ни в одном цирке, ни в одном зверинце, до того не было двухголового зверя, поэтому с самого утра к загону с невиданным зверем выстроилась очередь любопытных. Поначалу несчастное животное сгорало от стыда, пугливо озиралось и прятало то одну, то другую голову в большой охапке сена, лежащей рядом. Тогда люди не хотели верить, что у зверя две головы, и кричали:

— Мошенники! А где же вторая голова? Это не цирк, а сплошное надувательство!

И доктору приходилось упрашивать тяни-толкая показать публике обе головы.

— Если люди тебе не нравятся, не смотри на них, —

говорил он тyani-толкаю. — Отвернись, поешь сена. Главное, чтобы они видели, что у тебя две головы.

Однако некоторые зрители не хотели верить своим глазами и кричали, что вторую голову вылепили из воска. А однажды двое сорванцов подкрались к тyani-толкаю с двух сторон, чтобы проверить, какая из голов настоящая, а какая — нет. Тогда тyani-толкай вдруг боднул их обеими головами пониже спины, да так, что мальчишки потом долго чесались, и все убедились, что их не обманывают.

Первые дни в цирке превратились для застенчивого зверя в пытку, и он уже хотел было наотрез отказаться выступать перед публикой. Но когда О'Скалли рассказал ему, как нужны доктору деньги, он все-таки решил остаться и помочь Джону Дулиттлу. В конце концов, тyani-толкай привык к пивным на него глаза зевакам и в ответ смотрел на них с гордостью и презрением. По чести говоря, они того заслуживали.

Во время представлений доктор сидел у входа в загон, принимал деньги и улыбался каждому словно старому другу. И в самом деле, там ему повстречалось много давних знакомых: соседи по Паддлб'ч, пастор и даже страдающая ревматизмом дама, та самая, что когда-то села на ежа.

Утка Крякки не могла сидеть без дела и весь день хлопотала: стирала, убирала, а кроме того ей теперь приходилось приглядывать за доктором, потому что добрый Джон Дулиттл, когда никто не видел, пропускал детей без денег.

Вечером к ним в фургон приходил хозяин цирка. Они садились с доктором за стол, укладывали блестящие монетки в столбики и делили их поровну. Сова Бу-Бу при этом взлетала доктору на плечо и не спускала глаз с денег — уж кто-кто, а она знала арифметику лучше всех, и ей сам Бог велел следить, чтобы доктора не надули.

От желающих посмотреть на тyani-толкаю отбою не было, и все же Джон Дулиттл скоро убедился, что ему придется проработать в цирке не один месяц, чтобы поднакопить денег и рассчитаться с моряком за корабль. К тому же поросенку Хрюкки каждое утро нужна была морковка, О'Скалли — баранья косточка, Мэтьюз Магг очень

любил жареные каштаны, а доктор не мог себе отказать в душистом табаке для трубки. Стоит ли говорить, что все это обходилось тоже недешево. Но главное было в том, что доктору не нравился цирк. Нет, не выступления акробатов, клоунов, силачей, а то, что в цирке очень часто обманывали зрителей. А доктор терпеть не мог ложь, и ему было стыдно, что он волей-неволей живет с обманщиками.

Но больше всего Джона Дулиттла беспокоила судьба цирковых зверей. Вечером, когда зрители разошлись и во всех шатрах и загонях стихли голоса, доктор поговорил со зверями. Все они наперебой жаловались:

— Нас кормят объедками!

— Клетки не убирают!

— Нас не водят на прогулки! Мы задыхаемся здесь!

Джон Дулиттл выслушал зверей и так рассердился, что, не раздумывая ни минуты, отправился к хозяину цирка в его фургон и потребовал изменить порядки.

Господин Блоссом терпеливо выслушал его, а потом громко рассмеялся в ответ.

— Боже мой, доктор! — хохотал он. — Да если я соглашусь на ваши условия, я разорюсь! Отпустить харригарри домой? Отправить старушку Бетти на пенсию? Нанять людей, чтобы они весь день только и делали, что убирали клетки? Покупать свежее мясо для льва и гиены? Выводить зверей на прогулку словно маленьких детей? Да вы сошли с ума, доктор! Вы ничего не смыслите в цирке! Я уступил вам во всем, что касается тyani-толкая и ваших зверей, вы выступаете как сами того желаете. Но хозяин здесь я! И я не позволю вам вмешиваться в мои дела. Хватит того, что Геракл все еще в постели, а я плачу ему из собственного кармана. Довольно, такие разговоры до добра не доводят.

Джон Дулиттл понурил голову и побрел к своему фургону. На ступеньках сидел Мэтьюз Магг и курил трубку. Рядом старушка Бетти щипала травку. Светила луна.

— Какой прекрасный вечер, — заметил Мэтьюз Магг. — Но что это? Вы вроде не в своей тарелке? Что-то случилось, господин доктор?

— Случилось, — эхом ответил доктор, присаживаясь рядом с Мэтьюзом. — Мне ужасно не везет. Я только что

просил Блоссом лучше заботиться о зверях, но он и слушать меня не стал. Придется мне, наверное, расстаться с цирком.

— Не принимайте близко к сердцу, доктор, — попытался утешить его Мэтьюз. — Вы еще даже не успели обжиться здесь как следует. А если уж вам так здесь не нравится, создайте другой, собственный цирк. Настоящий, без надувательства, куда валом повалят зрители. Но для этого тоже нужны деньги.

Доктор сидел рядом, грустно повесив голову.

— Я не могу смотреть на это безобразие, — уныло твердил он. — Я не могу никому помочь. Мне не следовало даже думать о цирке!

Старушка Бетти пришла на голос своего друга и потерлась носом о его ухо.

— Здравствуй, Бетти, — сказал доктор и потрепал старую лошадь по гриве. — Боюсь, что мне не удастся помочь тебе. Мне очень жаль, но придется мне уйти из цирка.

— Не расстраивайтесь, доктор, — ответила ему старая лошадь. — Запаситесь терпением. С наскоку ничего не сделаешь. А если вы уйдете от нас, то нам уже и надеяться будет не на кого. Я сегодня слышала, как слон и говорящий конь, тот, что выступает на большой арене, радовались вашему появлению. У нас теперь вся надежда на вас. Попомните мои слова — настанет день, когда цирк доктора Дулиттла прославится на весь мир.

Доктор молчал, а Мэтьюз, который ни слова не понимал на языке лошадей, терпеливо ждал, что же решит доктор. Наконец Джон Дулиттл встал со ступенек и пошел к двери фургона.

— Вы остаетесь? — с тревогой в голосе спросил Мэтьюз.

— Да, — ответил доктор. — Наверное, мне так на роду написано. Спокойной ночи.

К концу недели ярмарка в Гримблдоне закрылась. Цирк тоже закрылся, шатры свернули, загоны и помосты разобрали, сложили пожитки и собрались в дорогу. Нарядная Ратушная площадь сразу же стала грязной и неудобной.

Сборы длились целую неделю. Крякки как всегда хло-

погала и тоже готовилась в дорогу, остальная звериная семейка доктора развлекалась. Как смешно было видеть циркачей без их обычных цветастых нарядов! А Хрюкки чуть не плакал, потому что не мог никого узнать. Клоун стер пудру с лица и превратился в обычного добродушного толстяка. Принцесса Фатима сменила расшитые восточные одежды на строгое платье и стала похожа на почтенную посудомойку. Дикарь с Борнео причесал волосы, надел рубаху с крахмальным воротничком и галстуком и заговорил на всем понятном языке. Бородатая женщина сняла бороду, бережно упаковала ее и сунула в дорожный сундучок.

А потом вереница цирковых фургонов двинулась в путь к ближайшему городу, до которого было пятьдесят миль. За один день пятьдесят миль не проедешь, к тому же цирк продвигался вперед черепашьям шагом. По ночам в поле рядом с дорогой они разбивали лагерь и с удовольствием спали под открытым небом, как настоящие цыгане. Разжигали костер и вешали над огнем котелок, утка готовила ужин, а остальные таскали хворост. О'Скалли носился по придорожным канавам и охотился на крыс, а как-то он даже выследил лису и погнался за ней, но плутовка успела юркнуть от него в нору — и была такова.

По вечерам к костру доктора приходили два друга — Скок, собака клоуна, и Тобби, пес из кукольного театра. Друзья любили поболтать и рассказывали уйму веселых историй из жизни цирка.

— Собаки как и люди, — иногда повторял доктор. — У каждой своя душа и свой нрав.

Он даже написал книгу о собаках, их привычках и пристрастиях. Но люди ученые прочли ее и сказали: «Пфе! Такую чушь собачью мог написать лишь человек не в своем уме». Но они говорили так потому, что ничего не смыслили в собаках. А доктор был совершенно прав.

Вот так и друзья — Скок и Тобби — ничем не походили друг на друга. Скок, обычная лохматая дворняга, был очень веселым и любил пошутить. Отчасти, наверное, причиной было то, что он еще щенком попал к клоуну и помогал ему смешить людей. А может быть, он и родился таким смешливым.

— К чему унывать! — повторял он. — Я был слепым щенком, когда увидел, что нельзя ничего принимать слишком близко к сердцу.

Скок понимал шутки и весело смеялся, даже когда подтрунивали над ним.

Знакомство с неунывающим псом навело доктора на мысль издать для зверей веселую газету. И когда Джон Дулиттл снова возвратился в Паддлеби, он первым делом выпустил для крыс и мышей «Подвальный вестник» и «Юмор подземелья» — веселые газеты со смешными рисунками.

Тобби, пес из кукольного театра — маленький белый пудель, был рассудительным и немножко нахальным. Он всегда добивался того, чего хотел.

Маленьким собакам, с которыми никто не хочет считаться из-за их маленького роста, приходится вести себя очень смело, чтобы хоть как-то заставить уважать себя. Вот так и Тобби. Когда он впервые пришел в гости к доктору Дулиттлу, то первым делом запрыгнул на постель и не слез с нее, как ни бранила его Крякки.

— Доктор не обидится, — отвечал он утке. — Ну что плохого в том, если маленькая собачка немного понежится на такой большой постели?

Доктор действительно не обиделся, и с тех пор Тобби, приходя в гости, устраивался в углу кровати.

И Тобби и Скок гордились дружбой с Джоном Дулиттлом, знаменитым звериным доктором.

Однажды вечером цирк встал на ночлег на краю поля. Неподалеку виднелось большое и богатое крестьянское подворье.

— Схожу-ка я туда, — сказал поросенок, — посмотрю, нет ли у них свинарника. Смерть как хочется узнать свинячьи новости и похрюкать о том о сем.

Поросенок убежал, остальные разожгли костер и повесили над ним котелок с водой. Тут как тут явились Тобби и Скок.

— Вы слышали, господин доктор? — спросил Тобби.

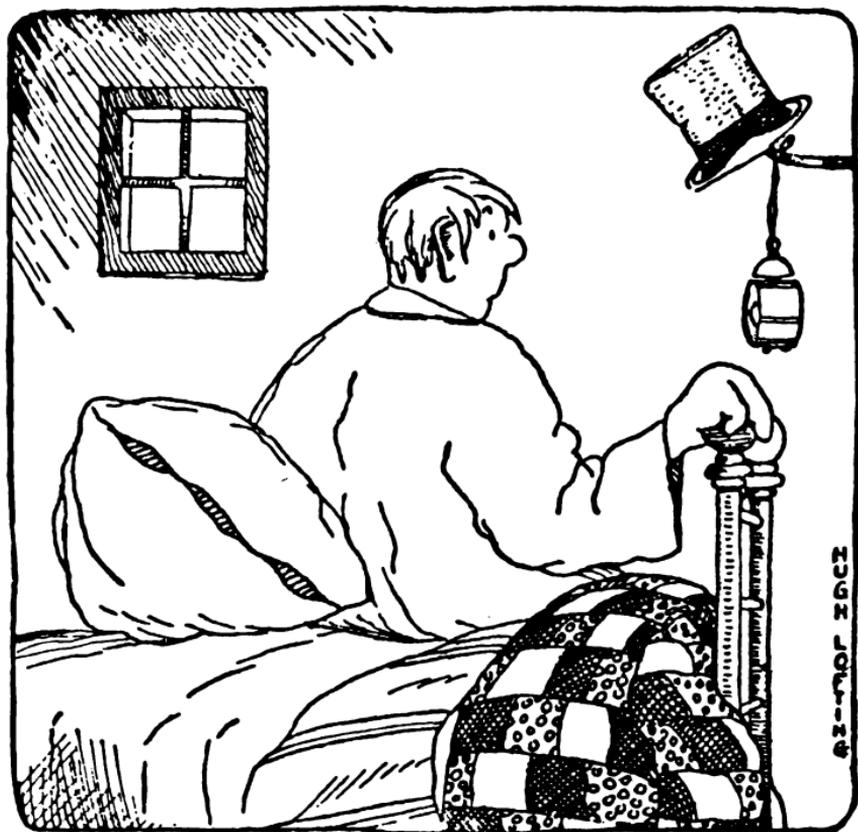
— А что я должен был слышать? — ответил вопросом на вопрос доктор. — Что-то случилось?

— К нам возвращается Софи.

— А кто такая Софи? — снова спросил доктор, подсаживаясь поближе к огню. Ночи уже были холодными, и у доктора зябла спина.

— Тюлениха, она жонглирует мячиками и выделяет всякие трюки в воде. Она выступала у нас раньше, но потом заболела, и хозяин увез ее на лечение. Теперь Софи здорова и присоединится к нам вместе с хозяином в Ашби. Она славная, но иногда любит всплакнуть. Вы с ней подружитесь.

В среду к вечеру цирк прибыл в Ашби, а на следующее утро уже должен был открыть двери для публики. Всю ночь на площади кипела работа. При свете фонарей циркачи ставили шатры, сколачивали помосты, посыпали землю вокруг главного балагана зелеными сосновыми иголками. Даже когда загон для тьяни-толкая был готов и семейка доктора отправилась в постель, никто из них не

мог уснуть — вокруг стучали, гремели, пилили, коло-
тили.

А когда над крышами Ашби забрезжил рассвет, на
площади стоял воздвигнутый за одну ночь целый цирко-
вой городок.

Утром доктор встал с постели разбитый и ничуть не
отдохнувший. «Похоже, жизнь в цирке не так уж и легка,
как может показаться со стороны», — подумал он.

После завтрака Джон Дулиттл попросил Мэтьюза
присмотреть за тяни-толкаем, а сам пошел знакомиться
с Софи.

Глава 6

ТЮЛЕНИХА С АЛЯСКИ

Дважды в день Софи выступала на больших представ-
лениях в главном балагане, между акробатами братьями
Пинто и говорящим конем. В остальное время на нее
можно было полюбоваться в бассейне, со всех сторон об-
несенном глухой оградой и защищенном от палящих луч-
ей солнца большим навесом. За три пенни тюлениха
ныряла в воду и ловко подхватывала брошенную ей рыбу.

Хозяин Софи сидел на ступеньках у входа и завтракал
сваренными вкрутую яйцами. Доктор вошел внутрь и по-
неволе залюбовался тюленихой. В ней было не меньше
пяти футов, ее гладкая шерсть блестела. Она грациозно
плавала у края воды.

Доктор обратился к ней по-тюленьи, и Софи вдруг
разрыдалась.

— Что с тобой? — спросил обеспокоенный доктор.

Софи заливалась слезами и не отвечала.

— Не плачь, — мягко попросил ее доктор.

Но Софи расплакалась пуще прежнего.

— Ну-ка вытри слезы, — строго сказал Джон Ду-
литтл. — Стыдись, ты ведь уже не маленькая. А может
быть, ты еще больна?

— Нет, я давно здорова, — наконец-то ответила Софи
и смахнула широкими лапами слезы с глаз. — Ничего

страшного со мною не случилось. Разболелся живот от туллой рыбы, да и только.

— Почему же ты плачешь? — удивился доктор.

— От радости, — ответила тюлениха. — Вы единственный человек, который может мне помочь. Я много слышала о вас, читала ваш «Арктический вестник» и даже послала вам статью о подводном плавании. Помните? Вы напечатали ее в майском номере.

— Помню, как же, помню, — сказал доктор. — Только зачем плакать?

— Ах, — воскликнула Софи и снова всхлинула. — Как же мне не радоваться! Я даже забыла о собственных несчастьях! По чести говоря, я сначала приняла вас за обитого зеваку, но когда вы обратились ко мне по-тюленьи, я сразу догадалась, что вы — знаменитый Джон Дулиттл. Я ведь только сегодня думала, как бы мне с вами встретиться, а тут вы... — И она снова заплакала.

— Успокойся и расскажи мне по порядку, какие несчастья на тебя свалились, — попросил доктор.

— Дело в том... — начала было Софи и вдруг умолкла.

За дверью загрохотало жестяное ведро.

— Тсс! — прошептала доктор. — Сюда идет твой хозяин. Поныряй, покувыркайся в воде. Не надо, чтобы знали, что я понимаю язык зверей.

Вошел хозяин тюленихи с ведром, шваброй и тряпкой и принялся мыть дощатый настил. На Джона Дулиттла он не обратил никакого внимания — ну что примечательного в невысоком толстеньком человечке со сдвинутым на затылок потертым цилиндром?

Закончив уборку, хозяин снова ушел, и Софи тут же подплыла к доктору и принялась рассказывать:

— Цирк давал представления в Хатли, когда я вдруг расхворалась. Что было делать? Цирк уехал дальше, а мы с хозяином остались. В Хатли есть свой зоопарк, и там в бассейне живут морские котики, тюлени и выдры. Мой хозяин — его зовут Хиггинс — уговорил смотрителя пустить меня туда, он думал, что я страдаю от одиночества и быстрее поправлюсь в компании сородичей. В зоопарке была одна молодая тюлениха, тоже родом с Аляски. Ее поймали совсем недавно, и от нее я узнала плохие новости. Бедный Тофти! Несчастный!

— Кто такой Тофти и почему он бедный и несчастный?

— Мой муж, — объяснила Софи. — С тех пор как меня поймали, он горюет день и ночь и ничего не ест. Он похудел, ослаб, а ведь раньше ему не было равных в стаде и он даже был вожаком. Эта молодая глупая вертихвостка сказала, что ему уже осталось недолго жить. — И Софи снова расплакалась. — Он был такой большой, такой сильный, — продолжала она сквозь слезы. — Никто в стаде не смел послушаться его, а без меня он становился беспомощным, словно маленький тюлененок. Он всегда спрашивал моего совета. А теперь, когда меня нет рядом... Я ведь даже не знаю, жив ли он... Это ужасно!

— Ну-ну, не плачь, — сказал доктор, — попробуем что-нибудь придумать.

— Я должна вернуться к моему Тофти, — всхлипнула Софи, приподнялась на ластах и высунулась из воды. — Я надеялась, что в Хатли мне удастся убежать, но там такие крепкие решетки.

— И как же ты доберешься до Аляски? — задумчиво проворчал доктор. — Путь туда ой какой неблизкий!

— По суше мне туда, конечно, не добраться, — ответила Софи. — Но по морю я вмиг доплыву до Аляски. — И она, желая убедить доктора, так ударила хвостом по воде, что фонтан брызг окатил его с ног до головы.

— Да-да, я вижу, плаваешь ты как рыба, — согласился доктор, отряхиваясь.

— Фи, доктор! — обиженно фыркнула Софи. — Мы, тюлени, плаваем лучше рыб!

— Пусть даже так, — не стал с ней спорить Джон Дулиттл, — но отсюда до моря миль сто, не меньше.

— Что же мне делать? — вздохнула Софи. — Ах, ну же! никто мне не сможет помочь?

— Да, перевезти тебя к морю — дело непростое, — сказал доктор. — Здесь надо пораскинуть мозгами. Может быть, мне удастся уговорить Хиггинса отпустить тебя или, на худой конец, он согласится взять выкуп? А тем временем я пошлю на Аляску чайку, пусть она разузнает там, как поживает Тофти, а потом вернется и все тебе расскажет. Не горюй, Софи, все будет хорошо. Тссс! Сюда идут посетители. Покажи им, на что ты способна.

И в самом деле, к бассейну подошла учительница с детьми. За ними семенил Хиггинс. Маленький толстячок в потертом цилиндре поклонился хозяину Софи, улыбнулся сам себе и направился к выходу. За его спиной послышался плеск воды и веселый детский смех.

А Хиггинс подумал, что Софи, наверное, уже совсем выдоровела, потому что никогда она не кувыркалась в воде так весело и не показывала так много трюков.

Глава 7

ГОНЕЦ С СЕВЕРА

Поздним вечером Джон Дулиттл вместе с совой Бу-Бу снова навестил Софи.

— Позволь тебе представить Бу-Бу, — сказал он тюленихе, когда они подошли к краю бассейна. — Она давняя моя приятельница и одна из самых мудрых птиц, которых я знаю. А уж в арифметике ей нет равных. Прошу тебя, расскажи поподробнее, где на Аляске искать твоего мужа Тофти. Сова слетает к морю и оттуда пошлет на Аляску чайку.

Сова устроилась на краю бассейна, и Софи подробно описала ей морской залив, где следовало искать Тофти и его стадо.

— Передайте ему, — добавила Софи, — чтобы не тосковал и не убивался, я непременно вернусь. И пусть поосторожнее охотится на морских ежей — они такие колючие!

Сова внимательно выслушала тюлениху и сказала:

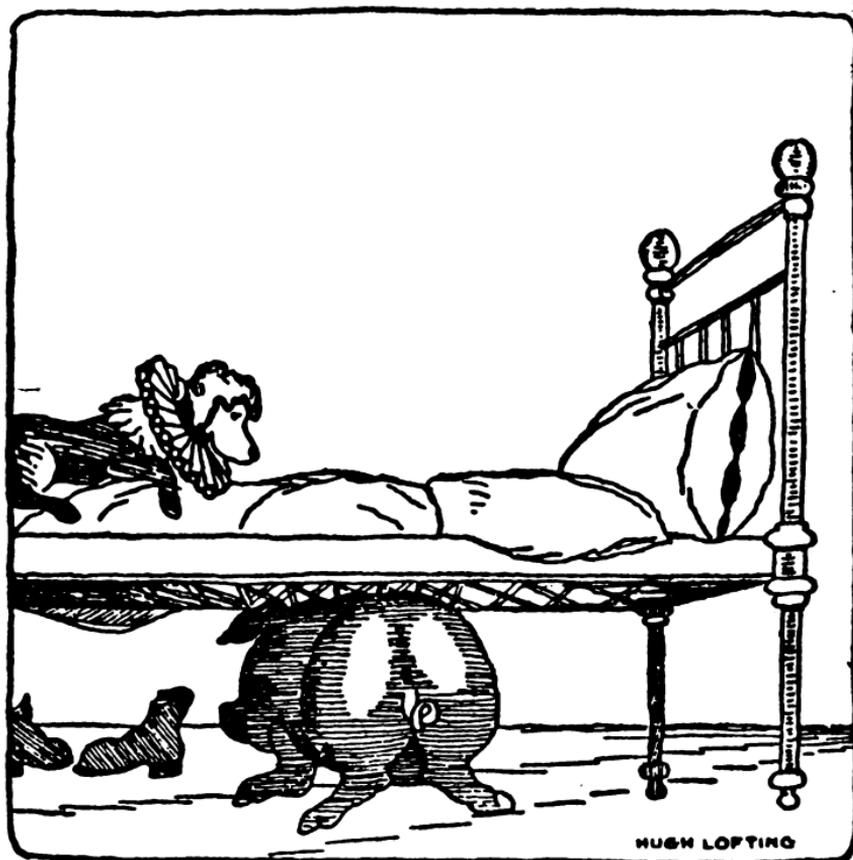
— Решено, доктор, я лечу в Бристоль и выберу среди чаек кого-нибудь из ваших знакомых, чтобы она ради дружбы с вами не поленилась слетать на Аляску и назад в Англию. И не забудьте оставить открытым окно в фургоне, иначе я не попаду домой, а раньше двух ночи мне никак не успеть обратно.

Сова взмахнула крыльями и бесшумно вылетела в открытую дверь, а доктор вернулся в фургон и сел за рабо-

ту. Еще днем, когда он смотрел, как кувыркается и плещется в воде Софи, ему пришла в голову мысль написать книгу о том, как звери плавают. Он весь ушел в работу и уже написал главу «По-собачьи» и приступил к главе «По-тюленьи», когда в окно влетела сова и села на краешек стола.

— Доктор, — сказала она тихонько, чтобы никого не разбудить, — я нашла в Бристоле не одну дюжину чаек, которые согласились лететь на Аляску по вашему поручению. Я выбрала из них самую сильную, но даже она не вернется раньше, чем через пять дней. Поэтому в пятницу мне снова придется слетать в Бристоль.

Следующим утром Джон Дулиттл передал Софи, что уже послал гонца на север, на Аляску. Тюлениха очень обрадовалась. Все звери с нетерпением ждали, какие вести принесет чайка.

В четверг, когда до возвращения чайки оставался еще один день, все собрались вокруг стола в фургоне доктора и слушали рассказ Тобби о лесных разбойниках и бродячих музыкантах. И в ту минуту, когда Тобби умолк, чтобы перевести дух, в окошко постучали.

— Ой! — взвизгнул Хрюкки. — Разбойники! — И трусишка шмыгнул под кровать.

Джон Дулиттл встал, отдернул занавеску и открыл окно. Снаружи сидела нахохлившаяся и едва живая от усталости чайка. Все молча смотрели на нее и ждали, что же она скажет.

— Доктор, — наконец произнесла чайка, — я принесла неутешительные новости, поэтому не стала дожидаться Бу-Бу в Бристолле, а напрямиком полетела сюда. В стаде Софи дела идут из рук вон плохо. Тофти ничего не делает, лежит на льдине и плачет, поэтому тюлени выбрали себе нового вожака, но толку от него было немного. Они выбрали второго, потом третьего... В этом году зима пришла на Аляску очень рано, море замерзло раньше обычного, метет пурга. Я сама чуть было не превратилась в ледышку, а уж кто-кто, а мы, чайки, к холоду привычны. В такую плохую погоду без сильного и умного вожака тюлениям придется туго. Некому будет вывести их в рыбные места, некому будет укрыть их от бури. Боюсь, что эту зиму стадо не переживет. И пока тюлени ссорятся из-за того, кому быть вожаком, киты и моржи отгоняют их от косяков рыбы, а эскимосы бьют их гарпунами. И все потому, что люди поймали Софи, а Тофти только и делает, что плачет по любимой жене.

Чайка умолкла, в фургоне воцарилась тишина.

— Тобби, — задумчиво спросил Джон Дулиттл, — кто хозяин Софи — Блоссом или Хиггинс?

— Хиггинс, — ответил маленький пудель. — Софи принадлежит Хиггинсу, точно так же как тяни-толкая — вам.

— И вовсе не так, — возразил доктор. — Я не ловил тяни-толкая, и я не держу его в клетке. Он сам согласился поехать со мной, а Софи держат здесь против ее воли. — Он покраснел от гнева и возмущенно запыхтел: — Как же им не стыдно! Охотятся в Ледовитом океане, ловят всех зверей без разбору! Пусть бы звери жили себе мирно своими семьями и стадами. Когда же люди одумаются?

Доктор Дулиттл умолк, а потом вдруг спросил у Тобби:

— Интересно, сколько может стоить цирковой тюлень?

— Мне довелось слышать, — ответил Тобби, — что Хиггинс купил Софи в Ливерпуле за четыреста шиллингов. По дороге в Англию на корабле матросы уже успели обучить ее всяким трюкам.

— Ты не помнишь, сколько у нас в копилке денег, Бу-Бу? — спросил доктор.

— За прошлую неделю мы заработали сорок семь шиллингов, — без запинки ответила сова. — Три пенса вы потратили на парикмахера, а на шиллинг купили для Хрюкки большой пучок сельдерея.

— И сколько же у нас осталось?

Бу-Бу склонила голову набок и закрыла левый глаз. Она всегда так делала, когда ей приходилось считать в уме.

— Сорок семь шиллингов, — тихо шептала она, — отнять один шиллинг и три пенса... Это будет... Это будет... сорок пять шиллингов и девять пенсов. Вот и все, что у нас есть.

— Маловато... — протянул доктор, — на эти деньги нам не выкупить и четверть Софи. Где бы взять займы? Вот если бы я не бросил лечить людей, то мог бы занимать деньги у пациентов.

— Что-то я не припомню, чтобы пациенты давали вам в долг, — крикнула утка, — они чаще сами брали у вас займы. И обычно не спешили возвращать деньги.

— Хиггинс все равно не продаст вам Софи, — вставил Тобби. — Он подписал бумагу, что будет выступать в цирке у Блоссоба целый год.

— Это значит, что у нас остается один-единственный выход, — решительно произнес доктор. — Софи родилась свободной и не может быть собственностью кого бы то ни было. Если она хочет возвратиться в родной Ледовитый океан, никто не смеет мешать ей. Мы обязаны ей помочь.

В тот вечер, прежде чем звери легли спать, Джон Дулиттл заставил их поклясться, что никто из них не передаст Софи плохие новости, которые принесла чайка с

Алиски. Он не хотел зря волновать тюлениху, тем более что сама она ничего поделывать не могла. Прежде всего следовало придумать, как выкрасть Софи и переправить ее к морю.

Доктор пошел посоветоваться к Мэтьюзу Маггу.

— Вы с ума сошли! — воскликнул тот, едва понял, о чем толкует ему доктор. — Если вас поймают, вы окажетесь за решеткой. На ваш взгляд, помочь бежать тюленихе — благородное дело, а на взгляд судьи — кража.

— Пусть судья думает что угодно, — ответил доктор. От волнения и задора он сжимал и разжимал кулаки. — Пусть меня поймают, пусть посадят в тюрьму! Я скажу им на суде, что у животных те же права, что и у людей.

— Да кто станет вас слушать, доктор! — ответил Мэтьюз. — Все подумают, что вы не в своем уме. Как пить дать Хиггинс выиграет дело. Шутка сказать — право собственности! Я сам в душе за вас, да что толку! Суд заставит вас выплатить Хиггинсу четыреста шиллингов, а если у вас не окажется денег, упрячут в тюрьму.

— Если моя затея вам не по вкусу, откажитесь — и все тут. Я готов пойти на все, лишь бы спасти Софи и ее стадо. Конечно, дело это трудное, и можно нажить много хлопот, но меня не пугает даже тюрьма. Она для меня не новость, один раз я там уже побывал.

— А я уже не раз, — вдруг признался Мэтьюз Магг. — А вам не приходилось сидеть в исправительной тюрьме в Кардиффе? Вот уж дыра так дыра. Хуже тюрьмы я не встречал.

— Нет, — ответил доктор. — Я не имел удовольствия сидеть в Кардиффе. Мне довелось сидеть в одной африканской тюрьме, но и она, по чести говоря, мне очень и очень не понравилась. Однако давайте вернемся к нашим тюленям. То, что я вам предлагаю, действительно... гм!.. не совсем законно, и если вы сомневаетесь, то лучше вам отказаться.

— Отказаться? Ну уж нет! — воскликнул «кошачий кормилец» и сплюнул себе под ноги. — Конечно, я с вами, господин доктор! Растяпа Хиггинс не имеет права держать тюлениху взаперти. Свободу Софи! Ну и что из того, что он выложил за нее четыреста монет? Это его беда, а нам-то какое дело! Разве я не говорил вам, что у ме-

ня с детства тяга к приключениям? Я проделывал и кое-что похуже. Неужели я вам не рассказывал, за что меня унесли в тюрьму в Кардиффе?

— Вероятно, за какой-нибудь пустяк, — сказал доктор. — Все мы в юности совершаем ошибки.

— Я бы не назвал это пустяком, — не на шутку разошелся Мэтьюз.

И он хотел уже было рассказать Джону Дулиттлу всю свою жизнь, но тот не дал ему открыть рот.

— Не сейчас, Мэтьюз, — твердо сказал он. — У нас нет времени на пустые разговоры, надо обдумать план побега. Завтра я скажу Блоссому, что уезжаю на несколько дней по личным делам. В общем-то, это будет правдой, потому что помочь Софи — это мое личное дело. А уеду я для того, чтобы Блоссом ничего не заподозрил, ни о чем не догадался — было бы весьма подозрительно, если бы мы исчезли вдвоем в одну и ту же ночь. Поэтому я уеду, а вы останетесь с моими зверями. И вот тут, через день, а лучше через два исчезнет Софи.

— Вроде тоже уедет по личным делам. Но навсегда, — хихикнул Мэтьюз. — Значит, я должен буду выпустить ее из бассейна?

— Если вы ничего не имеете против, — сказал доктор.

— Против? Я? — вскричал Мэтьюз Магг. — Да я бы с удовольствием отпустил на свободу всех цирковых зверей!

— Вот и хорошо, — обрадовался Джон Дулиттл. — Когда Софи убежит из цирка, я встречу с ней в условленном месте, а потом...

— А потом и начнутся ваши главные хлопоты, — улыбнулся «кошачий кормилец».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

ПОДГОТОВКА К ПОБЕГУ

Подготовка к побегу Софи держалась в строгой тайне от людей, работавших у Блоссомы. Но цирковые звери узнали о ней на следующее же утро. О'Скалли, Хрюкки, Бу-Бу, Тобби и Скок не утерпели и рассказали все своим друзьям. Конечно, большой беды в том не было, потому что никто из людей не говорил по-звериному.

Когда встало солнце, Джон Дулиттл первым делом пошел к господину Блоссому сказать, что вынужден уехать на несколько дней по личным делам. Вернувшись от хозяина цирка, он застал всех своих зверей сидящими в кружок в фургоне. Для пущей таинственности звери разговаривали шепотом. Мэтьюз Магг пристроился на ступеньках.

— Ну как, доктор? — спросил Мэтьюз. — Что вам сказал господин Блоссом?

— Он согласен, — ответил доктор. — Я уезжаю сегодня же вечером. По правде говоря, мне ужасно неловко. Ведь я обману его. Мне все эти уловки не по душе, было бы намного лучше действовать открыто, а не по-воровски.

— Может быть, и лучше, да только не видать тогда Софи свободы как собственных ушей, — возразил Мэтьюз. — Что до меня, то совесть меня не мучает. Ни капельки.

— Господин доктор, — вмешался О'Скалли, — все цирковые звери сгорают от любопытства и спрашивают, могут ли чем-нибудь помочь. Когда Софи должна бежать?

— Послезавтра ночью, — ответил Джон Дулиттл. — Когда цирк закроют, Мэтьюз потихоньку отопрет дверь в

ее загоне. Смотрите в оба, Мэтьюз, не дай Бог, кто-нибудь заметит, как вы возитесь с замком. Вас обвинят невесть в чем — хлопот не оберемся.

— Уж вы положитесь на меня, доктор. — И Мэтьюз гордо поднял голову и ударил себя кулаком в грудь. — Руки у меня ловкие и к замкам привычные, ни один не устоит.

— Господи, я просто сгораю от стыда, — признался доктор.

— Не вижу ничего плохого в том, что мы освободим Софи, — ничуть не смутился Мэтьюз.

— Это будет лучший цирковой фокус из всех, какие я только видел, — сказал Скок. Он встал на задние лапы и поклонился воображаемой публике. — Дамы и господа! А сейчас знаменитый чародей Джон Дулиттл, непревзойденный маг и волшебник, покажет вам фокус-покус-злых-хозяев-надувокус! Живая тюлениха исчезает на ваших глазах!

— Конечно, вы правы, — вздохнул доктор. — Я ведь не ищу выгоды в обмане. Кто дал им право держать Софи взаперти? Вот бы их заставить плавать в грязной воде и для увеселения зевак ловить полудохлую рыбу!

— Бр-р-р! Какая мерзость! — передернул плечами Мэтьюз. — Я никогда не любил ни воду, ни рыб!

— Я уже рассказал все Софи. Вы откроете ей дверь в загоне и задние ворота цирка, — наставлял друзей доктор. — Софи переползет через улицу, а там, в доме напротив, я буду ждать ее. Дай Бог, чтобы у нас все сошло гладко, от этого зависит судьба не только Софи, но и всех тюленей на Аляске.

— А дальше? — спросил Мэтьюз.

— Сейчас главное — вывести бедняжку из цирка. А дальше мы с ней уж как-нибудь доберемся до моря. Конечно, путь туда неблизкий, к тому же нам придется скрываться. Однако будем надеяться на лучшее.

Звери наперебой просили доктора взять их с собой, особенно старался О'Скалли — он поскуливал и вилял хвостом. Но доктор был неумолим.

— Нет-нет, — говорил он. — Если мы все исчезнем в один день, хозяин заподозрит неладное.

В тот же вечер доктор отправился в путь «по личным

делам». Перед отъездом он разделил деньги, одну половину взял себе, а вторую оставил Мэтьюзу Маггу, чтобы тот мог побаловать Хрюкки сладкой репкой, а О'Скалли — ломтиком колбасы, да и остальные звери были не прочь время от времени полакомиться чем-нибудь вкусеньким.

Железные дороги в те времена были редкостью, поэтому доктор сел в почтовую карету и отправился в ближайший городишко. Там он снял номер в гостинице и провел в нем два дня. На третий день, когда стемнело, он тайком вернулся в Ашби, где стоял цирк, и по темным пустынным улицам добрался до того дома, куда должна была приползти Софи.

Звери доктора с нетерпением ждали назначенного часа. Все волновались, а О'Скалли ну просто не находил себе места.

— Успокойся, — одернула его Крякки, — возьми себя в лапы. Ты же знаешь, что доктор всегда добивается своего.

И вот последний посетитель ушел из цирка. Ворота заперли, артисты разошлись по своим фургонам. Бу-Бу уселась на крыше зверинца и вертела головой по сторонам. Она уже условилась со слоном и другими животными, что если кто-то из людей заметит побег, то они по ее сигналу поднимут шум. Хрюкки устроился около фургона Блоссомы и не спускал глаз с двери.

Взошла полная луна, и, хотя все фонари в цирке погасли, было светло как днем. Конечно, такая ночь не очень-то подходит для побега, но что было делать? Надо было срочно спасать тюленей на Аляске.

Когда в цирке все стихло, Мэтьюз украдкой выбрался из загона тyani-толкая. Он неслышно ступал по газону и поминутно озирался. За ним следовал О'Скалли. По пути им никто не встретился, и они беспрепятственно добрались до ворот цирка. Мэтьюз оглянулся еще разок-другой и осторожно приоткрыл ворота, а потом также украдкой пошел к загону Софи. О'Скалли остался у ворот.

И тут неожиданно появился сторож с фонарем в руке. Он увидел, что ворота приоткрыты, захлопнул их и даже повернул в замке ключ. О'Скалли сделал вид, что учуял крысу, и побежал вдоль забора, но как только сторож ушел, припустил вслед за Мэтьюзом.

А дела шли все хуже и хуже. У загона с Софи сидел Хиггинс, покуривал трубку и смотрел на круглую, как шар, луну. Мэтьюзу ничего не оставалось, как спрятаться в кустах и ждать, пока хозяин тюленихи не отправится спать.

Но, как видно, Хиггинсу спать не хотелось. К тому же к нему подошел цирковой сторож, присел рядом на ступеньках, и они принялись мирно беседовать. Тем временем О'Скалли нашел по следам Мэтьюза, спрятавшегося в кустах, и попытался и так и эдак объяснить ему, что ворота закрыты на ключ.

Но Мэтьюз не понимал ни слова по-собачьи и только почесывал пса за ухом и приговаривал:

— Погоди, О'Скалли, погоди.

А Джон Дулиттл прятался в доме напротив и то и дело с недоумением поглядывал на часы. Время шло, а Софи все не появлялась.

В конце концов терпение Мэтьюза Магга лопнуло, он потихоньку вылез из кустов и пошел к себе. Его жена сидела в фургоне и вязала шерстяной чулок.

— Теодора! — позвал ее Мэтьюз через окошко.

— Господи! — воскликнула от неожиданности госпожа Магг и выронила рукоделье. — Как ты меня напугал! Что там? Софи убежала?

— Куда там! — сокрушенно ответил Мэтьюз. — Хиггинс со сторожем уселись на ступеньках и беседуют. И что им не спится? Постарайся выманить их оттуда, иначе они не уйдут до утра и тогда все пропало.

— Так и быть, — согласилась Теодора. — Я приглашу их на чашечку кофе. Погоди, я только накину шаль.

Госпожа Магг, милая и веселая толстушка, готова была пойти на все, лишь бы помочь доктору.

— Не хотите ли глоточек свежего кофе? — обратилась она к хозяину Софи и сторожу. — Прошу в наш фургон, посидим поболтаем, а там, глядишь, и мой Мэтьюз придет, составит нам компанию.

Хиггинс со сторожем охотно приняли приглашение, и все трое исчезли в фургоне. Не теряя времени, Мэтьюз бросился к двери загона и ловко открыл запертую дверь. Софи поклонилась ему в знак благодарности и заковыляла на своих коротеньких ластах к выходу.

О'Скалли прыгал вокруг «кошачьего кормильца», поскуливал, вилял хвостом, но тот подумал, что пес радуется удачному освобождению Софи, и преспокойно отправился в свой фургон пить кофе с Хиггинсом и сторожем, которых, как ему казалось, он так ловко облапошил. Ему ведь было невдомек, что ворота цирка закрыты на замок!

Тем временем Софи дотащилась до ограды и к своему ужасу обнаружила, что ворота заперты. Напрасно О'Скалли метался вдоль забора и выискивал в нем дыру, сквозь которую могла бы протиснуться тюлениха.

А сова Бу-Бу сидела на крыше зверинца, чутко вслушивалась и зорко вглядывалась во все, что происходило вокруг. Она бесшумно слетела и через мгновение опустилась на землю перед носом О'Скалли.

— Ради Бога, — шепнула она, — не мечись и не теряй головы, иначе ты поднимешь на ноги весь цирк. Спрячь

где-нибудь в кустах Софи. Луна светит всюду, а она разлеглась на самом видном месте словно остров Гренландия. Мэтьюз — не дурак и скоро сообразит, что с воротами не все ладно. Торопись, сюда уже кто-то идет.

И в самом деле, слышались чьи-то шаги. Сова вспорхнула и снова уселась на крыше зверинца, а О'Скалли помог тюленихе заползти на клумбу с цветами.

А Джон Дулиттл в доме напротив то и дело доставал из жилетного кармана часы, поглядывал на них и спрашивал себя:

— Что же случилось? Почему все еще нет Софи?

Так чьи же шаги слышались у ворот и от кого так поспешно пришлось прятаться Софи и О'Скалли? Конечно, это был сторож. Он выпил чашку кофе, которую ему так любезно предложила госпожа Магг, и сразу же встал из-за стола. Мэтьюз попытался было задержать его еще на несколько минут:

— Ну куда вам торопиться? Посидите с нами. Мальчишки в этом городе не озоруют, взрослые — не воруют, чего вам беспокоиться? Да и кому в голову взбредет влезть ночью в цирк? Сидите, выкурим еще по трубочке, побеседуем.

— Нет, — наотрез отказался сторож, — никак не могу. Я бы, конечно, с удовольствием, но служба есть служба. Мне за то деньги платят. Господин Блоссом строго-настрого приказал мне сторожить всю ночь. А если он узнает, что я всю ночь просидел у вас, мне здорово влетит, да и вам почесаться придется.

Вот так, несмотря на все уговоры Мэтьюза, сторож встал, взял фонарь и вышел. А Хиггинс остался и продолжал беседовать с гостеприимными хозяевами о погоде, о политике, о ценах и о всем том, что так интересно взрослым.

Не успели они выпить еще по чашечке кофе, как в фургон ввалился встревоженный сторож и закричал с порога:

— Софи исчезла!

— Как исчезла? — удивленно вытаращил глаза Хиггинс.

— Не может быть! — притворно удивился Мэтьюз Магг.

— Может, и еще как может! — не унимался сторож. — Дверь в загон открыта, а тюленихи нет!

— Господи! — вскочил со стула Хиггинс. — Я готов поклясться на Библии, что собственноручно запер дверь. Но если ворота заперты, далеко она не могла уйти.

И он опрометью выбежал вон из фургона. Мэтьюз и Теодора соорobili огорченные мины и последовали за ним.

— Проверю-ка я еще разок, заперты ли ворота, — сказал сторож и направился к выходу из цирка.

А Хиггинс с Мэтьюзом и Теодорой первым делом бросились к загону, где должна была быть Софи.

— Как странно! — продолжал притворяться Мэтьюз. — Дверь и в самом деле открыта!

— Давайте заглянем внутрь, — предложил Хиггинс. — Может быть, она спряталась на самом дне бассейна?

Он зашел в загон, склонился над темной водой и зажег спичку. Тем временем прибежал сторож.

— Ворота заперты на замок, — сказал он. — Значит, она где-то здесь.

Только теперь Мэтьюз Магг заподозрил неладное, вспомнил, как тревожно метался вокруг него О'Скалли, шепнул что-то на ухо жене и выскользнул за дверь. Сторож осветил бассейн фонарем.

— Ее нет под водой! — кричал Хиггинс. — Ее украли!

И он со сторожем уже собрались было броситься на поиски беглянки, как госпожа Магг вдруг воскликнула:

— Стойте! А это что такое?

— Где? Что? — повернул назад Хиггинс.

— Вон там, внизу, — сказала Теодора и ткнула рукой в глубь бассейна. — Там что-то шевелится. Посветите фонарем.

Сторож и Хиггинс встали у самого края и наклонились. По грязной, мутной воде бежали тени от фонаря.

— Ничего не понять, — задумчиво протянул сторож. — То ли есть там кто, то ли нет никого...

— Ай, мне плохо! — завизжала вдруг госпожа Магг. — Держите меня, я падаю!

И с этими словами она и вправду покачнулась и упала... на склонившихся над водой Хиггинса и сторожа.

Плюх! Плюх! Во все стороны фонтаном полетели

брызги. Все: и Хиггинс, и сторож, и их фонарь оказались в воде, — все, кроме Теодоры. Веселая толстушка стояла на краю бассейна и с трудом сдерживала смех...

Глава 2

БЕЗУМНАЯ НОЧЬ В ЦИРКЕ

Как жаль, что там, возле бассейна, не было зрителей! Только белая мышь единственная видела, как госпожа Магт ухитрилась сбросить в воду Хиггинса и сторожа. Потом она еще долго потешала своих друзей рассказом о том, как ловко Теодора провела Хиггинса и сторожа, как кувыркнулся в воздухе хозяин тюленихи, как сторож вынырнул и с выпученными глазами заорал:

— На помощь! Спасите, тону!

Вот так началась та безумная ночь. Это была ночь трюков, фокусов, чудес и веселых проделок. Представление началось падением Хиггинса и сторожа, а затем продолжалось еще добрых полчаса и в конце концов подняло на ноги всех жителей Ашби.

Вопли сторожа разбудили циркачей. Первым из своего фургона выскочил сам господин Блоссом. Но споткнулся о невесть откуда взявшегося поросенка и растянулся на земле. Хозяин цирка тут же вскочил и бросился на крики, летевшие из загона Софи, но снова упал. Странный поросенок путался у него под ногами и не давал бежать.

Вслед за Блоссомом выбежала заклинательница змей принцесса Фатима. В одной руке она держала зажженную свечу, в другой — молоток. Не успела она сделать и двух шагов, как мимо нее пролетела утка, хлопнула крыльями, и огонь погас. Принцесса Фатима поспешно вернулась в свой фургон, снова зажгла свечу, но едва она вышла наружу, как с неба на нее бросилась та же утка и снова погасила огонь.

А потом появилась госпожа Блоссом. Тут же навстречу ей затрусила старушка Бетти, чтобы, как всегда, вы-

просить у нее кусочек сахара. Но встревоженная криками хозяйка только отмахнулась от лошади:

— Не до тебя сейчас!

Старушка Бетти покорно опустила голову и пошла прочь, но при этом удивительно нескладно наступила копытом госпоже Блоссом на мозоль. Та взвизгнула от боли и заковыляла назад в фургон.

И все же как ни старались звери, Хиггинса и сторожа вытащили из воды. Слава Богу, тем временем Мэтьюз Магг открыл ворота цирка. Но Софи, которой О'Скалли строго-настрого наказал сидеть на клумбе среди цветов, не спешила покинуть свое укрытие — во дворе цирка бегали встревоженные артисты, повсюду мигали фонари, слышались голоса.

— Что? Что случилось? — спрашивал кто-то.

— Это ужасно! — отвечали ему. — Воры! Разбойники! Они зарезали господина Блоссом.

На самом деле никто не зарезал господина Блоссом. В ту минуту он в седьмой раз споткнулся о поросенка и в седьмой раз растянулся на земле. Не зная, что делать, он сел, обхватил голову руками и зарычал, как раненый зверь.

С Хиггинса потоками текла вода. От него за милю разлило тухлой рыбой, но ему было не до этого. Пропала его Софи! Конечно, она не могла уйти далеко! И он бросился с фонарем в руке искать следы тюленихи.

И он действительно их нашел. На мягкой земле отчетливо виднелись отпечатки лап. Тут же прибежали другие артисты. Целая дюжина людей с фонарями в руках пошла по следу одной-единственной тюленихи.

К счастью, в ту ночь уже столько ног пробежало по двору цирка, что идти по следу было не так-то просто. И все же погоня неумолимо, хотя и медленно, шаг за шагом приближалась к клумбе, где среди цветов с замирающим от страха сердцем лежала несчастная супруга вожака тюленьего стада.

Джон Дулиттл слышал крики и шум, доносившиеся из цирка, и понимал, что побег Софи обнаружен и что теперь надежды на ее спасение не осталось.

О'Скалли сидел возле бедняжки тюленихи и не знал, что делать. Ну что мог он, обыкновенный пес, против дюжины циркачей!

А что же делала Бу-Бу, сидевшая на крыше зверинца? Глазом опытного, поседевшего в сражениях генерала она спокойно взирала сверху на суету во дворе цирка. Она выжидала, когда все циркачи выскочат из своих фургонов и присоединятся к погоне. Она боялась, что кто-нибудь появится неожиданно во дворе и помешает ей осуществить замечательный план.

— Один, два, три... семь... десять... двенадцать... похоже, все, — бормотала сова.

И тогда она подлетела к окошку зверинца и крикнула:

— Пора!

По ее сигналу звери подняли такой шум, что волосы встали дыбом. Лев рычал, слон трубил, гиена выла, буйвол ревел... Казалось, что звери перессорились и передрались.

Идущие по следу тюленихи артисты цирка остановились как по команде.

— Что там случилось? Какая муха их укусила? — спросил господин Блоссом.

— Похоже, слон сорвался с привязи, — сказал сторож.

— Слон сорвался с привязи? — воскликнул Блоссом. — Так что же мы здесь делаем? Это Софи! Это Софи пробралась в зверинец и напугала слона!

Он выхватил из чьих-то рук фонарь и помчался туда, где в темноте ревели звери.

— Туда! — еще громче зверей заорали циркачи и помчались вслед за Блоссомом.

Только Мэтьюз Магг остался на прежнем месте. Он остался у ворот и притворился, что у него развязался шнурок. Только теперь он заметил, как О'Скалли словно из-под земли появился на клумбе и залаял.

— Беги! — кричал он Софи. — Плыви, лети, делай что хочешь, только выбирайся поскорее за ограду!

Подпрыгивая и хлопая ластами, Софи ползла по дорожке, а пес бежал рядом с ней и поторапливал.

Мэтьюз приоткрыл ворота, тюлениха переползла улицу и исчезла в темной двери необитаемого дома напротив. «Кошачий кормилец» закрыл ворота на замок и принялся заматывать следы беглянки.

— Ну вот и все! — вздохнул он с облегчением и вытер пот со лба. — А я еще хвастался, что проделывал штучки

потруднее, что помочь бежать тюленихе для меня раз плюнуть!

И тут в ворота кто-то постучал. Стук был настойчивым и требовательным. Дрожащими руками Мэтьюз открыл ворота — перед ним стоял полицейский. Сердце замерло у Мэтьюза в груди. Оно всегда замирало при появлении полицейских, которых он на дух не переносил.

— Я ничего не сделал, — скороговоркой выпалил он. — Я...

— Почему у вас шум ночью? — перебил его полицейский. — Вы подняли на ноги весь город. Одни говорят, что сбежал лев, другие — что наступил конец света.

— Нет, — успокоил Мэтьюз, — просто у нас слон расшалился, сейчас мы его утихомирим. Ничего страшного.

— Ну, это другое дело, — обрадовался полицейский. Ему вовсе не хотелось встретиться на пустынной улице с разгуливающим львом. — Действительно, ничего страшного. Доброй ночи. — И он ушел.

— Доброй и вам ночи. Кланяйтесь от меня господину главному полицмейстеру! — крикнул ему вслед Мэтьюз и запер ворота.

А Джон Дулиттл наконец-то услышал шаги, вернее не шаги, а странный звук, словно кто-то хлестал мокрым бельем по булыжной мостовой. Это Софи шлепала ластами.

— Ну слава Богу! — прошептал доктор. — Что случилось? Почему ты так задержалась?

— Всему виной ворота, — ответила, отдуваясь, Софи. — Они не вовремя открывались и не вовремя закрывались. Но не лучше ли нам поскорее выбраться из города? Мне кажется, здесь небезопасно.

— Сейчас нам лучше остаться здесь, — сказал доктор. — Ты переполошила весь город, и если нас увидят, то сразу же донесут в полицию. Где бы нам спрятаться и переждать?

Джон Дулиттл свернул в ближайший переулок и осмотрелся. Там стоял заброшенный дом с садом, обнесенный высокой кирпичной оградой.

— Вот если бы ты сумела перебраться через ограду, — рассуждал вслух доктор, — то мы могли бы спрятаться там, пока не уляжется суматоха в городе. Как же мне тебя туда переправить?

— Нужна лестница, — вдруг сказала Софи. — Лестница, и ничего больше. В цирке меня заставляли лазить по ней вверх и вниз, а публика смеялась. Не понимаю, что тут смешного?

— Ложись вот здесь в тень, чтобы тебя не заметили, и жди меня. Где сад, там и фрукты, а фрукты обычно собирают с лестницы.

Доктор подпрыгнул, ухватился руками за край ограды, вскарабкался наверх, а затем спрыгнул в клумбу с цветами.

В глубине сада стоял небольшой сарай. Доктор открыл дверь и попытался на ощупь найти в темноте лестницу. Но его руки натыкались на грабли, лопаты, корзины, на что угодно, только не на лестницу. Тогда доктор вышел, занавесил окошко сюртуком, чтобы никто случайно не заметил, как он зажигает в сарае свет, и чиркнул спичкой.

Лестница стояла в самом углу, прислоненная к стене. Через минуту доктор уже шагал к ограде с лестницей на плече, затем влез на ограду, спустил вниз лестницу и шепнул:

— Софи, полезай сюда.

Животные не умеют лазить по лестницам, но, к счастью, Софи в цирке научили этому трюку. По правде говоря, на представлениях тюлениха проделывала его весьма и весьма неуклюже, почему зрители и смеялись над ней, но в ту ночь она вскарабкалась наверх, словно с детства только тем и занималась. Она ловко переступала ластами по ступенькам, легко подбрасывала вверх свое гибкое тело. Лестница трещала под ее тяжестью, но все сошло удачно — еще шажок, и вот уже Софи отдувается наверху кирпичной ограды.

Доктор втащил лестницу и спустил ее в сад. И тут Софи показала еще один трюк — она легла животом на лестницу и соскользнула вниз словно со снежной горки. Доктор кубарем скатился вслед за ней. И вовремя — на улице послышались голоса и топот: циркачи во главе с Блоссомом и Хиггинсом все еще метались по городу в поисках беглянки.

— Слава Богу, — с облегчением вздохнул доктор, когда голоса утихли вдали. — На этот раз нам повезло. Никому

и в голову не придет искать тебя здесь. Что же ты делаешь, Софи?! Ты зачем разлеглась на цветнике? Иди сюда, на дорожку. Пойдем-ка устраиваться на ночлег.

— Разве нельзя остаться под открытым небом? — спросила Софи. Она с удовольствием кувыркалась в густой траве. — Мне здесь так хорошо!

— Нет, — возразил Джон Дулиттл, — когда рассветет, нас увидят люди из соседних домов. Лучше устроиться в сарае. Дверь в него открыта, к тому же внутри приятно пахнет сеном.

Из нескольких охапок сена и старых мешков доктор приготовил постели себе и Софи. Тюлениха не мешкая вытянулась, зевнула и сказала:

— Свобода — это прекрасно! Вы не устали, доктор? Что до меня, то я не могу двинуть ластом, даже если бы мне сулили за это большую свежую треску.

— Спи спокойно, — ответил ей Джон Дулиттл. — А я еще погуляю по саду.

Глава 3

В ЗАБРОШЕННОМ САДУ

Доктор закурил трубку и пошел погулять по залитым лунным светом аллеям старого заброшенного сада.

Джон Дулиттл любил сады. Неухоженные, запущенные грядки и клумбы задели его за живое.

— Как жаль, что такой прекрасный сад умирает, — грустно вздохнул доктор.

Он вернулся в сарай, нашел там тляку, корзинку, засучил рукава и взялся за работу. Сначала он решил было только очистить от сорняков клумбу с розами, затем не удержался и привел в порядок лавандовые кусты, а в конце концов так разошелся, что выполол все цветники и грядки.

— Если уж мы здесь живем и не платим за ночлег, — бормотал он про себя, складывая сорную траву в корзи-

ну, — то расплатимся с хозяином за гостеприимство хотя бы этой маленькой услугой.

Спустя неделю хозяин дома, молодой бездельник, сдал жилье своей пожилой тетушке и очень удивился, когда старая дама принялась расхваливать его на все лады за «такой чистый, ухоженный сад».

Закончив работу, доктор вдруг почувствовал, что ужасно проголодался. У беседки, утопающей в цветущей глицинии, он обнаружил несколько раскидистых яблонь. Увы, ни одного яблочка, даже самого маленького и кислого, не осталось на их ветках — соседские сорванцы потрудились на славу. Джон Дулиттл пошел на грядки в надежде найти хотя бы пару морковок, но и там удача не улыбнулась ему.

— Придется попоститься еще денек, — вздохнул доктор и лег спать с пустым желудком.

Утром Софи проснулась и сказала:

— Мне всю ночь снилось море, и от этого у меня разыгрался аппетит. Когда мы будем завтракать?

— Боюсь, что сегодня нам придется обойтись даже без обеда и без ужина, — ответил ей доктор. — Мне нельзя выходить на улицу днем, но когда стемнеет, я найду какую-нибудь рыбную лавочку и куплю тебе пару селедочек.

Софи только вздохнула. Она была сильная и мужественная, но с каждым часом голод мучил ее все сильнее и сильнее. Доктору тоже приходилось несладко, а к полудню он уже так проголодался, что принялся шарить по углам сарая в поисках хотя бы луковицы.

— Послушайте, доктор! — шепнула вдруг Софи. — Похоже, лает собака. Если они пустили собак по нашему следу, мы пропали!

Доктор вышел наружу и прислушался. Действительно, из-за ограды доносился лай.

— Не волнуйся, это О'Скалли, — успокоил Джон Дулиттл тюлениху.

У ограды росла старая ветвистая груша. Доктор вскарабкался на нее, уселся на ветке, нависшей над оградой, и осторожно выглянул на улицу.

— Что случилось, О'Скалли? — спросил он.

— Я принес новости, — тихо пролаял пес. — Втащите меня к себе.

— Погоди минутку, сейчас что-нибудь придумаем, — ответил доктор.

Он слез на землю, побежал в сарай, нашел веревку и корзину, снова вскарабкался на грушу и спустил корзину на веревке на улицу. О'Скалли сел в корзину, и доктор втащил его наверх, а оттуда пес уже сам очень ловко спрыгнул на землю. В корзине лежал принесенный псом сверток. В нем были четыре булочки с сыром, бутылка молока, две селедки, бритва и кусочек мыла.

— Мы спрятались в сарае, — шепнул доктор. — Пойдем туда.

Софи очень обрадовалась и в мгновение ока проглотила рыбу. Доктор хотел растянуть удовольствие и решил откусывать понемножку, но зубы сами собой, помимо его воли, отхватили сразу полбулочки.

— Умница! — похвалил пса Джон Дулиттл с набитым ртом. — Как ты узнал, что мы здесь и что у нас нет еды? Мы едва не умерли с голоду.

О'Скалли подал тюленихе вторую селедку и рассказал:

— Когда Софи наконец сбежала из цирка, все бросились на ее поиски. Блоссом до утра рыскал по городу. Бу-Бу встревожилась и сказала: «Будем надеяться, что доктор не покинет город этой ночью. Лучшее, что он сейчас может сделать, — затаиться до поры до времени». Мы всю ночь не сомкнули глаз и ждали, что с минуты на минуту вас и Софи доставят обратно в цирк под стражей. Но наступило утро, а вас еще не поймали, да и вообще, никому в голову не пришло, что доктор Джон Дулиттл может быть замешан в похищении тюленихи. А Блоссом и Хиггинс упрямо продолжали искать Софи. И тогда Бу-Бу послала меня выяснить, остались вы в Ашби или сумели улизнуть. Утро выдалось влажное, — продолжал пес, — в такую погоду искать следы — одно удовольствие. Я обежал все окрестности, но нигде не учуял вашего запаха. Тогда я вернулся к Бу-Бу и сказал: «Доктор все еще в Ашби, если только он не улетел по воздуху». «Летать он еще не научился, — ответила мне Бу-Бу. — А жаль! Это значит, что он спрятался. Найди его и сразу же возвращайся ко мне. Я тем временем приготовлю для него что-нибудь поесть. Да и Софи небось уже проголодалась».

Пес почесал за ухом и снова заговорил:

— Я долго бегал по городу, пока не нашел то место, где вы вышли из почтовой кареты. Ваши следы повели меня к цирку, к дому, где вы ждали Софи, а затем вдруг ваш запах исчез возле ограды сада. Я не мог понять, в чем дело: по воздуху вы и вправду не летаете, в мышиную норку вам тоже никак не пролезть. Пока я стоял и ломал себе голову, из-за ограды вдруг пахнуло вашим табаком. Я и не знал, что вы с Софи так хорошо прыгаете!

Софи улыбнулась и облизала измазанные жиром усы, а доктор проглотил вторую булочку с сыром и рассмеялся.

— Мы не прыгали через ограду, — объяснил он. — Мы перелезли через нее по лестнице. Но как тебе удалось притащить сюда столько еды?

— Да, это было не так-то легко, — признал О'Скалли. — Бу-Бу и Крякки приготовили булочки, а я потихоньку стащил пару селедок из запасов Хиггинса. Молоко нам еще утром принес молочник. Белая мышь вспомнила, что вы терпеть не можете ходить небритым и посоветовала положить в сверток мыло и бритву. Стоило мне появиться на улице с пакетом в зубах, как тут же за мной погнались мальчишки. Потом встретила старушка. «Какая умная собачка! Иди сюда, покажи, что ты несешь своему хозяину!» А затем дело пошло еще хуже — мне повстречались настоящие разбойники. Бродячие псы учуяли рыбу и булочки и погнались за мной. Пришлось остановиться и задать им трепку, а это было не так уж и легко...

— Ты умный и храбрый пес, — сказал доктор, прожевывая последний кусочек булочки и открывая бутылку с молоком. — Хорошо, когда у человека есть верные друзья. Спасибо за бритву, а то я уже изрядно оброс. К сожалению, у нас нет воды.

— Как же я об этом не подумал?! — воскликнул О'Скалли. — А что, если развести мыло в молоке?

— Прекрасная мысль! — обрадовался доктор. — Я еще никогда не брился с молоком!

И он намыллил щеки и взялся за бритву. Когда его щеки снова стали гладкими, он с одобрением посмотрел на свое отражение в окошке и сказал:

— Вот теперь другое дело, я снова похож на доктора Дулиттла, а не на бродягу, воруящего чужих тюленей.

— Мне пора идти, — пролаял О'Скалли. — Я обещал остальным зверям поскорее вернуться и рассказать, что с вами и как вы себя чувствуете. Все они очень беспокоятся за вас. Если этой ночью вам не удастся покинуть город, утром я снова принесу вам еду. Хиггинс и Блоссом не оставили надежду отыскать Софи, так что вам надо смотреть в оба. Уж лучше вам пересидеть здесь два-три дня, чем поторопиться и попасться.

— Спасибо, что навестил нас, — ответил ему доктор. — Кланяйся от меня всем моим друзьям и скажи им, что я благодарен им за помощь.

Потом они с О'Скалли украдкой проскользнули к груше, доктор снова влез на дерево, поднял пса в корзине наверх и осторожно опустил его на землю по другую сторону ограды.

Прошел час, другой. Все было спокойно. Тюлениха нежилась на охапке сена, а доктор читал газету, в которую была завернута принесенная псом еда.

— Как вам кажется, доктор, — спросила Софи, — нам удастся этой ночью выбраться из города? Мне так не терпится поскорее оказаться в море!

— Запасись терпением, — ответил Джон Дулиттл. — Путь туда неблизкий. Как только стемнеет, я выгляну на улицу и посмотрю, можно ли нам трогаться в путь.

Прошло еще полчаса. Доктор встал, подошел к ограде и прислушался. С улицы доносились голоса. Скорее всего, это были жители города, идущие по своим делам.

— Пока еще рано, — сказал доктор тюленихе, когда вернулся в сарай. — Вечер сегодня теплый, и горожане не спешат по домам.

— Ох! — тяжело вздохнула Софи. — Неужели мы никогда не уберемся из этого сада? Бедный мой Гофти!

И она тихонько всхлипнула.

Еще через час Джон Дулиттл снова направился к ограде. Только он хотел было влезть на грушу и выглянуть наружу, как с улицы послышался лай О'Скалли:

— Доктор, вы здесь?

— Что случилось? — пролаял в ответ Джон Дулиттл.

— Хозяин цирка вместе с Хиггинсом только что уехали куда-то в коляске. Перед отъездом Блоссом заглянул к Мэтьюзу Маггу и велел начинать вечернее представление без него. Бу-бу считает, что лучшего времени для побега и не придумать. Представление начнется через полчаса, все жители города соберутся у нас, и вы тогда беспрепятственно покинете город. Вы слышите меня, доктор?

— Слышу, О'Скалли, слышу, — ответил доктор и посмотрел на часы. — Через полчаса мы уходим. По какой дороге поехал Блоссом с Хиггинсом?

— Скок бежал за ними по улицам до самой окраины, а потом вернулся и сказал, что они поехали в сторону Гримблдона. Поэтому вам, чтобы не встретиться с ними на улице, надо выйти на дорогу, ведущую в Данвич. Я оставил здесь, возле ограды, несколько булочек с ветчиной, чтобы вы не голодали в пути. А теперь прощайте, мне пора возвращаться, представление скоро начинается.

О'Скалли убежал, а доктор пошел предупредить Софи, что пора собираться в дорогу. От радости тюлениха встала на хвост и захлопала ластами.

— Слушай меня внимательно, — наставлял ее доктор. — Если нам на улице кто-то встретится, — а скорее всего так оно и случится, — ложись возле ограды и не шевелись, притворись, что ты — мешок с... с крупой. А я буду стоять рядом и делать вид, что отдыхаю. И не дрожи так, как сейчас. Мешки с крупой не дрожат.

— Я постараюсь, доктор, — отвечала Софи, пытаясь унять дрожь. — Я очень волнуюсь.

Доктор в последний раз взглянул на часы и зашагал к ограде. Софи заковыляла за ним. Увы, в тот день удача отвернулась от них: не успел Джон Дулиттл прислониться к ограде лестницу, как с улицы послышался лай. Доктор прислушался, и лицо его нахмурилось. Лай собак приближался, становился все громче и громче...

— Что это? — спросила тюлениха и снова задрожала, как осиновый лист, на этот раз от страха. — Это не Скок, не Тобби, не О'Скалли!

— Да, Софи, это не наши друзья, — согласился с ней доктор. — Так лает только одна порода собак в мире. Нет сомнений, это ищейки. Они идут по твоему следу.

СОБАКИ-ИЩЕЙКИ

После того как О'Скалли сказал доктору, что пора уходить из города, он вернулся в цирк в полной уверенности, что уж теперь-то все пойдет как по маслу.

Он свернулся калачиком под столом и задремал. Бубу пересчитывала деньги в копилке, Крякки вытирала пыль. И вдруг в фургон влетел запыхавшийся Тобби. Он едва дышал от усталости и волнения.

— О'Скалли! — хрипло пролаял он. — Привезли ищек! Хиггинс и Блоссом ездили в соседнюю деревню, там живет человек, который разводит собак на продажу. Они привезли шестерых! Я заметил их еще на мосту и бежал рядом с коляской через весь город. Я пытался поговорить с ищейками, но они меня не услышали — уж больно громко грохочут колеса по мостовой. Если собак пустят по следу Софи, ей ни за что от них не уйти.

— Ах, разбойники! — рявкнул О'Скалли. — Где они?

— Они уже ехали через площадь, когда я обогнал их и припустил что было сил сюда, чтобы предупредить вас.

— К загону Софи, быстро! — приказал О'Скалли. — Они должны быть там!

И оба пса помчались в темноте к бывшей тюрьме тюленихи. Но собак-ищек там уже не было. О'Скалли обнюхал все вокруг и шепнул:

— Какое невезенье! Они уже взяли след. Скорее за нами, может быть, мы еще успеем!

И он стрелой помчался к воротам цирка. Маленький гобби изо всех сил бежал за ним, стараясь не отстать. Его уши стояли торчком и подрагивали, словно паруса под ветром.

В темном переулке за углом уже вовсю шла охота на беглянку. Люди размахивали фонарями, ищейки — шесть огромных псов с длинными ушами и налитыми кровью глазами — обнюхивали камни мостовой, протяжно и глухо подвывая. Городские собаки отвечали им из своих дворов лаем.

О'Скалли притворился, что тоже ищет след, протис-

нулся среди множества человеческих ног и подошел к самому большому псу, по-видимому — вожаку ищеек.

— Уведи отсюда свою свору, — шепнул он ему. — В этом деле замешан сам доктор Дулиттл.

Вожак остановился и свысока посмотрел на О'Скалли.

— Кто ты такой и откуда взялся? — прорычал он. — Не морочь мне голову, доктор Дулиттл уехал в Африку. Мне велели найти тюлениху, и я разыщу ее даже под землей.

— Доктор Дулиттл уже вернулся! — настаивал О'Скалли. — Он здесь, в шести шагах от тебя, по ту сторону ограды. Это он украл тюлениху из цирка, чтобы отпустить ее на свободу.

— Так я тебе и поверил! — огрызнулся вожак своры. — Проваливай подобру-поздорову и не мешай мне. Доктор Дулиттл все еще в Африке.

— Дворняга безмозглая! — ругнулся О'Скалли. — Задать бы тебе хорошую трепку, чтобы ты научился слушать других! Говорю тебе: доктор Дулиттл уже вернулся в Англию и теперь работает в бродячем цирке!

Но вожак своры ищеек и слушать его не хотел. Он был ужасно горд тем, что научился выслеживать добычу, считал себя большим мастером своего дела, и еще не было случая, чтобы он пощадил свою жертву. Вот и теперь он не собирался упустить тюлениху лишь из-за того, что какой-то дворовый пес наплел ему с три короба о докторе Дулиттле. Какие глупости!

Бедняга О'Скалли был в отчаянии. Ищейки уже обнюхивали кирпичную ограду, за которой скрывалась Софи. Они уже чувствовали ее запах. И теперь они будут стоять на месте и лаять, пока Блоссом и Хиггинс не догадаются, что беглянка каким-то чудом перемахнула через ограду и сидит в саду. И тогда люди обыщут весь сад и непременно найдут ее.

Что же делать? И тут О'Скалли осенило. Он подбежал к ограде поближе и залаял:

— Доктор, ищейки не верят ни одному моему слову. Скажите им, что вы здесь.

Воздух в переулке сотрясался от собачьего лая, и когда из-за забора раздался голос еще одной собаки, никто из людей не обратил на него внимания. Но на самом деле это лаял Джон Дулиттл.

— Это я, доктор Дулиттл. О'Скалли сказал вам правду. Прошу вас, уходите! Гав! Гав!

Ищейки вдруг разом остановились, задрали вверх головы и навострили уши.

— Это он, клянусь собственным хвостом! — тьякнул вожак. — Я узнаю его голос!

— Что я тебе говорил?! — прошипел ему на ухо О'Скалли. — Уведи людей за город и поводи их до утра по лесу, чтобы доктор тем временем мог выбраться из Ашби.

— Ты уж не обижайся, я ведь не со зла, — миролюбиво сказал вожак ищеек, затем опустил нос к земле, словно что-то учуял, и уверенно побежал вверх по улице. Вся свора бросилась за ним.

— Господин Блоссом! — радостно закричал хозяин ищеек. — Они взяли след! Не зря у моего жоака столько наград с выставок!

Неизвестно, какую награду заслужил вожак ищеек на этот раз — может быть, ему дали плетей, может быть, оставили без ужина, — но пес из уважения к знаменитому звериному доктору решил пожертвовать своим добрым именем. Его хозяин, Блоссом и Хиггинс, спотыкаясь, бежали за ищейками. За ними устремилась и толпа зевак, и в мгновение ока улица опустела.

Софи лежала на клумбе и рыдала. Доктор тщетно пытался утешить ее. Вдруг на ограду бесшумно опустилась сова. Конечно, это была Бу-Бу.

— Доктор, — сказала она, — не теряйте времени, уходите из города. Ищейки увели погоню в сторону Гримблдона, на улицах никого нет. Поторапливайтесь.

И пока ищейки с громким лаем водили Блоссом и Хиггинса по оврагам и колючим зарослям, доктор Дулиттл без помех вывел тюлениху из Ашби. Они шли на запад, к морю.

Потом, когда доктор Дулиттл благополучно доведет Софи до моря и вернется в цирк, он скажет, что никогда не решился бы на такой шаг, если бы знал, что их ожидает в пути. Он часто будет рассказывать своим зверям историю этого путешествия, а звери будут ее слушать затаив дыхание.

Вот и мы сейчас приступим к этой истории.

Когда домá Ашби остались позади, а дорога запетляла по лесу, доктор облегченно вздохнул. Наверняка Хиггинс с Блоссомом обратились в полицию и обещали награду за поимку Софи, и, конечно, теперь любой полицейский, завидевший человека с тюленем, схватил бы их не раздумывая. Но, слава Богу, они уже шли по лесу, а в лесу, как известно, полицейские не водятся.

Софи пыхтела как чайник на огне, с трудом переставляла лапы по каменистой дороге. Пора было подумать об отдыхе. Однако устраиваться на привал на обочине доктор не отваживался. Поэтому он свернул на лесную тропинку, которая через несколько минут вывела его на небольшую, поросшую травой лужайку, закрытую со всех сторон кустами. Здесь можно было не опасаться встречи с людьми, в худшем случае сюда могли забрести ребята, собирающие ягоды.

Софи с трудом перевела дыхание и растянулась среди зарослей ежевики.

— Как же я устала! — простонала она. — Мы, тюлени, не привыкли к пешим прогулкам. Еще далеко?

— Очень далеко, — грустно покачал головой доктор. — Мы не прошли еще и сотой части пути.

— Так мало?! Я думаю, нам лучше поискать реку. Реки всегда впадают в море, а вода для меня — все равно что гладкая дорога для лошади. Пешком мне до моря не добраться, я заболēju и умру.

— Конечно, ты права, Софи, — согласился доктор. — Но где искать реку? Здешние места мне незнакомы. Ах, голова моя садовая! Как же я не догадался прихватить с собой карту?! А обращаться к прохожим я побаиваюсь, я ведь сказал всем, что уехал по личным делам.

— А вы обратитесь к животным, лучше всего к тем, кто живет в воде, — подсказала Софи.

— Замечательно придумано! — воскликнул доктор. — Спрошу-ка я у выдры. Выдры, Софи, с вами в дальнем родстве. Оставайся здесь и отдыхай, а я пойду на поиски.

Доктор вернулся лишь к полуночи и с таким треском продирался сквозь заросли, что разбудил уснувшую Софи. В руках доктор держал небольшого зверька. Тот игриво изогнул спину и с любопытством посмотрел на Софи.

— Какая она огромная, доктор, — запищала выдра. — А вы говорили мне, что мы родственники!

— Так оно и есть. Только ты охотишься в реках, а она — в море.

— Но у нее вовсе нет лап, а только ласты, — все еще сомневалась выдра.

— Потому-то тюленей и называют ластоногими, — отвечал доктор. — Подойди к ней поближе, она тебя не укусит.

Выдра прыгнула на землю, с опаской подошла к тюленихе и вежливо обратилась к ней:

— Здравствуйте, как поживаете?

— Благодарю, — не менее вежливо ответила тюлениха. — Превосходно, вот только я умираю от голода.

— Я могла бы принести тебе карпа, — предложила выдра.

— Любую рыбу, хоть пескаря! — взмолилась Софи.

— Погоди немножко, я скоро вернусь! — крикнула выдра и исчезла в кустах.

Скоро она вернулась с огромным зеркальным карпом в зубах и положила его на траву перед Софи. Тюлениха тут же проглотила рыбу и облизнулась.

— Послушай, — обратился доктор к выдре, — нам надо поскорее добраться до моря. Софи считает, что нам лучше всего путешествовать по воде.

— Конечно, она права, — задумчиво ответила выдра, — но я не знаю вблизи ни одной реки. Здесь есть несколько прудов, рыбы в них не так уж много, но мне одной хватает.

— Куда же нам податься? — спросил доктор домоседку выдру. Он был явно растерян.

— Не знаю, что вам и посоветовать, — ответила та. — Я здесь родилась и никогда не путешествовала. Спросите у диких уток. Эти непоседы снуют туда-сюда над всеми реками и знают безопасные дороги, где вам никто не встретится. На их совет можно положиться. По ночам они часто летают над лугами, поэтому поднимитесь сейчас на холм и прислушайтесь, а когда услышите шум их крыльев, позовите их.

Выдра сердечно попрощалась с Софи, пожелала ей до-

брого пути и ушла. Вслед за ней ушел и доктор. Он пересек поле и взобрался на вершину высокого холма. Ночь была тихая. Полная луна заливала серебристым светом и небо и землю.

Скоро издалека донесся легкий свист — это крылья диких уток с шумом рассекали воздух. Доктор свернул трубочкой ладони и громко крикнул. От стаи уток, летевшей к морю, отделились две птицы и спустились вниз.

Задремавшая было Софи снова проснулась от звука приближавшихся шагов. Теперь Джон Дулиттл нес пару зелено-голубых селезней. Он уселся на траву, птицы продолжали доверчиво сидеть у него на руках.

Доктор Дулиттл рассказал уткам, в каком положении оказался он с тюленихой, и попросил у них совета.

— До ближайшей реки, — сказали селезни, — миль сорок. Это река Киппет. К сожалению, отсюда до нее можно добраться только пешком.

— Час от часу не легче! — воскликнул доктор.

— Бедный мой Тофти! — пустила слезу Софи. — Сколько же времени мне придется добираться к тебе!

— Местность там очень живописная, — продолжали селезни. — Есть хлебные поля и есть леса, холмы и овраги. Вам понравится.

— Вы забываете, — сказал доктор, — что тюлени не приспособлены для ходьбы. Софи ни за что не перебраться через овраг.

— Тогда вам лучше пойти по дороге, — сказали селезни, — но это совсем неинтересно.

— Весь Ашби уже знает о побеге тюленихи, и если нас увидят на дороге, меня посадят в тюрьму, а ее вернут в цирк, — возразил доктор. — Дорога нам тоже не подходит.

— Здесь неподалеку проходит дорога из Игглесби в Грантчестер. Ее проложили еще древние римляне, когда завоевали Британию. Жители Ашби не пользуются ею. А в предместье Грантчестера дорога пересекает реку Киппет. Там еще стоит мост, который называют мостом Тальбот. Держитесь этой дороги, и вы не собьетесь с пути и не заблудитесь.

— Спасибо вам, — поблагодарил доктор селезней. — Вы были очень любезны.

Птицы попрощались и улетели. Джон Дулиттл вытаскивал из жилетного кармана часы и посмотрел на них.

— Уже два часа ночи, до рассвета осталось совсем немного. Спрячемся здесь и подождем до завтрашнего вечера или немедленно отправимся в путь?

— Пойдемте, доктор, — решительно сказала Софи. — Мне надо торопиться. Тофти пропадет без меня.

И они двинулись в путь. Шли они очень медленно и за час преодолели не больше мили, и все же в конце концов выбрались на старую римскую дорогу.

Глава 5

ПАССАЖИРЫ ИЗ ПЕНЧЕРЧА

Вот уже час доктор с тюленихой двигались по пустынной, вымощенной булыжником дороге.

— Как я устала! — простонала Софи. — Эта дорога ничуть не лучше предыдущей. Она такая же твердая и неровная. Нам еще далеко, доктор?

— Очень далеко, — ответил Джон Дулиттл.

Софи неожиданно разрыдалась. Ее горькие слезы капельками дождя падали на белую дорожную пыль.

— Я только и слышу от вас: «Очень далеко, очень далеко!» — всхлипывала она. — И зачем только вы согласились помогать мне?!

— Ну что ты, Софи, — попытался утешить ее доктор. — Не сдавайся! Мы справимся. Главное — добраться до реки.

— У меня больше нет сил! Давайте отдохнем.

Силы тюленихи действительно были на исходе. Волей-неволей пришлось им опять остановиться.

— Иди-ка сюда, на обочину, — позвал ее доктор. — Здесь в траве тебя никто не увидит.

Бедняжка поспешила прочь с дороги и обессиленно растянулась в траве. Джон Дулиттл присел рядом с ней на большой камень и задумался. Он начинал понимать, что, несмотря на все мужество и усилия Софи, пешком им никогда не добраться до реки.

Грустные раздумья доктора о трудностях и препятствиях на их пути неожиданно прервал далекий стук колес.

— Лежи в траве и не шевелись, — шепнул он тюленихе. — С дороги тебя не увидят.

Стук колес по вымощенной булыжником дороге приближался. Из-за поворота выехал запряженный парой лошадей экипаж. Подъехав к сидящему на камне доктору, кучер натянул поводья и остановил лошадей.

— Вы ждете почтовую карету, сэр? — спросил он.

— Да... то есть нет... — не знал, что сказать, доктор. — А разве это почтовая карета?

— Да, это ночная почтовая карета, — важно ответил кучер.

— И куда же вы направляетесь? — расспрашивал доктор.

— Мы едем из Пенчерча в Энглторп. Если хотите, мы вас подвезем.

И пока доктор обдумывал, что же ответить, в голову ему пришла невероятная мысль.

— И много у вас пассажиров? — спросил он и сам удивился собственной храбрости.

— Нет, — махнул рукой кучер, — всего два человека. Мужчина и женщина, они как сели в Пенчерче, так и уснули. Свободного места много, садитесь!

Внутри почтовой кареты горел фонарь, его тусклый свет пробивался сквозь занавешенное окошко. Доктор попытался заглянуть внутрь, но ничего не увидел. Он все еще колебался: а вдруг случайные попутчики выдадут его полиции.

— Если желаете ехать с нами — садитесь, — поторопил доктора кучер. — Я не могу стоять всю ночь здесь и разговаривать с вами.

И доктор решился.

— Одну минутку, — сказал он, — я сейчас принесу свой баул.

— Вам помочь? — любезно предложил кучер.

— Нет-нет, не надо! — поспешно отказался доктор. — Не стоит утруждать себя и спускаться на землю. Я все сделаю сам.

Доктор обошел почтовую карету, открыл дверцу и заглянул внутрь. В дальнем углу сидели мужчина и жен-

щина. Женщина положила голову на плечо мужчины. Оба мирно спали.

Доктор оставил дверцу открытой, выбежал на обочину и подхватил на руки Софи. Какая же она была тяжелая!

— Веди себя смиренно, — шепнул он ей на ухо. — Я засуну тебя под скамейку, и мы вмиг доберемся до реки.

Дверца почтовой кареты была высоко над землей, и подниматься туда нужно было по небольшой железной лесенке в две ступеньки. Они-то и подвели доктора Дулиттла. Он еще раз заглянул внутрь кареты, убедился, что пассажиры мирно спят, и шагнул на лесенку. Под тяжестью его и Софи ступеньки скрипнули, женщина подняла голову, увидела доктора и воскликнула:

— Джон! Ты опять взялся за свое!

Конечно, это была Сара, сестра доктора! И тут она рассмотрела, что ее брат прижимает к груди тюлениху, а так нежно обнимает его лапами за шею. Сара вскрикнула от ужаса, всплеснула руками, потеряла сознание и рухнула на сидящего рядом супруга. От ее крика лошади дернули и понеслись вскачь, доктор с Софи свалился на дорогу, да так и остался сидеть. Почтовая карета с грохотом исчезла в темноте.

— Вот и прокатились, — вздохнул доктор и с трудом встал на ноги. — Подумать только! Сара! В конце концов это даже к лучшему, что увидела нас именно она. Будь на ее месте кто-нибудь другой, он растрюбил бы на каждом углу, что видел человека с тюленем, и пустил бы по нашему следу погоню. Но Саре и преподобному Дигли стыдно, что их родственник стал бездомным циркачом, и они будут держать язык за зубами.

— Нет худа без добра, — утешила его Софи. — Я все равно не поместилась бы под скамейкой, там и кошке было бы тесно.

— Это было первое, что мне пришло в голову, — оправдывался доктор. — В любом случае без почтовой кареты нам до реки не добраться, уж больно до нее далеко. Однако уже светает, пора тебе прятаться от любопытных глаз.

Доктор с беглянкой свернули в ближайший лесок, нашли там удобное укрытие для Софи и растянулись на мягкой траве.

Софи сразу же уснула. Прикорнул и доктор, но с рассветом его разбудило пение петухов — по-видимому, где-то поблизости была деревня.

Доктор оставил Софи спать дальше, а сам отправился в деревню за покупками. Прошагав мили две через луг, он вошел в деревню. На ее окраине был постоянный двор «У двух стрелков» — по крайней мере так гласила вывеска у входа. Джон Дулиттл вошел и заказал завтрак. Он был очень голоден — ведь с тех пор как он покинул Ашби, у него во рту ни маковой росинки не было.

Старик хозяин подал доктору яичницу. Как же она была вкусна! Доктор съел ее, подчистил сковородку корочкой хлеба, закурил трубку и расспросил старика хозяина о почтовых каретах, следующих в сторону Грантчестера.

Затем он поблагодарил хозяина и зашагал по улице в поисках лавочки, где можно было бы купить готовое платье. На деревенской площади он нашел то, что ему было нужно.

— Сколько стоит дамский плащ, что висит в витрине? — спросил он у хозяйки.

— Пятнадцать с половиной шиллингов, — ответила хозяйка. — Какого роста ваша жена? Сейчас мы подберем ей подходящий плащ.

— Моя жена? — удивился доктор. — Какая жена? Ах да, жена! Подберите ей плащ подлиннее. И помогите мне выбрать шляпку

— Ваша жена брюнетка или блондинка?

— Ммм... — замычал доктор, — мне трудно сказать какой она масти.

— Купите ей вот эту шляпку с красными маками, — предложила хозяйка. — Шляпки с цветами в этом году в моде.

— Нет-нет, — возразил доктор, — слишком уж она яркая.

— А что вы скажете об этой? — И хозяйка выложила на прилавок скромную черную шляпку. — Я сама ношу такую.

— Хорошо, эту я беру, — согласился Джон Дулиттл. — А еще мне нужна черная вуаль погуще.

— У вас траур? — спросила хозяйка, изобразив сострадание.

— Траур? — переспросил доктор. — До этого дело еще не дошло, но и радоваться особенно нечему.

Джон Дулиттл покинул лавочку с большим свертком, в котором лежали плащ, шляпка и густая черная вуаль. Затем он отправился в другую лавочку, где продавалось съестное, но из рыбы там была только копченая селедка. Пришлось доктору купить для Софи селедку.

К полудню Джон Дулиттл вернулся в лесок, где пряталась тюлениха.

— Софи, — радостно сказал доктор, — вот тебе немножко еды, подкрепись, а потом примерь эти покупки. Тебе надо приодеться.

— Приодеться? — разинула рот от удивления Софи. — Но зачем? Мне и так жарко.

— Нет, ты меня не поняла. Ты должна одеться дамой.

— Но я не умею ходить прямо, — не сдавалась тюлениха. — Да и к чему нам этот маскарад?

— Чтобы ехать в почтовой карете, — терпеливо растолковывал ей Джон Дулиттл. — Я скажу, что ты хромаешь, что ты больна, что у тебя отнялись ноги и что мне приходится носить тебя на руках.

— А как быть с моим лицом? — все еще сопротивлялась Софи. — Ведь на нем растут усы!

— Мы спрячем усы за густой вуалью, а уши прикроем шляпкой с широкими полями. Сначала перекуси, а потом мы примерим одежду. Ночная почтовая карета в Грантчестер будет здесь часов в восемь. Как мне сказали, пассажиров в ней бывает немного, а если нам повезет, то мы поедем без попутчиков и через четыре часа доберемся до моста Тальбот. Все, что от тебя требуется, это вести себя спокойно и сидеть прямо на скамейке.

Софи покорила своей участи, съела селедку, уселась на пенек и позволила доктору облачить ее в принесенные одежды. Когда Джон Дулиттл запахнул на тюленихе плащ, водрузил ей на голову шляпку и нацепил вуаль, оказалось, что Софи выглядит загадочной и привлекательной женщиной. Длинный плащ полностью скрыл ее тело, а ушки и усы надежно спрятались под широкими полями шляпки и за густой вуалью.

— Вот и хорошо, — приговаривал доктор, наряжая тюлениху. — Придерживай полы плаща лапами, и ты впол-

не сойдешь за женщину. И не мотай головой из стороны в сторону — во-первых, это неприлично, а во-вторых, можешь потерять шляпку. Позволь, я на всякий случай завяжу тебе ленточку под подбородком. И не пыхти так громко.

— А как же мне дышать? — растерянно спросила Софи. При этом вуаль раздулась как парус под ветром.

— Как угодно, но только не так! — испуганно вскричал доктор. — Помни, что ты дама!

— Я долго так не выдержу, — захныкала Софи. — К тому же я не умею сидеть, это намного сложнее, чем ходить. А что, если я вдруг сползу на пол?

— Скамейки в почтовых каретах шире и удобнее, чем этот пень, на котором ты сидишь. Я постараюсь посадить тебя в углу, а сам сяду рядом и буду тебя придерживать.

Джон Дулиттл вертел Софи перед собой и так и этак,

заставлял ее ходить и сидеть и в конце концов остался доволен. Теперь он был уверен, что ему удастся провезти тюлениху в почтовой карете.

Глава 6

ПОЧТОВАЯ КАРЕТА ДО ГРАНТЧЕСТЕРА

На старой римской дороге в сумерках сидели двое — мужчина в сюртуке и потертом цилиндре и женщина в длинном плаще и шляпке с густой вуалью. Конечно, это были доктор Дулиттл и Софи.

— Я слышу стук колес, — сказала Софи. — А вот и наша карета.

— Эта карета не наша, — возразил доктор. — Эта поворачивает на Твинберг, а нам — прямо. Смотри, у нее по бокам висят белый и зеленый фонари, а у нашей будут два белых. Спрячься пока в траву, только поосторожнее, не испачкай плащ.

Софи юркнула в заросли и переждала там, пока проедет почтовая карета на Твинберг, а затем вернулась к доктору.

Вскоре появилась вторая карета, на этот раз с двумя белыми фонарями.

— А вот и наша, грантчестерская, — сказал доктор. — Садись вот сюда на камень, а я подам кучеру знак остановиться. Потом я занесу тебя в карету. Надеюсь, там найдется свободное место в уголке. Шляпка на голове держится крепко?

— Крепко, — буркнула Софи. Она ужасно волновалась. — У меня из-за вуали нос чешется. Боюсь, что я расчихаюсь.

— Боже упаси! — испуганно вскричал Джон Дулиттл. Он вспомнил, что чих тюленя похож на рев быка, и представил, какой переполох поднимется среди пассажиров.

Он встал у дороги и махнул рукой кучеру. Тот остановил лошадей и пригласил доктора и Софи садиться. В карете уже было трое пассажиров: двое мужчин у дальней

стенки и одна женщина у самой двери. Место в углу, напротив дамы, к радости доктора, оказалось свободным.

Доктор оставил дверь открытой, спрыгнул со ступенек, взял Софи на руки и внес ее в карету. Мужчины яростно спорили о политике и не обратили никакого внимания на хромую женщину, которую бережно усадили в углу у двери. Другое дело — женщина. Она сразу же стала пристально вглядываться в новую пассажирку.

Почтовая карета тронулась с места. Доктор убедился, что хвост Софи не выглядывает из-под плаща, и достал из кармана газету. В тусклом свете керосиновой лампы читать было невозможно, но он развернул газету, спрятал за ней лицо и сделал вид, что поглощен новостями.

Внезапно дама наклонилась и тронула Софи рукой.

— Извините меня, сударыня, — учтиво произнесла она.

— Кхе-кхе, — прокашлялся доктор и опустил газету. — Она совершенно не говорит, то есть не говорит по-английски.

— Наверное, вам далеко ехать, — неизвестно почему сказала дама.

— На Аляску, — сам того не ожидая, ответил доктор и тут же добавил: — Нет, на Аляску мы сегодня не поедem. Сегодня мы выйдем в Грантчестере, а на Аляску поедem несколько позже.

«Ну что бы ей заняться собственными делами», — с тоской подумал доктор и снова погрузился в чтение, словно его жизнь зависела от того, как быстро он осилит газету.

Судя по всему, даме было ужасно скучно, и она не могла сдержать любопытства.

— Бедняжка страдает от ревматизма? — спросила она вполголоса и кивнула головой в сторону Софи. — Я видела, как вы внесли ее в карету на руках.

— Никакого ревматизма! — проворчал доктор. — У нее слишком короткие ноги, и она не может ходить. У нее это с рождения.

— Боже! — сочувственно вздохнула дама. — Какое несчастье!

— Сейчас я упаду на пол, — вдруг шепнула из-за вуали Софи.

J. H. L. 1876

Доктор отбросил газету, схватил в охапку Софи и попытался усадить ее повыше.

— Какая великолепная шубка! — восторженно пискнула дама. — Настоящий котик или, может быть, бобер?

Плащ распахнулся, и на свет выглянул хвост Софи.

— Ей нельзя простужаться, — вынужден был солгать доктор и поспешил укутать больную.

— Кем она вам приходится? Дочерью? — не унималась дама.

Доктор открыл было рот, чтобы ответить, но Софи опередила его.

Громкий рев потряс почтовую карету. Вуаль уже давно щекотала тюленихе усы, и вот наконец-то Софи чихнула. Доктор бросился к ней, но не успел ее поддержать, и тюлениха сползла на пол.

— Бедняжка, ей так больно, — покачала головой да-

ма. — Кажется, она потеряла сознание. Сейчас я подам ей мою нюхательную соль. Со мной в пути тоже нередко такое случается, поэтому я всегда вожу при себе флакон. Вы заметили, как воняет рыбой эта убогая карета? От этого запаха кому угодно станет дурно.

Пока дама искала в сумочке нюхательную соль, доктор успел водрузить Софи на прежнее место, а сам сел между тюленихой и мужчинами, которые оставили свой спор и стали приглядываться к «больной».

— А вот и мой флакон с солью! — воскликнула дама и протянула Софи красивый, оправленный в серебро флакон. — Приподнимите ей вуаль и дайте понюхать. Ей сразу же станет легче.

— Нет-нет! — испуганно возразил доктор. Он уже мысленно представил себе, как расчихается Софи от нюхательной соли. — Ей нужен только покой. Давайте лучше помолчим, и она сразу же уснет.

В конце концов доктору удалось уговорить даму замолчать. Часа полтора почтовая карета ехала своим путем. Однако теперь двое мужчин то и дело поглядывали на Софи и перешептывались. Доктор забеспокоился.

Карета въехала в деревню и остановилась. Пора было менять лошадей, и кучер предложил пассажирам тем временем перекусить в харчевне. Мужчины бросили на Софи еще один пристальный взгляд и вышли. Вслед за ними удалилась и дама. Кучер ушел на конюшню за лошадьми, и Джон Дулиттл остался наедине со своей спутницей.

— Послушай, Софи, — шепнул доктор, — боюсь, что эти двое заподозрили неладное. Пока они не знают, что ты — это ты, и вообще — кто ты. Но им может взбрести в голову познакомиться с тобой поближе. Посиди пока здесь, а я постараюсь выведать, кто они такие и куда едут.

Доктор отправился в харчевню. На пороге его встретила молодая служанка.

— Сейчас подадут ужин, — приветливо сказала она. — Заходите и садитесь за стол.

— Спасибо, — поблагодарил ее доктор. — Вы случайно не знаете, кто те двое, что приехали последней почтовой каретой?

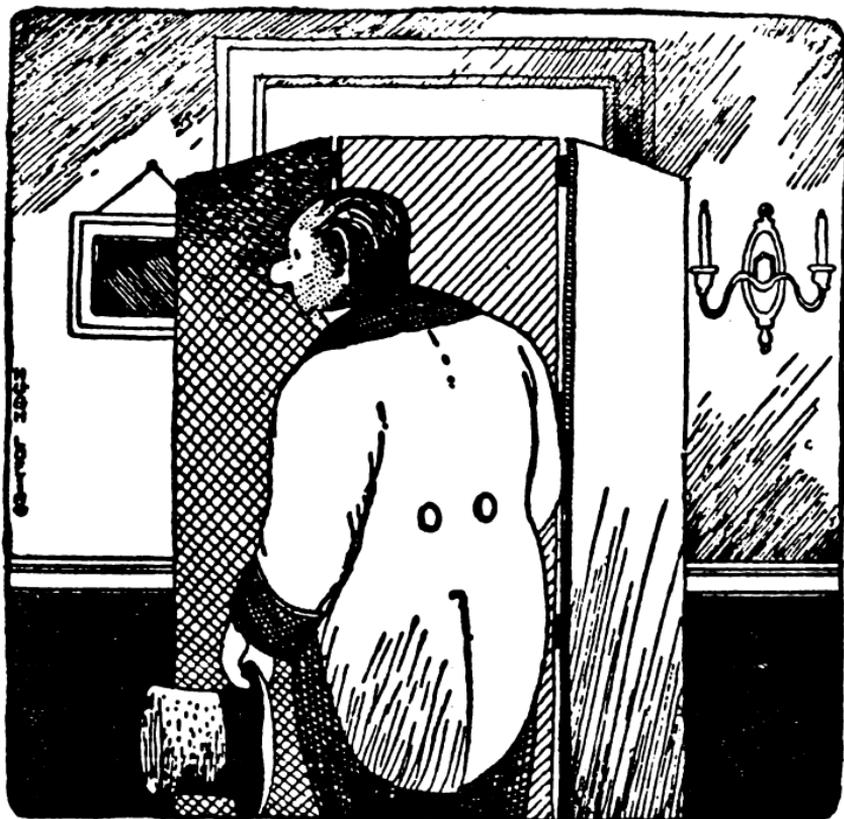
— Как же не знать! — ответила служанка. — Один из них — начальник полиции, а второй — мэр из Пенчерча.

— Вот так так, — присвистнул доктор и вошел в харчевню.

Он оказался в коротком коридоре. С кухни тянуло соблазнительными запахами, справа от него была закрытая дверь, из-за которой доносились голоса. Доктор прислушался.

— А я вам говорю, — убеждал один голос, — что они разбойники. Один из них переоделся женщиной и думает, что проведет меня! Вы обратили внимание на густую вуаль? Скорее всего, это Роберт Финч. Рожа у него приметная, вот он и спрятал ее за вуалью. Это он на прошлой неделе ограбил почтовую карету из Твинберга.

— Не удивлюсь, если это окажется правдой, — отвечал второй голос. — А толстяк — его напарник Джо Грэшем. Они всегда орудуют на пару. Я скажу вам, что надо делать. После ужина мы вернемся в карету и сядем на те же

места, словно ничего не случилось. Наверняка грабители ждут, когда в карете наберется побольше пассажиров, а потом где-нибудь в лесу закричат: «Кошелек или жизнь!» Ограбят пассажиров — и поминай как звали. У вас есть оружие?

— Да, пара пистолетов.

— Одолжите мне один. Как только я толкну вас локтем, вы сорвете вуаль с Роберта Финча и приставите ему пистолет к виску. Толстяка я беру на себя. Затем приказываем кучеру гнать в ближайший город и сдаем разбойников в тюрьму.

В коридоре появилась служанка с подносом, уставленным тарелками.

— Садитесь за стол, я уже принесла суп, — сказала она доктору.

— Нет, я совсем не голоден, — ответил доктор. Он говорил правду: от услышанного у него совсем пропал аппетит. — Лучше я прогуляюсь на свежем воздухе.

К счастью, во дворе было пустынно. Лошадей уже увели в конюшню, а подставу еще не запрягли. Доктор распахнул дверь почтовой кареты и прошептал:

— Выходи. Они приняли нас за переодетых разбойников. Надо бежать, пока еще не поздно.

Он подхватил тюлениху на руки и зашагал с ней прочь по дороге. Стояла ночь, и вокруг не было ни одной живой души. Из окон харчевни доносился звон посуды, в конюшне ржали лошади, в траве стрекотали кузнечики.

— Вот мы уже на окраине деревни, — пропыхтел доктор и опустил Софи на землю. Вон там за полем начинается лесок. Там мы будем в безопасности. Я пойду вперед, чтобы найти дорогу полегче, а ты ползи за мной как только можешь быстро. Давай сюда плащ и шляпку, без них тебе будет удобнее.

Немного позже они уже скрылись в густом кустарнике.

— Ох! — вздохнула Софи и с облегчением вытянулась на траве. — Ужасная гадость этот плащ, шляпка и вуаль. Не понимаю, что за удовольствие быть дамой и заворачиваться в тряпки!

— Какое счастье, — радовался доктор, что я вошел в харчевню и подслушал, о чем говорили мэр с полицей-

ским. Останься мы в карете — и уже к утру сидеть... решеткой.

— А если нас будут искать? — осторожно спросила Софи. Ей очень не хотелось попасть за решетку.

— Если нас и будут искать, то не здесь, а на дороге, — успокоил ее доктор.

— Но мы же не можем сидеть здесь, нам надо двигаться к морю, — не хотела успокаиваться Софи.

— Мы выждем, пока не проедет почтовая карета, а потом двинемся дальше. Половина пути уже осталась позади.

— Но это значит, что другая половина еще впереди, — простонала Софи. — Пешком мне не пройти так много. Может быть, нам лучше поехать в следующей почтовой карете?

— Наверняка мэр и полицейский раструбили о нас по всей деревне, поэтому все кучера будут присматриваться к странным пассажирам. Пересидим здесь, пока не уляжется тревога.

— А если пересидеть не удастся? — захныкала Софи и вдруг встрепенулась. — Ой, сюда кто-то идет!

Доктор и тюлениха лежали на опушке леса. Вдоль него тянулась живая изгородь, а за ней раскинулось поле и пастбище. Из-за изгороди, со стороны пастбища, донеслись звуки тяжелых шагов.

— Не двигайся, Софи, — сказал доктор.

Кусты живой изгороди закачались, раздвинулись, раздавался хруст сухих веток под ногами.

— Нас заметили! — в ужасе закричала тюлениха.

Доктор колебался: пуститься бежать или остаться на месте? Тот, кто искал их, не мог знать наверняка, что они прятались за живой изгородью. А вдруг невидимый преследователь не найдет их и уберется восвояси?

Тяжелые шаги приближались, становились все громче и громче. Доктор шепнул что-то на ухо Софи, вскочил и побежал вдоль леса. Несчастливая тюлениха потащила за ним.

Но она двигалась так медленно, а невидимый преследователь приближался так быстро! А что, если это полицейский и он поднимет пальбу? Ведь он уверен, что гонится за разбойниками! И доктор повернулся лицом к

тому, кто гнался за ними. И вдруг увидел перед собой старую-престарую лошадь.

— Стой, Софи, не бойся! — крикнул доктор, с трудом хватая воздух ртом. — Господи, я едва не задохнулся! Зря мы с тобой бежали, Софи, это вовсе не человек.

Беглецы остановились, и лошадь медленно подошла к ним. Она была худая, усталая, с седой гривой и... очками на носу.

— Да ведь это моя старая знакомая из Паддлеби! — вскричал доктор. — Уфф! Как ты нас напугала! Я каждую минуту ожидал выстрела в спину! Тебе не надо было бежать за нами, достаточно было позвать меня по имени.

— Я слышу голос доктора Дулиттла! Неужели это вы? — И лошадь широко открыла глаза.

— Конечно, это я. Разве ты не узнаешь меня? — удивился доктор.

— Я очень плохо вижу, — ответила лошадь. — Когда вы дали мне очки, все шло хорошо, но потом меня продали другому хозяину. В один прекрасный день очки свалились с меня и испортились. С тех пор я почти слепая. А до Паддлеби отсюда слишком далеко.

— Дай-ка я посмотрю твои очки, — сказал доктор.

Он снял очки с лошади, посмотрел через них на Луну и воскликнул:

— Неудивительно, что ты плохо видишь! Стекла стоят обратной стороной, задом наперед. Погоди минутку, я сейчас мигом все исправлю.

— Когда они упали и сломались, мне их чинил деревенский кузнец, — рассказывала лошадь, пока доктор приводил в порядок ее очки. — Но что кузнец понимает в очках!

— Вот и готово, — сказал доктор и водрузил очки на нос лошади. — Как ты теперь видишь?

— Слово в ясный день! — обрадовалась лошадь. — Вот теперь я узнаю вас. Цилиндр, кругленькое брюшко... Вы совсем не изменились! Какое счастье, кончились мои мучения! Вы не представляете, какая мука щипать травку вслепую. В рот то и дело попадает дикий чеснок, его потом никак не выплюнешь. Спасибо вам, господин доктор.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1

ДВОЙНИК РАЗБОЙНИКА

— Твой новый хозяин хороший человек? — спросил доктор и снова сел на траву.

— Да, — ответила лошадь. — Он очень трудолюбивый. Но в этом году я сильно сдала и уже не гожусь для работы. Поэтому он берет в поле лошадей помоложе, а меня лишь иногда запрягает в телегу. Мне ведь уже за тридцать.

— В самом деле? — удивился доктор. — Кто бы мог подумать! Ах да, теперь припоминаю! В тот день, когда я прописал тебе очки, тебе исполнилось ровно тридцать лет. Мы устроили в саду праздник в твою честь, и Хрючки объелся персиками.

— Да, хорошее было время... Наш старый, добрый Паддлеби! А кто это с вами, доктор? — спросила лошадь и с опаской посмотрела на тюлениху. — Бобер? Или выдра?

— Нет, это тюлень, вернее — тюлениха. Ее зовут Софи, она родом с Аляски. Мы сбежали из цирка, потому что ей срочно надо попасть домой, на родину.

— Тише, доктор, — шепнула Софи. — По дороге едет почтовая карета.

Джон Дулиттл проводил глазами фонари почтовой кареты и облегченно вздохнул, когда их свет растаял вдаль.

— Слава Богу! — сказал он и обратился к лошади: — Загвоздка в том, что нам приходится скрываться, к тому же Софи не может ходить пешком, а нам во что бы то ни

стало нужно добраться до моста Тальбот через реку Киппет. Сюда мы приехали в почтовой карете, но нас едва не раскрыли. Мы как раз сидели и ломали голову, как нам двигаться вперед, когда появилась ты и перепугала нас до смерти.

— Так вам надо добраться до моста Тальбот? — переспросила старушка лошадь. — Нет ничего проще. Вон там у амбара стоит старая повозка. Упряжи там, правда, нет, зато найдется старая веревка. Вы смастерите из нее что-то вроде сбруи, и я повезу вас.

— Но если хозяин узнает, что ты взяла без разрешения повозку, он накажет тебя кнутом, — возразил доктор.

— Он никогда не узнает, — с уверенностью сказала лошадь и улыбнулась. Я не так проста, как кажусь. Когда я вернусь, поставлю повозку на место.

— А как же ты снимешь упряжь? — не сдавался доктор. Он очень не хотел, чтобы из-за него кто-то пострадал.

— Дело нехитрое. Вы сделаете узел у меня на груди так, чтобы я могла развязать его зубами. Вот и все. Правда, я не довезу вас до моста, потому что мне еще надо будет затемно вернуться назад, но тут рядом, милях в десяти отсюда, живет мой друг. Он еще молодой и очень резвый. По ночам его пускают пастись на луг, он вмиг домчит вас до реки.

— Спасибо, — поблагодарил лошадь Джон Дулиттл. — Ты добрая и мудрая. Ну что же, нам пора!

Они отправились к амбару. Доктор с трудом выкатил старую повозку, смастерил из веревок упряжь, положил Софи в повозку, а сам сел на козлы. Но как только повозка тронулась с места, в голову доктору пришла неожиданная мысль:

— Если кто-нибудь увидит кучера с цилиндром на голове, он сразу же заподозрит неладное. Вон там на поле стоит пугало. Позаимствую-ка я у него потрепанную шляпу.

— Лучше принесите сюда само пугало, — сказала лошадь. — Если на обратном пути люди увидят, что я еду сама по себе, они бросятся ловить меня. А пугало вполне может сойти за кучера.

Доктор вернулся с огородным пугалом на плече и бро-

сил его в повозку. Затем сменил цилиндр на рваную шляпу, взял в руки вожжи — и повозка тронулась в путь.

— Держи под рукой плащ и шляпку, Софи, — приказал доктор тюленихе. — Может случиться, что нам придется кого-нибудь подвезти. И тогда ты снова на время станешь дамой.

— Опять дамой! — вскрикнула Софи. Она вспомнила вуаль, от которой так хочется чихать. — Ну ладно, раз уж без этого не обойтись...

Вот так Джон Дулиттл стал кучером и с тюленихой и пугалом вместо пассажиров пустился в дальнейший путь. К счастью, пешеходов на дороге почти не было, и никто из них не просил доктора подвезти. И все же один раз они смертельно перепугались.

Прямо на них из темноты вылетел всадник. Он сидел на горячем коне и сжимал в руке пистолет.

— Эй, кучер! — крикнул он Джону Дулиттлу. — Не встретился ли тебе по дороге толстяк в цилиндре и дама в вуали?

Доктор надвинул шляпу на нос, заерзал на козлах, чтобы прикрыть собой Софи, и сказал:

— Как же не встретились? Встретились! Милях в трех отсюда. Эта парочка шагала тропинкой через поле.

— Это они! — обрадовался всадник и развернул коня. — Это разбойники Финч и Грэшем. Они хотели ограбить почтовую карету, но мы раскусили их план, и тогда они убежали. Но ничего, от нас им не уйти. Доброго пути! — попрощался он и умчался в ночь.

— Бедный господин Финч, — пробормотал про себя доктор. — Боюсь, что мы навсегда опозорили его доброе имя, если только оно у него было. С другой стороны, это даже хорошо, что они бросятся прочесывать лес позади нас. Тем временем мы уедем далеко.

Когда повозка выкатила на пригорок, лошадь остановилась.

— Вон там справа на лугу пасется мой друг Ярли. Сейчас я его позову, — сказала она.

Лошадь подошла к живой изгороди и тихонько фыркнула. Послышался глухой стук копыт, и молодой, сильный конь выглянул из-за кустарника.

— Знакомься, Ярли, это Джон Дулиттл, знаменитый

звериный доктор. Наверняка ты много о нем слышал. Доктору надо поскорее добраться до моста Тальбот. Не можешь ли ты доставить его туда? Я дальше ехать не могу, потому что мне пора возвращаться, чтобы хозяин не заметил моего отсутствия.

Конечно, Ярли охотно согласился помочь доктору. Во дворе нашлась легкая охотничья коляска. Ярли встал в оглобли, доктор посадил Софи в коляску. Старая лошадь сердечно попрощалась со всеми и с огородным пугалом на козлах вместо кучера поспешила домой. А Ярли помчался галопом в другую сторону — к реке, куда стремились доктор с Софи.

Однако если в какой-нибудь истории начинается путаница, то запутывается она до конца. Не успела старая лошадь проделать и половины обратной дороги, как ей опять встретился всадник с пистолетом. Он все еще носился взад-вперед по окрестностям в поисках разбойника Роберта Финча. Всадник узнал телегу и кучера и придержал своего коня, чтобы расспросить подробнее, где кучер встретил разбойника.

— Так где ты видел эту парочку? — спросил он.

Но кучер молчал и лишь покачивал головой, когда телега прыгала на ухабах.

— Где тебе встретились разбойники? — крикнул всадник. — Ты что, уснул?

И на этот раз кучер не вымолвил ни слова в ответ.

— Ну погоди, я научу тебя вежливости! — разозлился всадник, наклонился в седле и ударом хлыста смахнул с головы кучера старую, рваную шляпу.

Но вместо человеческой головы он увидел обыкновенную желтую тыкву. Только тогда он понял, что его провели. Конечно, тот кучер, с которым он разговаривал, и был тем разбойником, что помогал Роберту Финчу! А огородное пугало вместо кучера было еще одной хитроумной проделкой неуловимых грабителей. Им опять удалось замести следы и обвести полицию вокруг пальца.

Все запуталось окончательно. В одну ночь Финч переоделся женщиной, его сообщник — огородным пугалом, а к тому же под конец той же ночи действительно была ограблена почтовая карета, но в ста милях от грантчестерской дороги! Они вывернули карманы двум десят-

кам пассажиров! Как им удалось раздвоиться и побывать сразу в двух местах, до сих пор остается загадкой. Даже сегодня полицейские хмурятся при одном имени Роберта Финча. Так что доктор Дулиттл был не прав, он помог прославиться Роберту Финчу. Хотя уж какая слава у грабителей!

Когда старушка лошадь вернулась домой, вокруг амбара и по полю бегали люди с фонарями. Они уже заметили пропажу лошади, телеги и огородного пугала и теперь искали следы колес на пастбище. Лошадь въехала во двор, и ее тут же окружила толпа перепуганных, размахивающих фонарями и ружьями крестьян. Хозяин лошади, уверенный, что ее украли, обрадовался и даже не подумал взяться за кнут. Потом еще добрых полгода зеваки приходили на пастбище, тыкали пальцем в старую лошадь и рассказывали, как грабители похитили ее вместе с телегой и огородным пугалом.

Тем временем доктор с Софи мчались вперед в легкой коляске и с каждой минутой приближались к мосту Тальбот. Догнать их уже было невозможно. Наконец коляска доехала до реки. Доктор вынес Софи на мост и бросил в воду.

— Спасибо тебе, Ярли, — поблагодарил доктор коня. — Ни в коем случае не возвращайся домой по старой римской дороге, лучше сверни на проселок, чтобы не встретить погоню.

Конь ускакал, а доктор спустился на берег реки. Софи ловко и быстро плыла вперед, радостно фыркала и при этом успевала ловить попадавшуюся ей на пути рыбу.

Глава 2

К МОРЮ ПО РЕКЕ

Итак, самая трудная часть пути осталась позади. Теперь можно было не бояться случайной встречи с сыщиками, а если на берегу реки кто-то появлялся, Софи ныряла и отсиживалась в глубине. Доктор же вырезал себе

длинный ореховый прут и делал вид, что удит рыбу. Но впереди их ждала дальняя дорога, потому что по реке до моря было не ближе, чем от Ашби до моста Тальбот.

Река Киппет текла среди живописных берегов, вокруг расстилались заливные луга, камышовые заросли, над водой склонялись густые кусты орешника. Тот тут, то там появлялись крестьянские подворья и к берегу на водопой выходили коровы и лошади. В таких местах наши путешественники ждали ночи и только в темноте продолжали путь, а там, где было поглубже, Софи ныряла и плыла под водой, в то время как доктор обходил крестьянские усадьбы стороной и встречался с тюленихой ниже по течению.

Плыть по воде тюленихе было намного легче, чем передвигаться по суше, зато доктору теперь приходилось туго. Он продирался сквозь густые заросли, с трудом взбирался на высокие холмы, спотыкался о пни, проваливался в ямы и обходил по твердой земле заболоченные низины, чтобы не увязнуть в трясине. Софи то и дело отставала и поджидала доктора, который, как ни старался, никак не поспевал за ней.

На второй день пути, когда доктор Дулиттл присел отдохнуть на берегу, Софи не выдержала и сказала:

— До моря я могу добраться и одна. Что может быть проще? Плыви себе и плыви. А вам, доктор, пора возвращаться в цирк, к друзьям.

— Ни в коем случае, — возразил Джон Дулиттл. Он лежал на траве в тени плакучей ивы и смотрел в небо. Софи нетерпеливо плескалась возле берега. — Мы не знаем, какие опасности поджидают тебя в реке, давай-ка лучше, прежде чем что-либо решать, спросим птиц.

Над рекой летала пара водяных курочек. Время близилось к обеду, и птицы искали, чем бы подзакусить. Доктор подозвал их и спросил, далеко ли еще до устья реки.

— Миль шестьдесят, не меньше, — ответили курочки. — По прямой, конечно, будет ближе, потому что река в этих местах извивается змейкой.

— Как далеко, — вздохнул доктор. — Как бы нам добраться до моря, но так, чтобы никто из людей нас не заметил?

— Это не так-то просто, — сказали птицы. — На вашем

пути будет три препятствия. Первое из них — это мельница старика Хоббеса. Он перегородил реку и поставил там большое мельничное колесо. Обойти его можно только по суше.

— С этим мы как-нибудь справимся. Правда, Софи? — не падал духом доктор. — А что нас ждет дальше?

— Дальше будет город, — продолжали курочки. — Там стоят фабрики, и вода течет по желобам и крутит разные машины. В таком желобе тюлениху разрубит на куски не хуже чем в мясорубке.

— Понятно, — протянул доктор. Он все больше и больше убеждался, что без его помощи Софи до моря не доберется. — Придется нам ночью обойти город стороной.

— Только забирайте вправо, к северу, — посоветовали курочки. — На другом берегу стоят дома, и обойти их незаметно будет намного труднее. Потом дорога станет легче, но у самого моря стоит город Кардифф. Это большой порт, и вам через него никак не пробраться. Река там узкая и течет по каменным уступам, поэтому как только увидите порт, выбирайтесь из воды и шагайте на север, к морскому берегу. Идти там недалеко, но дорога очень трудная. Вам придется карабкаться вверх на прибрежные скалы.

— Спасибо вам, — поблагодарил доктор птиц. — Вы нас очень выручили.

И доктор с Софи снова двинулись в путь.

Уже смеркалось, когда они подошли к мельнице старика Хоббеса. Доктор осмотрелся, походил вокруг, заглянул в амбар и сарай, и только когда он убедился, что в окрестностях нет ни живой души, Софи вылезла из воды и заковыляла по большому луку в обход мельницы. Затем доктор вздремнул часок, а когда взошла луна, путешественники пошли дальше.

На следующий день они увидели город с фабриками, о котором говорили водяные курочки. Джон Дулиттл строго-настрого приказал Софи спрятаться под водой, а сам отправился в город. Он хотел узнать, не дошли ли туда слухи о похищении тюленихи из цирка в Ашби, а заодно купить себе немного еды.

Было еще рано, и на дверях лавочек со съестным висели большие замки. Все же доктору удалось отыскать при-

дорожную харчевню и подкрепиться булочками с сыром. И тут он вдруг обнаружил, что деньги на исходе. Их едва хватило на то, чтобы расплатиться с хозяином харчевни, и после этого у него осталось всего лишь два пенса. Но доктор никогда не любил деньги, поэтому он вовсе не расстроился и отдал последние две монетки чумазому мальчишке — уличному чистильщику обуви. Обрадованный мальчишка старался всюю и так надраил разбитые башмаки доктора, что те заблестели не хуже, чем медные кастрюли на кухне у Крякки. Затем доктор разведал дорогу в обход города и вернулся к Софи.

Они беспрепятственно обошли город стороной и снова оказались у реки. Пешая прогулка утомила Софи, да и доктор чувствовал себя немногим лучше. Надо было подумать об отдыхе.

Они устроились в тени большого дерева. В его ветвях свила себе гнездо трясогузка, и доктор попросил ее покараулить, пока они будут спать. Софи улеглась в воде, а голову положила на торчавший на берегу пенек. Доктор растянулся на траве и мгновенно уснул.

Проснулся он оттого, что трясогузка ухватила его клювом за ухо и дергала изо всей силы.

— Через луг едет крестьянин на телеге, — пискнула птичка. — На вас он, может быть, и не обратит внимания, но Софи храпит так, что даже раки на берег из воды полезли. Медведь и тот храпит тише. Разбудите ее!

Доктор разбудил тюлениху, и та тут же скрылась под водой, а когда опасность миновала, они снова тронулись в путь и шли к морю весь день и всю следующую ночь.

Чем ближе к морю, тем суровее становилось вокруг. Большие луга со стадами овец сменились каменистым пустынным бездорожьем, не стало камышей и деревьев на берегу реки. Доктор с трудом брел среди больших валунов.

К вечеру второго дня вдали показались огни порта. По обоим берегам Бристольского залива высились скалы. Среди скал петляли широкие дороги, ведущие в Кардифф. По ним туда и обратно непрерывно сновали почтовые кареты, тяжело груженные телеги и щегольские экипажи. Плыть дальше по реке Софи не могла, путь через порт был ей заказан.

Доктор снова вырядил Софи в шляпку, а плащ держал в руках наготове, на тот случай если им вдруг кто-то встретится. К счастью, уже было поздно, местные жители сидели по домам.

До берега моря было не больше мили, они уже видели прибрежные скалы. Двигались беглецы медленно, с холма на холм, оставляя в стороне дома и то и дело натываясь на каменные ограды вокруг полей и пастбищ. Джону Дулиттлу ничего не стоило перемахнуть через ограду одним прыжком, но для несчастной тюленихи даже невысокая стена из камня становилась непреодолимым препятствием. Поэтому доктору приходилось переносить Софи на другую сторону.

Софи не жаловалась и упрямо карабкалась вверх на холмы, силы ее таяли. И когда они наконец преодолели холмы и морской ветер пахнул им в лицо, Софи упала и не могла больше сделать ни шагу. А до моря оставалась сотня шагов.

Из ближайшего дома вышли двое мужчин. Доктор, испугавшись, что теперь, у самой цели, их схватят, поспешно накинул на тюлениху плащ и подхватил ее на руки. Пошатываясь от тяжести, он вынес ее на край скалы.

— Море! — воскликнула Софи. — Как оно прекрасно! Как чудно оно блестит в лунном свете. Наконец-то я поплыву на Аляску, к моему дорогому Тофти!

— Да, Софи, твои мучения уже позади, — сказал доктор. — Кланяйся от меня тюленям и моржам.

Он наклонился и посмотрел вниз. У подножия скалы пенилась морская вода.

— Прощай, Софи, — с трудом проговорил доктор. Он смертельно устал и судорожно хватал воздух открытым ртом. — Прощай и будь счастлива!

Последним усилием он приподнял еще выше тяжелое тело тюленихи и бросил ее в бурные воды Бристольского залива.

Ветер сорвал шляпку и плащ с тюленихи, и теперь эти бесполезные вещи, плавно покачиваясь в воздухе, медленно опускались вниз, а Софи уже кувыркалась в морской пене. Она нырнула, затем вынырнула, махнула доктору на прощанье ластом и поспешила на север.

— Ну вот и все, — сказал доктор сам себе и вышел по

совым платком пот со лба. — Слава Богу! Вопреки всему, что пророчил Мэтьюз Магг, Софи ушла, а я не попал в тюрьму.

И вдруг холодный пот снова выступил у него на лбу, а по спине пробежала дрожь. Чья-то тяжелая рука опустилась на его плечо.

Глава 3

МИРОВОЙ СУДЬЯ БАРОН ВИЛЬЯМ ПИБОДИ

Джон Дулиттл медленно повернулся и увидел высокого роста мужчину в мундире. Он крепко держал невезучего доктора за шиворот.

— Кто вы такой? — выдавил из себя доктор.

— Береговой стражник, — пробасил в ответ мужчина.

— Что вам от меня нужно? Уберите руки! Да отпустите же меня!

— Вы арестованы.

— За что? — опешил доктор.

— За убийство, — мрачно произнес верзила.

Доктор все еще никак не мог оправиться от испуга, когда к ним подбежали еще двое. Это были мужчина и женщина.

— Ты его поймал, Том?

— Поймал, — довольно хохотнул стражник. — На месте преступления!

— Что он натворил?

— Женщина! — провозгласил стражник. — Он бросил со скалы в море женщину! Джим, пошли кого-нибудь на пристань, пусть пришлют спасательную шлюпку. Может быть, она еще жива. А я пока отведу убийцу в тюрьму и сдам его с рук на руки. Как только найдете тело жертвы, дайте нам знать.

— Изверг! — взвизгнула женщина. — Наверняка он убил собственную жену! Синяя Борода! А может быть, он турок? Я слышала, у них там течет река Фосфор, и когда этим душегубам надоедают жены, они их топят в реке.

— Не река, а пролив, и не Фосфор, а Босфор, — поправил ее стражник. — К тому же он не турок. Уж больно хорошо изъясняется по-английски.

— Тем хуже для него! — не унималась женщина. — Какой позор! Турок, тех хоть можно понять — они с детства привыкли бросать женщин в воду! — Она с ужасом взглянула на бушующее внизу море и поспешно отошла от края. — Несчастливая женщина! Кончились ее мучения, уж лучше умереть, чем жить с таким чудовищем.

— Но это была не моя жена, — робко возразил Джон Дулиттл.

— Так ты бросил со скалы чужую жену! — завизжала женщина.

— Так кто это был на самом деле? — строго спросил стражник. — Я видел собственными глазами, как вы несли на руках женщину.

Доктор поразмыслил и решил ничего не отвечать. Он все-таки попался, и в конце концов его вынудят признаться, что это была тюлениха, которую он выкрал из цирка, что он бросил ее в море и таким образом вернул ей свободу. Но пока действительно было лучше помолчать и рассказать всю правду только в суде.

— Так кто же это был? — грозно повторил свой вопрос стражник.

Доктор молчал.

— Конечно, это была его жена, — решительно сказала женщина. — Посмотрите, какие у него жестокие, злые глаза. Я готова поклясться на Библии, что он держит взаперти еще полдюжины жен и только ждет удобной минуты, чтобы их утопить. Бедняжки!

— Вы можете не отвечать на мои вопросы, — сказал береговой стражник. — Я обязан предупредить вас, что все ваши слова будут занесены в протокол и использованы против вас. А теперь, — и он свирепо посмотрел на доктора, — шагом марш в тюрьму!

Рассвет еще не наступил, и поэтому никто не видел, как доктора под стражей вели в тюрьму. Когда они подошли к тяжелой, окованной железом двери, их нагнал запыхавшийся Джим, второй стражник. Он принес выловленные из моря плащ и шляпку Софи.

— Тела мы пока не нашли, Том, — сказал он. — Одеж-

ду выбросило к подножию скалы. Джордж остался в шляпке и продолжает шарить багром по дну, а я помчался сюда, чтобы поскорее передать эти вещи в полицию. Они могут понадобиться как, — и он многозначительно поднял вверх указательный палец, — как... тьфу ты, опять забыл это умное слово! А, вспомнил, как улики!

— Ты опять все напутал, — ответил ему Том и взял из рук своего напарника мокрые плащ и шляпку. — Это не улики. Раз это вещи, то они будут вещевыми... нет, вещественными доказательствами. Отправляйся обратно и ищи тело, а я посажу под замок негодяя и приду помогу тебе.

Стражник Том ввел несчастного доктора в тюрьму, записал в толстую книгу его имя, где и когда он родился, а затем запер на замок в тесной камере и оставил одного, наедине с грустными мыслями.

Дверь с грохотом захлопнулась, ключ заскрежетал в замочной скважине, и воцарилась тишина. Серый расцвет брезжил в зарешеченном окошке.

— Вот я опять в тюрьме, — вздохнул Джон Дулиттл, осматривая каменные стены камеры. — Слишком рано я порадовался. Любопытно, Мэтьюз Магг сидел в этой кардиффской тюрьме или в какой-нибудь другой?

На стене, там, куда падали первые лучи солнца, доктор увидел надписи, вьцарапанные узниками, сидевшими в камере до него. Присмотревшись повнимательнее, он обнаружил среди надписей две большие буквы М. М.

— Вот оно что, — проворчал про себя доктор. — Выходит, Мэтьюз Магг сидел именно здесь. Почему же он так гордится этим? Да, странно устроен наш мир.

Пока доктор был на свободе, никто не хотел кормить его без денег, а теперь, когда его заключили под стражу, ему дали каравай хлеба. Джон Дулиттл отломил от него кусочек и съел.

— Какой вкусный хлеб! — обрадовался он. — Очень мягкий и пышный. Надо бы спросить у тюремщика, где он покупает такой хлеб. Да и кровать здесь не самая плохая, — добавил он, ткнув кулаком в тюфяк. — Пора бы мне отдохнуть. Я уж и не помню, когда спал вволю.

Джон Дулиттл снял сюртук, свернул его, положил под голову вместо подушки и уснул.

Когда в то же утро начальник тюрьмы и высокого роста господин с седой шевелюрой вошли в камеру, то увидели «коварного и бессердечного убийцу» мирно спящим. Узник громко храпел.

— Так-так, — удивился седой господин, — с виду не скажешь, что он опасный преступник, не так ли?

— Ах, господин барон Пибоди, — ответил с сомнением в голосе начальник тюрьмы и покачал головой, — это еще одно свидетельство того, насколько лишены человеческих чувств закоренелые преступники. Неужели добропорядочный человек сможет спать спокойно после того, как утопит в море жену?

Барон Пибоди в ответ хмыкнул:

— Добропорядочный человек не станет топить свою жену. А теперь, пожалуйста, оставьте нас наедине на четверть часа.

— Как прикажете, господин барон, — ответил начальник тюрьмы и закрыл за собой дверь.

Седой господин подошел к кровати и долго вглядывался в спокойное лицо доктора. Затем положил ему руку на плечо и встряхнул спящего узника.

— Джон, — позвал он доктора по имени. — Джон, проснись!

Доктор открыл глаза, приподнялся и спросил охрипшим со сна голосом:

— Где я? Ах да, в тюрьме.

Он взглянул на стоявшего рядом господина и неожиданно улыбнулся.

— Боже мой, да это же Вильям Пибоди! — воскликнул он. — Здравствуй, Вильям. Что ты здесь делаешь?

— Это я должен спросить у тебя, что ты здесь делаешь, — возразил седой господин.

— Конечно, ты прав, — согласился Джон Дулиттл. — С нашей последней встречи минуло лет пятнадцать. Ты помнишь, как мы тогда с тобой крепко поссорились из-за охоты на лис? Ты все еще охотишься?

— Всего два раза в неделю, — ответил барон Пибоди. — Чаще не позволяет служба. Пять лет тому назад я стал мировым судьей.

— Ты так и остался варваром, — сурово произнес доктор. — Охоту на лис следует запретить раз и навсегда!

Что бы ты ни говорил, но у лисы нет надежды на спасение. Вы науськиваете на одну лису дюжину гончих. Кто вам дал право травить кого-либо собаками? Лиса хочет жить так же, как и мы с тобой, а вы толпой садитесь на лошадей и со сворой лающих собак гоняетесь за несчастным, беззащитным животным. Стыд и позор!

Барон Пибоди присел на кровать рядом с доктором, покачал головой и рассмеялся.

— Ты совсем не изменился и поешь все ту же песню! Где же это видано, Джон? Ты попал в тюрьму за убийство, а когда я прихожу к тебе, заводишь старый спор об охоте на лис! Мы знакомы с тобой со школьной скамьи. Тогда ты только начинал разглядывать своих любимых жуков в увеличительное стекло. Неужели тебе до сих пор букашки милее всего на свете? Выслушай меня. Я пришел сюда не для того, чтобы спорить с тобой о правах лисиц. Как я тебе уже сказал, я здешний мировой судья. Через час тебя приведут ко мне на допрос и тебе придется отвечать. Поэтому я хочу, чтобы ты сейчас же открыл мне, в чем дело. Я случайно увидел твое имя в списке арестованных. Тебя обвиняют в убийстве жены. Какая чушь! Конечно, тебе некого было убивать, потому что только сумасшедшая женщина согласилась бы выйти за тебя замуж. У тебя никогда не было жены и не будет. Но стражники в один голос утверждают, что взяли тебя на месте преступления и видели собственными глазами, как ты бросил женщину в море. Это правда?

— Это была не женщина.

— А кто? Или что? — настойчиво допытывался мировой судья.

Доктор Дулиттл долго рассматривал свои башмаки, словно стеснялся, что они такие грязные и покрыты дорожной пылью, а затем принялся ерзать на кровати — как мальчишка, которого уличили во лжи. Наконец он открыл рот и выдал из себя признание:

— Это была тюлениха. Ее держали в корыте с протухшей водой и заставляли показывать разные трюки в цирке. Я выкрал ее, передел женщиной и помог добраться до моря. Теперь она уже на пути в Аляску. Ты не представляешь, сколько труда мне стоило доставить ее от Ашби до Кардиффа! Дрессировщик вместе с хозяином цир-

ка искали ее повсюду, вот мне и пришлось нарядить тюлениху в плащ и шляпку. Но в ту минуту, когда я наконец-то отпустил ее в море, береговая стража заметила меня и арестовала. Не понимаю, что тут смешного.

Барон Вильям Пибоди, до тех пор с трудом сохранявший строгий вид, откровенно рассмеялся.

— Как только мне сказали, что ты утопил собственную жену, — простонал он, держась руками за живот и давясь от смеха, — я сразу же понял, что что-то тут не так. Уж у кого, у кого, а у Джона Дулиттла не может быть жены! Кстати, почему от тебя так воняет рыбой?

— От тюленей всегда пахнет рыбой, — ответил потупившись доктор, — а ведь мне пришлось нести ее на руках.

— Ты никогда не повзрослеешь, Джон, — покачал головой барон Пибоди. Он все еще продолжал хихикать. — Признавайся сразу, где тебя в последний раз видели в обществе странной дамы в плаще и в вуали? Если даже мне удастся освободить тебя от обвинения в убийстве, от кражи тюленихи тебе вряд ли удастся отвертеться. Боюсь, что даже я не смогу тебе помочь. Как ты думаешь, погоня уже пришла по вашим следам в Кардифф?

— Когда мы покинули Ашби, — промямлил Джон Дулиттл, — циркачи уже отказались от поисков пропавшей тюленихи. А по дороге нас приняли за переодетых разбойников. Никто ничего не подозревал, пока...

— Пока ты не бросил любимую жену в море, — закончил за него мировой судья. — Видел ли тебя кто-нибудь по пути в тюрьму?

— Нет, — уверенно ответил доктор, — нет, было еще слишком рано, даже солнце еще не взошло. А на берегу меня видели только стражники и еще одна женщина, как я понял, она приходится женой одному из них. Но на улице, когда меня вели в тюрьму, не было ни одной живой души.

— Что же, может быть, мне и удастся выгнать тебя отсюда, — сказал барон Пибоди. — Посиди здесь, пока я все не улажу. Надо, чтобы стражники, взявшие тебя на месте преступления, отказались от своих слов. А потом немедленно уходи из города.

— Кстати, стражники все еще ищут тело женщины? —

спросил доктор. — Скажи им, чтобы не тратили время напрасно.

— Они уже прекратили поиски. С них хватило и того, что они нашли плащ и шляпку «жертвы». Я скажу им, что ты выбросил в море старую одежду. В общем-то это будет почти правда. Уж я постараюсь уладить все так, чтобы они держали язык за зубами, и в цирке ничего не узнают. Но прошу тебя, Джон, не приводи сюда свой зверинец и, будь так любезен, никого больше не бросай со скал в море. Не дай Бог, это войдет у тебя в привычку, и тогда тебе так просто не отвертеться. К тому же из-за тебя разорится цирк. А теперь посиди здесь еще немного, а когда тебя выпустят, не задерживайся в городе ни на минуту.

— Конечно, конечно, — ответил доктор. — Я очень благодарен тебе, Вильям. Но давай вернемся к охоте на лис. Представь себе, что ты лиса...

— Ты опять за свое? — не на шутку рассердился барон Пибоди. — Лисиц в лесах много, и нечего им плодиться.

Со скрипом открылась дверь, и в камеру вошел начальник тюрьмы.

— У вас очень удобная тюрьма, — сказал ему Джон Дулиттл. — Мне здесь понравилось.

Начальник тюрьмы и барон Пибоди переглянулись, пожали плечами и ушли. А доктор принялся расхаживать по камере. Он вспомнил своих зверей, цирк и неожиданно для самого себя размечтался, какое замечательное представление можно было бы устроить с его друзьями. Когда через полчаса пришел тюремный надзиратель, он увидел, что арестант бродит по камере с мечтательной улыбкой на лице.

— Начальник тюрьмы просил передать вам поклон, — сказал надзиратель. — Он извиняется перед вами за ошибку, господин доктор, мы ни в чем не виноваты. Это все олухи из береговой стражи. Им все померещилось, а теперь они взяли свои слова назад. Вы свободны и можете идти куда вам угодно.

— Спасибо, — поблагодарил его доктор. — Сейчас я уйду. Хотя, честно говоря, уходить мне не очень хочется. Ваша тюрьма лучшая из всех, в которых мне довелось побывать. Передайте господину начальнику, что я был рад с ним познакомиться и не держу на него зла. Я пре-

красно отдохнул и выспался. Камера светлая, тихая и уютная, было бы совсем недурно посидеть здесь пару месяцев и поработать как следует. А то там, на воле, одолевают разные заботы и на работу совсем не остается времени. Прощайте.

Он направился к двери и вдруг остановился. «У меня же совсем нет денег, — подумал доктор. — Может быть, Вильям одолжит мне шиллингов двадцать на почтовую карету до Ашби? Как бы то ни было, прихватю я с собой на всякий случай остатки каравая».

И он вернулся назад.

— Простите, — сказал он надзирателю. — Насколько я понимаю, хлеб дали мне и он теперь моя собственность. Позвольте, я заберу его с собой.

И доктор покинул тюрьму, где ему так понравилось.

Глава 4

ЛИСА ПО ИМЕНИ НОЧНАЯ ТЕНЬ

К сожалению, мирового судью барона Вильяма Пибоди доктор уже не застал. Тот уехал охотиться на лис и должен был вернуться только к следующему утру. Джон Дулиттл снова оказался без гроша в кармане.

Он вышел на главную городскую площадь. Оттуда шли в разные стороны три дороги: на север, на юг и на восток. Сначала доктор хотел направиться на восток, но потом поразмыслил и решил, что лучше ему возвращаться в Ашби кружным путем, чтобы не встретиться с теми людьми, которые приняли его за разбойника.

Поэтому он побродил по площади, полюбовался на старую ратушу, а затем зашагал на юг. Утро было прекрасное. Вовсю светило солнце, шелестела листва, чирикали воробьи. Доктор нес под мышкой пол каравая хлеба и радовался жизни.

Вскоре город остался позади. К полудню доктор добрался до развилки дорог. Там стоял указатель с надписью: «До Эпплдейка — 10 миль». Красивая, обсаженная

кустами дорога на Эпплдейк понравилась доктору больше, и он решил свернуть на нее.

— По такой дороге идти будет приятнее, — сказал он себе. — Да и название города — Эпплдейк — звучит неплохо.

Он шагал по узкой дороге. Время близилось к обеду, и пора было перекусить. Доктор искал глазами ручеек, из которого можно было бы зачерпнуть свежей воды и запить успевший зачерстветь хлеб. Недолго думая, Джон Дулиттл перелез через живую изгородь и пошел по луку к низине.

Там и в самом деле протекал ручей. На его берегах росли большие деревья, дававшие прекрасную тень. Доктор утолил жажду прохладной чистой водой, сел, прислонившись спиной к большому дубу, и принялся уплетать хлеб за обе щеки. Рядом с ним в траве прыгал скворец. Доктор бросил ему крошек. Птица благодарно пропела звонкую трель и вмиг склевала угощение.

Доктор заметил, что одно крыло у скворца не разгибается. Он взял птицу в руки и увидел, что перья на крыле склеены сосновой смолой и из-за этого бедная пичуга не могла летать. Он осторожно очистил крыло от смолы. Скворец вспорхнул и полетел охотиться на мошек, а доктор растянулся на траве и уснул под журчание ручейка.

Когда Джон Дулиттл открыл глаза, то увидел перед собой лисью семейку. Красавица лиса с тремя лисятами сидела в трех шагах от него и терпеливо ждала, когда доктор наконец проснется.

— Здравствуйте, доктор, — сказала лиса. — Меня зовут Ночная Тень. Я много слышала о вас и никак не ожидала, даже в мыслях себе представить не могла, что встречу вас в нашем лесу. Я уже давно собиралась отправиться к вам в Паддлеби за советом и очень рада, что случай привел вас сюда. О том, что вы здесь, мне сказал скворец.

— В самом деле? — удивился доктор и сел. — Я тоже рад встрече с тобою. За каким советом ты хотела прийти ко мне в Паддлеби?

— Посмотрите одного из моих детей, — попросила лиса и показала лапой на толстенького лисенка. Тот с почтением поглядывал на знаменитого звериного доктора. — У него что-то с передними лапками.

— Ну-ка иди ко мне, малыш, — позвал доктор.

Лисенок без страха подошел к Джону Дулиттлу. Доктор посадил его к себе на колени и осторожно ощупал лапки.

— Он не может бегать так быстро, как другие мои дети, — говорила мать. — Когда за нами гонятся собаки, он не поспекает за остальными. Не можем же мы бросить его на растерзание, а поэтому всей семье грозит опасность. Посмотрите, что с ним. У нас в роду такого еще не бывало.

— Так-так-так, — проговорил доктор и перевернул лисенка на спину. Теперь все четыре его лапки торчали вверх. — Здоровый, крепкий малыш, но у него плоско-стопие. Из-за этого передние лапки быстро устают. Пусть каждый день, утром и вечером, делает упражнения — сначала встать на цыпочки, потом опуститься, снова встать и снова опуститься. Вот так, раз-два, раз-два, раз-два... Следи, чтобы он не ленился и повторял упражнение не меньше двадцати раз, и он очень быстро поправится. Через две-три недели ты его не узнаешь.

— Спасибо, доктор, — поблагодарила лиса. — Если бы вы знали, как много забот и хлопот с этими сорванцами. Иногда с ними просто сладу нет. А ты, Звоночек, — обратилась она к больному лисенку, — каждый день, утром и вечером, будешь вставать на цыпочки тридцать раз. Я не хочу, чтобы в нашей семье завелось это... плоскостопие. Наш род очень старый и славный... Ой, что это?

Лиса умолкла. Ее красивый пушистый хвост вздрогнул и приподнялся, а в широко открытых глазах мелькнул страх. Мгновение спустя из-за холма донесся ненавистный всем зверям звук охотничьего рожка.

— Рожок! — шепнула мать-лиса и задрожала. — Они идут! — И она как безумная, не зная, что делать, заметалась вокруг детей. — Будь я одна, я бы спутала следы и ушла от собак, но дети!.. Ах, зачем только я среди бела дня привела их к вам, доктор! Но я так боялась, что к вечеру вы уже уйдете, а теперь собаки найдут нас по следу. Как же мне быть?

Звук рожка приближался, затем к нему присоединился лай собак. Лисята испуганно жались к матери. Доктор встревоженно вглядывался в лес.

— Ты знаешь этих собак? — спросил он лису.

— Да, они уже давно за мной охотятся, — ответила Ночная Тень. — Это собаки из Дитхема, лучшие в округе. На прошлой неделе они гнались за мною и моей сестрой. Я запутала следы и ушла, а сестру собаки поймали. Ох, опять звук рожка, у меня от него замирает сердце. Как я могла вывести детей из норы днем?!

— Не бойся, — успокоил лису доктор. — Сегодня собаки не тронут ни тебя, ни твоих лисят. Малышей я спрячу в карманы. Ну-ка прыгайте сюда, сорванцы! А ты полезай ко мне под сюртук. Повыше, на спину. Что, хвост висит? Ничего, мы сунем его в брючный карман. А теперь я застегнусь на все пуговицы, и тебя никто не заметит.

— Может быть, собаки нас и не увидят глазами, — возразила лиса, — но уж запах наш почуют наверняка. Вам не удастся нас спасти.

— Лишь бы вас не заметили люди, — сказал доктор, — а с собаками я справлюсь. Сидите тихо, не шевелитесь и, что бы ни случилось, не вздумайте бежать.

Джон Дулиттл стоял посреди поляны с лисятами в карманах и лисой под сюртуком и ждал, когда появятся собаки. Звук рожков, голоса людей, лай собак и ржанье лошадей становились все слышнее. И вот на поляну выбежали собаки. Они на мгновение остановились, принялись и нобежали туда, где стоял Джон Дулиттл. За ними по полю мчались верховые охотники в красных куртках.

Впереди охотников скакал сам барон Вильям Пибоди. Не доезжая до леса, он крикнул всаднику, ехавшему рядом с ним на красивом сером коне:

— Джонс, скачите на ту опушку и остановите собак. Пусть они сначала окружают лесок, а не то Галловой вспугнет лису. Смотрите за собаками в оба.

Всадник пришпорил коня и, взмахнув плеткой, громко крикнул:

— Галловой, ко мне!

Галловой уже мчался прямо на доктора, но как только послышался голос хозяина, хорошо обученный пес послушно остановился и лаем подозвал остальных собак. Тем временем с холма спустились остальные охотники:

нарядные дамы, господа и даже двое священников верхом на крупных лошадях.

— Столько хлопот, чтобы поймать одну-единственную маленькую лису, — не удержался и съязвил доктор. — Взрослые люди, а ведут себя как расшалившиеся мальчишки.

Подгоняемые улюлюканьем и плетками охотников собаки окружили заросли.

— Мы ее поймаем! — громко, хоть уши затыкай, кричал толстяк на маленькой лошаденке. — Погодите, не спускайте собак, подождем Джонса. Сегодня лиса будет наша!

— Ну уж нет, только не сегодня, — решительно воскликнул доктор. Лицо его помрачнело. — Сегодня, пузан, лису я тебе не отдам.

Собаки нетерпеливо носились взад-вперед вокруг кустов и ждали только команды, чтобы броситься по следу и настигнуть добычу. Наконец подъехав Джонс, протрубил в рожок, и собаки понеслись в кусты. Доктор Дулиттл стоял посреди поляны и озирался. Со всех сторон к нему бежали собаки. Галловой прыгнул доктору на спину и свалил его с ног. Свора чуюла лисий запах, лаяла и бесновалась вокруг лежащего на земле доктора. Казалось, еще минута — и собаки разорвут его на клочки. Но Джону Дулиттлу все-таки удалось встать на ноги.

— Уходите отсюда прочь, — крикнул он по-собачьи. — Это моя лиса, и я ее вам не отдам. А заодно уведите подалее этих горе-охотников.

Когда собаки услышали, что человек говорит с ними на их языке, они сразу поняли, кто стоит перед ними.

— Простите нас, господин доктор, — пролаял Галловой, красивый борзой пес, белый с рыжими подпалинами. — Я же не знал, что это вы, поэтому и прыгнул на вас сзади. Сказали бы нам сразу...

— А на других прыгать можно? — возмутился доктор. Он рассердился не на шутку и даже замахнулся на пса, который полез обнюхивать его карманы. — Как я мог сказать вам сразу, если вы в кутерьме ничего не видели и не слышали? Хватит меня обнюхивать! Галловой! Охотники уже идут сюда, уведи их подалее.

— Так и быть, доктор, ради вас мы готовы на все, —

ответил Галловой. — Хотя, судя по запаху, в кармане у вас не одна лиса.

— Здесь все ее семейство, — сказал доктор. — И я никого из них не дам в обиду.

— Подарите мне хоть одного лисенка, — попросил пес. — Вы даже не представляете, какие они разбойники. Они воруют кур и кроликов.

— Ни за что, — наотрез отказался доктор. — К тому же лисы не воруют, они добывают себе пропитание. А что бы делал ты, если бы тебя не кормили люди? Уходи поскорее...

И тут на поляну выехал барон Вильям Пибоди.

— Кого я вижу! Джон Дулиттл! — воскликнул он. — Ты случайно не видел здесь лису? Собаки шли по ее следу и привели нас в эти заросли.

— Если бы я и видел лису, — строго произнес доктор, — то ни за что не сказал бы тебе об этом. Ты же знаешь, что я считаю охоту на лис дурным занятием.

— Да уж знаю, — проворчал Вильям Пибоди и посмотрел на собак, уныло снующих по кустам. — Не могли же они потерять след! Все это очень странно! Ах, теперь я понял, в чем дело! Они прибежали сюда, потому что учуяли запах рыбы, запах тюленя. Ты весь провонял рыбой, Джон.

Тем временем собаки сделали вид, что снова взяли след лисы, и побежали через луг. Охотники поскакали за ними. Барон Пибоди, который успел спешиться, поскорее вскочил в седло.

— В следующий раз, Джон, придется мне оставить тебя в тюрьме, — сказал он. — Ты сбил собак со следа.

Лисенок беспокойно шевельнулся в кармане доктора. Пришлось доктору дать ему щелчок, чтобы сорванец не выдал себя. К счастью, барон уже сидел на коне и смотрел вслед другим охотникам.

— Господи, чуть было не забыл! — вскричал доктор и побежал за бароном. — Погоди, Вильям! Не мог бы ты одолжить мне шиллингов двадцать? У меня нет денег на обратный билет до Ашби!

Барон повернулся в седле и придержал лошадь.

— Я с удовольствием одолжу тебе не двадцать, а сто шиллингов, — сказал он, — только поскорее убирайся отсюда и не мешай мне охотиться. Вот, держи деньги.

— Спасибо, Вильям, — обрадовался доктор, взял деньги и сунул их в карман к беспокойному лисенку. — Я вышлю их тебе по почте.

Доктор стоял на опушке и смотрел, как охотники с криками и улюлюканьем исчезают вдаль.

— Они и вправду похожи на мальчишек, — сказал Джон Дулиттл вслух. — И что хорошего они находят в этой забаве? Ничего не понимаю! Взрослые, серьезные люди скачут на лошадях по полям и лесам, трубят в рожки и кричат во все горло, чтобы поймать маленького дикого зверька. Чисто мальчишки!

ГЛАВА 5

СРЕДСТВО ОТ СОБАК

Джон Дулиттл вернулся на берег ручья в тень деревьев, вытащил из карманов перепуганных лисят и пустил их на траву. Затем помог выбраться из-под сюртука Ночной Тени.

Лисица благодарно потерлась о его ноги и сказала:

— Мне говорили, что вы великий человек, но только теперь я поняла насколько. Не знаю, как вас и благодарить. Я все еще не могу прийти в себя. Звоночек, не лезь в воду!

— Тебе не за что меня благодарить, — ответил доктор. — По правде говоря, мне было приятно посмеяться над стариком Вильямом Пибоди. Столько лет я пытаюсь заставить его отказаться от охоты на лис и никак не могу уговорить. Ему показалось, что собаки ошиблись и прибежали сюда на запах рыбы.

— Нет, собак обмануть невозможно, — горестно вздохнула лиса. — Галловей, тот борзой пес, что разговаривал с вами, никогда не потеряет след. У него очень острый нюх. Если уж он погнался за лисой, то ей, бедняжке, от него не уйти.

— Но ведь за тобой не раз гнались собаки, и все же ты до сих пор жива, — заметил доктор. — Значит, звери частенько ускользают от собак.

— Конечно, это так, — ответила лиса. — Когда собаки чувят наш запах и бросаются по следу, то надо обойти их кругом и зайти к ним со спины, чтобы ветер дул от них к нам. Но это можно сделать только в лесу, а чаще всего нас травят собаками в поле. Иногда бывает, что ветер неожиданно меняется, но такое случается очень редко. Мне только один раз так повезло. Стоял октябрь, небо было хмурое, дул сильный ветер. Охотники любят такую погоду... — И лиса подробно рассказала Джону Дулиттлу, как она спаслась от верной смерти.

— Любопытно, любопытно, — задумчиво сказал доктор, когда лисица умолкла. — Если я правильно тебя понял, вы, лисы, справились бы с собаками, если бы те не чувяли ваш запах.

— Конечно, — кивнула лиса. — Мы хитрые, сильные и ловкие и могли бы уйти от собак, не будь у них такого острого нюха. Мы всегда вовремя замечаем их и могли бы спрятаться, но запах выдает нас.

— А если бы лисы стали пахнуть как-нибудь по-другому? — спросил доктор. — Если бы от них исходил отвратительный для собак запах? Пойдут они тогда по вашему следу?

— Если запах будет противный, ни за что не пойдут, — ответила лиса.

— Вот и я так думаю. Значит, нам надо сделать так, чтобы лиса не пахла лисой, чтобы у нее появился новый, неприятный для собак запах. Посмотри... — И доктор вытащил из кармана черную коробочку с пузырьками. — Здесь у меня лекарства. Понюхай одно из них.

Доктор вытащил пробку из одного пузырька и поднес его к лисьему носу. Лиса осторожно втянула воздух и испуганно отпрянула назад.

— Ой! — пискнула она. — Какой сильный запах! Что это такое? Даже глаза щиплет. — И Ночная Тень начала тереть нос передними лапами.

— Это настойка эвкалипта, — засмеялся доктор. — Не беспокойся, это лекарство совсем безвредное, люди пьют его от простуды. Как ты думаешь, его запах понравится собакам?

— Клянусь моим хвостом, они удержат подальше от такой вони, — сказала лиса. — От такого запаха любая соба-

ка навсегда потеряет нюх. А собаки, особенно охотничьи, стараются беречь свои носы.

— Вот и замечательно, — обрадовался доктор. — Я хорошенько закрою пробкой пузырек, и ты унесешь его в свою нору. Пока пузырек закрыт, ты не почувствуешь никакого запаха. А когда собаки выследят тебя, ты можешь открыть его и вылить на хвост. Думаю, даже пары капель будет достаточно, чтобы твой след стал пахнуть по-другому.

— Я так и сделаю, — пообещала лиса. — Звоночек, оставь в покое мой хвост. Ты мешаешь мне разговаривать с доктором Дулиттлом. Ступай под дерево и сделай тридцать раз то упражнение, которому он тебя научил. — И она снова обратилась к доктору: — Если бы я была собакой, я ни за что не пошла бы на этот запах. Как, вы говорите, называется это лекарство? Эвка... эвка...

— Эвкалипт, — подсказал доктор.

— Как красиво звучит это слово, — сказала лиса. — Двум моим лисятам я уже дала имена, а для третьего еще не подобрала. Назову-ка я его Эвкалиптом. Звоночек, Зубок и Эвкалипт! Красиво, правда?

— Очень красиво, — согласился доктор и посмотрел на лисят. Три детеныша Ночной Тени весело резвились в корнях старого дуба.

— Доктор, — спросила лиса, — а детей этим лекарством можно мазать? Оно им не повредит?

— Не волнуйся, — успокоил ее Джон Дулиттл. — Настойка эвкалипта еще никому не повредила.

— Зато теперь повредит собакам, — хихикнула лиса. — Ну теперь держись, Галловой!

Ночная Тень и лисята сердечно поблагодарили доктора и убежали, унося с собой пузырек со «средством от собак», а доктор Дулиттл отправился в путь. Ни он, ни Ночная Тень еще не догадывались, какое чудесное средство появилось у лис. Однако в тот же день к вечеру лисье семейство снова попало в переplet. Разъяренные неудачей охотники вернулись с собаками в лес, и там Галловой взял след.

Как только Ночная Тень заметила погоню, она откупорила пузырек и брызнула несколько капель на себя и на детей. В воздухе резко запахло лекарством, из лисьих глаз брызнули слезы. Кашляя и задыхаясь, лиса с лисятами неслись по большому луку к своей норе. Охотничьи псы увидели их, перепрыгнули через живую изгородь и помчались вслед. Что может быть проще, чем догнать лису в открытом поле? К тому же Звоночек, лисенок с плоскостопием, не мог бежать быстро.

Собаки приближались, а впереди несея знаменитый Галловой. Охотники радостно понукали лошадей, они уже заранее торжествовали.

И несмотря на то что ветер дул в сторону собак, они вдруг остановились, когда до жертв оставалось десять шагов.

— Что случилось с собаками, Джонс? — крикнул барон Пибоди своему другу, сидевшему на серой лошади. — Ты только посмотри, Галловой сел на землю и, кажется, любит, как удирает лиса!

Ветер подул сильнее. Теперь и всадники почувствовали резкий запах аптеки. Все собаки, как одна, развернулись и в испуге побежали назад. Лошади запрядали ушами и зафыркали.

— Что за дьявольщина?! — воскликнул барон Пибоди. — Откуда эта вонь?

Джонс тщетно пытался остановить собак и яростно размахивал плеткой.

В тот вечер лисица беспрепятственно добралась до норы и уложила детей спать. При этом она шептала:

— Он и в самом деле великий человек. Другого такого не найти.

На следующее утро Ночная Тень вышла из норы, чтобы раздобыть еды для детей. В лесу она встретила знакомого лиса. Тот почувствовал резкий запах, исходивший от Ночной Тени, и отвернулся от нее как от зачумленной.

Точно так же повели себя и остальные соседи. Они даже не здоровались с Ночной Тенью и убегали от нее подалее. Ее с детьми больше не приглашали в гости, а лисяткам строго-настрого запретили играть со Звончком, Зубком и Эвкалиптом.

Но вскоре по лесу пронесся слух, что лису по имени Ночная Тень собаки обходят стороной и она разгуливает где ей вздумается. И уже через две недели к доктору Дулиттлу стали приходить лисы и просить «средство от собак» для себя и всех своих родственников. Конечно, доктор не отказывал им и раздавал пузырьки с настойкой эвкалипта целыми дюжинами.

Скоро уже все лисы в окрестностях Кардиффа пахли так, что собаки поджимали хвосты и убегали сломя голову.

— Ума не приложу, что случилось с лисами и собаками? — терялся в догадках барон Вильям Пибоди. — Похоже, нам не удастся затравить ни одну лису, пока мы не научим собак идти на аптечный запах. Готов держать пари и отдать последний пенс, что во всей этой истории не обошлось без Джона Дулиттла. Ведь он всегда говорил мне, что в конце концов заставит меня отказаться от охоты. Ей-Богу, уж не знаю как, но он добился своего.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 1

СНОВА В ЦИРКЕ

Теперь, когда у него были деньги, Джон Дулиттл мог добраться до Ашби почтовой каретой. Узенькая дорожка привела его в маленький городок Эплдейк. На окраине стояла кузница, у входа в нее сидел чумазый добродушный здоровяк кузнец. Доктор расспросил кузнеца и узнал, что ближайшая почтовая карета отправится через полчаса. Все складывалось как нельзя лучше.

Доктор, а он был сластена, купил в лавочке четверть фунта леденцов, набил ими рот и сел на обочине дороги. Светило солнце, конфеты оказались на удивление вкусными, и ждать почтовую карету было одно удовольствие.

Часа в четыре пополудни появилась почтовая карета и увезла доктора в соседний город. Там Джон Дулиттл пересел на другую, ночную почтовую карету и поехал дальше. Так он ехал и пересаживался, ехал и пересаживался и через два дня уже был на расстоянии десяти миль от Ашби. Оттуда доктор решил пойти пешком. Он побрился, перекусил в деревенской харчевне и зашагал по дороге.

Рядом с дорогой в поле стоял цыганский табор. Старая косматая цыганка выбежала навстречу доктору и ухватила его за рукав.

— Господин хороший, — прошепелявила она. Зубов у нее во рту оставалось уже немного. — Давай я тебе погадаю. Всю правду расскажу, что было и что будет.

— Нет-нет, — отказался доктор. — Что было, я и сам знаю. Ты мне лучше скажи, цирк господина Блоссоме все еще в Ашби?

— Он уже два дня как переехал в соседний город, — ответила цыганка. — В Стоубург. Полчаса назад здесь проехал человек на повозке, он тоже спрашивал про цирк.

Доктор поблагодарил цыганку и поспешил вдогонку за незнакомцем на повозке, потому что с попугачиком дорога кажется вдвое короче.

К полудню доктор нагнал незнакомца. Тот поставил повозку на обочине, а сам сел на край придорожной канавы, чтобы подкрепиться хлебом с ветчиной. Удивительная у него была повозка! Со всех сторон ее покрывали надписи аршинными буквами: «Мази доктора Брауна исцелят вас!», «Рвем зубы без боли!», «Вам поможет от чахотки настойка доктора Брауна!», «Пилюли доктора Брауна поднимут на ноги любого больного!», «Вам нужны примочки? Покупайте их у доктора Брауна!»

Джон Дулиттл с любопытством посмотрел на толстяка, уплетающего хлеб с ветчиной, и спросил:

— Прошу прощения, надеюсь, я имею честь говорить с самим доктором Брауном?

— Собственной персоной, — ответил толстяк и отправил в рот еще один ломоть хлеба. — Может быть, вы желаете удалить зуб?

— Нет-нет, — отказался доктор. — Зубы у меня, слава Богу, не болят. Мне сказали, что вы едете в цирк Блоссома. Я не помешаю вам, если отправлюсь в Стоубург вместе с вами?

— Не имею ничего против, — проговорил доктор Браун с набитым ртом. — Устраивайтесь в повозке, а я тем временем перекушу — и можно будет ехать.

Доктор Дулиттл влез в повозку и огляделся. Все внутри было заставлено полками, ступками, горшочками, баночками и всем прочим, что нужно для изготовления тех лекарств, о которых так хвастливо возвещали на весь мир надписи на повозке. Все это было очень странно, потому что доктор Браун казался грубым, неотесанным мужланом. Джон Дулиттл вылез из повозки.

— Прошу прощения еще раз, — обратился он к доктору Брауну, — не скажете ли, где вы получили диплом врача? Где и кого лечили?

Брауну вопрос доктора пришелся не по вкусу.

— У меня три диплома, да не вам их проверять! — от-

резал он. — С каких это пор можно совать нос в чужие дела?! Да если хотите знать, мои лекарства мертвого на ноги поднимут! Их даже поставляют к королевскому двору!

Доктор Браун говорил еще долго, но Джон Дулиттл его уже не слушал. Он понял, что Браун был вовсе не доктором, а мошенником и шарлатаном, от которого любому честному человеку надо держаться подальше. Поэтому он повернулся к Брауну спиной и зашагал по дороге.

Он уже шел довольно долго, как вдруг до него донесся собачий лай. Это был О'Скалли. Затем послышались голоса еще двух собак, и вот за поворотом доктор Дулиттл увидел О'Скалли, Тобби и Скока. Приятели прыгали вокруг дерева и лаяли на сидевшую на ветвях черную кошку.

Собаки узнали Джона Дулиттла, оставили кошку и припустили со всех ног ему навстречу. Тем временем кошка спустилась с дерева, распушила хвост и шмыгнула в кусты.

— Доктор! — радостно лаял О'Скалли. — Ну что? Софи уже в море?

Собаки терлись о его ноги и наперебой расспрашивали его. Пришлось доктору рассказать с начала до конца всю историю путешествия к морю и обратно.

Чуть позже он сидел в своем фургоне в окружении звериного семейства и повторял свой рассказ.

Крякки подала доктору полдник. Ей очень хотелось накормить Джона Дулиттла как следует, на столе были и сыр, и ветчина, и редиска, и жаркое, и сладкий яблочный пирог. Словом, это был не полдник, а обед и ужин, вместе взятые.

Мэтьюз Магг узнал, что вернулся его друг, доктор Джон Дулиттл, и тоже поспешил к нему. Пришлось доктору в третий раз повторить всю историю от начала до конца.

— Да, — протянул Мэтьюз Магг, — несладко вам пришлось, господин доктор. Слава Богу, все уже позади. Блоссом ни о чем не догадывается.

— А что случилось с Хиггинсом? Где он теперь? — спросил доктор.

— Хиггинс? — переспросил Мэтьюз Магг. — Он неплохо устроился. Теперь он работает конюхом в Ашби. Он доволен.

— А что придумал Блоссом вместо номера Софи? — продолжал расспрашивать доктор.

— Ничего, — ответил Мэтьюз. — Вы помните Геракла? Того силача, которого вы лечили? Он уже выздоровел и снова дает представления. Публика в восторге.

— А мы заработали кучу денег! — сказала Бу-Бу. — Угадайте, сколько мы выручили за номера с тяни-толкаем?

— И сколько же?

— Двести сорок девять шиллингов и пять пенсов, — радостно сообщила сова.

— Так много? Двести сорок девять шиллингов и пять пенсов за одну неделю?! Столько денег я не зарабатывал за год, даже когда лечил людей и у меня отбоя не было от пациентов. Это значит, что скоро мы сможем оставить цирк.

— Вы собираетесь оставить цирк, доктор? — переспросил Тобби и положил лохматую морду на колени доктора.

— По чести говоря, я никогда и не собирался работать в цирке до конца жизни, — ответил Джон Дулиттл. — У меня столько дел в Паддлеби, что трудно себе представить.

— Ах, — грустно вздохнул Тобби, — а я-то думал, что вы останетесь с нами.

— А как же быть с цирком доктора Дулиттла? — спросил Скок. — Вы только подумайте, какой замечательный, настоящий и без обмана цирк мог бы получиться. Все звери только о нем и мечтают.

О'Скалли поддержал Скока:

— Мы даже придумали себе номера. Не торопитесь уходить из цирка.

— А наш театр? — вмешался в разговор Хрюкки. — Мы могли бы создать театр зверей. Пока вас не было, я сочинил пьесу. Я назвал ее «Невоспитанный помидор». Там будет толстуха, которая очень любит поесть, вот ее роль я и сыграю.

— А что случится с домом в Паддлеби? — раздраженно крикнула утка. Она убирала посуду со стола и стряхивала крошки со скатерти. При этом она так разволновалась, что выронила из крыльев тарелку и та разбилась. —

Ну вот, опять из-за вас одни убытки! Все вы, звери, становитесь похожи на людей и думаете только о себе. Кто из вас подумал о докторе? Пока его не будет в Паддлеби, дом обветшает, а сад зарастет сорняками и превратится в джунгли. Конечно, вам до этого и дела нет!

После такой гневной и неожиданной речи хозяйственной Крякки все замолчали. Тобби и Скок смущенно завили хвостами и залезли под стол.

— Крякки права, — сказал доктор Дулиттл. — Когда мы с помощью тяни-толкая заработаем столько денег, что хватит расплатиться с моряком за корабль, мы сразу же уйдем из цирка.

— Ух, — заскулил Тобби, — а я так мечтал о цирке доктора Дулиттла! Вот это был бы цирк!

Хрюкки был того же мнения:

— А я так мечтал сыграть в театре! А если у меня призвание? Загубите молодой талант ни за грош...

— Тоже мне, Шекспир свинячий! — негодовала Крякки. — На прошлой неделе ты мечтал торговать зеленью и овощами.

— Одно другому не мешает, — не сдавался Хрюкки. — Я бы утром торговал морковкой и редиской, а вечером играл бы в театре.

Утром уже весь цирк знал, что доктор Дулиттл возвратился. Сначала его навестил Блоссом. Хозяин цирка и не подозревал, что доктор был хоть как-то замешан в похищении тюленихи. Вслед за ним пришел силач Геракл. Он был искренне рад возвращению Джон Дулиттла. Друзья приятно беседовали и пили чай, когда объявили, что утреннее представление начинается. Гераклу пора было идти, и доктор вызвался его проводить.

Когда Джон Дулиттл возвращался в свой фургон, его нос вдруг уловил резкий запах. Джон Дулиттл оглянулся, принюхался и обнаружил, что вонь идет из шатра заклинательницы змей Фатимы. Доктор обеспокоился и заглянул в шатер. Фатимы там не было. Доктор приоткрыл корзину со змеями и увидел, что все шесть змей лежат почти без сознания. Одна из них заплетающимся языком рассказала доктору, что Фатима перед выступлением брызжет на них хлороформом — снотворным раствором, чтобы ей было легче справиться со змеями.

Доктор вознегодовал. Стояло прекрасное солнечное утро, пели птицы, все живое радовалось жизни, а Фатима, эта обманщица Фатима истязала дурманящим снадобьем невинных ужей! Доктор помчался к Блоссому.

Господин Блоссом вместе с Фатимой осматривали в то время большой купол цирка.

— Я возражаю! — решительно закричал доктор Дулиттл. — Такое нельзя позволять! Как смест Фатима одурманивать змей? Это жестоко!

— Какие пустяки! — улыбнулся ему в ответ Блоссом. — Мы готовимся к представлению. У меня совершенно нет времени на пустые разговоры.

— Не суйте свой нос в чужие дела! — злобно прошипела Фатима. — Ничтожный, жалкий докторишка!

Джон Дулиттл грустно понурил голову и отправился к себе в фургон. Он не умел отвечать грубостью на грубость. Тем временем ворота цирка распахнулись и толпа посетителей с радостным гомоном вбежала внутрь. Доктор шел через толпу и раздумывал, как бы выкрасть змей и отпустить их на свободу. И тут он заметил, что люди спешат к помосту в углу.

Возникший словно из-под земли Мэтьюз Магг взял доктора под руку и повел его к помосту, на котором, как оказалось, стоял доктор Браун, тот самый шарлатан, с кем Джон Дулиттл встретился по пути в Стоубург. Он на все лады расхваливал свои чудодейственные пилюли и настойки.

— Один глоток, одна пилюля — и вы больше никогда не будете болеть! — выкрикивал он.

— Какой договор заключили между собой Блоссом и этот мошенник? — спросил доктор Мэтьюза.

— Блоссом получает свою долю от выручки, — ответил «кошачий кормилец». — Мне сказали, что Браун поедет дальше с цирком. Ходят слухи, что он хорошо зарабатывает.

И в самом деле торговля чудо-снадобьями шла бойко. Браун не успевал пересчитывать деньги.

— Вот вам шиллинг, принесите мне пилюли и мазь, — сказал доктор и вытащил из кармана монету.

— Вам-то они зачем? — удивился Мэтьюз Магг. — Даже я понимаю, что пользы от его лекарств не больше, а даже меньше, чем от яичницы на сале.

Мэтьюз Магг принес доктору Дулиттлу пилюли и мазь, тот сунул их в карман и отправился к себе. В фургоне он открыл пузырек и коробочку, рассмотрел их содержимое на свет, понюхал, лизнул, растер, капнул на них какой-то жидкостью и в конце концов вскричал:

— Какая гадость! Ночной грабитель и то честнее, чем этот Браун. В его лекарствах нет ничего, кроме воды, поваренной соли и свиного жира! Мэтьюз, принесите сюда лестницу.

Ничего не понимающий Мэтьюз принес лестницу, доктор вскинул ее на плечо и зашагал к помосту, где расхваливал свой товар «доктор» Браун. Глаза Джона Дулиттла пылали грозным огнем.

— Что вы хотите делать, — забеспокоился Мэтьюз Магг. Он семенил рядом с доктором и пытался поддерживать тяжелую лестницу.

— Я открою им глаза! — гневно сказал доктор. — Я не позволю, чтобы люди отдавали последние гроши за снадобья шарлатана.

О'Скалли до тех пор спокойно сидел у дверей фургона, и вдруг он наострил уши и вскочил на ноги.

— Тобби, Скок! — позвал он. — Доктор идет к помосту, где дурит публику Браун.

Три верных пса, предчувствуя потасовку, бросились на выручку доктору. А Джон Дулиттл тем временем представил лестницу к помосту и полез по ней наверх. Браун гордо стоял на помосте, держал в руке пузырек с мазью и громко кричал:

— Дамы и господа! — Голос у него был не сильный, но противный и пронзительный. — Мазь, которую я держу в руке, — лучшее в мире лекарство от ревматизма, лихорадки, насморка и подагры! Самые знаменитые врачи прописывают ее своим пациентам! Королевская семья Бельгии и персидский шах каждый день мажут ее на ночь! Попробуйте ее, и вы сразу...

Вдруг Брауна перебили. Люди повернулись и увидели маленького толстенького господина в мятом сюртуке и потертом цилиндре. Он стоял на верхней ступеньке лестницы, прислоненной к помосту, и кричал:

— Дамы и господа! Этот человек обманывает вас. В его мази нет ничего, кроме свиного сала, а в пилюлях —

только поваренная соль. Он самый что ни на есть мошенник и плут. Не покупайте у него ничего. Пусть покажет диплом врача!

— Сам ты плут и обманщик, — взвизгнул Браун. — Я подам на тебя в суд за клевету!

Вдруг рядом с Брауном появилась Фатима и взяла его сторону.

— Мошенник! — кричала она и тыкала пальцем в доктора Дулиттла. — Поколотите его!

Толпа растерялась и не знала, кому верить, к счастью, там оказалась одна из бывших пациенток доктора Дулиттла. Невысокая пожилая дама подняла к небу зонтик и воскликнула:

— Да ведь это доктор Джон Дулиттл! Лет десять тому назад он вылечил моего сына! Он настоящий доктор, а тот — мошенник! Слушайте доктора Дулиттла, а не то окажетесь в дураках!

Толпа зашумела. Люди требовали вернуть деньги.

— Сбросьте его с лестницы! Поколотите его! — не унималась Фатима.

Двое дюжих мужчин уже взобрались на помост и наседали на Брауна с требованием вернуть деньги. Браун оттолкнул их, подбежал к краю помоста и закричал:

— Не верьте ему!..

Метко брошенная гнилая морковь пролетела над толпой и угодила в лицо Брауну. Вслед за этим в лжедоктора полетели яйца, яблоки и даже камни. В него бросали все, что годилось для того, чтобы бросать.

— Бей мошенника! — в один голос взревела толпа и полезла на помост.

Г л а в а 2

ПОТАСОВКА

Доктор Дулиттл встревожился. Ведь он влез на лестницу, чтобы разоблачить обманщика и предупредить людей, что его лекарства поддельные. Но толпа взъярилась

и, сметая все на своем пути, бросилась к помосту. Брауна могли разорвать на клочки.

К счастью для Брауна, на шум прибежала полиция. Однако успокоить толпу не удалось, и полиция пустила в ход дубинки. Дело завершилось множеством наставленных синяков и разбитых носов. В конце концов спокойствие было восстановлено, но цирк пришлось закрыть. А у ворот бесновалась толпа зрителей, требовавших вернуть деньги за билет.

Почтенные горожане Стоубурга негодовали, и к полудню мэр города прислал к Блоссому чиновника сообщить, что цирк, по приказанию магистрата, должен немедленно покинуть Стоубург.

Конечно, Браун уже давно удрал из города. Но для Джона Дулиттла это вовсе не означало завершения неприятностей. Как раз наоборот. Когда Блоссом узнал, что его выдворяют из города, он вышел из себя. С ним даже чуть не случился удар. К тому же Фатима с самого утра настраивала его против доктора, и решение магистрата переполнило чашу его терпения. По милости докторишки он, Александр Блоссом, вынужден был нести убытки!

Когда в фургон хозяина цирка вошел чиновник в шляпе с пером и сообщил, что цирк должен немедленно покинуть город, там была Фатима и еще несколько циркачей.

— Бог знает что! — вскричал Блоссом. Рядом с ним, прислоненная к стене, стояла толстая дубинка. Он схватил ее и взмахнул ею над головой. — Я научу его, как себя вести! За мной!

Александр Блоссом напрямик направился к фургону доктора Дулиттла, вслед за ним шагали Фатима и пятеро циркачей. Они грозно размахивали кулаками. О'Скалли и Мэтьюз Магг сидели поодаль от фургона хозяина цирка. Когда они увидели, что целая толпа циркачей идет к доктору, О'Скалли помчался предупредить доктора, а Мэтьюз Магг побежал совсем в другую сторону. Но он не испугался, нет: он побежал за подмогой.

Пока «мстители» пересекали цирковой двор, к ним присоединились плотники, конюхи и другие служители. Доктор бесстрашно вышел им навстречу.

— Добрый день, — сказал он. — Чем могу быть полезен?

Александр Блоссом хотел было что-то сказать, но только беззвучно открывал и закрывал рот.

— Вы подложили нам свинью, — крикнул кто-то из толпы.

— А теперь мы подложим свинью вам! — пронзительно заорала Фатима.

— По вашей милости цирк изгоняют из города! — вопили циркачи. — Мы так надеялись подзаработать, а теперь нам придется затянуть пояса!

— Вы оклеветали нас, — обрел наконец дар речи Блоссом. — С первого же дня вашего пребывания в цирке вы только и делали, что вставляли нам палки в колеса! Вы слишком много берете на себя!

Не говоря больше ни слова, взбешенные мужчины под предводительством хозяина цирка набросились на Джона Дулиттла. Град ударов посыпался на доктора, и он упал на землю.

О'Скалли пытался защититть доктора и впился зубами в ногу Блоссом, но что может пес против дюжины разъяренных людей? И вот тут-то появился Мэтьюз Магг. Он бежал через двор цирка, а за ним тяжело переваливался с ноги на ногу силач Геракл.

Великан вступил на поле боя и принялся за ноги, за руки и за волосы оттаскивать нападавших, расшвыривая их в стороны, словно соломинки. В конце концов остались только двое сражающихся: Александр Блоссом и доктор Дулиттл. Они все еще катались по земле и тузили друг друга. Геракл ухватил директора за шиворот своей ручищей, поднял в воздух и встряхнул.

— Веди себя как приличествует воспитанному человеку, Александр, иначе я приведу тебя в чувство по-своему. А это, клянусь, будет тебе не так уж приятно!

На поле брани воцарилась тишина. Циркачи вставали на ноги и потирали ушибленные при падении места.

— Какая муха вас укусила? — спрашивал Геракл, все еще держа Блоссом за шиворот. Тот яростно взбрыкивал ногами. — Почему вы все набросились на доктора? И не стыдно вам нападать на одного, к тому же на самого маленького и слабого.

— Он сказал публике, что Браун шарлатан и его мазини на что не годны! — крикнула Фатима. — Из-за него люди потребовали вернуть им деньги. Он сам мошенник! Об этом все знают!

— Ты-то сама хороша! — ответил ей Геракл. — На прошлой неделе я собственными глазами видел, как ты разрисовывала своих ужей, чтобы они стали похожи на гадюк. Джон Дулиттл не мошенник, а замечательный доктор, иначе ему не удалось бы так быстро меня вылечить.

— По его милости цирк выдворили из города, — проворчал кто-то из циркачей. — Мы тащились сюда тридцать пять миль — и все понапрасну! А теперь придется еще проехать миль сорок, пока мы наконец сможем хоть что-то заработать.

— Чтобы им и не пахло в моем цирке! — взорвался Блоссом. — Я терпел его сколько мог. Теперь все, кончилось мое терпение!

Хозяин цирка высвободился из рук силача, подошел к доктору и сунул ему под нос кулак.

— Вы уволены! — заорал он. — Даю вам срок до вечера. И чтоб ноги вашей здесь больше не было!

— Ладно, — сказал доктор, — к вечеру нас здесь уже не будет. — И он направился в свой фургон.

— Погодите, господин доктор, — остановил его Геракл. — Вы и вправду хотите уйти из цирка?

Джон Дулиттл повернулся к силачу и нерешительно произнес:

— Мне трудно сказать, хочу я уйти из цирка или нет.

— Какая разница, хочет он или нет! — снова крикнула Фатима. — Хозяин выставил его вон — вот и все дела. Пусть убирается.

Джон Дулиттл посмотрел на Фатиму. Эта женщина ненавидела его лютой ненавистью, глаза ее горели. И тогда он вспомнил безобидных ужей, над которыми она измывалась, вспомнил слона, льва и леопарда из зверинца, вспомнил старушку Бетти, которой уже давно пора было на покой. И пока он стоял неподвижно, соображая, что ответить Гераклу, Скок ткнулся влажным носом ему в руку, а Тобби потянул зубами за полу сюртука.

— Нет, Геракл, — ответил доктор, — должен признаться, что уходить из цирка мне не хочется. Но что поделаешь, ведь меня выгоняют.

— Ну уж нет, — решительно сказал циркач. — Всегда можно что-то сделать. Послушай, Александр, — и он ухватил Блоссом за плечо и поднес к его носу кулак величиной с арбуз, — если уйдет доктор, то уйду и я, а со мной и мои племянники-акробаты. С кем ты останешься в цирке? Кто тебе дороже — мошенник Браун или настоящие артисты?

Господин Александр Блоссом, владелец «самого большого цирка в мире», призадумался. От страха и неуверенности он покусывал усы. Да и было над чем призадуматься: тюлениха Софи исчезла неизвестно куда, без силача, акробатов и тяни-толкая нечем будет заманить публику. Пока Блоссом колебался, Фатима то бледнела, то краснела, то зеленела от злости. Если бы ее глаза могли метать молнии, доктор и Геракл уже давно умерли бы на месте.

— К чему нам ссориться, — наконец сказал Блоссом. Теперь его голос звучал мягко и приветливо. — Почему

нам не сесть за стол и по-дружески, за чашкой чая, не договориться? Было бы непростительной глупостью губить цирк из-за такого недоразумения.

— Я готов остаться в цирке, — твердо произнес доктор, — но с одним условием. Пока я здесь, в цирке никто не будет торговать шарлатанскими снадобьями.

— Вы слышали? Он опять за свое! — завизжала Фатима. — Хватит нас учить, как работать в цирке!

— Кроме того, я требую, чтобы эта женщина больше не приближалась к змеям. Она должна уйти. Или я, или она! А змей я у нее куплю.

Как ни бесилась Фатима, как ни кричала, ни угрожала, Джон Дулиттл и Александр Блоссом сумели договориться.

Однако дело завершилось не так хорошо, как могло бы показаться. Той ночью Бу-Бу сидела на ступеньках фургона и слушала, как ухали совы, охотившиеся в поле на мышей. Распахнулась дверь, и к ней вышла Крякки. Утка утопала в слезах.

— Я уж и не знаю, как сладить с нашим доктором, — пожаловалась она. — Она вытряхнул из копилки все двести сорок девять шиллингов и пять пенсов, которые мы копили, чтобы вернуться в Паддлеби. Знаешь, на что он их потратил? Он купил шесть огромных змей! К тому же он поселил их в ящике, где я храню муку! — И Крякки зарыдала в голос.

Глава 3

ГОВОРЯЩИЙ КОНЬ

Заклинательница змей Фатима ушла из цирка. Теперь доктору стало легче: он в конце концов сумел кое-что сделать для зверей и облегчить их участь. Он отправил Софи на Аляску, выкупил змей, чтобы их больше не отравляли дурманящими снадобьями, он выгнал Брауна.

Многие циркачи не любили Фатиму, и теперь они с уважением стали относиться к доктору. Даже хозяин

цирка Блоссом с почтением поглядывал на доктора Дулиттла, к тому же тяни-толкай давал хорошую выручку.

Но по-настоящему они оценили Джона Дулиттла, когда заболел говорящий конь.

В то время цирк стоял в Бриджтауне. Публика валом валила на представление, и Блоссом надеялся поправить свои дела. В первый же день циркачи в ярких костюмах прошлись по улицам города и на всех углах расклеили афиши.

ШПАГОГЛОТАТЕЛИ!

ПОЖИРАТЕЛИ ОГНЯ!!

ЮНАЯ НАЕЗДНИЦА НА ДИКОМ КОНЕ!!

ОТВАЖНЫЕ АКРОБАТЫ БРАТЬЯ ПИНТО!!

ЗНАМЕНИТЫЙ СИЛАЧ ГЕРАКЛ!!

КЛОУН ХОУП И ЕГО СОБАКА СКОК!!

ЙО-ЙО — СЛОН-ВЕЛИКАН ТАНЦУЕТ ТАНГО!!

ГОВОРЯЩИЙ КОНЬ БЕППО!!!

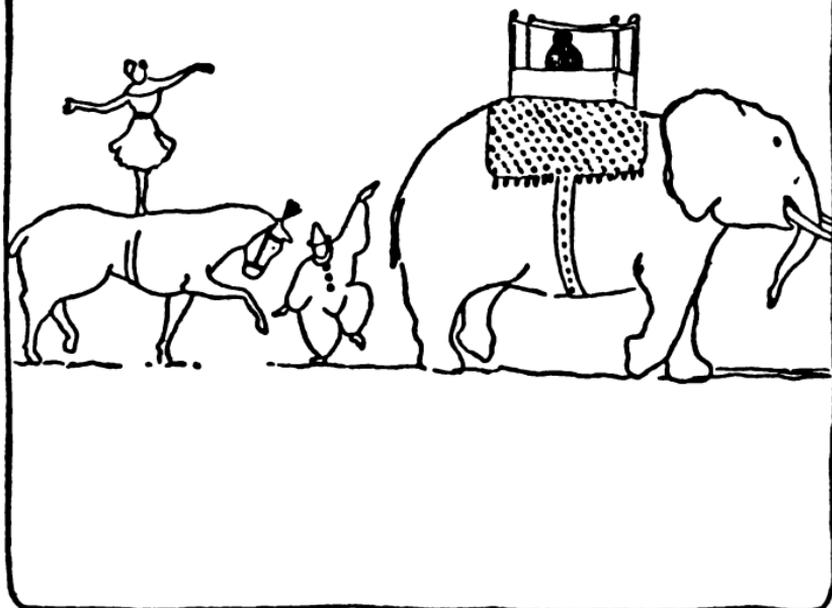
. Билет — 6 пенсов

Правду говоря, Беппо был самым что ни на есть обыкновенным конем. Блоссом купил его у одного француза, который и научил коня понимать не человеческую речь, а знаки и жесты. По знаку Блоссом он стучал копытом или мотал головой из стороны в сторону.

— Сколько будет три плюс четыре, а, Беппо? — спрашивал Блоссом.

И Беппо бил семь раз копытом в песок арены. Публика задавала вопросы коню, и он отвечал «Да», то есть кивал головой, или «Нет», то есть мотал головой из стороны в сторону. Конечно, он не понимал, о чем его спрашивают. Когда надо было, чтобы конь ответил «Да», Блоссом почесывал его за левым ухом, а чтобы конь ответил «Нет», Блоссом скрещивал руки на груди. Хозяин цирка держал все эти знаки в тайне, но Джон Дулиттл знал о них уже давно, потому что Беппо в первый же день рассказал ему о всех хитростях представления.

Говорящий конь Беппо был гвоздем программы цирка, и сам Блоссом считал его лучшим своим приобретением. Номер с говорящим конем и в самом деле пользовался успехом у публики. Дети с большим удовольстви-

ем задавали вопросы Беппо и визжали от восторга, когда тот отвечал им ногой или головой.

В день первого представления в Бриджтауне доктор беседовал с Блоссомом, когда вдруг прибежал цирковой конюх.

— Господин Блоссом! — закричал он с порога. — Беппо лежит в конюшне и не открывает глаза. Наверное, он заболел. Представление начинается через четверть часа, а я не могу поднять его на ноги.

Ругаясь на чем свет стоит, Блоссом помчался на конюшню. Доктор Дулиттл пошел вслед за ним.

Беппо и вправду заболел. Он тяжело дышал, лежал неподвижно, и лишь иногда по его телу пробегала дрожь. С большим трудом доктору и Блоссому удалось поставить его на ноги. Но конь едва стоял и не мог сделать ни шагу.

— Какое невезение! — сокрушался хозяин цирка. —

Мы объявили его выступление в афише, и если Беппо не выйдет на арену, публика останется недовольна, а потом и вовсе перестанет к нам ходить. Мы понесем убытки.

— Придется сказать зрителям, что Беппо заболел, — ответил доктор. — У него воспаление легких. Нельзя и думать о том, чтобы он вышел на арену.

— А если зрители потребуют вернуть им деньги? — в отчаянии воскликнул Блоссом. — До начала представления осталось пять минут! Что же мне делать? Если остаться здесь, кто же будет объявлять номера? В цирке нет никого, кто мог бы вести представление вместо меня!

— Прошу прощения, блосподин Госсом... тьфу, господин Блоссом! — раздался вдруг за спиной хозяина цирка голос.

Блоссом повернулся и увидел перед собой смущенное лицо Мэтьюза Магга.

— Может быть, я заменю вас? — спросил «кошачий кормилец». — Я знаю всю программу наизусть и могу объявить любой номер.

Блоссом смерил его презрительным взглядом и сказал:

— В таком виде — и на арену цирка?! Ладно уж, на безрыбье и Мэтьюз Магг сойдет за хозяина цирка. Пойдемте, вам надо переодеться во фрак.

Доктор остался с Беппо в конюшне, а Блоссом с Мэтьюзом поспешили в фургон хозяина цирка. Там Теодора в один миг отутюжила старый фрак Блоссом, выгладила брюки, приклеила мужу под нос накладные усы, и господин Магг из торговца мясом для кошек и собак превратился в хозяина цирка.

Наконец-то сбывалась мечта его жизни! Когда Мэтьюз вышел на арену и увидел вокруг себя море лиц, его грудь гордо выпятилась. Теодора наблюдала за мужем в щелку занавеса, замирала от восторга и молилась, чтобы такая красивая складка на брюках не смялась до конца представления.

Тем временем доктор осмотрел Беппо и принялся за лечение. Он вытащил из своей сумки большие пилюли голубого цвета и как раз уговаривал коня проглотить их, когда вернулся Блоссом.

— Беппо не сможет выступать не только сегодня и завтра, но и всю неделю. Ему нужен покой.

— Мы пропали! — всплеснул руками Блоссом. — Мы разорены! О скандале в Стоубурге раструбили газеты, и если теперь мы еще потеряем говорящего коня, на цирке можно поставить крест. Мне нечем заменить Беппо. А что же это за представление без гвоздя программы? Чует мое сердце, публика потребует вернуть деньги.

Самоуверенность слетела с Блоссом, он обмяк, поник головой. Доктору стало жаль его. И тут в конюшне слышалось тихое ржание. Это подала голос Бетти, старая, уставшая от непосильного труда лошадь. На лице доктора мелькнула улыбка.

— Выслушайте меня, господин Блоссом, — сказал он. — Мне кажется, что я могу вам помочь. Но вы должны пообещать мне, что никому не откроете мою тайну.

— Обещаю, конечно, обещаю, — ответил хозяин цирка. Положение его было отчаянное, и он готов был пообещать что угодно и кому угодно.

— Я всю свою жизнь изучал животных, — продолжал доктор. — Вот вы говорите, что Беппо понимает, о чем его спрашивают, и может отвечать на все ваши вопросы. И вы и я прекрасно знаем, что это не так. Но публика верит вам. А я могу говорить с животными на их языке.

Пока доктор говорил, Блоссом с мрачным видом рассматривал носки своих башмаков. Услышав последние слова, он приподнял голову и удивленно захлопал глазами.

— Или вы умом тронулись, или я ослышался. Где же это видано — говорить с животными на их языке? Я тридцать с лишним лет работаю в цирке, я о животных знаю все. Звериный язык? Чушь! Или вы меня, Александра Блоссом, принимаете за дурака?

Глава 4

БЕТТИ ЗАГОВОРИЛА

— Звериный язык — вовсе не чушь, и умом я не тронулся, — невозмутимо ответил доктор. — Придется мне доказать вам, что я говорю правду.

— Вам это никогда не удастся, — презрительно произнес Блоссом.

— В конюшне стоят пять лошадей, не так ли? — спросил доктор. — Из своего стойла они не могут меня видеть. Хотите, я спрошу любую из них, о чем пожелаете, и они мне ответят.

— Ей-Богу, вы сошли с ума! — упрямылся коваля цирка. — У меня и так голова идет крутом от забот. Не отрывайте меня от дел вашими выдумками.

— Как хотите, — пожал плечами доктор. — Если вы нуждаетесь в моей помощи, я уйду. Не лезьте навстречу.

И Джон Дулиттл направился к выходу. Из главного шатра цирка доносился шум: публика рукоплескала.

— Пойдите, — сказал Блоссом, — спросите у Бетти, под каким номером значится ее стойло.

Старушка Бетти занимала второе стойло. Оно было занавешено, и на занавеске красовалась выведенная синей краской цифра 2.

— Как она должна мне ответить: по-лошадиному или постучать копытом?

— Постучать копытом, господин лошадиный профессор, — издевательски ухмыльнулся Блоссом. — Я не знаком с лошадиной грамматикой, и мне будет трудно судить, обманываете вы меня или нет.

Доктор фыркнул несколько раз, и тут же из стойла номер два послышались два гулких удара копытом в деревянный настил.

Блоссом удивленно вскинул брови, но тут же пожал плечами.

— Это могла быть случайность, — недоверчиво сказал он. — Спросите у Бетти, сколько пуговиц на моем жилете, на том, в котором я выступаю на манеже и в который сейчас вырядился ваш приятель Мэтьюз Магг.

— Хорошо, — согласился доктор и тихонько заржал.

На этот раз доктор забыл сказать, что обращается к Бетти. Все пять лошадей, стоявшие в конюшне, много раз видели жилет Блоссомы и знали, сколько на нем пуговиц. И конечно, все пять лошадей ответили доктору. Из каждого стойла донеслось шесть ударов копытом. Даже

бедняга Бепно, лежавший с закрытыми глазами на соломе, вытянул заднюю ногу и стукнул ею шесть раз в загородку.

У Блоссомы от удивления глаза полезли на лоб.

— Если вы и сейчас считаете, что это случайность, — сказал с улыбкой доктор, — я попрошу Бетти сорвать зубами занавеску в ее стойле и подбросить ее вверх.

Он снова заржал, и тут же занавеска исчезла. Доктор стоял неподвижно, зато Блоссом бросился к стойлу и увидел, как лошадь подбрасывает в воздух и ловит на лету занавеску, словно играющая платком шаловливая девочка.

— Теперь вы мне верите? — спросил доктор Дулиттл.

— Верю, что вы родом из ада. Вы тот человек, который мне нужен. Ступайте за мной, я подберу вам костюм.

— погодите, — остановил его доктор, — что вы собираетесь делать?

— Переодеть вас. Нельзя выходить на арену в мятом сюртуке и потертом цилиндре. Вы же сами сказали, что хотите мне помочь!

— Я готов помочь вам, — отдельно произнес Джон Дулиттл, — но я поставлю свои условия. И вы должны обещать мне, что выполните их. Только в таком случае я превращу Бетти в говорящую лошадь и выступлю с ней на арене. Насколько я помню, говорящий конь был объявлен в конце программы. Вам с лихвой хватит этого времени, чтобы выслушать все мои условия.

— К чему? Это совершенно лишнее! — вскричал Блоссом. — Я готов обещать вам все что угодно. Подумать только, вы можете из любой клячи сделать цирковую актрису! Да мы с вами вмиг разбогатеем. Ваше место в цирке! Почему вы не пошли работать в цирк лет десять тому назад? Вы уже давно были бы богатым человеком, а не задолжавшим всему миру деревенским врачом. Пойдемте, я переодену вас. Публика должна думать, что вы замечательный наездник, а для этого нужен костюм особого рода. Если вы появитесь на арене в сюртуке и в этих брюках, все решат, что вы никогда в жизни не сидели верхом на коне.

Блоссом привел доктора к себе, распахнул свой сундук и принялся вынимать из него самые разнообразные кос-

тюмы. И пока хозяин цирка рылся в сундуке, доктор перечислял ему свои условия:

— С тех пор как я работаю в вашем цирке, я замечаю, что дело у вас ведется... гм! как бы сказать? Что дело ведется не совсем честно. Особенно плохо приходится животным. Я уже не раз говорил вам об этом, но вы меня не слушаете.

— Как же не слушаю? — удивился Блоссом и вытащил из сундука красные персидские шаровары. — Нет, шаровары не годятся. Что ни говорите, а Фатиму я все-таки выгнал из цирка только потому, что вам не понравилось, как она обращается со змеями.

— Вам пришлось выставить ее вон, — возразил доктор, — потому что вас заставили, а не по доброй воле и не из любви к животным. Поэтому давайте сразу договоримся: Бетти уже стара, она отработала на вас много лет. За то, что сегодня она вас выручит и выступит перед публикой, вы отправите ее на покой. Где и как она захочет прожить остаток дней, Бетти скажет вам сама. Обещайте, что выполните ее условия.

— Конечно, обещаю! — поспешно согласился Блоссом.

Он вытащил из сундука кавалерийский мундир и примерил его на Джона Дулиттла.

— Нет, не подходит, — покачал он головой. — Роста вы невысокого, зато брюшко у вас — ого-го!

— Кроме того, — продолжал доктор, — обещайте заняться зверинцем. Клетки тесные и грязные, звери в них задыхаются, кормят их плохо и не выводят на прогулку.

— Дайте срок, господин доктор, и мы сделаем все в лучшем виде, — пообещал Блоссом. — Вы можете сами взяться за зверинец и присматривать за служителями. О, что вы скажете насчет костюма ковбоя?

— Нет, премного благодарен, — отказался Джон Дулиттл. — Ковбои — грубые люди и совершенно не умеют обращаться с лошадьми. Чтобы поднять лошадь на дыбы, они бьют ее шляпой по глазам. Какая жестокость! Надеюсь, что вы отнесетесь к моим словам серьезно.

— Конечно, конечно, — ответил Блоссом. — Если вы поработаете в моем цирке еще год, то все остальные цирки превратятся в сравнении с нами в балаганы. А вот, на-

конец, и то, что вам надо. Гусарский мундир двадцать первого полка, с орденами, эполетами и всем прочим. Он вам подойдет.

Блоссом примерил на доктора ярко-красный, расшитый золотом гусарский доломан и засиял от восторга.

— Никогда в жизни не видел ничего красивее, — радовался он. — Ну просто глаз не отвести. Публика будет довольна. А вот и сапоги, по-моему, они будут вам впору.

Доктор принял из рук Блоссом пару блестящих, как зеркало, сапог для верховой езды, сбросил с ног свои старые башмаки и натянул сапоги. В эту минуту к ним заглянул конюх.

— Ты пришел как нельзя кстати, — обрадовался Блоссом. — Беги на конюшню и вычисти получше скребницей Бетти. Она сегодня выступает на арене.

— Бетти?! — не поверил своим ушам конюх.

— Ты что, не понял? — рассердился Блоссом. — А еще вплети ей в хвост и в гриву красные ленты, а спину покрай зеленой попоной. Живо!

Конюха как ветром сдуло. И тут же к хозяину цирка зашел клоун Хоуп с собакой Скоком. Разодетый в пух и прах доктор с трудом застегивал доломан на округлом брюшке.

— Как там идут дела у Мэтьюза Магга? — спросил Блоссом. — Публика еще не начала швырять в него тухлыми яйцами?

— И не начнет! — ответил клоун и устало плюхнулся на стул. — Он неподражаем, он родился, чтобы выступать в цирке. Его голос гремит! А какой он бойкий на язык! Как только происходит заминка, он сразу же сыплет на публику веселыми историями. Зрители уже животы надорвали от смеха. Да, господин Блоссом, у вас появился серьезный соперник. А кто этот бравый гусар? Ба, да ведь это наш доктор! Что все это значит?

— Это значит, что доктор через десять минут выходит на арену, — объяснил хозяин цирка. — Господин Дулиттл, прицепите еще саблю. Вот сюда. Вот так. Не беспокойтесь, она ненастоящая. Значит, публика довольна? — обратился он к клоуну.

— Трудно поверить, но они радуются как дети. Да они и есть дети. В последнюю минуту на представление при-

шли все ученики гимназии. А вечером придут солдаты из казарм. В кассе билетов уже нет, а люди стоят толпой у ворот и ждут неизвестно чего. Давненько у нас не было такого успеха.

Глава 5

ГВОЗДЬ ПРОГРАММЫ

Блоссом с доктором и клоуном Хоупом пошли за кулисы. Там царило радостное возбуждение. Из зала доносились рукоплескания и восторженные крики.

— Хоуп, — обратился Блоссом к клоуну. — Передай Мэтьюзу Маггу, что вместо Беппо выступит другая ло-

шадь, а с ней — его приятель доктор Дулиттл. Пусть объявит номер как хочет, лишь бы расхваливал его на все лады. Пусть не боится пересолить, потому что это будет лучший номер за всю историю нашего цирка. Он будет лучше лучшего выступления Беппо в лучшие времена.

— Хорошо, — ответил клоун и улыбнулся сквозь толстый слой грима на лице. — Но что до меня, то я предпочел бы, чтобы старая кляча выглядела получше.

А старушка Бетти и вправду выглядела ужасно. Долгие годы она была никому не нужна, за ней не ухаживали, шерсть у нее свалялась, а грива и хвост висели космами. Теперь ее на скорую руку вычистили скребницей, расчесали хвост и гриву, и все же, несмотря на зеленую попоную и красные ленты, Бетти осталась тем, чем была на самом деле — старой клячей, уставшей за многие годы верной службы, тяжкого труда и побоев.

— Бедняжка Бетти, — шепнул доктор ей на ухо. — Похоже, ты собралась на собственные похороны. Мужайся, подними голову повыше, раздуй ноздри. Вот так. Теперь ты выглядишь молодцом.

— Вы мне не поверите, доктор, — отозвалась Бетти, — но я очень хорошего рода. Моя мать рассказывала мне, что ее предком был боевой скакун, верхом на котором сражался Юлий Цезарь в битве при... уж теперь и не вспомню, в какой битве. Совсем стала слаба памятью... Моя мать гордилась своим происхождением. Но, с тех пор как боевые кони стали никому не нужны, из моих предков сделали рабочий скот и наш род пришел в упадок. Может быть, вы мне пока объясните, что я должна делать на арене? Честно говоря, я не совсем понимаю, что от меня требуется.

— Положись на меня и делай то, что я тебе скажу. Кроме того, показывай любые трюки, какие только взбредут тебе в голову. Приободришься, вспомни о славе твоих предков! Выгни шею дугой, сверкни глазами. Представь себе, что ты несешь в седле самого Цезаря.

А тем временем на арене щеголял красноречием Мэтьюз Магг. Он ловко и умело восхвалял «самый большой в мире цирк» и представлял публике всех артистов. Это были лучшие минуты его жизни.

В перерыве между выступлениями акробатов братьев

Пинто и силача Геракла на арену выкатился колесом клоун Хоуп. Пробегая мимо Мэтьюза Магга, он щелкнул его по носу, от чего зал покотился со смеху, и шепнул на ухо:

— Блоссом нашел говорящую клячу, которую дрессировал доктор Дулиттл. Объявишь их номер как обычно.

Потом, после силача Геракла, на арену вышел слон Йо-Йо. Он потанцевал под музыку, поклонился публике и ушел под рукоплескания. И тогда Мэтьюз Магг взмахом руки заставил умолкнуть оркестр и громовым голосом объявил гвоздь программы — гусарского генерала Футынута с говорящей лошадию.

Оркестр заиграл туш, и доктор-гусар со старушкой Бетти вышли на арену. Оба вели себя так, словно всю жизнь только и делали, что выступали перед публикой. Они поклонились на все четыре стороны, «генерал Футынута» перекувырнулся через голову, а Бетти сделала круг по арене и снова встала рядом с Джоном Дулиттлом.

— А теперь уважаемая публика может задавать любые вопросы говорящей лошади, — объявил «генерал Футынута».

И тут же посыпались вопросы:

— Сколько будет дважды два?

— Два прибавить три?

— Девять вычесть четыре?

Бетти отвечала ударами копыта и ни разу не ошиблась.

— Вот это да! — взвизгнул от восторга мальчишка в первом ряду. — У меня на уроках и то хуже получается!

Публика рассмеялась, но мальчишка не смутился и крикнул:

— Пусть лошадь подойдет ко мне и снимет с меня шляпу!

Бетти послушно затрусилась к первому ряду, осторожно сняла зубами шляпу с головы сорванца и подала ему.

Представление продолжалось долго. А под конец одна девочка попросила Бетти подойти, сняла со своих волос большой бант и привязала его к гриве лошади.

Когда доктор увел Бетти за кулисы, публика продолжала рукоплескать и еще много раз вызывала их на арену.

Весть о невероятном успехе представления цирка Блоссом в мгновение ока облетела весь Бриджтаун. Жители города только и говорили что о клоунах, силачах, акробатах, а больше всего о лошади «генерала Футынута». Теперь задолго до начала представления люди выстраивались в длиннющую очередь и с нетерпением ждали, когда же откроется касса и им продадут билет.

Глава 6

НЕСРАВНЕННАЯ БЕТТИ

Напрасно огорчалась Крякки, что доктор потратил все накопленные деньги на змей. Очень скоро копилка снова наполнилась. На корм безобидным ужам уходили гроши, но утка, как добросовестная экономка, продолжала ворчать и пенять доктору, а новых жильцов называла не иначе как «противными червями».

И все же дела доктора пошли в гору. Публика валом валила в цирк и оставляла в кассе у загона с тяни-толкаем столько денег, что как-то вечером Бу-Бу подсчитала выручку, надолго задумалась, а потом склонила набок голову, закрыла левый глаз и сказала:

— Если так пойдет и дальше, то за шесть дней мы без труда заработаем шиллингов триста, не меньше.

— Без труда? — возмущенно пролаял в ответ О'Скалли. — Ты посмотри, как трудятся на арене доктор и старушка Бетти. Не будь их, в цирк не пришла бы и половина зрителей.

После первого же представления Блоссом почувал, что номер с Бетти сулит ему небывалые барыши, и бросился умолять Джона Дулиттла продолжить выступления до конца недели, пока цирк не покинет Бриджтаун.

— Но ведь я обещал Бетти, — возражал доктор, — что она наконец-то сможет уйти на покой. Я не знаю, когда Беппо выздоровеет и вернется на арену, но старушку Бетти я уговорил только на одно выступление. Я надеялся, что вы найдете ей замену.

— Побойтесь Бога, доктор, — вскричал Блоссом. — Мне и за год не найти замены вам и Бетти. С тех пор как появились цирки, никто ничего подобного не видел. Все только о вас и говорят. Я слышал, что даже жители соседних городов бросают свои дела и мчатся сюда, чтобы на вас посмотреть. Доктор, голубчик, попросите Бетти выступать и дальше. Не так уж это и тяжело. Скажите ей, что она получит что захочет: спаржу на завтрак, финики на ужин, перину и пуховое одеяло на ночь. Открою вам секрет: за вчерашний день мы заработали пятьдесят фунтов. Таких денег в нашей кассе никогда не бывало.

Доктор пристально посмотрел на Блоссом, помолчал и наконец с грустью вымолвил:

— Да, теперь ваша старая лошадь приносит вам барыши, и вы готовы холить ее и лелеять. Двадцать лет она работала на вас, а вы кормили ее впроголодь, лишь бы держалась на ногах, а в стужу укрывали рваной попоной.

— Я искренне раскаялся! — поспешил перебить его Блоссом. — Неужели ей так трудно решать детские задачи и отвечать на вопросы? Поговорите с ней, доктор. Боже, у меня все в голове смешалось: я упрашиваю вас поговорить с лошадью! А еще вчера утром я и не догадывался, что со зверями можно говорить на их языке!

— И поэтому говорили с ними на языке плетки, — сердито сказал Джон Дулиттл. — Вот бы поменять вас местами, чтобы вы хотя бы пару лет поработали за охапку сена, а Бетти угощала бы вас кнутом за нерадивость. Ладно уж, так и быть. Я передам ей вашу просьбу, но не обещаю, что она согласится. Решение остается за ней, и если она не захочет больше выступать, то вы будете должны, как и клялись, отправить ее на покой.

Доктор отвернулся от хозяина цирка и зашагал к конюшне.

— Бедная Бетти, — тихо шептал он, — подумать только, ее предок носил в седле Юлия Цезаря, он слышал, как легионы радостным криком встречали завоевателя мира.

Старая лошадь стояла в стойле и смотрела в окошко на далекие поля.

— Это вы, господин доктор? — спросила Бетти, когда Джон Дулиттл появился на пороге конюшни. — Вы пришли, чтобы увести меня отсюда?

— Бетти, — сказал доктор и положил руку на костлявую, натруженную спину лошади. — Ты стала великой и несравненной актрисой.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, доктор, — удивилась лошадь.

— Ты прославилась, Бетти. Наш мир — очень забавная штука. Теперь, после двадцати лет службы у Блоссомма, твой хозяин вдруг обнаружил, что ты очень умна и многого стоишь.

— Я все равно не понимаю, доктор. Я знаю, что ни один лошадиный барышник не даст за меня ни гроша.

— Но ты умеешь говорить, Бетти, — продолжал доктор.

— Я всегда умела говорить, — возразила лошадь.

— Я-то это знаю, но господин Блоссом и весь мир вместе с ним даже не догадывались, пока ты не вышла на арену цирка. Теперь они хотят каждый день видеть тебя в цирке.

— По-моему, они все умом тронулись, — фыркнула лошадь.

— Может быть, и так, — согласился доктор. — Теперь ты так дорога Блоссому, что он предлагает тебе спаржу на завтрак, финики на ужин, а на ночь — перину и пуховое одеяло, лишь бы ты согласилась выступить в цирке до конца недели.

— Вот теперь я понимаю, что значит прославиться, — грустно ответила Бетти. — Но мне не хочется ни спаржи, ни фиников, я их никогда не пробовала. Я хочу пастись на большом зеленом лугу

— Ты вольна делать, что тебе вздумается, — сказал доктор. — Двадцать лет тебе приходилось подчиняться воле человека, теперь ты свободна. Если ты не согласна больше выступать на арене, я найду способ заставить Блоссомма выполнить договор. Поэтому ты прямо сегодня можешь уйти на покой.

— А что вы мне посоветуете, господин доктор? — спросила лошадь.

— Собственных лугов у Блоссомма нет, — ответил Джон Дулиттл, — и ему придется отдать тебя кому-нибудь из крестьян, и дать тому денег тебе на сено. А если ты останешься в цирке, то, может быть, через неделю я подыщу

подходящий луг. Кроме того, Блоссом станет уступчивее, и мне будет легче помочь другим животным.

— Если это поможет другим цирковым животным, то я готова остаться, — согласилась Бетти.

Когда Джон Дулиттл сообщил хозяину цирка, что Бетти согласна выступить на арене до конца недели, не было на свете человека счастливее, чем Александр Блоссом. Он приказал напечатать новые афиши:

СПЕШИТЕ! СПЕШИТЕ! СПЕШИТЕ!
ТОЛЬКО ЧЕТЫРЕ ДНЯ В БРИДЖТАУНЕ
ВЕЛИКИЙ ЦИРК БЛОССОМА
И ЗНАМЕНИТАЯ ГОВОРЯЩАЯ ЛОШАДЬ БЕТТИ!
НЕ УПУСТИТЕ СЛУЧАЙ!
ГОВОРЯЩАЯ ЛОШАДЬ БЕТТИ
ИЗ КОНЮШЕН ГЕНЕРАЛА ФУТЫНУТА

Доктору было очень неловко выдавать себя за владельца конюшни, да еще и гусарского генерала. Но Мэтьюз Магг уже окрестил так доктора, и делать было нечего.

Во вторник, среду и четверг цирк с утра до вечера давал представления и заработал столько, сколько не зарабатывал раньше и за неделю. В зрительном зале поставили еще три ряда скамеек, и все равно все желающие не могли поместиться в главном шатре. Полиция Бриджтауна присутствовала на каждом представлении, чтобы «поддерживать порядок». По чести говоря, полицейским просто хотелось посмотреть на говорящую лошадь и на генерала Футынута.

Глава 7

ПАСТБИЩЕ ДЛЯ БЕТТИ

На третий день представлений в Бриджтауне слон попросил О'Скалли позвать к нему доктора. Доктор прихватил саквояж и направился в зверинец.

У слона разболелась спина. Доктор Дулиттл осмотрел его и сказал:

— У бедняги ревматизм. Да и немудрено! Вы только посмотрите, как сыро и грязно у него в загоне!

Доктор Дулиттл выписал рецепт и отправил Блоссома, как тот ни упирался, в аптеку за мазью. То-то удивился аптекарь, когда у него купили сразу целый бочонок мази! Да и сам хозяин цирка еще неделю тому назад ни за что не согласился бы потратить такую уйму денег на лечение слона. Но теперь, благодаря доктору, деньги рекой текли в кассу цирка, и Блоссом был готов пойти на все, лишь бы так продолжалось как можно дольше.

Когда мазь принесли, доктор потребовал себе в помощь шестерых крепких мужчин.

Растирать слона — дело не из самых легких. В зверинце собралась большая толпа зевак, которые с открытым от удивления ртом глазели, как доктор и шестеро его помощников влезли на слона и принялись швабрами растирать его мазью. Пот ручьями струился по их лицам, а слон охал и кряхтел.

В тот же день доктор приказал выстроить для слона новый загон, намного просторнее, настелить в нем деревянные полы, покрыть их толстым слоем мягких стружек, а в углу положить огромный, набитый сеном тюфяк. Новый загон тоже стоил недешево, но Блоссом, скрепя сердце, раскошелился, и артель дюжих плотников за три часа закончила работу. К утру слон выздоровел.

Все те новшества, которые доктор Дулиттл ввел в зверинце, пришлось не по вкусу служителям, и они решили пожаловаться на него Блоссому.

— Это зверинец, а не косметический салон, — говорили они. — Не хватало еще ухаживать за зверьем как за людьми! Скоро он заставит нас прислуживать им.

Но Блоссом не стал их и слушать. Он сказал, что отныне в зверинце будет командовать доктор Дулиттл, а все несогласные с ним могут убираться на все четыре стороны.

Беппо все еще болел — воспаление легких не проходит так быстро. Правда, опасность уже миновала, но силы возвращались к нему медленно. Доктор навещал его два раза в день. Но теперь хозяин цирка и не торопил доктора с лечением Беппо, он понимал, что его собственное выступление с «говорящим конем» никогда не соберет столько зрителей, как номер доктора с Бетти. Дело было еще в том, что, несмотря на старость и неказистый вид, Бетти была намного умнее Беппо.

Неделя подходила к концу. Блоссом уже договорился с одним крестьянином в окрестностях, что тот возьмется за деньги ухаживать за старушкой Бетти, кормить ее овсом и два раза в неделю баловать репкой, которую Бетти очень любила. В субботу, после вечернего представления, Джон Дулиттл должен был отвести Бетти к крестьянину и осмотреть его хозяйство. Если им там не понравится, они подыщут для Бетти другого опекуна.

Последнее представление кончилось, цирковые шатры свернули, и доктор с Бетти собрались в путь. Спину старой лошади покрывала расшитая попона — прощальный подарок Блоссом. Но не подумайте, что Блоссом раскошелится по доброй воле, — на этом настоял доктор Дулиттл.

Джон Дулиттл стоял у ворот цирка, держал Бетти за повод и ждал Мэтьюза Магга — тот пошел за узелком с едой, который Крякки приготовила доктору в дорогу. Вдруг доктор увидел, что к нему бежит Блоссом. За ним семенил невысокого роста хорошо одетый господин.

— Погодите минутку, доктор, — с трудом переводя дыхание, вымолвил хозяин цирка. — Позвольте вам представить господина Беллами, владельца увеселительного сада в Манчестере. Он предложил мне представить наш цирк у себя, в самом большом увеселительном саду Англии. Но он настаивает на выступлении Бетти. Вы представляете, он обещает нам сто фунтов в день! О таком прибыльном деле можно только мечтать!

— Нет, нет и нет! — отрезал доктор. — Бетти уже стара, и пусть она проведет оставшиеся ей годы в покое и довольстве.

Не желая больше слушать Блоссом — чем больше барышей он получал, тем еще больше ему хотелось, — доктор отвернулся и зашагал по дороге. Он так и не дождался Мэтьюза Магга.

Не успели Джон Дулиттл и Бетти уйти далеко, как их догнала Бу-Бу.

— Доктор, — сказала сова, — я прилетела, чтобы рассказать вам о невероятном предложении.

— Бу-Бу, — ответил доктор, — сейчас я не намерен говорить о деньгах больше чем когда-либо. Это только говорят, что деньги не пахнут, на самом деле у них отвратительный запах.

— Нет, вы только подумайте, доктор, — не сдавалась Бу-Бу, — что мы можем купить на деньги!

— Да, купить на них можно многое, — согласился доктор, — но именно поэтому из-за них столько хлопот и несчастий.

— Крякки просила меня сказать вам, — продолжала Бу-Бу, — что мы уже можем вернуться в Паддлеби. Я подсчитала, сколько заработал тяни-толкай за это время, выгнала наши долги моряку и лавочникам. У нас теперь пятьсот тридцать три шиллинга и десять пенсов чистога-ном.

— Да, деньги немалые, — проворчал доктор. — Но их все равно пока не хватит, чтобы распрощаться с цирком. Пусть Крякки хорошенько спрячет деньги, я завтра вернусь, и мы поговорим. До свидания, спасибо за хорошие новости.

Когда доктор с Бетти наконец добрались до деревни, у дороги им встретился старый козл в зеленых очках. Доктор дояго к нему присматривался и наконец узнал: это был его давний знакомый по имени Тогл. Очки прописал ему сам Джон Дулиттл лет семь тому назад.

— Я очень рад встрече с вами, — сказал Тогл. — Что привело вас в наши края?

Доктор рассказал ему историю Бетти. В ответ Тогл с сомнением покачал головой:

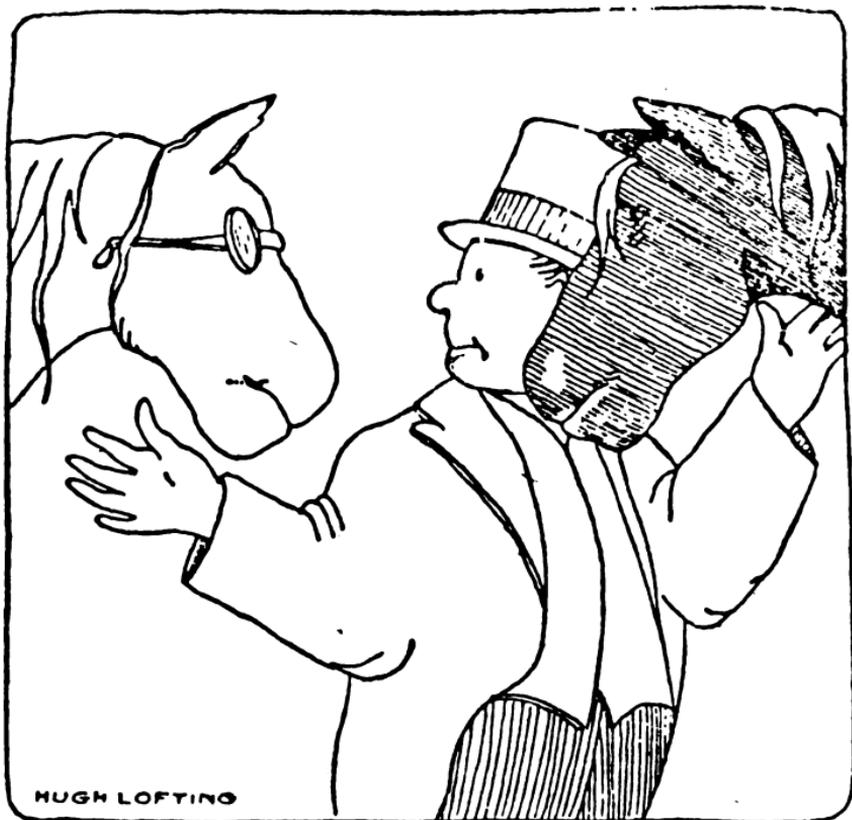
— Это значит, что Бетти прислали к моему хозяину. Я рад буду подружиться с ней, вдвоем все-таки веселее, да и хозяин мой — человек добрый. Но вот пастбище у него никуда не годится.

— А чем оно тебе не нравится? — спросила Бетти. — Невкусная трава?

— Трава хорошая, — ответил Тогл, — правда, в августе, когда прошли дожди, она стала слишком жесткой. Ну да это не беда. Все дело в том, что нашему хозяину достался луг на северном склоне холма и даже в самые жаркие дни сюда редко заглядывает солнце. А когда задувает холодный ветер, укрыться от него можно только вон за той живой изгородью. Но травка там уже повыщипана.

— А какое пастбище, по-твоему, лучше всего подошло бы для престарелых лошадей? — спросил доктор у Бетти.

— Это должны быть холмы, но не слишком крутые и

высокие, — высказала свою лошадиную мечту Бетти. — На их склонах так приятно щипать травку. А еще — ветвистые деревья, в их тени очень хорошо полежать после обеда. И пусть растет дикая мята, она очень полезна для желудка, особенно когда объешься травой. И лучше бы родник с чистой водой, а не болотистая лужа. Было бы хорошо, если бы там стояла старая конюшня, крытая соломой. А трава пусть там растет густая, высокая и пахучая, и медуница — она так красиво цветет весной. А еще там должен стоять высокий крепкий столб. Это так приятно — чесать о него спину и смотреть на заходящее солнце. А вокруг пастбища пусть тянется крепкая ограда, через которую не перебраться ни злым мальчишкам, ни собакам — всегда тишина и покой. Вот на таком пастбище, господин доктор, я хотела бы провести остаток жизни. — Бетти вздохнула.

...самое лучшее место, — произнес доктор. — Я думаю, вы не прочь пожить в таком, хотя, по чести говоря, это место больше, чем столб для почесывания спины. Но, вы случайно не знаешь в окрестностях похожего пастбища?

— Конечно, — ответил конь. — Пойдемте, я покажу вам.

И Тогл повел их через холм к южному склону. Перед ними за креникой оградой раскинулся луг, самый красивый луг на свете. Казалось, добрая фея решила исполнить мечту старушки Бетти. Вдали высились тополя, по склону журчал ручей. Около живой изгороди стоял на совесть сколоченный сарай, а посередине луга был вкопан столб, о который так удобно чесать спину.

— Это оно, — тихонько сказала Бетти. — Это оно, то пастбище, о котором я всю жизнь мечтала. Ни один конь не может пожелать себе лучшего пристанища, чтобы доживать свой век.

— Вот и прекрасно! — воскликнул доктор. — Он тоже не мог оторвать глаз от луга. — Кто владелец этой земли, Тогл? Тоже твой хозяин?

— Нет, — ответил конь в зеленых очках. — Я несколько раз пытался пробраться сюда, но меня всегда прогоняли прочь кнутом. Хозяин этого луга живет вон в том доме под красной крышей.

— Любопытно, сколько может стоить такое пастбище? — подумал вслух Джон Дулиттл. — По-моему, особых барышей оно хозяину не приносит.

— Зачем же покупать пастбище, доктор? — удивилась Бетти. — Разве Блоссом не обещал, что позаботится, чтобы я ни в чем не нуждалась?

— Обещал, — покачал головой доктор. — Но человеческим обещаниям — грош цена. К тому же он заплатит только за тебя, а я всегда мечтал основать приют для престарелых лошадей. Этот луг подходит для приюта, вот мне и пришла в голову мысль купить его и отдать вам.

— А хватит ли у вас денег, господин доктор? — тревожно спросила старушка Бетти. — О'Скалли не раз говорил мне, что вы бедны как церковная мышь.

— Так оно и есть, — сказал Джон Дулиттл. — С деньгами у меня почему-то все время туго. Но ты же слышала, что говорила сова Бу-Бу, когда мы уходили из цирка. Цирки, и должен кучу денег одному моряку за корабль,

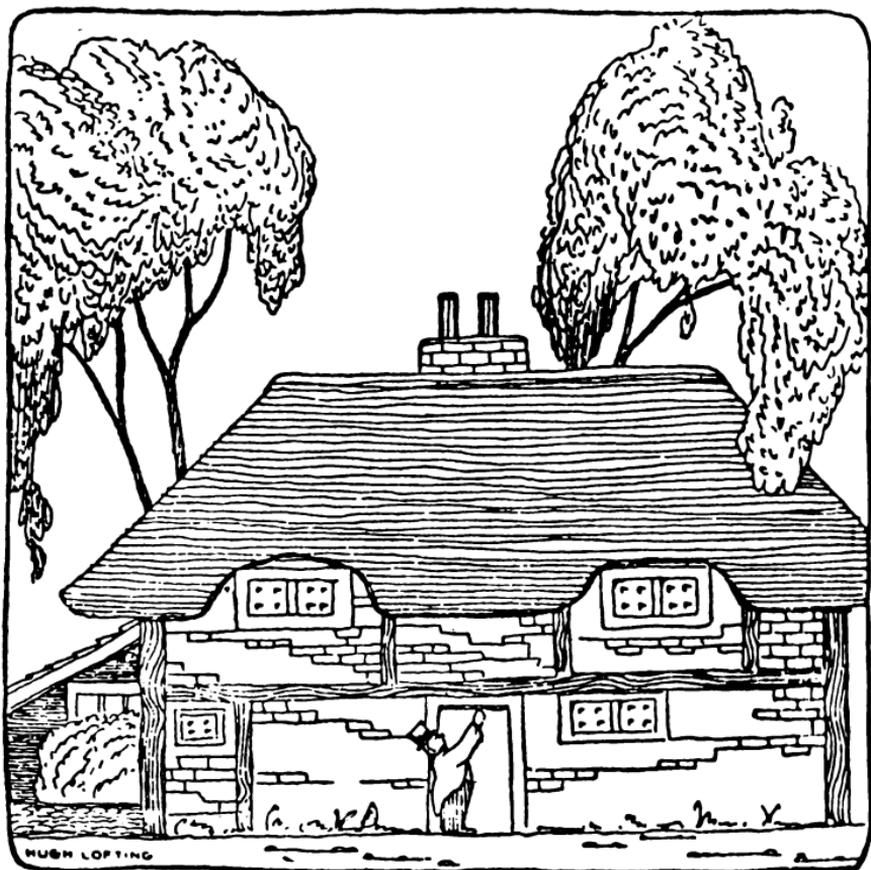
но думаю, ему не к спеху. Вам сейчас эти деньги намного нужнее. К тому же я буду работать и копить и в конце концов верну моряку долг. Конечно, пятисот двадцати шиллингов не хватит, чтобы купить такое пастбище, но, может быть, крестьянин согласится взять задаток и подождать полгода с остальными деньгами. Попробую-ка я поговорить с хозяином.

И доктор зашагал к домику под красной крышей.

В ту минуту, когда Джон Дулиттл постучал в дверь, хозяин пастбища сидел за столом с хозяином Тогла и просил у него четыреста шиллингов в долг. Ему не на что было купить картошку.

— Извини, сосед, — отвечал ему хозяин Тогла, — но у меня сейчас у самого туго с деньгами.

Доктор Дулиттл стучом в дверь нарушил их беседу.

ПРИЮТ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ ЛОШАДЕЙ

Хозяин пастбища оказался человеком гостеприимным и сразу же предложил доктору сесть с ними за стол и угостил его стаканчиком душистого яблочного вина. Джон Дулиттл рассказал ему про пастбище, куда привел их Тогл, и спросил, нельзя ли его купить.

Доктор не ошибся, когда сказал, что луг не приносит хозяину больших барышей, потому что росла там только трава, которая годилась разве что на сено. Поэтому хозяин уже давненько подумывал продать его. А тут еще понадобились деньги, чтобы купить картофель!

— Пастбище? — переспросил хозяин. — Почему не продать? Продам. За две тысячи четыреста шиллингов.

Конечно, пастбище стоило раза в два меньше, но доктор Дулиттл не умел торговаться и сразу же согласился:

— Идет. У меня пока есть всего пятьсот двадцать шиллингов, и их я заплачу завтра же, а остальные буду выплачивать вам раз в полгода по четыре сотни.

Сделка показалась хозяину пастбища выгодной, и он поспешил ответить:

— По рукам!

— Уж не собираетесь ли вы поставить на том лугу фабрику и отравить все окрестности дымом? — спросил хозяин Тогла.

— Нет, что вы! — успокоил его Джон Дулиттл. — Я только хочу открыть там приют для престарелых лошадей.

«Он не в своем уме», — подумали оба крестьянина, но слух ничего не сказали — кто платит, тот и заказывает музыку. К тому же присутствие старых лошадей не грозило им неприятностями, поэтому купчая на землю скоро была составлена и подписана. Что может быть безобразнее, чем старые лошади?!

Кстати, продолжал доктор Дулиттл, — у меня есть отличный приятель. Это конь, который всю жизнь бездельничал в поле и танцевал за собой плуг. Он носит звание ветерана, много лет назад он пришел ко мне в Паддлестон и прожил у меня.

— Так вы говорите о Тогле? — удивился крестьянин. — Он моя собственность. Странный, упрямый конь, он ни за что на свете не соглашается снять очки.

— По-моему, он уже слишком стар для работы в поле, — сказал доктор. — Он пасется на вашем лугу, а ему хотелось бы поселиться на том пастбище, которое я сегодня купил. Вы не станете возражать, если Бетти и Тогл останутся вместе?

— Конечно, нет, если ему так хочется, — не стал возражать хозяин. — Только я не совсем понимаю, откуда вам знать, чего хочется старому коняге...

Доктор Дулиттл смутился. Он не хотел выдавать свой секрет.

— У меня есть свой способ узнать, — промямлил он, — чего хочет животное. Дело в том, что я натуралист.

— Странная, однако, у него натура, — шепнул хозяин Тогла соседу и подмигнул.

— Натуралист вы или нет, нам до того дела нет, — громко сказал хозяин пастбища, — но как только вы заплатите мне натуральными деньгами, пастбище станет вашим.

— Оно не станет моим, — возразил доктор и встал из-за стола. — Оно станет собственностью приюта для престарелых лошадей. Еще сегодня я оформлю дарственную. Кстати, где в деревне живет плотник?

И доктор Дулиттл ушел. А когда через полчаса крестьянин вышел в поле, он увидел у входа на пастбище надпись:

**ПРИЮТ ОБЩЕСТВА
ПРЕСТАРЕЛЫХ ИЗВОЗЧИЧЬИХ
И КРЕСТЬЯНСКИХ ЛОШАДЕЙ**

Злым людям и собакам вход воспрещен
ЛОШАДИ ПРИНИМАЮТСЯ В ОБЩЕСТВО БЕСПЛАТНО
председатель общества — БЕТТИ
секретарь — ТОГЛ

Доктор попрощался с Тоглом и Бетти и отправился в обратный путь. Пройдя шагов сто, он оглянулся — две старых, изможденных лошади паслись на цветущем лугу. Их вид радовал сердце доктора Дулиттла.

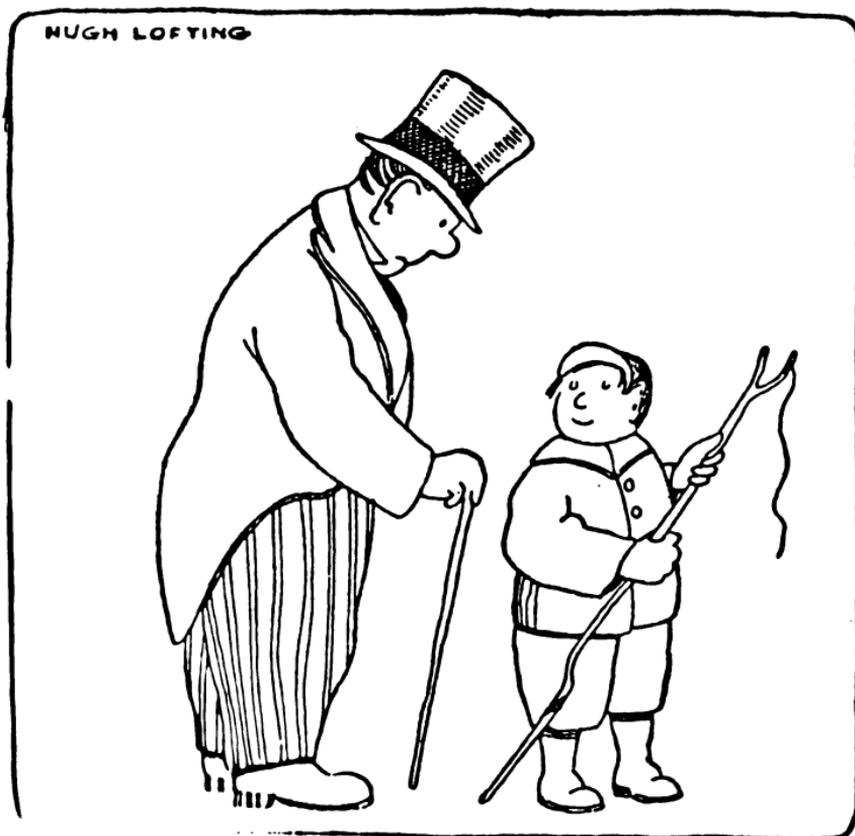
— Кажется мне, — говорил сам себе Джон Дулиттл,

шагая обратно в цирк, — что сегодня я совершил лучший в моей жизни поступок. Бедняги! Они прямо на глазах помолодели. Как бы мне основать побольше таких приютов? Хотя бы для начала для бездомных собак и кошек. Конечно, Крякки рассердится не на шутку, что я истратил все деньги, и будет права. Но ведь должен кто-нибудь заботиться о брошенных животных! — Он остановился и оглянулся. Бетти кувыркалась в траве, а Тогл купался в ручье. — А как же репка? Я совсем позабыл про репку!

И, сетуя на дырявую память, доктор Дулиттл вернулся в деревню. На ее окраине он встретил мальчишку. Сорванец сидел в песке и играл.

— Как тебя зовут, мальчик? И кто твой отец? — спросил доктор.

Мальчика звали Томом, и он оказался сыном крестьянина, у которого Джон Дулиттл купил пастбище.

— Хочешь зарабатывать шиллинг в неделю? — спросил его доктор.

— Шиллинг в неделю? — удивился щедрости незнакомца мальчик. — Хочу! Я должен накопить денег, чтобы к зиме купить себе коньки. Пока у меня есть всего десять пенсов.

— А ты умеешь выращивать репу?

— Дело нехитрое, — пожал плечами мальчик. — У меня на грядках растет много репы.

— Вот и хорошо! — обрадовался доктор Дулиттл. — Посмотри туда. Видишь луг, где пасутся две старые лошади? Я купил эту землю у твоего отца. Там будет приют для старых лошадей. Ты посеешь за конюшней грядки с репой, а я тебе буду платить за это шиллинг в неделю. Согласен?

— Еще бы! — воскликнул мальчишка.

— Вот тебе шиллинг за неделю вперед и еще пенс на семена, — сказал доктор. — Ты будешь первым огородником в приюте для лошадей. С сегодняшнего дня ты на службе. Подготовь грядки побольше, через пару дней я пришлю сюда еще несколько лошадей. Созревшую репу собирай в пучки и корми ею лошадей два раза в неделю.

Мальчик обрадовался неожиданному заработку, побежал за мотыгой и тут же взялся за дело.

А доктор шагал по дороге в Бриджтаун, на душе у него было легко. «Наконец-то все сделано, — думал он. — Все сложилось как нельзя удачнее. Как бы только мне поосторожнее сказать Крякки, что наша копилка снова опустеет?»

Приют для престарелых лошадей просуществовал много лет, и уж кому-кому, а Крякки он радости не прибавил. Четыреста шиллингов каждые полгода, которые выплачивал доктор крестьянину за луг, — еще полбеды, главная же беда была в том, что теперь доктор то и дело выкупал в окрестностях очередную престарелую клячу. Он скупал коней у извозчиков, у старьевщиков, у крестьян, а когда на дороге показывалась цыганская телега, несчастная Крякки хваталась за голову. Ведь всем известно — цыганские лошади славятся худобой и старостью, и не было надежды, что доктор их не заметит и не захочет купить. И уж тогда из копилки выгребалось все до по-

следнего пенни, потому что цыгане умели торговаться намного лучше, чем доктор Дулиттл.

Все эти лошадиные пенсионеры отсылались в приют и становились членами Общества. Вот так у Бетти и Тогла появилась большая семья. Старые лошади прибывали со всех концов страны, и вечером под тополями можно было услышать не одну занятную историю. А к столбу посередине луга иногда даже выстраивалась очередь, до того старики любили чесать о него спины.

Приют наполнялся, и мальчик, выращивавший репу, написал доктору, что он один уже не справляется и что ему нужен помощник. «Кстати, — писал он в письме, — у меня есть приятель. Он тоже не прочь подзаработать на коньки. Полоть грядки и выращивать репу он умеет. Может быть, вы и его наймете?» Пришлось доктору согласиться и платить мальчишкам уже два шиллинга в неделю.

Через три месяца доктор посетил приют, и сразу же выяснилось, что нужны деньги, деньги и еще раз деньги. Пора было подправить ограду, вычистить ручей, посадить кусты в живую изгородь, чтобы она стала погуще. Как все знают, лошади не носят сапог, поэтому понадобились подковы. Пришлось звать кузнеца.

Копилка пустела прямо на глазах.

— К чему стараться? — жаловалась как-то Крякки сове. — Я пытаюсь урезать наши расходы, чтобы выкроить лишний шиллинг и ускорить наше возвращение домой, а доктор швыряет деньги на ветер. Уж и не знаю, как быть. Он сколько ни заработает, сразу же все и потратит.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Глава 1

ГОСПОДИН БЕЛЛАМИ ИЗ МАНЧЕСТЕРА

Доктор Дулиттл рассчитывал вернуться в цирк к следующему утру, но по дороге его нагнал крестьянин на телеге и предложил подвезти, так что доктор добрался до Бриджтауна еще к полуночи.

У входа в цирк его ждал Мэтью Магг.

— Блоссом хочет немедленно поговорить с вами. Тот господин из Манчестера все еще здесь.

Цирковые шатры уже свернули и погрузили на повозки. Загоны для зверей разобрали. Все было готово к тому, чтобы на следующее утро отправиться в путь.

Джон Дулиттл с увязавшимся за ним О'Скалли подошел к фургону Блоссом. В окошке горел свет. Было уже поздно, часы пробили полночь, но хозяин цирка не спал. Он сидел за столом и беседовал с изящно одетым господином, тем самым, что приглашал доктора с Бетти дать представление в Манчестере.

— А вот и вы, доктор! Добрый вечер, — приветствовал Джона Дулиттла хозяин цирка. — Позвольте вам представить господина Фредерика Беллами, владельца увеселительного сада в Манчестере. У него к вам предложение.

Господин Беллами пожал доктору Дулиттлу руку, устроился поудобнее в кресле, скрестил руки на груди и произнес:

— Меня ждут срочные дела в Манчестере, но я все-таки решил отложить их, лишь бы поговорить с вами, господин доктор. Сегодня после обеда я предложил господину Блоссому заключить договор и теперь хотел бы обсу-

дить его с вами. Я видел ваш номер с говорящим конем, очень, о-о, очень любопытный номер! Я хотел, чтобы вы вместе с цирком господина Блоссом дали представление в моем увеселительном саду. Господин Блоссом пытался уговорить вас, но вы ему отказали и отвели коня на пастбище.

Доктор согласно кивнул головой и сказал:

— Так оно и было. Я уже давно обещал Бетти, что после недели выступлений отправлю ее на покой.

— Я не понимаю, как можно что-то обещать лошади, — пожал плечами господин Беллами. — Но в конце концов, это ваше дело. Как вы сами понимаете, без вашего номера договор не состоится. А что до цирка господина Блоссом, что же, может быть, он и не плох, но не более того. Таких цирков сотни. Однако господин Блоссом посоветовал мне задержаться, подождать вас и лично поговорить с вами. Он плел мне небылицы про вас и про ваших зверей. Он уверял меня, что ваше выступление не зависит от лошади, что дело здесь не в дрессировке, а в вашей власти над животными и что вы можете повторить ваш номер хоть с коровой. Он сказал мне, что вы умеете говорить с животными на их собственном языке. У меня это в голове не укладывается! Неужели это правда?

— Правда, — подтвердил доктор. Голос его стал холодным, а лицо помрачнело. — Я сожалею, что открыл свою тайну господину Блоссому. Оказывается, он не умеет держать язык за зубами. Я никогда не хвастаюсь своими способностями, тем более что в них нет ничего сверхъестественного. Кстати, я и вам, господин Беллами, советую никому об этом не говорить, так как вам не поверят точно так же, как не поверили вы. Но это правда. Я действительно могу говорить с животными.

— Вы производите впечатление честного человека, — отозвался господин Беллами. — Я не могу не верить вам, но и не могу поверить, что можно говорить со зверями. Но если это действительно так, может быть, вы согласитесь выступить у меня в саду с любым другим животным?

Но у меня нет ни одного готового номера, — возразил доктор. В цирке я новичок, к тому же я убежден, что водить зверей на арену можно только с их согла-

сия. Я должен сначала хорошенько подумать и поговорить с животными.

— Конечно! Поговорить с животными! — воскликнул господин Беллами. Ему уже казалось, что он сходит с ума. — Однако уже поздно. Даю вам срок до утра. Сегодня я уже опоздал на почтовую карету, поэтому останусь здесь, а утром вы мне скажете, что надумали вы и... гм... ваши звери.

Доктор возвращался в свой фургон, рядом с ним бежал О'Скалли. Он внимательно выслушал весь разговор и теперь прямо дрожал от нетерпения.

— Доктор, — говорил он, — нельзя упустить такую возможность. Мы придумаем наши собственные номера. В них выступать будем только мы: я, Бу-Бу, Хрюкки, Скок, можно еще взять белую мышь, так уж и быть, придумаем ей маленькую роль. Доктор, а доктор, — упрашивал пес, — вы же сами обещали нам, что когда-нибудь мы дадим представление. Вы напишете для нас пьесу, пьесу для театра зверей. То, что сочинил Хрюкки, никуда не годится: там сплошные овощи. У поросенка одна еда на уме. Только вы можете написать настоящую драму или трагедию, а мы ее сыграем. В Манчестере нас ждет успех, да еще какой! Манчестер город большой, и публика там знает толк в искусстве.

Несмотря на поздний час, в фургоне доктора еще никто не спал. Все ждали, когда он вернется и расскажет новости. О'Скалли не утерпел и прямо с порога выложил все, о чем беседовал доктор Дулиттл с господином из Манчестера.

— Мы поставим собственную пьесу, — радостно лаял он, — и будем в ней играть.

Звери пришли в восторг. Мысль о собственном театре понравилась всем, даже белой мышке и Крякки.

— Ура! — завизжал Хрюкки. — Наконец-то я стану актером и выступлю на сцене!

— Не горячитесь, — попытался успокоить зверей доктор Дулиттл. — У нас пока еще нет пьесы. А вдруг мы не сумеем написать ее? К тому же то, что нравится вам, не обязательно должно понравиться публике.

— Понравится, обязательно понравится! — не сдавал-

ся О'Скалли. — Мы напишем трагедию, чтобы в ней были рыцари и сражения. Мальчишки будут без ума от нее.

— Фи, трагедия, — возразила Крякки. — Нам нужна мелодрама. Длинная история о любви, чтобы дамы плакали.

— Может быть, поставим «Золушку»? — предложила белая мышь. — Эту сказку знают все, а я в ней сыграю ту мышку, которую фея превращает в слугу Золушки.

— Тогда уж лучше «Гадкого утенка», — сказала Крякки, — а я в ней сыграю главную роль и к концу сказки превращусь в прекрасного лебедя. — С этими словами Крякки гордо вытянула шею и игриво повела крыльями.

Чтобы хоть как-то охладить пыл Крякки, доктор решил, что пора рассказать ей, куда он потратил все пятьсот двадцать шиллингов из копилки. И Крякки сразу из прекрасного лебедя снова стала обычной домашней уткой.

— Что же мне с вами делать, господин доктор, — запричитала она. — Вам нельзя доверять деньги. Боже мой, мы никогда не вернемся в Паддлеби!

Однако остальные звери были так увлечены спором, что даже не обратили внимания на слова доктора. Театр, театр! — вот что их волновало, а про деньги в ту минуту они и вовсе забыли.

— Что такое деньги! Да мы их скоро столько заработаем, что понадобится еще одна копилка, а может быть, и две, — самонадеянно заявил Хрюкки. — Доктор, а давайте сыграем «Красную Шапочку». Я буду Красной Шапочкой и понесу корзинку с пирожками. — При словах «корзинка с пирожками» поросенок не удержался и облизнулся. — Только пусть Крякки испечет пирожки с капустой и с морковкой, я их очень люблю.

Господи, что за обжора, — прорычал О'Скалли. — Тогда и сыграю в «Красной Шапочке» волка, и у сказки не будет счастливого конца. Нет, господин доктор, вы должны написать для нас новую пьесу. Кроме того, вам лучше знать, что нравится людям, а что нет.

Ну когда же вы уйметсяь? — вмешалась в спор О'Скалли. Она расстроилась из-за денег, и веселье зверей прекратилось. Вам всем давно пора в постель, да и доктору не мешает отдохнуть.

— Боже, — воскликнул доктор, взглянув на часы. — Уже два часа пополудни! Ну-ка укладывайтесь спать.

— Мы завтра все равно отправляемся в путь, так что успеем выспаться в дороге, — упрасивал поросенок. — Давайте еще немножко поговорим, ну хотя бы пять минут! Мы ведь так и не решили, какую пьесу будем играть.

— Немедленно отправляйся в постель, — приказала Крякки. — Доктор устал.

— По правде говоря, не так уж я и устал, — возразил доктор.

— Сидеть до поздней ночи вредно для здоровья, — не согласилась с ним Крякки. — Нет лучшей привычки, чем рано ложиться и рано вставать.

— Конечно, ты, как всегда, права, — сказал доктор, — но я против каких бы то ни было привычек. Жить по правилам скучно.

— А я за хорошие привычки, — продолжала поучать Крякки. — И люди и звери должны вести размеренную жизнь по правилам.

— Теперь я понял, Крякки, почему ты прекрасная хозяйка. Есть люди, которые любят размеренную жизнь, и есть те, кто не хочет подчиняться скучным правилам. И в том, и в другом образе жизни есть и хорошие и плохие стороны.

— А я, господин доктор, — вмешался в разговор Хрюкки, — всегда делю людей и зверей на тех, кто солит, перчит и мажет еду горчицей, и тех, кто ест все пресное и несоленое.

— И правильно делаешь, Хрюкки, — улыбнулся доктор. — Одни любят приключения, другим нравится спокойная жизнь. Непоседы любят горчицу и перец, а те, кто едят пресное, всему на свете предпочитают тихий дом, в котором все лежит на своих местах. Надеюсь, и я со временем сумею приспособиться к такой жизни, по крайней мере к старости.

— А что значит приспособиться? — спросил Хрюкки.

— Слишком долго рассказывать, как-нибудь в другой раз я тебе все объясню. А теперь пора спать. Завтра с утра надо будет заняться пьесой для нашего театра.

Глава 2

ПЬЕСА ДЛЯ ЗВЕРЕЙ

Когда поутру доктор Дулиттл и его звери проснулись, фургон уже катил по дороге и подпрыгивал на ухабах. Но никакой неожиданности в том не было. Как и обычно, цирк двинулся в путь с рассветом, пока еще все спали. Так оно всегда и бывало, когда цирк переезжал из города в город.

Такие переезды больше всего нравились Хрюкки. Он очень любил проснуться и выглянуть в окошко, за которым проплывали поля, луга, леса, деревни. Жизнь на колесах была ему по душе.

Вот и теперь он вскочил с постели и, даже не умывшись, уселся у окна.

— Что вы там вчера говорили об образе жизни, доктор? — спросил он. — Мне кажется, мы с вами родственные души, — мне тоже очень нравится путешествовать.

После вечернего разговора Хрюкки нравилось повторять, что он, как и доктор, против всяческих правил и привычек, и сам того не заметил, как у него вошло в привычку хвастаться тягой к путешествиям. В сущности, Хрюкки мало чем отличался от Крякки, потому что больше всего ему нравилась размеренная жизнь, а если говорить точнее, размеренный прием пищи — вынь да положь ему завтрак, обед, полдник и ужин, и непременно вовремя. Кочевая жизнь цирка подходила ему как нельзя лучше: менялись города, менялись впечатления, но еда к столу подавалась точно в назначенный час. Хрюкки, как и многие другие звери и люди, любил приключения без хлопот, без труда и без опасностей.

Когда доктор с его звериным семейством сел завтракать, дверь распахнулась — и в фургон на ходу вспрыгнул Миллс Магг.

Доктор, — сказал он, — господин Беллами все еще спит. Он мог уехать почтовой каретой, но увязался за нами. Он говорит, что ему по пути. Но спросите меня, почему он так сделал, и я скажу вам, что он не хочет спускаться с горы. Господин доктор. Он готов полжизни от-

дать, лишь бы заполучить вас и ваших зверей к себе. До цирка Блоссому ему нет дела, но вам он готов заплатить любые деньги.

— Все это не так просто, Мэтьюз, как может показаться, — ответил доктор. — Не скрою, звери очень хотят выступать в театре, и я прошлой ночью, когда они наконец улеглись спать, написал для них коротенькую комедию. Но ведь потребуется время на подготовку, на костюмы, на репетиции... Зверям придется выучить наизуток свои роли. Не считите за труд, сходите к господину Беллами и скажите ему, что я постараюсь подготовить номер за время путешествия, и если все пойдет гладко, завтра он сможет посмотреть репетицию.

— Правильно, доктор! — обрадовался Мэтьюз. — Нечего откладывать дело в долгий ящик.

Он спрыгнул на ходу с последней ступеньки фургона и побежал сообщить новость господину Беллами.

Не помню, говорил я вам, что доктор Дулиттл уже давно сочинял пьесы для зверей. Для начала он написал одноактные пьесы для пингвинов. Конечно, на пингвином языке. В долгие полярные ночи в Антарктиде многочисленная птичья публика торжественно усаживалась на льду, приводила детишек и внимательно всматривалась и вслушивалась в действие, а потом на птичьих базарах долго обсуждала, следовало ли пингвину Пинни жениться на прекрасной пингвинихе Адели.

Затем доктор Дулиттл написал пьесы для обезьян. Конечно, легкомысленные и веселые обезьяны предпочитали комедию. Они ставили пьесы на больших полянах в джунглях, а зрители висели вокруг на деревьях. Самые дорогие места были в кустах рядом со сценой, а семейная ложа — длинный толстый сук, нависавший над поляной, — стояла не меньше ста кокосовых орехов. Правила запрещали обезьянней семье, сидевшей в такой ложе, бросать скорлупу от орехов и кожуру от бананов на головы актерам.

Как видите, у доктора Дулиттла был некоторый опыт сочинения пьес для животных. Но на этот раз перед доктором стояла задача потруднее: господин Беллами требовал зрелища для публики, которая не понимала языка зверей, а звери, как известно, не говорят по-человечески.

Доктор долго ломал голову и наконец решил написать пьесу без слов. Он назвал ее «Пантомима зверей из Паддлсби».

Тут же начались репетиции пантомимы. В ней играли почти все звери и даже Крякки. Сначала она охотно согласилась — кто же не согласится выступить перед публикой? — но, увидев, какой кавардак устроили в фургоне звери, тут же раскаялась. Но уже было поздно, и она только недовольно крякала, когда расшалившиеся артисты опрокидывали мебель, били посуду или срывали с окна занавески.

По чести сказать, особой вины зверей в том не было. Фургон катился по дороге, подпрыгивал на ухабах, а когда на развилке дорог лошадь резко поворачивала, все падали на пол, и только кряканье утки извещало доктора о новом ущербе. Но в конце концов и утка увлеклась и перестала подсчитывать, сколько стоят разбитые блюда и чашки.

Итак, доктор написал пьесу. Это была классическая итальянская комедия — арлекиада. Тобби играл Арлекина, Крякки — Коломбину, Хрюкки — Панталоне, Скок — полицейского, а О'Скалли — Пьеро. Танец Арлекина, Коломбины и Пьеро нравился зверям больше всего. Танцую, звери вставали на цыпочки, при этом фургон раскачивался из стороны в сторону и звери падали на пол и с веселым хохотом катились под кровать.

Скок — полицейский метался по сцене, хватал всех подряд и тащил в тюрьму. Вместо дубинки он держал в лапах огромный огурец. Поросенка он обвинял в том, что тот стащил связку сарделек. Хрюкки выслушивал обвинение, а затем отнимал у полицейского дубинку — огурец — и съедал ее.

Но как же было трудно репетировать в фургоне! Там было тесно, и актерам приходилось гроздь висеть на ступеньках фургона в ожидании своего выхода.

Хрюкки доверили трудную роль шутника и весельчака Панталоне. Поросенку приходилось то и дело вбегать и убегать со сцены, метаться по ней с кочергой или со связкой сарделек на спине. Как ни предостерегал его доктор, Хрюкки не раз шлепался со ступенек на дорогу.

Во время репетиции прерывали и ждали, пока господин

Панталоне не встанет охая с дороги и не догонит усзажающий фургон, чтобы снова оказаться на сцене.

За тот день доктор и звери успели провести целых четыре репетиции, и когда вечером фургоны остановились на ночлег, доктор сказал господину Беллами, что тот может посмотреть представление.

— Оно еще не совсем готово, — предупредил Джон Дулиттл, — кроме того, у нас еще нет костюмов, но кое-что мы уже можем показать.

На этот раз пантомиму сыграли на земле, на обочине дороги. Публика состояла из господина Беллами, Блоссома, Мэтьюза Магга и силача Геракла. Земля не качалась под ногами актеров из стороны в сторону, и представление получилось лучше, чем на репетициях. Вот только Панталоне все перепутал и невпопад вбегал и убегал со сцены. Зрители наградили актеров аплодисментами и сказали, что ничего смешнее в жизни не видели.

— Потрясающе! Великолепно! — кричал господин Беллами. — Это то, что нам нужно. Еще одна-две репетиции — и публика валом повалит на ваши представления. Правда, понадобятся еще костюмы. И что странно, я готов поверить в рассказы о зверином языке. Я ведь вижу, что вашим зверям все это нравится. Сегодня же вечером я отправляюсь почтовой каретой напрямиком в Манчестер, а господин Блоссом закончит представления в Литтл-Плимтоне и привезет вас ко мне. Надеюсь, что в понедельник вы уже будете выступать у меня. Тем временем я закажу афиши и сумею собрать публику, которая, надеюсь, оценит талант ваших актеров.

Пока цирк Блоссома давал представления в Литтл-Плимтоне, доктор и его звери репетировали. Даже за тяни-толкаем ухаживал только Мэтьюз Магг, чтобы оставить доктору побольше времени на репетиции.

Звери-актеры трудились вовсю. Они старались, чтобы каждая роль была доведена до совершенства. Доктор заставлял их повторять еще и еще раз каждый выход на сцену, чтобы никто, даже глуповатый Хрюкки, не ошибся. Ведь в Манчестере все представление с начала до конца должны были играть только звери, без единого человека на сцене.

Во время репетиций то и дело кто-то спотыкался, кто-то падал, и все это было так смешно, что доктору пришла

в голову мысль включить эти смешные сценки в пьесу. Звери вошли во вкус, сами придумывали забавные штуки и трюки, шутили на каждом шагу и громко хохотали. Иногда они так смеялись, что приходилось прерывать репетицию.

Тем временем Теодора, супруга Мэтьюза Магга, шила костюмы. Не такое уж и простое дело — сшить костюмы для зверей. Вы не пробовали сшить наряд для поросенка? То-то же!

Как только костюмы были готовы, на первой же репетиции Хрюкки сунул передние ноги туда, где должны быть задние, и натянул парик задом наперед. Ушло полчаса, пока поросенка не одели как следует. К тому же господину Панталоне пришлось по вкусу грим, и он всю репетицию слизывал его языком со щек, так что в конце концов его мордашка стала выглядеть как бутерброд с яблочным повидлом.

Но хуже всего обстояло дело с брюками господина Панталоне. Когда его в конце концов обрядили в театральный костюм и затянули ремень на брюках, оказалось, что живот у поросенка слишком толстый, слишком круглый и слишком гладкий. Живот Хрюкки был похож на шар, и брюки не хотели на нем держаться. Всякий раз, убегая от полицейского, поросенок терял брюки и оставался на сцене только в курточке и парике. Пришлось Теодоре исхитриться и смастерить для него помочи.

Крякки играла роль Коломбины, но и у нее дела обстояли не лучше. Теодора сшила ей кружевную юбочку розового цвета, накрахмалила ее, вышила и нагладила. Но уж так устроены утки, что во время танца с Арлекином, когда Крякки подпрыгивала особенно высоко, юбка не удерживалась на ней, взлетала вверх, а потом опускалась ей на голову.

И это было бы ничего, если бы в ту же минуту на сцене не появлялся Панталоне и не хватал юбочку, пытаясь надеть ее вместо потерянных брюк.

Нетрудно представить, сколько работы было у Джона Дулиттла и Теодоры. Зверям непросто играть людей, но играть людей в непривычном человеческом платье оказалось трудно вдвойне. А на репетиции у них была всего одна неделя.

К счастью, Теодора оказалась большой выдумщицей. Она то и дело пришивала скрытые пуговицы, крючки, резинки и тесемки к платьям, шляпам и парикам, чтобы они хоть как-то держались. Когда костюмы были готовы, доктор заставил зверей ходить в них целый день, чтобы они научились бегать и танцевать в них так же легко, как и без них.

Глава 3

АФИША И ПАМЯТНИК

День, когда цирк прибыл в Манчестер, запомнился всем навсегда. До тех пор еще никто из зверей не бывал в таком большом городе. Никто, кроме О'Скалли. Пес родился в Лондоне и рос на его задворках, пока не попал к доктору Дулиттлу.

Пока цирк проезжал по широким улицам Манчестера, поросенок Хрюкки сидел у окна и повизгивал:

— Ай, какие высокие дома! А вон та колокольня достает до неба! Нет, вы только посмотрите на эти улицы!

Увеселительный сад господина Беллами располагался на другом конце города, поэтому друзьям пришлось проехать через весь Манчестер, прежде чем они добрались до места. Посредине сада стоял огромный театр, вокруг были разбросаны площадки для состязаний борцов и боксеров. Вечерами в саду зажигались гирлянды маленьких лампочек, и жители Манчестера толпами ходили туда поразвлечься.

Блоссом был в восторге от огромного сада. Пораженный его размерами, он повторял:

— Боже мой, вот как надо вести дела — с размахом! У Беллами денег куры не клюют. Один его театр вмещает раза в три больше, чем наш главный шатер.

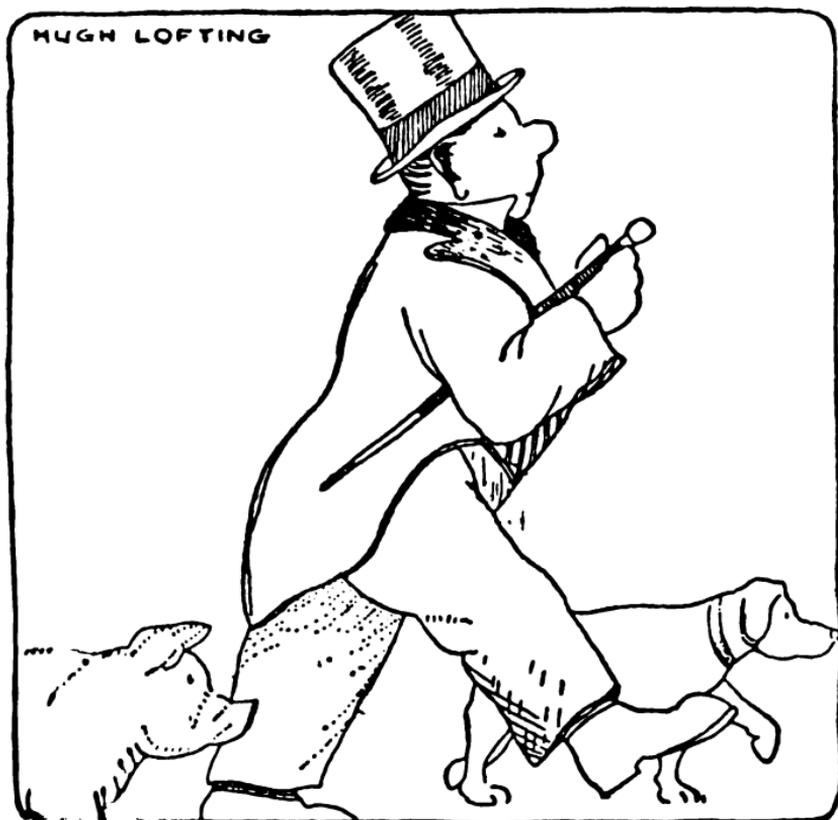
Цирк Блоссомы разместили на краю увеселительного сада. Когда лошадей поставили в конюшню, появился господин Беллами и первым делом спросил у Блоссомы:

— Доктор Дулиттл из Паддлеби тоже здесь? А его зве-

ри? Вот и хорошо. Остальным своим цирком занимайтесь сами. Я выделил вам место, можете давать там представления на собственный страх и риск. Больше всего публики здесь бывает по воскресеньям, когда проводятся поединки боксеров. А за группу доктора Дулиттла не беспокойтесь, я беру их на свое попечение. Деньги за их выступления я заплачу вам, как мы и условились. А вы уж потом сами разочтетесь друг с другом. И чтобы никто не смел вмешиваться в дела доктора Дулиттла!

Пока Блоссом ставил свои шатры и помосты на краю сада, фургон доктора перевели к театру и укрыли за высоким забором. Как впоследствии оказалось, и доктору, и его четвероногим артистам было там очень удобно.

Там же стояли и другие фургоны с артистами, которые каждый вечер выступали в театре. Там были танцоры, канатоходцы, певцы, акробаты.

Обустроившись на новом месте, доктор предложил друзьям пройтись по городу. О'Скалли и Хрюкки обрадовались возможности прогуляться, а утка недовольно крякнула:

— Ну уж нет, у меня и здесь хлопот по горло. Пол не метен, ужин не готов, а после ваших репетиций в фургоне все вверх дном.

Для начала доктор с псом и поросенком заглянули к Мэтьюзу Маггу, убедились, что тьяни-толкау удобно и что сена ему хватает, а затем вышли на улицу Манчестера.

Сперва они шли по тихим улочкам с маленькими домиками, утопающими в зелени. Эти улицы мало чем отличались от Паддлеби. Но вот они вышли к центру города. Конечно, Джону Дулиттлу все это было не в новинку, да и О'Скалли, как вы уже знаете, вырос в Лондоне, но Хрюкки открыл от удивления рот и во все глаза таращился на нарядные экипажи, высокие дома и сверкающие стеклом магазины.

— Как много народу! И куда это они все бегут? Ой, вы только посмотрите, как едут кареты! Друг за другом, словно на параде. Здесь так весело! Намного веселее, чем у нас в Паддлеби.

Но больше всего понравились Хрюкки овощные лавки. Он останавливался у каждой витрины и долго любовался на выставленные отборные тыквы, огромные морковки, блестящие красные помидоры. Пришлось доктору купить ему пару морковок.

Потом они вышли на большую площадь. Вокруг стояли высокие дома, и Хрюкки захотелось узнать, что это за дома и почему они такие большие. Он не отставал от доктора, пока тот не объяснил ему, что такое ратуша, биржа и банк.

— А это что такое? — спросил Хрюкки и ткнул копытцем на середину площади.

— Это памятник, — ответил доктор.

Посередине площади человек, отлитый из бронзы, сидел на бронзовой же лошади.

— А памятник кому? — не унимался поросенок.

— Полководцу.

— А почему ему поставили памятник?

— Потому что он водил полки и прославился в битвах. Они ушли с большой площади и по узкой улочке вышли на площадь поменьше. Там никакого памятника не было, зато на стене висела огромная цветная афиша.

— Ах, — воскликнул Хрюкки, — вы только посмотрите, господин доктор!

На афише поросенок в костюме Панталоне держал в лапках длинную связку сарделек.

— Да ведь это я! — взвизгнул Хрюкки и помчался через всю площадь к афише.

Большими буквами там было написано:

ПАНТОМИМА ИЗ ПАДДЛЕБИ

Приходите в сад Беллами!

Невиданное зрелище!

Звери исполняют арлекинаду!

Доктору стоило большого труда увести оттуда поросенка. Хрюкки глаз не мог оторвать от своего портрета, да и кому же было бы неинтересно вдруг увидеть собственную физиономию на афише в большом городе.

— Теперь и я прославился! — хрюкнул поросенок. — Пусть жители Манчестера поставят памятник и мне. Можно даже на этой площади. Места здесь вполне хватит.

— Памятник тебе? — хмыкнул О'Скалли. — И тоже верхом на коне?

— Конь мне ни к чему, — не смутился Хрюкки. — Мы, поросята, верхом не ездим. Лучше в полный рост и со связкой сарделек.

Господин Беллами сдержал свое слово. Он заказал художнику портреты всех зверей-артистов и расклеил их по городу. Разгуливая по улицам, доктор с псом и поросенком увидели много таких же афиш. На них были и Крякки в розовой кружевной юбочке, и Скок в форме полицейского и с огурцом в лапах, и О'Скалли, и Тобби. Всякий раз, когда поросенок встречал афишу со своим пятчком, он радостно похрюкивал, восторженно пялил глаза и уводить его приходилось чуть ли не силой. Если бы не доктор, он наверняка просидел бы под афишей всю ночь и любовался сам собой.

Когда они возвращались домой, поросенок спросил Джона Дулиттла:

— Господин доктор, почему бы вам завтра не пойти к мэру Манчестера и не поговорить с ним о моем памятнике? Кстати, того полководца можно перенести на маленькую площадь, а мой памятник поставить на большой.

В понедельник утром состоялась генеральная репетиция вечернего представления. Танцоры, жонглеры, певцы и акробаты по очереди выходили на сцену и показывали свой номер. По обе стороны сцены стояло по большой золоченой раме. Перед каждым номером служители в расшитых серебром камзолах вставляли в раму холст, на котором были написаны имена артистов. Доктору пришла в голову мысль, что перед «Пантомимой из Паддлеби» звери сами поставят в рамы холсты со своими именами.

Господину Беллами мысль понравилась.

— Замечательно, — сказал он, — но кому вы можете доверить это дело?

Пока Джон Дулиттл раздумывал, к нему на плечо села Бу-Бу.

— Доктор, — шепнула она ему на ухо, — давайте, я попробую.

— Тут нужны двое, — с сомнением покачал головой доктор. — Ты же видела, как это делают люди. Они вышагивают с холстом в руках как солдаты на параде, потом встают по обе стороны сцены, вынимают из рамы старый холст и ставят вместо него новый.

— Мы, совы, не глупее людей, — ответила Бу-Бу. — Я найду себе помощницу, и мы вдвоем сделаем все в лучшем виде. Подождите, я скоро вернусь.

Бу-Бу улетела и через полчаса вернулась в обществе другой совы. Птицы были похожи как две капли воды. Даже музыканты из оркестра, привыкшие к цирковым трюкам, открыли рот от удивления, когда увидели двух сов. Птицы выпорхнули из-за кулис с холстом в клюве, уселись на рамы, вытащили старый холст, вставили новый и поклонились публике. Они напоминали фигуры из старинных часов.

— Господи! — шепнул скрипач на ухо трубачу. — Ты

видел когда-нибудь что-нибудь подобное? Можно подумать, что эти совы всю жизнь выступали в цирке!

Доктор очень неплохо играл на флейте и разбирался в музыке, поэтому он сам подобрал мелодию, под которую звери должны были давать представление.

— Вначале сыграйте то же, что и во время выступления канатоходцев, — объяснял он дирижеру, — в этой музыке есть что-то загадочное.

Дирижер постучал палочкой о пюпитр, оркестр взялся за инструменты и сыграл мелодию. Под эту музыку почему-то приходили на ум танцующие под луной русалки.

— Прекрасно! — восхитился доктор. — Для танца Коломбины сыграйте менуэт из «Дон Жуана». Я наигрывал его Крякки на флейте, когда мы репетировали. А при каждом падении Панталоне ударяйте в большой барабан.

И вот началась последняя, генеральная репетиция «Пантомимы из Паддлеби» на настоящей сцене, с настоящим оркестром и с настоящими кулисами. Поначалу яркие огни ослепили и обескуражили зверей. Но они уже столько раз повторяли свои роли, что могли бы сыграть спектакль даже во сне, и репетиция прошла без сучка, без задоринки.

И раньше давались представления с животными, переодетыми людьми. Среди них бывали даже очень хорошие. Но там животных или кнутом, или пряником, или и тем и другим вместе заставляли расхаживать по сцене, кувыркаться или припдясывать. Иное дело «Пантомима из Паддлеби» — в ней звери играли с удовольствием, а главное — они знали, что от них требуется. После окончания представления звери выходили на задних лапах на сцену и чинно кланялись публике.

А Хрюкки даже научился улыбаться по-человечески. Принято думать, что свиньи не умеют смеяться. Это ошибка. Они очень часто посмеиваются над людьми, до того забавными кажутся им эти двуногие странные существа. Но смеются они по-своему, так что люди о том и не догадываются. И Хрюкки пришлось провести долгие часы перед зеркалом, пока он не научился растягивать в улыбке губы.

Почти вся группа доктора Дулиттла будет кочевать из города в город, и всегда их выступление будут с восторгом

принимать зрители. Но первое, знаменитое представление «Пантомимы из Паддлеби» останется для зверей самым ярким воспоминанием. Я сказал «знаменитое» не ради красного словца, оно действительно стало знаменитым. Сначала о нем написали манчестерские газеты. Они взхлеб расхваливали зверей-артистов, и в конце концов о «Пантомиме из Паддлеби» заговорили толстые и серьезные театральные журналы из тех, где на каждой странице читатель спотыкается о выражения вроде «дух произведения» и «ткань повествования». Убей Бог, до сих пор не понимаю, что это значит! Один из таких журналов даже написал, что «Пантомима из Паддлеби» — это «новое слово в искусстве».

— «Новое слово» — это я, — хвастливо заявил Хрюкки.

— Ты не новое слово, а старое, — отрезал О'Скалли, — и называется оно «зазнайка».

Однако вернемся к первому дню представлений. В тот понедельник выдалась хорошая погода, и афиши господина Беллами заманили в увеселительный сад уйму публики. Задолго до начала спектакля в театре не осталось ни одного свободного места. Публика шумела и с нетерпением ждала «Пантомиму из Паддлеби».

Доктор стоял за кулисами и ужасно волновался. И было от чего — до тех пор ни один из его зверей-актеров, кроме Скока, не выступал в настоящем театре перед публикой. Правда, на репетициях присутствовали господин Беллами, силач Геракл и другие циркачи и звери не смущались и не ударили в грязь лицом — если, конечно, утиный клюв и пороссячий пяточок можно считать лицом. Но теперь в зрительном зале сидела тысячная толпа, и звери могли растеряться.

Музыканты из оркестра настраивали инструменты. Доктор посмотрел сквозь щелку в занавесе и не увидел ничего, кроме лиц. Люди стояли даже в проходах.

— Вот теперь-то мы разбогатеем, — шепнула доктору Крякки. — Я подслушала, что господин Беллами обещал Блоссому двести шиллингов за каждый день выступления, да еще надбавку, если число зрителей перевалит за тысячу.

Сова, так хорошо знавшая математику, тоже выглянула в щелку и сказала:

— По-моему, их и так уже больше тысячи. Яблоку негде упасть.

При слове «яблоко» поросенок облизнулся и спросил:

— А почему они все топают ногами?

— Потому что начало представления задерживается, — ответил доктор. — Таким образом зрители проявляют свое нетерпение. Нам пора уходить за кулисы, сейчас поднимут занавес. Первыми сегодня выступают певцы. Хрюкки, держись поближе. Как твой парик, еще не съехал набок?

Глава 4

СЛАВА, СЧАСТЬЕ И ДОЖДЬ

Доктор Дулиттл зря тревожился — ни яркий свет, ни музыка, ни море лиц в зрительном зале не смутили его актеров. Скорее наоборот — все это заставило зверей сыграть свои роли как можно лучше.

Как только занавес поднялся, публика онемела. Поначалу все решили, что вместо зверей роли играют передетые мальчишки. Но тут же на сцену вылетели две совы, а уж порхать над сценой с накладными перьями не мог никто, кроме настоящих птиц. И пока шло представление, самые недоверчивые из зрителей вынуждены были признать, что никакого обмана нет. Разве может человек хлопать крыльями как утка или вилять хвостом словно пес?

Первым вышел на сцену Хрюкки и сразу же покорила все сердца. Он улыбался по-человечески, шутил по-человечески, огорчался по-человечески. Публика от смеха держалась за животы. Но потом на сцене появилась Крякки. И тут зрители поняли, что каждый актер в «Пантомиме» достоин восхищения. А когда закончился танец Крякки с О'Скалли и Тобби, публика пришла в неопишый восторг. Все знают, как неуклюже двигается по земле утка. Но на сцене она не переваливалась с ноги на ногу, а изящно переступала лапками. Она так мило пома-

живала крыльями и плясала менуэт, что люди захопали в ладоши и продолжали рукоплескать, пока она не повторила танец.

Одна из дам, сидевших в первом ряду, бросила ей на сцену букетик фиалок. Бедняжка Крякки! До сих пор ей никто не дарил цветов, и она не знала, как себя вести. Выручил ее Скок. Он уже не первый год выступал в цирке и знал все. Он подбежал, поднял букет и с поклоном поднес его Крякки.

— Сделай книксен, — шепнул из-за кулис доктор по-утиному. — Поклонись публике и даме, которая бросила тебе цветы.

И Крякки, словно привыкшая к вниманию публики прима-балерина, отвесила поклон.

Занавес опустился, оркестр умолк, а публика рукоплескала без конца и снова и снова вызывала артистов на

сцену. Звери, держась за передние лапы и крылья, выходили из-за занавеса и кланялись, но зрители не хотели отпускать их. Хрюкки строил потешные гримасы, Скок снимал с головы шлем полицейского и расшаркивался, Тобби кувыркался, а О'Скалли, игравший роль плаксы Пьеро, грустно тер глаза лапами. Крякки семенила на пальчиках и посылала крыльями воздушные поцелуи публике.

Коломбине бросали цветы, а Панталоне — пучки морковки. Поросенок съедал их тут же, не уходя со сцены.

Прямо за кулисами господин Беллами поймал Блоссома за лацканы сюртука и спросил, не хочет ли тот продлить договор еще на неделю. Конечно, Блоссом радостно подмахнул бумагу.

Представление закончилось, публика покинула театр. В проходе между рядами остались лежать маленькие книжечки — программки, где были перечислены номера. Хрюкки ухватил одну из них и спросил у доктора Дулиттла, что это такое. Как же он обрадовался, когда доктор прочел ему:

— «В роли Панталоне выступает поросенок Хрюкки».

— Хрю! — радостно взвизгнул он и засунул программку за пояс. — Я вклею ее в мой альбом с меню.

— Наверное, в твой альбом с марками? — переспросил его доктор Дулиттл. — Ты ведь начал собирать марки.

— Начал, но уже бросил, — ответил поросенок. — Марки собирать скучно, на них нарисованы только короли и королевы, ничего вкусного. Зато в меню самого плохонького ресторана есть сыр с чесноком или тертая морковка под майонезом. Это намного интереснее!

Хотя теперь у доктора всегда было времени в обрез, он находил пару свободных минут, чтобы сходить в цирк Блоссоса и навестить тyani-толкая и Мэтьюза Магга. А иногда и братья Пинто, силач Геракл и клоун Хоуп выбиралась к нему, чтобы выпить чашечку чаю за приятной беседой или посмотреть представление пантомимы из Шаддсби.

Поток зрителей, желавших посмотреть представление цирка, не уменьшался. Билеты стоили очень дорого, заработать им приходилось за несколько дней. Такое в те-

атре господина Беллами случилось только однажды, когда давал концерты известный на весь мир скрипач.

Каждый вечер фургон доктора осаждали разряженные дамы и богатые господа. Они хотели поближе познакомиться с артистами, угостить их чем-нибудь вкусеньким и приласкать. В конце концов они совсем разбаловали Хрюкки, он зазнался и даже стал отказывать поклонникам, особенно после обеда, когда ему хотелось соснуть часок-другой.

— Артисты, тем более такие известные, как я, — говорил Хрюкки, — должны уважать себя. Я принимаю гостей только с десяти до двенадцати утра. Доктор, пожалуйста, дайте об этом объявление в газету, чтобы меня не беспокоили по пустякам после обеда.

Одна дама как-то принесла альбом, куда собирала автографы знаменитостей. Хрюкки с помощью доктора нарисовал ей в альбоме пороссячий пяточок и три морковки вокруг.

— Это наш семейный герб, — сказал он. — Я очень древнего рода, мои предки спасли Рим.

Крякки не вытерпела такого бахвальства и сказала:

— Рим спасли мои родственники гуси, а вы, свиньи, если кого и спасали, то от голода.

Утка тоже стала знаменитой, но, в отличие о Хрюкки, вовсе не зазналась, вела себя скромно и избегала надоедливых посетителей. После каждого представления она, даже не успев сбросить кружевную юбочку, принималась хлопотать, готовить ужин и перетряхивать постели.

— Перестань ломаться, Хрюкки, — увещевала она поросенка. — Жил бы ты в хлеву, если бы не доктор. Это он написал пьесу и научил нас, что делать на сцене. Кстати, господин доктор, — вдруг сказала она, накрывая на стол, — вы уже взяли у Блоссом свою долю выручки?

— Пока еще нет, — беспечно ответил доктор. — К чему беспокоиться? Нам играть в театре еще неделю. А с Блоссом я не виделся... дай-ка вспомню... дня три, не меньше.

— Вы должны брать свою долю каждый вечер, — настаивала Крякки.

— Зачем? Блоссом — человек честный.

— Честный, пока с него глаз не спускаешь, — язви-

тельно крикнула утка. — Послушайте меня и заберите у него то, что он вам должен. В нашей копилке деньги целее будут.

А пантомиму теперь давали дважды в день. Блоссом задолжал доктору очень много. Крякки несколько раз напоминала доктору о том, что он должен поговорить с Блоссомом, но доктору все было недосуг. Кончилась неделя, кончилась вторая, а Блоссом не показывался. Двуглавый тьяни-толкай тоже приносил кое-какие деньги, на расходы доктору хватало, все были сыты, и Джон Дулиттл не тревожился.

И вот гастроли в Манчестере подошли к концу. Доктор и звери решили устроить прощальный прием и пригласить публику на чай. Было разослано сотни две, а может быть и больше, приглашений, опечатанных на красивой золоченой бумаге. Госпожа Магг и Крякки с утра хлопотали на кухне. Вокруг фургона под деревьями расставили маленькие столики, украсили их цветами, заварили крепкий, душистый чай и напекли пирожных.

Пришли гости. Звери встретили их в костюмах из пантомимы, усадили за столы. Крякки разливала чай, а Хрюкки разносил на большом подносе пирожные. И хотя ему очень хотелось слизать с них крем, поросенок мужественно терпел. На прием прибыл даже мэр Манчестера с супругой и дочерью.

Следующим утром цирк собрался в дорогу и покинул Манчестер. Их путь лежал к небольшому городку в двенадцати милях к северу. Но не успел цирк прибыть на место, как хлынул проливной дождь. Земля сразу же превратилась в жидкое месиво, и циркачи решили пока не ставить шатры, помосты и загоны для зверей.

Прошел день, но дождь так и не прекратился, лило как из ведра. Для циркачей это было настоящее несчастье — кому в такую погоду захочется вылезать из теплого уютного дома и идти под дождем в цирк?

— Ничего страшного, — успокаивал доктор зверей на третий день. — Мы хорошо заработали в Манчестере и можем теперь не беспокоиться о деньгах.

— Раньше надо было беспокоиться, — недовольно крикнула утка. — Деньги-то все еще у Блоссомы, а не у нас в копилке.

— Я видел Блоссом сегодня утром, — поморщился как от зубной боли доктор. Утка твердила одно и то же целыми днями, и ему это было неприятно. — Блоссом сказал мне, что мы заработали в Манчестере так много, что он побоялся держать такие деньги в фургоне и положил их в банк.

— А почему он не взял их из банка, когда уезжал из Манчестера, и не отдал вам вашу долю? — настаивала Крякки. — Моя копилка надежнее любого банка.

— Но мы уезжали из Манчестера рано утром, — продолжал оправдывать Блоссом доктор. — Банк еще был закрыт.

— И что же, он оставит наши деньги в банке навсегда?

— Не волнуйся, Крякки, сегодня Блоссом привезет деньги. Утром, когда я к нему пришел, он седлал лошадь и собирался в Манчестер за деньгами. Ох, не завидую я ему — ехать верхом двенадцать миль под проливным дождем!

Содержать цирк очень непросто и недешево, зверей надо кормить, артистам и служителям платить деньги. И пока в эти ненастные дни цирк Блоссом стоял под проливным дождем без единого зрителя, он вместо дохода приносил одни убытки.

Крякки продолжала выговаривать доктору за легкомыслие, и тут дверь приоткрылась и в фургон заглянул служитель зверинца.

— Извините, господин доктор, — сказал он. — Хозяин не у вас?

— Нет, — ответил Джон Дулиттл, — господин Блоссом с утра уехал в Манчестер и обещал вернуться к двум часам дня.

Служитель почему-то не на шутку встревожился.

— Как же так? — недоумевал он. — Хозяин ведь знал, что сегодня привезут еду для зверей. Все запасы у нас вышли, и сейчас у ворот стоит поставщик с двумя возами сена и мясом для льва, но он грозит уехать, если не получит тридцать шиллингов. Денег у меня нет, и звери останутся голодными.

— Наверное, господин Блоссом забыл об этом, — успокоил служителя доктор. — Я заплачу поставщику, а

когда Блоссом вернется, получу с него деньги. Крякки, подай мне, пожалуйста, копилку.

— Что я вам говорила! — крякнула утка, и у нее от гнева перья встали дыбом на голове. — Вместо того чтобы получить с Блоссом собственные деньги, вы еще платите по его счетам! Помянете вы мои слова, да будет поздно — обманет вас Блоссом, а мы опять останемся без гроша.

— Животных в зверинце нельзя морить голодом, — ответил доктор, вынул деньги из копилки и передал их служителю. Не пропадут наши деньги.

Затем приходили то конюх, то дрессировщик, то акробат, все они говорили, что им срочно понадобились деньги, что Блоссом обещал заплатить им, и доктор снова брался за копилку. К полудню копилка опустела.

Блоссом не вернулся ни в два часа, ни в три.

— Его что-то задержало, — успокаивал доктор себя и Крякки, которая уже места себе не находила. — Блоссом скоро вернется. Он честный человек.

В четвертом часу дверь распахнулась и в фургон вбежал промокший О'Скалли.

— Что случилось? — удивился доктор.

— Госпожа Блоссом тоже исчезла! — выпалил пес. — Поначалу я думал, что дверь в их фургоне заперта, но потом толкнул ее носом, и она открылась. В фургоне пусто. Ни Блоссом, ни его жены, ни сундуков. Кажется мне, что дело тут нечисто.

Глава 5

ТАЙНА ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ГОСПОДИНА БЛОССОМА

Новость, принесенная О'Скалли, удивила доктора. Человек он был доверчивый и честный, поэтому и всех остальных считал честными людьми. Он нахлобучил на голову свой потертый цилиндр и вышел в дождь вслед за псом.

Как и сказал О'Скалли, в фургоне Блоссом было пусто. Исчезло все. Только на полу валялись обрывки ненужных бумаг и старое тряпье, которое уже ни на что не годилось. Все выглядело так, словно жильцы фургона спешно покинули его.

Доктор непонимающе оглядывался вокруг, когда кто-то прикоснулся к его плечу. Это был Мэтьюз Магг.

— Ну и как вам это нравится? — спросил он. — Чтобы привезти из банка деньги, вовсе не обязательно прихватывать с собой в дорогу сундуки. Спросите у меня, увидим ли мы когда-нибудь еще нашего хозяина, и я вам твердо отвечу: «Нет, никогда».

— Не спешите обвинять его, Мэтьюз, — возразил доктор. — Он ведь обещал, что вернется, и я пока склонен думать, что он сдержит слово. А сундуки — его собственность, и он волен делать с ними что угодно.

— Он делает что ему угодно не только со своими сундуками, но и с нашими деньгами, — проворчал Мэтьюз Магг. — Не в моих правилах видеть в каждом встречном мошенника, но на этот раз, сдается мне, нас оставили в дураках. Плакали наши денежки, господин доктор.

— Не торопитесь, Мэтьюз, — повторил Джон Дулиттл. — Я все-таки надеюсь, что Блоссом вернется. Но если ваши подозрения оправдаются, то цирку придет конец. Прошу вас, не говорите никому ни слова, не стоит беспокоить людей понапрасну, пока мы ничего не знаем наверняка. Оседлайте потихоньку лошадь и поезжайте в Манчестер к господину Беллами. Спросите его от моего имени, не известно ли ему, что случилось с Блоссомом. И поскорее возвращайтесь с ответом. Можете вы сделать это для меня?

— Конечно, господин доктор, — согласился Мэтьюз Магг. — Но я уверен, что господину Беллами известно не больше, чем нам. Готов дать голову на отсечение, что негодяй уже катит в почтовой карете к Ливерпулю, чтобы первым же судном отплыть за границу.

Мэтьюз Магг ушел седлать лошадь, а О'Скалли, слышавший весь разговор, отправился с новостью к своим друзьям. Он вбежал в фургон, стряхнул с себя капли воды и громко залаял:

— Вы слышали? Блоссом дал деру!

— Господи! — глухо ухнула сова. — С нашими деньгами?!

— Конечно, с деньгами! Плут и мошенник! Вор-р! — рычал О'Скалли. — Доктору причиталось столько, что можно было бы до конца жизни не беспокоиться о деньгах.

— Так я и знала! — разрыдалась Крякки и в отчаянии захлопала крыльями. — С самого начала чуяло мое сердце, что Блоссом нас надует. Теперь у него денег куры не клюют, а мы потратили последние гроши, чтобы оплатить его счета.

— Подумаешь, деньги! — презрительно скривил пяточок Хрюкки. — Ну и что с того, что Блоссом сбежал? Нам без него будет даже лучше. Наконец-то мы избавились от мошенника. Теперь у нас будет настоящий цирк — цирк доктора Дулиттла!

— Ты бы хоть подумал, прежде чем говорить, — накинулась на поросенка Крякки. — Как можно содержать цирк без гроша в кармане?! На что доктор купит еду для животных и для тебя тоже? Поставщикам за сено — плати, мэрии за землю — плати, служащим — плати! Тут каждый день потребуется не одна сотня шиллингов. К тому же, как на грех, дождь никак не кончается. К нам пока на представление не пришел ни один зритель. Чему же ты так по-поросячьи радуешься?

Тем временем доктор Дулиттл стоял один в пустом фургоне Блоссом и смотрел, как пузыри бегут по грязным лужам. Потом он беспомощно опустился на старый ящик, достал из кармана любимую трубку и закурил. Он то и дело вынимал часы и, сдвинув брови, смотрел, как стрелки неумолимо бегут вперед.

Через полчаса к нему пришел Геракл.

— Я слышал, Блоссом сбежал, — сказал силач. — Это правда?

— Он опаздывает с возвращением из Манчестера — вот и все, что я знаю, — ответил доктор. — Но ведь его могли задержать дела.

— Надеюсь, что он вернется, — угрюмо произнес Геракл. — Блоссом задолжал мне за четыре недели выступлений. А деньги мне сейчас нужны позарез.

Силач присел рядом с доктором, и они заговорили о погоде и о том, что хорошо бы дождю кончиться.

Немного погодя пришел клоун Хоуп со своим псом Скоком. Плохие новости распространяются быстро. Клоун тоже уже слышал, что Блоссом сбежал, но доктор все еще пытался защищать хозяина цирка и стоял на своем.

Клоун не стал спорить с доктором, и теперь они, уже втроем, продолжили ругать погоду.

Потом появились акробаты братья Пинто. Они тоже хотели узнать, куда запропастился Блоссом и почему им сегодня утром не заплатили, как было обещано, деньги.

Но доктор не падал духом и все еще надеялся, что Блоссом с минуты на минуту вернется.

Наконец к ним присоединился зритель зверинца.

— Плохо дело, — сказал он, когда узнал, что Блоссом еще нет. — У меня жена и двое детей. Как мы будем жить, если мне не заплатят? Никаких запасов у нас нет.

— А у меня в семье пополнение, — отозвался один из братьев Пинто. — Родился мальчик. Ему нужны распашонки, соски, пеленки. Если Блоссом сбежал с деньгами, надо идти в полицию.

— Но у нас нет доказательств, что он сбежал! — не сдавался доктор.

— Блоссом — хитрая лиса, — вмешался в разговор молчавший до тех пор Геракл. — Пока вы соберете доказательства, он уже будет в Китае. А там его никакая полиция не найдет. Братья Пинто правы — нечего сидеть и ждать сложа руки. Давайте пошлем человека в Манчестер.

— Я уже послал туда Мэтьюза Магга, — ответил доктор.

— Ах вот оно что! — сказал один из акробатов. — Значит, и вы, доктор, думаете, что дело нечисто? Когда уехал Мэтьюз?

Доктор в который уже раз за тот день взглянул на часы.

— Четыре часа тому назад.

— Значит, он скоро вернется, — проворчал Геракл. — Готов держать пари, что Блоссом и след простыл. Нас всех обвели вокруг пальца. Попадись он мне, уж я бы ему показал, как мошенничать!

И силач взмахнул в воздухе своими большими, величественной с арбуз, кулаками.

— Одному Богу известно, — добавил он, — сколько Блоссом получил от Беллами за представления пантомимы доктора. К тому же последние три недели он не платил по счетам и отделялся отговорками. Теперь я понимаю, что он уже тогда решил дать стрекача.

— Что же нам теперь делать? — грустно спросил клоун Хоуп.

— И в самом деле, как нам теперь жить? — задумались братья Пинто.

— Мы должны найти нового хозяина цирка! — неожиданно сказал Геракл. — Нам нужен человек, который возьмет на себя все заботы о цирке и спасет нас в трудную минуту.

Глава 6

ДОКТОР СТАНОВИТСЯ ХОЗЯИНОМ ЦИРКА

Как-то так само собой получилось, что, когда силач заговорил о новом хозяине, все, словно сговорившись, посмотрели на Джона Дулиттла.

— Доктор, — сказал Геракл, — сдается мне, что вы станете нашим новым хозяином. — Кто бы меня ни спросил, я любому отвечу, что о лучшем хозяине и мечтать нельзя.

— Да-да! — подхватили остальные. — Доктор — тот, кто нам нужен.

— Вот и хорошо, — продолжал Геракл, — позвольте мне от имени артистов и служителей передать вам, господин доктор, цирк сбежавшего Александра Блоссом. С этой минуты он ваш и ваше слово для нас — закон.

— Но... я... — не знал, что ответить, доктор, — я никогда не управлял цирком! А если я не сумею?

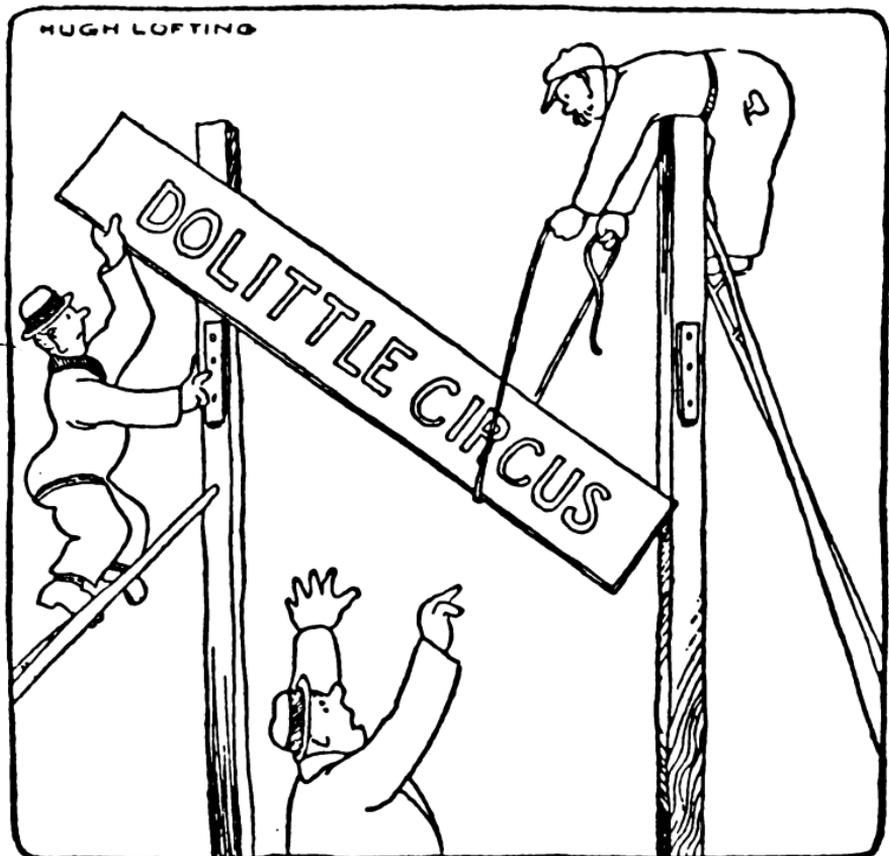
— Сумеете, сумеете, — решил за доктора Геракл. — Разве не вы принесли славу нашему цирку, когда вышли на арену со старушкой Бетти? Разве не благодаря вам нас

пригласили в Манчестер? Разве не вы непонятно как говорите со всем, что чирикает, ржет и лает? Да мы с вами заработаем больше, чем когда-либо при Блоссоме. Вы должны стать хозяином цирка!

— Вы, и только вы! — подхватил Хоуп. — Бог знает что с нами случится, если вы откажетесь. Мы все попали в капкан, без гроша в кармане, и выхода у нас нет. Вы единственный человек, который может нас спасти.

Доктор молчал и раздумывал. Наконец он посмотрел в лица артистам и сказал:

— Так и быть! Если вы считаете, что я должен взяться за это дело, то я согласен. Правда, я не собирался задерживаться в цирке надолго, но сейчас мне и вправду уходить нельзя. И не только из-за вас, друзья. Я ведь и сам остался без гроша. Но я не буду хозяином цирка. Хозяевами будем все мы, а я буду только управлять им. А при-

быль, оставшуюся после всех расходов на содержание цирка, мы разделим. Так что теперь от вас самих будет зависеть, сколько мы заработаем. Но предупреждаю: тех, кто не захочет работать так, как я того потребую, я уволю.

— Вот так поворот, — обрадовался Геракл. — Вы хотите сказать, что мы будем компаньонами?

— Правильно, — ответил доктор. — Но не надейтесь быстро разбогатеть. Поначалу работы будет много, а денег мало. Пока не кончится дождь, к нам не придет ни один зритель и придется залезать в долги, чтобы не голодать самим и не морить голодом зверей. Согласны вы работать на таких условиях?

Циркачи радостно зашумели:

— Согласны! Согласны!

— Ничего, мы готовы поначалу потерпеть!

Тем временем вернулся Мэтьюз Магг. Но вернулся он не один — вместе с ним приехал господин Беллами. Он сожалел, что так случилось, ведь он заплатил мошеннику Блоссому сорок тысяч шиллингов, а тот сбежал и даже не расплатился с поставщиками в Манчестере. К нему уже утром поступили жалобы на обманщика, и он сразу же сообщил в полицию.

— Однако вряд ли полиция найдет Блоссому, — с сомнением покачал головой господин Беллами. — Я бы предложил вам, если, конечно, вы согласитесь, вернуться в Манчестер. Вы можете давать представления в моем увеселительном саду, пока не наберете денег, чтобы расплатиться по счетам.

— Ура! — закричал клоун Хоуп и сделал кульбит. — Смотрите, даже дождь кончился! Нам снова улыбается счастье! Да здравствует цирк доктора Дулиттла.

Действительно, дождь прекратился и выглянуло солнце. И тут раздался тихий голос:

— Прошу прощения, я услышал, что здесь назвали имя доктора Дулиттла. Могу я с ним поговорить?

Все повернулись на голос и увидели в дверях фургона невысокого господина в котелке.

— Я к вашим услугам, — ответил Джон Дулиттл.

— Добрый день, господин доктор, — приветствовал его человек и приподнял шляпу. — Меня прислали к вам

из Лондона с предложением подписать договор на представление вашей пантомимы.

— Вот это да! — не удержался и воскликнул Геракл. — Что я вам говорил? Не успел еще наш доктор взяться за дело, как его уже наперебой приглашают и в Манчестер и даже в Лондон!

Тут же циркачи сняли висевшую над воротами цирка вывеску «Самый большой в мире цирк Блоссом» и повесили вместо нее вывеску поскромнее «Цирк доктора Дулиттла». На этом настоял сам Джон Дулиттл.

— Мы не самый большой цирк в мире, — сказал он. — И мы не имеем права заманивать зрителей к себе обманом.

Господин Беллами принял близко к сердцу невзгоды, выпавшие на долю цирка, и вызвался помочь ему. Он даже предложил доктору деньги.

— Нет, нет, — отказался Джон Дулиттл, — мы и так уже должны всем на свете. Не могли бы вы поручиться за нас перед поставщиками, чтобы те не торопились взыскивать с нас деньги? Я уверен, что скоро мы заработаем и расплатимся с ними.

Владельца увеселительного сада знали не только в Манчестере, поэтому местные лавочники и мясники поверили его слову и без долгих уговоров согласились снабжать цирк всем необходимым, пока тот не встанет на ноги.

Чтобы не увеличивать долги, доктор решил не возвращаться в Манчестер, а остаться там, где они стояли. Погода улучшилась, и на представление пришли первые зрители. Они уже знали, что сам господин Беллами приглашал цирк доктора Дулиттла к себе в Манчестер. А когда газеты напечатали сообщение о том, что некий Блоссом обокрал знаменитую «Пантомиму из Паддлеби» и она осталась без денег в маленьком городке за двенадцать миль от Манчестера, местные жители вдруг прозрели. «Да ведь это у нас!» — закричали они чуть ли не хором и побежали покупать билеты.

Каждый хотел увидеть зверей-артистов, которые пользовались таким успехом в Манчестере. Сначала на представление в цирк доктора пришел весь город, а потом стали прибывать люди из окрестностей. За три дня в кассе цирка набралось столько денег, что Джон Дулиттл

смог оплатить все счета и даже сделать запасы провизии на несколько дней.

Сова Бу-Бу еле справлялась с работой. Теперь ей приходилось подсчитывать доходы не только от тyani-толкая, но от всего цирка. Целый день она платила по счетам, записывала все расходы, складывала, вычитала, умножала и делила и к вечеру точно знала, сколько заработал весь цирк и сколько причитается каждому артисту и каждому служителю.

Не в пример Блоссому, доктор вел дела честно. Всякий мог проверить расходы и доходы и получить свою долю. Поэтому все — и звери и люди — трудились на совесть.

Глава 7

ЦИРК ДОКТОРА ДУЛИТТЛА

В конце концов цирковая жизнь вошла в обычную колею, все работали как и раньше, и только у Бу-Бу и Крякки хлопот прибавилось.

Как-то вечером утка сказала псу и сове:

— Наши дела пошли на лад, но вы не радуйтесь заранее. Доктору нужен помощник. Он может подготовить любой номер, и публика валом повалит в наш цирк, но все это кончится тем, что Геракл, Хоуп, братья Пинто и другие компаньоны разбогатеют, а наш доктор, как всегда, останется ни с чем. Только вчера вечером он сказал, что отошлет опоссума домой в Америку. Ему, видите ли, ужас как хочется лазить по деревьям при луне, как будто у нас в Англии нет деревьев и луна не светит. Да наша английская луна гораздо лучше американской! Но разве доктор послушается?! А билет в Америку стоит ой как дорого. А еще поговаривают, что он хочет отпустить льва и леопарда. Поэтому ему и нужен помощник, который бы подсоблял в делах и мешал швырять денежки на ветер.

— По-моему, такой помощник у него уже есть, — ответил О'Скалли. — Это Мэтьюз Магг. Он только с виду такой простоватый, а на самом деле малый не промах.

— А еще он очень добрый, — вмешался в разговор Скок. — Он часто угощает меня и Тобби косточкой.

— Он раньше зарабатывал тем, что разносил мясо для кошек и собак, — объяснил О'Скалли. — Мэтьюз Магг уже помогает доктору. Вы, наверное, слышали, что мы скоро переезжаем в Тилмут. Доктор послал Мэтьюза туда, и тот арендовал у мэрии землю под цирк, договорился с поставщиками мяса и сена да еще распечатал большие афиши и собственноручно расклеил их на улицах. Я думаю, с ним мы не пропадем.

Цирк снялся с места и отправился в Лондон. По дороге он должен был останавливаться в небольших городках и давать представления. Первым таким городком был Тилмут. Здесь доктор опять попал в тюрьму. Вот как это произошло.

Звери еще больше людей обрадовались тому, что доктор стал хозяином цирка вместо Блоссома.

Как только у доктора скопилось немного денег, он занялся зверинцем. Звери жаловались на то, что клетки выкрашены в черный цвет. Слон просил зеленую, лев — желтую, а опоссум — коричневую. Конечно, клетки сразу же перекрасили. А потом лев и леопард попросили доктора выпустить их из тесных клеток и вернуть им свободу.

— Поверьте, я бы с радостью отпустил вас, — оправдывался Джон Дулиттл, — но у меня пока нет денег, чтобы отправить вас в Африку. Потерпите еще немного.

— Нам хотя бы немножко прогуляться на свободе, — мечтательно прорычал лев и посмотрел поверх плеча доктора на зеленые холмы, окружавшие город.

— Тогда нам было бы легче терпеть, — поддержал его леопард. — В тесной клетке я чувствую себя больным.

Слова леопарда тронули доктора, и он сказал:

— Если вы пообещаете мне, что никого не съедите, я разрешу вам по вечерам ходить на прогулки.

— Никого не съедим, обещаем! — зарычали в один голос лев и леопард.

— Каждый вечер после представления я буду выпускать вас на полчасика, но дайте мне слово, что не тронете никого из людей и вернетесь вовремя.

Какое-то время все шло хорошо. Смотрители зверинца открывали клетки, звери выходили на прогулку и держали данное слово: возвращались вовремя и никого не

трогали. Даже Теодора привыкла к ним и уже не пугалась при встрече с разгуливающим на свободе львом или леопардом.

— Так будет намного справедливее, — говорил доктор. — Как же я сам раньше до этого не додумался? Ведь звери работают на нас, приносят нам доход, а значит, мы должны дать им хотя бы немножко свободы.

Лев и леопард иногда даже выходили за ограду цирка. Там они старались не попадаться людям на глаза, чтобы не перепугать их. Правду говоря, люди им уже давно надоели. Много лет подряд каждый день зеваки пялились на них в зверинце, и теперь звери предпочитали одиночество.

Но в Тилмуте дело приняло серьезный оборот. Вечером в фургон доктора вбежал Мэтьюз Магг. Он был сильно встревожен.

— Доктор, лев не вернулся! — выпалил он. — Я обошел весь цирк, чтобы закрыть двери и ворота, смотрю — а его нет в клетке. А ведь я выпустил его на прогулку час назад.

Доктор тоже забеспокоился, пошел за Мэтьюзом в зверинец и спросил леопарда, где лев и что с ним произошло.

— Наверное, он заблудился, — господин доктор, — ответил леопард. — Мы с ним пошли прогуляться за город. Там протекает река, и мы решили переплыть ее. Лев бросился в воду и поплыл, а я пошел по берегу, чтобы найти место помельче. Но так и не нашел. А потом я услышал бой часов на ратуше и вернулся. Я надеялся, что лев уже дома, но его в клетке не было.

— А людей по дороге вы не встретили? — еще больше обеспокоился доктор.

— Ни одной живой души, — сказал леопард. — Там стоит крестьянская усадьба, но мы обошли ее стороной. Лев найдется, вы не беспокойтесь, доктор.

Всю ночь Джон Дулиттл напрасно ждал льва. Утром он пошел к реке, но не нашел следов льва. Пришлось ему вернуться в город и заняться подготовкой к первому представлению.

К тому времени Джон Дулиттл ввел еще одно новшество в своем цирке — перед началом представления зрителей угощали чаем. Крякки и Мэтьюз Магг пытались отговорить доктора от этой затеи. Шутка сказать — если

поить чаем сотни зрителей, то не долго и разориться. Но доктор отвечал, что люди, пришедшие в цирк, становятся гостями, часто они приводят к собой детей, и чашка чая — просто долг вежливости.

Вот и в тот день публика сидела за маленькими столиками, а Теодора сновала взад-вперед и разливала чай. И вдруг доктор заметил, что в воротах цирка появился лев. Публика была занята чаепитием, и Джон Дулиттл понадеялся, что лев украдкой прошмыгнет в клетку и никто его не заметит. Не тут-то было! Одна пожилая пара, весело переговариваясь, пошла к воротам и вдруг — зверь! Женщина, взвизгнув, подобрала юбки и бросилась бежать. Мужчина швырнул в перепуганного льва трость и тоже пустился наутек. Публика вскочила из-за столов, чашки и чайники опрокинулись, чай полился рекой, пи-

рожные полетели на землю, откуда-то взялось ружье, и раздался выстрел. Перепуганный лев убежал.

Публика скоро успокоилась, но не пожелала остаться на представление и разошлась по домам. Цирк закрылся. Лев снова пропал, и доктор понимал, что теперь отыскать его будет трудно.

Пока доктор ломал голову, куда мог убежать лев, в цирке появились двое полицейских. Они обвинили Джона Дулиттла в том, что он выпустил на свободу диких животных, и повели в тюрьму. Тут же стало известно, что лев проник в курятник и съел там всех кур.

Полицейские вели доктора по городу, а за ними бежал хозяин курятника, бранился и требовал заплатить ему за каждую курицу по два с половиной шиллинга.

Ночь доктор провел в тюрьме. А лев тем временем забился в подвал пекарни и боялся высунуть оттуда нос. Жильцы окрестных домов от страха не сомкнули глаз. Они послали за Мэтьюзом Маггом, чтобы тот увел льва.

Лев был смиренный, и увести его в клетку мог кто угодно из циркачей, но хитрый Мэтьюз Магг заявил, что лев не слушается никого, кроме доктора. Поэтому следует немедленно выпустить из тюрьмы Джона Дулиттла, если, конечно, городские власти не хотят, чтобы хищник надолго обосновался в подвале пекарни.

Рано утром доктор покинул тюрьму и отправился к подвалу, где ночевал несчастный зверь.

— Извиняюсь, господин доктор, — оправдывался лев, — но я заблудился на болоте. Только на следующий день я нашел свои же следы и по ним вернулся в цирк. Я хотел незаметно пройти в зверинец, но кто-то выстрелил, и перепугался и сбежал.

— А куры? — укорял льва доктор. — Ты же обещал мне никого не трогать!

И обещал не трогать людей... Я умирал от голода последние ночи на болоте. Сколько вам пришлось заплатить за кур?

Двадцать семь шиллингов и шесть пенсов, — сказал доктор. — Одиннадцать нежных, откормленных курочек по два с половиной шиллинга за штуку.

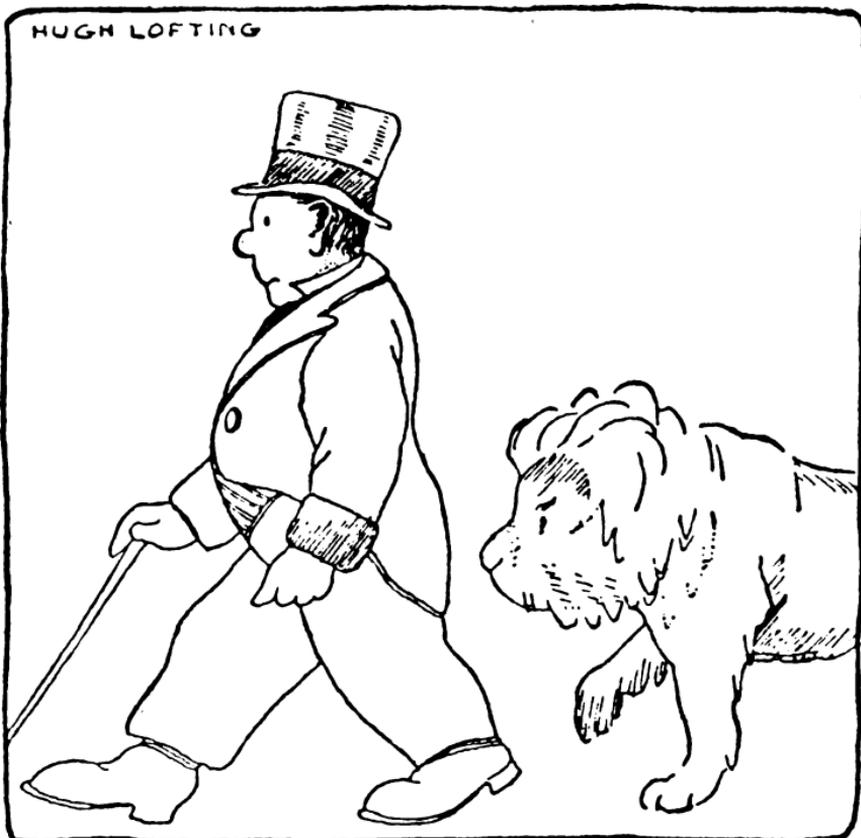
На то грабеж! — возмущенно зарычал лев. — Во-первых, кур было всего шесть, а во-вторых, я их еле прожевал, потому они были старые, жилистые и худые.

— Как бы то ни было, теперь я для нашей общей безопасности сам буду водить тебя на прогулки, — сказал доктор и вывел льва из подвала.

Перепуганные горожане выглядывали в окошки и смотрели, как грозное животное послушно, словно ягненок, шагало за Джоном Дулиттлом.

Теперь, когда доктор наконец-то мог как следует позаботиться о цирковых зверях, жизнь в цирке вдруг стала ему нравиться все больше и больше. К огорчению Кряки, он отмахивался от всех разговоров о возвращении в Паддлеби и с увлечением придумывал все новые и новые номера с животными.

А номера получались очень забавные. Доктор даже поставил спектакль со змеями, которых он выкупил у злой обманщицы Фатимы. Змеям поставили отдельный не-

большой шатер, и там они сами, под мелодию музыкальной шкатулки, танцевали перед зрителями. Они вставали на хвосты, качались в такт музыке, кланялись друг другу и зрителям, сплетались и расплетались и даже завязывались в узлы и бантики.

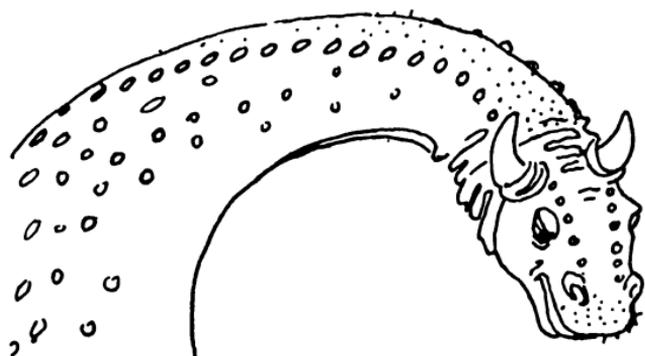
— Люди вовсе не нужны в представлениях с животными, — говорил доктор Мэтьюзу. — Геракл, акробаты и клоун — прекрасные артисты, но пусть они выступают сами по себе, а звери — сами по себе. Как это глупо, когда на сцену выходит разряженный здоровяк и хлыстом заставляет льва прыгать через огонь. Предоставьте животных самим себе и дайте им понять, чего от них ждут. Уж они сами придумают представление. У зверей больше чувства юмора, чем у людей.

Джон Дулиттл был совершенно прав. Каким забавным получился номер льва и леопарда. Могучие хищники выходили на арену, кланялись зрителям и изображали цирковых борцов. Они вставали на задние лапы, хватали друг друга передними, раскачивались из стороны в сторону, падали, вскакивали, а в конце концов в обнимку уходили со сцены.

Слон перестал танцевать танго. Слоны не любят танцевать. Теперь Йо-Йо показывал зрителям чудеса ловкости. Он жонглировал яблоками. Краснобокие яблоки летали по воздуху, а он подхватывал их хоботом и бросал еще выше, а в конце представления съедал их все. Это так понравилось мальчишкам, что они начали приносить в цирк полные карманы яблок и, как только слон заканчивал номер, выносили ему на арену еще несколько десятков яблок и громко кричали: «Еще!» Слону ничего не оставалось делать, как пожонглировать и этими яблоками и тут же их съесть.

Цирк доктора Дулиттла был непохож на все остальные цирки мира. В нем не существовало запретов. Любой мальчишка мог заглянуть за кулисы, погладить слона или гулять по зверинцу сколько ему захочется.

А когда шатры сворачивались и фургоны и повозки уходили в путь, дети бежали за ними до окраины города. И долго еще потом мальчишки говорили только о номере доктора Дулиттла и спрашивали, когда же он снова придет в их город.

Почта
доктора
Дулиттла

37

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вы уже слышали про почту доктора Дулиттла? Нет? Тогда прочитайте эту книгу.

История эта началась, когда доктор Дулиттл поставил паруса на своем корабле и отправился в обратный путь из Африки в Англию. А что же ему понадобилось в такой дали от его родного Паддлеби-на-Марше?

Дело в том, что двухголовый зверь тяни-толкай уже больше года жил в Англии. Долгие осенние дожди, туманы и холода так надоели ему, что он затосковал по Африке. Но тяни-толкай привязался к доктору, полюбил его и не хотел расставаться с ним навсегда. И все же в один зимний день, когда на дворе стояла холодная, промозглая погода, тяни-толкай не выдержал и сказал:

— Доктор, может быть, нам съездить в Африку? Хотя бы на несколько дней, а?

— Замечательная мысль, — ответил доктор. — Я уже давно никуда не ездил, засиделся на месте и сам чувствую, что и мне не помешает подышать морским воздухом и погулять под горячим солнышком.

И доктор быстро собрался в путешествие. Вместе с ним отправились в дорогу утка Крякки, пес О'Скалли, поросенок Хрюкки, сова Бу-Бу, белая мышь и конечно же тяни-толкай.

Доктор купил небольшое суденышко. Оно было уже не новое, его хорошо потрепали морские бури. Но оно еще держалось на плаву, прекрасно слушалось руля.

Они поплыли вдоль африканского берега и добрались до залива Бенин. Там доктор бросил якорь. И пока тяни-толкай разгуливал по лугам, щипал травку и нежился на солнце, Джон Дулиттл лечил туземцев.

В одно прекрасное утро в небе появилась стая ласточек. В Англии уже начиналась весна, и птицы собрались домой, высиживать птенцов.

— А вы еще не отправляетесь в Англию, доктор? — спросили ласточки. — Мы могли бы лететь рядом с вами, как тогда, когда вы бежали из королевства Ума-Лишинго.

Доктор с радостью согласился. Мало ли что может случиться в пути? К тому же тyani-толкай уже вдоволь нагулялся и готов был вернуться в Паддлеби-на-Марше. До позднего вечера Джон Дулиттл и его звери конопатили корабль, штопали паруса, запасали воду и еду на дорогу.

На следующее утро доктор поднял паруса и вышел в открытое море. Свежий ветер гнал корабль на север, в Англию.

Вот тут-то и начинается история с почтой доктора Дулиттла.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

СЬЮЗЕН

Как-то днем, еще на первой неделе путешествия, доктор сидел со своими зверями в кают-компании за столом и обедал. Вдруг он увидел, что за окошком порхает ласточка и подает ему знаки крыльями.

Джон Дулиттл встал из-за стола и вышел на палубу. Ласточка сразу же опустилась ему на плечо. У нее были быстрые черные крылья и живые блестящие глаза. Это был вожак стаи. Звали его Проворный, и это имя было известно всем крылатым обитателям земли.

Никто не умел так ловко хватать на лету мух, как Проворный, никто не умел так кувыркаться в воздухе, как Проворный. Ласточки очень часто проводят между собой состязания — кто выше, кто дальше, кто быстрее. Вот уже несколько лет подряд на таких состязаниях в Европе, Африке и Америке побеждал Проворный. Правда, поговаривали, что в Азии есть летун не хуже его, но на состязаниях они никогда не встречались. А недавно Проворный перелетел через Атлантический океан за одиннадцать с половиной часов, скорость была двести миль в час! Как известно, в одной миле тысяча шестьсот девять метров. Если мы умножим тысячу шестьсот девять на двести, то узнаем, сколько метров пролетал Проворный за один час. Это будет... гм, лучше оставить эту задачку для Бу-Бу, а мы вернемся к нашей истории.

Здравствуй, Проворный, — сказал доктор Дулиттл ласточке. — Что случилось?

Доктор, — таинственно шепнула птичка, — мы заметили по курсу вашего корабля лодку. До нее около ми-

ли. Это вон там, чуть западнее. В лодке сидит чернокожая женщина и горько плачет. От отчаяния она даже бросила весла. До суши отсюда миль десять, не меньше, потому что даже я с трудом различаю берег. Наверное, она не понимает, что, если поднимется ветер, ее лодка утонет. А может быть, у нее случилось несчастье и она не хочет больше жить?

— Попробуем помочь бедняжке, — немедленно согласился доктор. — Лети напрямик к лодке, а я поведу корабль за тобой.

Джон Дулиттл встал за штурвал и направил корабль вслед за ласточкой. Скоро он увидел утлую лодчонку. Она покачивалась на волнах и в бескрайнем море казалась просто щепкой. В лодке, обхватив голову руками, сидела женщина и безутешно рыдала.

Доктор подвел корабль поближе и спросил:

— Что у вас случилось? Может быть, я смогу вам помочь? Почему вы оказались так далеко от берега? Если неожиданно нагрянет буря, вы утонете.

Женщина медленно приподняла голову, посмотрела с ненавистью на доктора и на его корабль и крикнула:

— Уходи! Неужели тебе мало того зла, что вы, белые люди, мне причинили? Оставь меня и плыви своей дорогой.

Но доктор Дулиттл не поплыл своей дорогой. Он долго убеждал женщину, что ему можно довериться, что не все белые люди плохие, и в конце концов она, все еще всхлипывая, рассказала доктору свою историю.

Все это случилось в те времена, когда на земле еще было рабство. Многие страны уже запретили держать в неволе, покупать и продавать людей, но еще находились негодяи, которые приплывали в Африку, хватали чернокожих туземцев или покупали их и увозили в Америку, где заставляли работать на плантациях хлопка и табака. Вожди африканских племен воевали друг с другом, а пленных продавали работорговцам за стеклянные бусы, старое оружие и прочий хлам.

Чернокожая женщина в лодке была из племени, на которое напали воины Фантиппо. Фантиппо — это королевство на берегу оксана, правит там король Коко. Воины Фантиппо взяли много пленных и среди них мужа этой

женщины. Не успела окончиться война, как в королевство Фантинго наведались корабли белых людей. Они искали рабов для работы на плантациях табака. Работорговцы предложили королю продать пленников, и тот охотно согласился.

Чернокожую звали Сьюзен. Ее муж был высоким и очень сильным. Король Коко заметил его среди пленников и хотел сначала взять его к себе в слуги, сам он был низенький и толстый и любил, чтобы ему при дворе прислуживали реслые и красивые люди. Но и работорговцы искали сильных и выносливых мужчин. Они предложили королю за мужа Сьюзен так много, что тот продал его.

Рабов погрузили на корабль, и белые люди вышли в море. Сьюзен долго плыла за ними на лодке и умоляла вернуть мужа. Но работорговцы лишь смеялись в ответ. Подул ветер, корабль работорговцев поплыл быстрее и вскоре пропал из виду.

Вот почему Сьюзен не захотела говорить с доктором Дулиттлом, когда он подплыл к ней. Она считала, что все белые люди — работорговцы.

Услышав рассказ Сьюзен, Джон Дулиттл не на шутку рассердился.

— Когда корабль с рабами ушел в море? — спросил он.

— Всего полчаса тому назад, — ответила Сьюзен. — Они поплыли вдоль берега на север. У меня больше нет сил гнаться за ними.

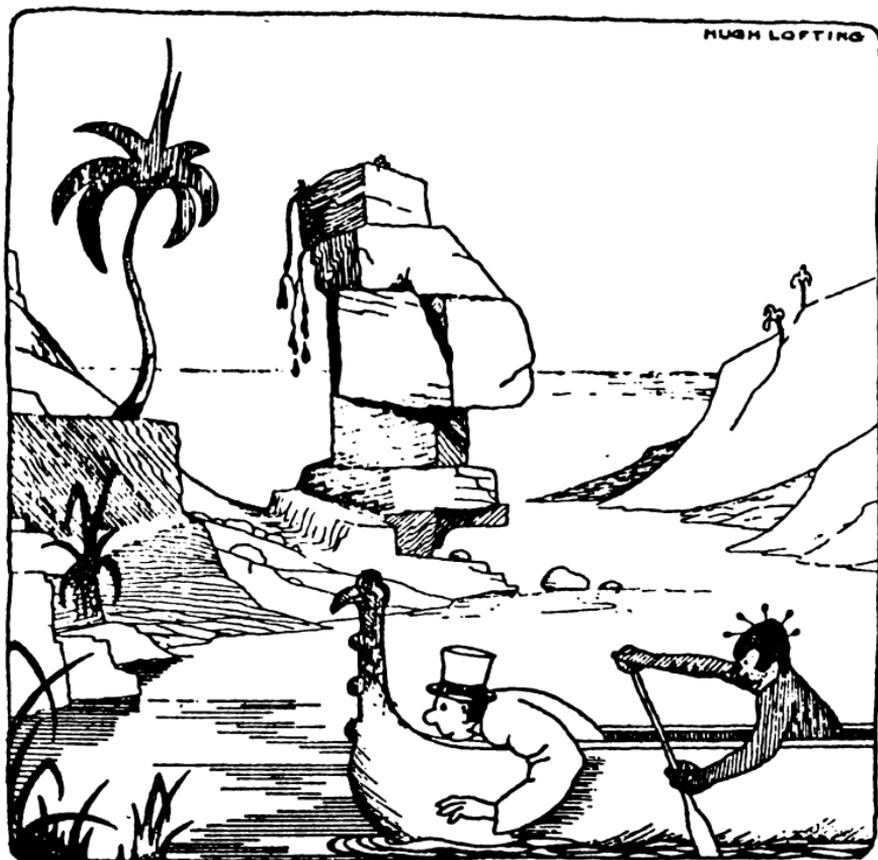
Джон Дулиттл пообещал помочь несчастной негритянке. Он уже хотел было поднять все паруса и помчаться в погоню за работорговцами, но рассудительная Крякки остановила его:

— Доктор, подумайте хорошенько. Наш корабль плавает не так уж быстро. Работорговцы издали заметят паруса и успеют убежать.

— Ты совершенно права, — согласился с уткой доктор. — Лучше я сяду в лодку, и мы пойдем вдоль берега на веслах. Маленькую лодочку они не заметят.

Доктор Дулиттл поставил свой корабль на якорь и сел в лодку Сьюзен. Они плыли к северу вдоль африканского берега, заглядывали во все бухты и на все острова. Но корабля работорговцев нигде не было.

Тогда доктор послал на поиски ласточек. Увы, и лас-

точки не сумели найти корабль, на котором увезли мужа Сьюзен, потому что уже стемнело.

— Делать нечего, — сказал доктор. — Ночь темная, луна не светит, лучше нам подождать и продолжить поиски завтра.

Несчастливая Сьюзен снова расплакалась.

— К утру, — всхлипывала она, — корабль с моим мужем уйдет слишком далеко. Нам ни за что его не догнать. Бедный мой муж, я никогда больше не увижу его!

— Не плачь, — попробовал утешить ее доктор, — если нам не удастся вернуть тебе этого мужа, я постараюсь найти тебе другого если не лучше, то уж во всяком случае не хуже.

Но Сьюзен почему-то не утешилась, а только разрыдалась пуще прежнего.

Она плакала так громко, что доктор никак не мог ус-

путь. На дне лодки и так было не слишком удобно, а тут еще эти всхлипывания!

Несколько ласточек, а среди них и Проворный, отдыхали на борту лодки. Птицам тоже никак не удавалось уснуть. Вдруг Проворный шепнул: «Тише!» — и показал крылышком на запад.

Даже Сьюзен перестала рыдать и посмотрела туда, куда показывала ласточка. Там вдали мерцал огонек.

— Корабль! — воскликнул Джон Дулиттл.

— Да, — подтвердил Проворный, — это корабль. Наверное, это корабль работорговцев.

— Даже если на нем плывут торговцы рабами, — сказал доктор, — это не тот корабль, который мы ищем. Тот поплыл на север.

— Слетаю-ка я туда, — предложил Проворный, — рассмотрю хорошенько этот корабль, а потом вернусь и все вам расскажу.

Проворный вспорхнул и полетел на далекий свет в темноте, а доктор вдруг обеспокоился. Он вспомнил своих зверей, которых оставил на корабле. Конечно, с ними были рассудительная Крякки и сова Бу-Бу, но кто их знает...

Через четверть часа Проворный сделал круг в воздухе над головой доктора, а потом легко, словно перышко, опустился ему на колени. Он с трудом перевел дыхание и защебетал:

— Это очень большой корабль. У него три высокие-превысокие мачты, а парусов на них можно повесить видимо-невидимо. У него на борту много пушек, а люди не в простых матросских куртках, а в мундирах. Сейчас, правда, корабль плывет медленно, наверное, боится подводных скал, а на носу у него нарисованы буквы. Конечно, прочесть я их не мог, но запомнил, как они выглядят. Дайте мне свою руку, я вам покажу.

И Проворный принялся водить коготками по ладони доктора. Но едва успел он нарисовать первые четыре буквы, как доктор вскочил на ноги и чуть не опрокинул лодку.

— К.Е.К.В. — это значит Корабль Ее Королевского Величества! Теперь мы наверняка догоним работорговцев. От воинного корабля им не уйти!

Глава 2

ФРЕГАТ

Джон Дулиттл и Сьюзен налегали на весла, чтобы поскорее доплыть до мерцающих вдали огоньков. Ночь выдалась тихая, но морская зыбь раскачивала маленькую лодочку, словно на гигантских качелях. Сьюзен и доктор с трудом удерживали ее в равновесии.

Через час доктор Дулиттл обнаружил, что корабль уже не плывет, а застыл на месте, и когда они наконец подошли поближе, понял, что случилось. Дело в том, что воинный корабль в темноте налетел на судно доктора, стоявшее на якоре без огней. К счастью, военный корабль плыл очень медленно и от столкновения никто серьезно не пострадал.

Это был большой, трехмачтовый фрегат. С его борта сбросили веревочную лестницу, и доктор с Сьюзен вскарабкались по ней на палубу. Доктор завертел в темноте головой, пытаясь найти капитана.

Капитан не заставил себя ждать и подошел к ним. Он был мрачный и грозный и что-то бормотал себе под нос.

— Добрый вечер, — вежливо сказал доктор. — Какая прекрасная погода.

Наверное, за время плавания капитан уже порядком подзабыл, что такое вежливость. Он сунул доктору под нос огромный кулак и заорал, тыча пальцем в суденышко доктора:

— Это ваш Ноев ковчег?

— Да, то есть нет, все зависит от того, как на это дело посмотреть. А почему вы о нем спрашиваете?

— Как на него ни смотри, это безобразие! — взорвался капитан.

— Нельзя ли быть немного полюбезнее? — возмутился доктор.

Капитан скрипнул зубами, и голос его загредел:

— Полюбезнее?! Может быть, вы будете столь любезны, что скажете мне, о чем вы думали, когда оставили старую лохань на якоре без света в такую темную ночь? Что вы за моряк, тысяча чертей! Я команду фрегатом Ее Королевского Величества, гоняюсь за работорговцем

Джимом Бонсом, неделями охочусь за ним, а теперь, словно у меня нет других дел, мне придется возиться с вами! И как меня угораздило наскочить на вашу старую калошу! Где же это видано — оставлять судно без огней. Нам еще повезло, что фрегат двигался вперед медленно и промерял глубины. Я кричал, я звал, но никто на вашем судне не откликнулся. «А вдруг это корабль работорговцев и они хотят заманить нас в ловушку?» — подумал я. И тогда я прыгнул к вам на палубу, обошел весь корабль, не встретив ни одной живой души. В конце концов я захожу в кают-компанию — и что вижу? В кресле спит поросенок! С каких это пор в команду набирают свиней и оставляют на них корабль? Почему вы не на судне, если оно ваше? Где вас черти носили?

— Я катался на лодке в обществе дамы, — ответил доктор и мило улыбнулся Сьюзен.

— Так вас потянуло на романтические прогулки? — еще больше разозлился капитан. — Я отучу вас разгуливать по морю на Ноевом ковчеге без огней. Или вы думаете, что правила мореплавания составлялись не для вас? Эй, лейтенант, — крикнул капитан, и на его зов поспешил офицер с двумя матросами. — Немедленно арестуйте этого человека и посадите его под замок.

— Есть арестовать! Есть посадить под замок! — взяли под козырек матросы, и не успел доктор оглянуться, как у него на руках защелкнулись наручники.

— Но дама была в отчаянии, и я так спешил, что нарочь забыл зажечь огни на судне! — защищался доктор. — К тому же тогда еще было светло!

— Уведите его прочь! — бесповался капитан фрегата. — Уведите его прочь, иначе я не ручаюсь за себя!

И несчастного доктора Дулиттла потащили по палубе к трапу, ведущему в трюм. На первой же ступеньке доктор ухватился скованными руками за поручень, оглянулся и успел крикнуть:

Я могу сказать вам, где искать Джима Бонса! Если, конечно, вы соизволите меня выслушать.

Что? Джима Бонса? — прогремел капитан. — Эй, водите его назад! Что вы сказали?

Доктор достал скованными руками платочек из кармана, вытер им нос и произнес:

— Я сказал, что знаю, где искать Джима Бонса.

— Торговца живым товаром Джима Бонса?! — воскликнул капитан. — Да ведь его-то я и ищу. Итак, где же он?

— Э-э-э, — протянул доктор и показал на наручники. — Как только мне связывают руки, память у меня становится дырявая. Может быть, если их снимут, я кое-что вспомню.

— Прошу прощения, — к капитану вернулась вежливость. — Лейтенант, немедленно снимите наручники. А вы, — приказал он матросам, — принесите сюда стулья. Наши гости устали.

Наручники сняли, принесли стулья. Доктор и Сьюзен присели, и Джон Дулиттл поведал капитану фрегата историю несчастной негритянки. Все офицеры корабля собрались на палубе и внимательно слушали.

— Я думаю, — закончил рассказ Джон Дулиттл, — что работорговец, который увез мужа Сьюзен, и есть тот самый Джим Бонс.

— Несомненно, — подтвердил капитан фрегата, — это он. Мне доподлинно известно, — что он бродит где-то поблизости. Но поймать эту птичку будет не так-то просто.

— Он поплыл к северу, — сказал доктор Дулиттл. — Ваш фрегат легко догонит его. А если он спрятался в какой-нибудь бухте, я пошлю птиц и они, как только рассветет, найдут работорговца и сообщат нам. От их глаз ничто не укроется.

Слушавшие доктора офицеры недоверчиво улыбнулись.

Капитан удивленно спросил:

— Вы пошлете птиц? Голубей? Или канареек?

— Нет, — не смутился Джон Дулиттл, — ласточек. Они собрались в стаю, чтобы лететь в Европу, и любезно согласились сопровождать мой корабль. Мы с ними живем в дружбе.

Офицеры переглянулись, рассмеялись и выразительно покрутили пальцами у виска — они приняли доктора Дулиттла за сумасшедшего.

А капитан подумал, что незнакомец подшучивает над ним, и хотел было опять заковать его в наручники и посадить под замок. Но один из офицеров удержал его.

— Господин капитан, — шепнул ему на ухо офицер, — не следует торопиться с наручниками и замками. Я начинал службу на сторожевом корабле у берегов Англии, и мне как-то рассказывали о человеке, который пользуется непостижимой властью над животными. Звали его то ли Дуддигт, то ли Дурлитт, теперь я уже не вспомню. А что, если это он и есть? Он может нам пригодиться. Судя по всему, чернокожие ему доверяют, иначе эта женщина ни за что не вышла бы с ним в море.

Капитан задумался и решил, что офицер прав.

— По-моему, — сказал он доктору Дулиттлу, — вы не совсем в своем уме, простите, конечно, за прямоту. Но если вы хотите помочь мне изловить негодяя Джима Бонса, то мне все равно, как вы это сделаете — призовете птиц, рыб или ангелов небесных. С рассветом мы снимаемся с якоря. Но предупреждаю: если вам вздумалось подшутить над военным флотом Ее Королевского Величества, вам несдобровать. Я вас ослаблю на весь свет, а может быть, даже отдам под суд. А теперь отправляйтесь на свой ковчег, зажгите на нем огни и передайте поросенку, что если огни погаснут, я пушу его на колбасу для моей команды.

Под смех и шутки офицеров доктор Дулиттл перебрался на свой корабль и поспешил зажечь на нем огни. Однако когда рассвело, доктор снова появился на палубе фрегата и над его головой реяли тысячи ласточек. Теперь офицеры военного флота Ее Королевского Величества не смеялись на доктором и не крутили пальцем у виска.

Солнце встало над далеким африканским берегом. О таком прекрасном утре можно было только мечтать.

Проворный с доктором еще ночью договорились, что им делать. И пока фрегат снимался с якоря и трогался в путь, Проворный с сотней самых зорких ласточек улетел осматривать все бухты, заливы и острова.

За ласточками-разведчиками в небе летели другие ласточки. Они выстроились длинными рядами — словно кто-то расчертил небо над Африкой по линейке. Они передавали друг другу по цепочке известия от разведчиков на фрегат доктору Дулиттлу.

К полудню птичий телеграф сообщил, что корабль Джима Бонса стоит за ближайшим мысом. Торговцы

живым товаром пристали к берегу, чтобы набрать питьевой воды. Они опасались погони и выставили охрану, чтобы вовремя заметить военный корабль и пуститься наутек.

Джон Дулиттл сразу же передал это сообщение капитану фрегата, и тот повел корабль вдоль берега, скрываясь за высокими скалами, чтобы подобраться к работорговцу незаметно. Матросам отдали приказ готовиться к бою, потому что те, кто торгует живым товаром, — отчаянные головорезы. Они знают, что их ждет суд и виселица, и яростно защищаются.

Канониры — матросы-артиллеристы — всыпали в пушки порох, зарядили в них ядра и приготовили фитили. И вот один из канониров неуклюже покачнувшись, случайно прикоснулся горящим фитилем к запалу пушки, и раздался выстрел. Ба-бах! Гром прокатился над тихим утренним морем.

И тут же ласточкин телеграф принес известие, что работорговцы поставили все паруса и вышли в море.

Когда фрегат обогнул мыс, доктор, капитан и вся команда увидели, что корабль работорговца Джима Бонса удирает под всеми парусами.

Глава 3

МЕТКИЙ ВЫСТРЕЛ

— Кто стрелял? — зарычал от гнева капитан фрегата.

Неловкий канонир стоял понурившись и молчал.

— Я прикажу посадить тебя в карцер на хлеб и воду, — набросился на него капитан.

Да и было из-за чего сердиться. Случайный выстрел спугнул работорговцев. Солнце уже клонилось к закату, и если фрегату не удастся схватить работорговцев засветло, то они в темноте легко уйдут от погони, возможно, даже навсегда.

Джим Бонс был ловким и хитрым негодяем и знал западное побережье Африки, которое и сейчас иногда на-

считают Берегом рабов, как свои пять пальцев. В темноте он поплывет без огней, и ему ничего не будет стоить спрятаться в укромной бухточке и переждать опасность. Или он может уплыть в открытое море, и найти его там будет так же трудно, как иголку в стогу сена.

— Поднять все паруса! — приказал капитан фрегата.

Но расстояние между кораблями не сокращалось.

В те времена на флоте только начали использовать пар. Паровые машины еще были в новинку, и многие моряки им не доверяли. На королевском фрегате, который гнался за Джимом Бонсом, уже была паровая машина.

Фрегат носил имя «Святой Георгий». Капитан гордился своим кораблем, и ему очень хотелось, чтобы именно «Святой Георгий» поймал неуловимого торговца рабами Джима Бонса, которому столько раз удавалось уйти от погони других военных кораблей. Негодяй Джим Бонс не считался ни с божьими, ни с человеческими законами, откровенно презирал все запреты и продолжал свое грязное дело. Капитан приказал развести пары.

В топках загорелось пламя, из трубы повалил черный дым. Он закрыл голубое небо, прекрасные белые паруса сразу же почернели, но «Святой Георгий» прибавил ходу. Вся команда хотела поскорее разделаться с Джимом Бонсом, и кочегары без устали подбрасывали уголь в топки котлов. Гребные колеса крутились быстрее и быстрее.

Механик не утерпел, бросил машину и вышел на палубу посмотреть, как фрегат догоняет работорговца. И тут с грохотом лопнул паровой котел. Машинное отделение наполнилось паром, гребные колеса остановились.

Теперь «Святой Георгий» плыл намного медленнее, и стало ясно, что хитрый Бонс и на этот раз ускользнет. Солнце уже садилось, до темноты оставалось совсем немного. И хотя расстояние между кораблями было еще слишком большим, капитан приказал открыть огонь. По правде говоря, он сам не надеялся, что хотя бы одно ядро угодит в работорговца.

Канониры засуетились, начали наводить пушки. И только неловкий матрос, который нечаянным выстрелом предупредил Джима Бонса о погоне, понуро стоял у мачты. Ни капитан, ни офицеры, ни его товарищи-матросы

никогда не простят ему оплошности! И если он не плакал от обиды, то только потому, что моряки не плачут.

Один из офицеров громко крикнул: «Огонь!» Корабль вздрогнул от грохота, и над водой понеслись восемь огромных чугунных ядер. С всплеском они упали в океан, подняли тучи брызг, но не причинили никакого вреда работорговцу.

— До него больше двух миль, — оправдывался офицер перед капитаном, — а уже темнеет, и канониры не могут прицелиться как следует.

Капитан фрегата тоже понимал, что не имеет смысла зря тратить порох и ядра, и приказал прекратить огонь.

Все это время Проворный сидел на плече у доктора Дулиттла.

— Попросите их зарядить пушку, — шепнул он доктору на ухо. — Я лучше людей вижу в темноте и смогу прицелиться.

— Боюсь, что капитан не согласится, — ответил доктор. — Если уж он не поверил мне, то тебе не поверит и подавно. Разве сможет маленькая пичуга сделать больше, чем его канониры?

Пока доктор перешептывался с Проворным, офицеры и матросы бросили пушки и перешли на нос корабля. Они тревожно вглядывались в исчезающие в сумерках паруса работорговца. Только неловкий канонир остался стоять у мачты.

Тем временем Проворный принялся прыгать с пушки на пушку. Он заглядывал в их жерла и вдруг обнаружил, что пушка неловкого канонира стоит заряженная. Он пристроился на ней и подозвал доктора. Джон Дулиттл развернул ее так, как сказал Проворный.

— Правее, правее, чуть выше, вот так! — щебетал Проворный.

Джон Дулиттл нашел тлеющий фитиль и поднес его к затравке на пушке. Порох зашипел и вспыхнул. Ба-бах!

Как только умяк гром выстрела, раздался гром капитанского голоса:

— Тысяча чертей! Кто стрелял?! Разве я не приказал прекратить огонь?

Но лейтенант ухватил капитана за рукав и закричал:

— Смотрите!

Капитан посмотрел в море и замер от удивления. Пушечное ядро, направленное доктором и Проворным, ударило в мачту корабля работорговца. Мачта покачнулась и упала. Паруса медленно опустились на палубу. Пользы от них теперь было не больше, чем от старых тряпок.

— Тысяча чертей! — воскликнул капитан. Теперь он ругался от радости. — Вот это выстрел! Смотрите, Бонс выбросил белый флаг!

Только что капитан хотел примерно наказать человека, посмевшегося выстрелить без приказа, но теперь дело принимало иной оборот. Подумать только, одним выстрелом заставить работорговца сдаться!

— Кто стрелял? — спросил он.

Джон Дулиттл уже открыл рот, чтобы сказать, что стреляла ласточка по имени Проворный, но вожак стаи остановил его:

— Молчите, доктор. Все равно вам никто не поверит. Мы выстрелили из пушки провинившегося матроса. Пусть все подумают, что стрелял он.

Проворный не ошибся. Так оно и вышло. Капитан фрегата подбежал к пушкам и увидел, что над одной из них все еще вьется дымок.

— Чья пушка? Твоя? — обратился он к вытянувшемуся перед ним неловкому канониру. И, не давая матросу возразить, крикнул лейтенанту: — Отменить карцер! Выдать чарку и два золотых!

«Святой Георгий» подошел к кораблю работорговцев. Его зацепили крючьями, с фрегата на его палубу прыгнули матросы, вооруженные пистолетами и тесаками, и надели наручники на Джима Бонса и всех его сообщников. Негодяев посадили под замок и поставили у дверей стражу.

Капитан фрегата с Джоном Дулиттлом и Сьюзен заглянули в трюм захваченного корабля. Там без света и без воды в тесноте и темноте сидели чернокожие рабы, закованные в кандалы. Среди них был и муж Сьюзен. Негритянка снова расплакалась, на этот раз от счастья. Так уж устроены женщины: они готовы пустить слезу по любому поводу.

Чернокожих рабов немедленно освободили, сняли с них цепи и перевели на палубу «Святого Георгия». Уже

стемнело, поэтому фрегат бросил якорь, чтобы не продолжать плавание в темноте и не наскочить на подводную скалу. Корабль Джима Бонса впервые за много лет опустел. Вот так с помощью доктора Дулиттла и ласточек поймали одного из последних работорговцев.

На фрегате матросы и офицеры поздравляли друг друга с победой. На палубе поставили столы, усадили за них освобожденных рабов и накормили бедняг ужином. Доктора Дулиттла и Сьюзен с мужем пригласили в кают-компанию. Офицеры произносили в их честь тосты и пили вино.

На следующий день, как только взошло солнце, фрегат отправился в плавание вдоль африканских берегов. То тут, то там «Святому Георгию» приходилось останавливаться, чтобы высадить бывших рабов в родных местах. Только к обеду доктор Дулиттл, Сьюзен и ее муж добрались до судна доктора. Хотя был ясный день, на нем все еще горели огни. Напуганный угрозой капитана поросенок не решался их погасить.

Капитан пожал руку Джону Дулиттлу и поблагодарил за помощь, оказанную флоту Ее Королевского Величества.

— Как ваше имя и откуда вы? — спросил он у доктора. — Я напишу о вас королеве, и она наградит вас орденом, а может быть, пожалует дворянское звание.

— Нет, нет, не стоит, — отказался доктор. — Ордена и звания мне ни к чему. Что мне сейчас действительно надо, так это фунт хорошего чая. У меня чай кончился уже месяц тому назад, а тот, которым вы меня угощали в кают-компании, мне очень понравился.

Капитан тотчас же позвал корабельного повара — кока и приказал ему выдать доктору пять фунтов лучшего китайского чая.

«Святой Георгий» развернулся и поплыл в Англию. За его кормой тянулся пенный след. Моряки, столпившиеся на палубе, крикнули доктору «Ура!», а потом долго махали руками на прощанье.

О'Скалли, Крякки, Хрюкки и Бу-Бу тут же стали просить доктора рассказать о всех приключениях на фрегате. Доктор не заставил себя упрашивать, а потом, когда история о погоне и освобождении рабов была закончена,

пригласил Сьюзен и ее мужа в кают-компанию выпить чаю.

Джон Дулиттл собственноручно заварил чай, который и в самом деле оказался превосходным. Они пили чай с пирожными, испеченными Крякки, и говорили о королевстве Фантиппо.

— Нет, мы не вернемся туда, — говорил Бегве, муж Сьюзен. — Вообще-то я не прочь служить королю Коко, человек он добрый и щедрый, но я боюсь, что к нему заявится новый работороговец и король снова продаст меня в рабство. Ты отправила письмо моему брату, Сьюзен?

— Да, отправила, — ответила Сьюзен, — но ответа так и не получила.

Доктор попросил Сьюзен рассказать поподробнее о письме. И вот что он узнал.

Когда Джим Бонс предложил королю продать ему Бегве, Сьюзен попыталась спасти мужа. Она пришла к королю Коко и сказала, что у Бегве есть богатый брат и он готов прислать выкуп. Целых двенадцать быков и двадцать четыре козы.

— Подождите несколько дней, ваше величество, — говорила Сьюзен королю. — Не продавайте моего мужа, пока я не получу письмо и не получу ответа.

Скот в королевстве Фантиппо ценился намного больше, чем рабы. Поэтому король радостно согласился. Он обещал Сьюзен отпустить ее мужа на свободу, если через четыре дня ему пришлют выкуп — двенадцать быков и двадцать четыре козы.

Сьюзен вышла из королевского дворца и сразу же побежала под большой баобаб на площади. Там с чернилами и пером сидел писец. Дело в том, что в королевстве Фантиппо мало кто умел читать и писать, поэтому в каждом селении были писцы. За мелкую монету, курицу или утку они писали письма и читали те, которые приходили. В письме Сьюзен просила брата Бегве поскорее прислать королю Коко быков и коз. Потом она наклеила на письмо марку и опустила его в почтовый ящик. Но даже через двенадцать дней она не получила ответа. Король Коко не хотел больше ждать и продал ее мужа Джиму Бонсу.

Глава 4

ПОЧТА КОРОЛЕВСТВА ФАНТИППО

Почта в королевстве Фантиппо была очень странная. По чести говоря, в те времена сами письма были делом необычным и диковинным для африканцев. До того никто писем не писал, не отправлял, не получал и не читал. **А вот как возникла эта почта.**

За несколько лет до путешествия доктора Дулиттла в Африку в Европе уже появилась почта. В Англии почтовые кареты возили письма из города в город. Сначала отправить письмо стоило всего один пенс. Но одни люди писали длинные письма, другие — короткие, и тогда решили, что и цена пересылки будет разная. Но как проверить, заплачено за это письмо или еще нет? И тогда придумали почтовые марки. Достаточно было купить марку, наклеить ее на письмо, и любому почтальону с первого взгляда становилось ясно — за это письмо заплачено. Появились марки в один пенс, два пенса, два с половиной пенса, шесть пенсов и даже в один шиллинг. Марки были разного цвета, и на них была нарисована королева в короне, а иногда и без короны.

Потом Франция, Соединенные Штаты и другие страны поступили точно так же, с той лишь разницей, что на их почтовых марках были нарисованы другие короли, королевы или президенты и платить за них надо было не пенсами, а центами, сантимами или другими монетами.

В один прекрасный день к западному берегу Африки причалил корабль и привез письмо королю Коко. В королевстве Фантиппо никто раньше не видел почтовой марки. Король позвал купца-англичанина и спросил у него:

— Что это мне принесли? И кто это нарисован? И почему он в короне, похожей на мою?

Купец рассказал королю Коко, что такое почта.

— У меня на родине, в Англии, — похвастался он, — стоит наклеить на письмо марку с портретом королевы и бросить его в почтовый ящик — и письмо непременно

дойдет туда, куда следует, пусть даже на другой край земли.

— Так, значит, все дело в портрете королевы? — удивился король Коко.

— Королевы или любого другого короля, — ответил купец.

«Ага! — подумал король Коко. — Здесь пахнет колдовством. Теперь и в моем королевстве будет почта, а на марках буду красоваться я. А рисовать меня на марках я заставлю главного колдуна королевства, и тогда колдовство усилится и они дойдут еще быстрее».

И король Коко заставил главного колдуна королевства нарисовать много-много почтовых марок со своим портретом, с короной и без короны, с улыбкой и с нахмуренной бровью, верхом на коне и на велосипеде». Но больше всего король Коко гордился маркой в десять пенни. На ней он играл в гольф. Совсем недавно шотландцы, искавшие золото в его королевстве, обучили его этой игре, и она ему очень понравилась.

Он также приказал сколотить из дерева почтовые ящики и поставить их на каждом углу. Потом глашатаи прошли по городу и объявили всем, что теперь достаточно наклеить марки на письма и бросить конверты в ящик, чтобы они попали куда следует, пусть даже на другой конец света.

Но скоро люди стали жаловаться, что их обманули. Они доверились колдовству, честно заплатили за марки и бросили письма в почтовые ящики, но никто их письма не получил. И тут однажды сорванцы мальчишки раздразили бодливую корову. Та погналась за ними, но они убежали и залезли на дерево, на котором висел почтовый ящик. Корова поддела рогами ящик, он разлетелся вдребезги, и оказалось, что письма так там и лежат. Колдовство на поверку вышло обманом!

Король Коко ужасно рассердился, приказал привести купца-англичанина и сказал ему:

— Ты обманул мое королевское величество. В марках, о которых ты мне твердил, нет никакого волшебства. Немедленно открой мне тайну почты, иначе я велю отрубить тебе голову.

Купец рассказал королю, что письма отправляются в другие места не при помощи колдовства, почтовой марки

и ящика, а потому что почтальоны собирают письма из ящика и уносят их на почту. Но упрямому королю хотелось, чтобы в Фантиппо была почта.

— А кто такие почтальоны? — спросил он у купца. — Колдуны?

— Нет, — объяснил купец, — это обыкновенные люди, но ходят они в синей суконной форме, в фуражках с кокардами и с сумками на ремне.

Недолго думая, король Коко заказал в Англии сотню суконных курток и фуражек с кокардами. Затем он отобрал сотню своих чернокожих подданных и дал каждому сумку на ремне.

Как все знают, в Африке очень жарко. Поэтому почтальоны страшно потели в своей суконной форме. Обычная одежда у жителей Фантиппо — набедренная повязка и бусы. Чернокожие почтальоны не выдержали жары и сняли с себя брюки и куртки. С тех пор форма почтальонов королевства Фантиппо состояла из набедренной повязки, бус, фуражки с кокардой и толстой сумки.

Теперь, когда у короля Коко появились почтальоны, письма вынимали из почтовых ящичков и относили на почту, но дальше они не уходили. В лучшем случае, почтальоны набивали ими свои сумки и разносили наугад по улицам.

У африканцев своеобразный вкус: им нравятся яркие цвета. На улицах столицы королевства Фантиппо нередко можно встретить человека в ярко-красной набедренной повязке и с голубыми и зелеными бусами на шее. Разноцветные марки пришлись по душе чернокожим франтам. Они отклеивали марки с писем и цепляли их на себя. Молодые люди прогуливались под руку вдоль берега, а у них на шее и на плечах, на груди и даже на лбу красовались марки с королем Коко.

В то же время в Европе появилось новое увлечение. Многие стали собирать почтовые марки. Среди любителей почтовых марок — их называют филателистами — редкие марки ценились очень высоко.

Как-то два филателиста приехали в королевство Фантиппо. Оба они искали одну очень редкую марку. Редкой она была потому, что королю Коко не понравился портрет, нарисованный на ней, и он запретил выпускать ее. Любители называли эту редкую марку «Красный король Коко в два с половиной пенса».

Филателисты сошли на берег, и к ним подбежал туземец, чтобы отнести чемоданы белых людей в гостиницу. На лбу у чернокожего красовался тот самый «Красный король Коко в два с половиной пенса». Марка была одна, а филателистов — двое, и каждый из них хотел ее купить.

— Послушай, я дам тебе за марку шиллинг, — говорил один.

— А я дам полтора, — поднимал цену другой.

— Два, два шиллинга!

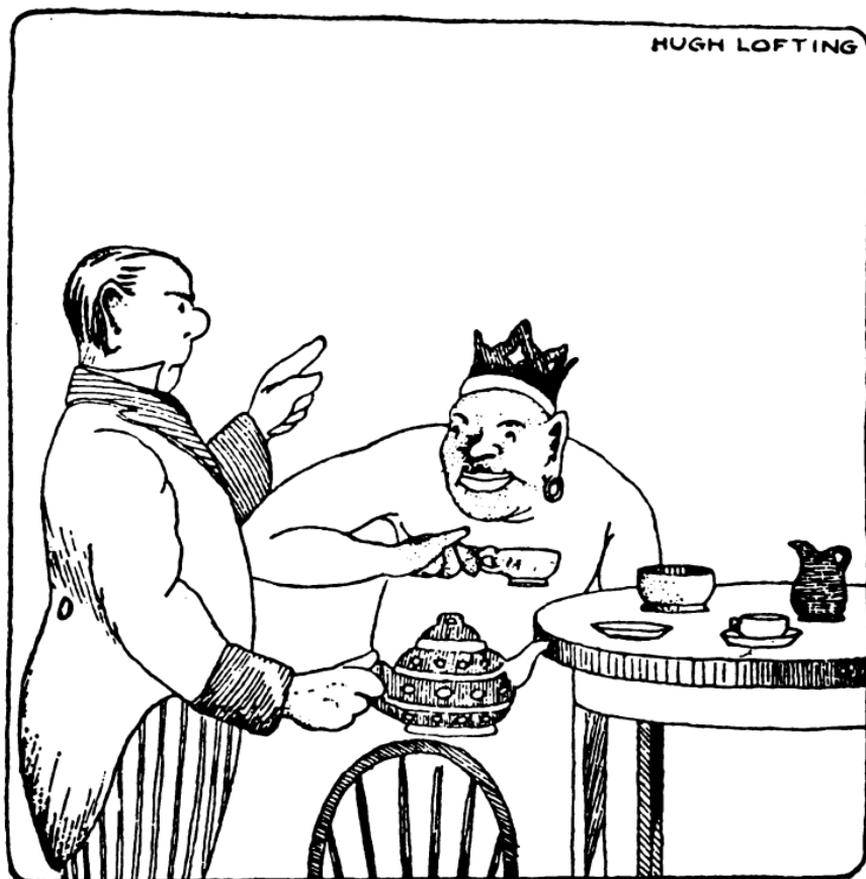
— Три!

Каждый из них набавлял цену, и в конце концов марка ушла за восемь с половиной фунтов.

Когда король Коко узнал, за сколько белые люди купили марку, которая ему не понравилась, он пришел к ним и спросил:

— Объясните мне, зачем вам понадобилась старая и некрасивая марка? У меня есть много других, новых, где я выгляжу намного лучше.

Белые путешественники как могли рассказали королю Коко о новой европейской моде. Король Коко решил, что вся Европа сошла с ума, но сообразил, что ему будет намного выгоднее продавать почтовые марки филатели-

стам, чем наклеивать их на письма. С тех пор как только к берегу подходил корабль, король посылал к нему главного почтмейстера королевства. Это был очень важный чиновник, в форме из трех ожерелий и в фуражке с кокардой. Он тоже нес толстую сумку, но в ней были не письма, а марки для продажи.

Торговля марками оказалась таким выгодным делом, что король Коко уволил колдуна и выписал из Англии печатный станок.

Почта в королевстве Фантиппо не работала и раньше, а теперь, когда все марки продавали иностранцам, жители Фантиппо и вовсе перестали писать письма.

Пока Сьюзен рассказывала, доктор вспомнил, как он однажды плыл на корабле и, когда они зашли в порт Фантиппо, к ним на палубу поднялся полуголый почтальон и предложил купить марки. Джон Дулиттл в то время тоже собирал марки, поэтому купил зеленых и фиолетовых королей Коко.

Уже вечерело. Сьюзен и Бегве встали из-за стола и вышли на палубу. Джон Дулиттл пошел проводить их. И тут они увидели, что к кораблю плывет лодка, а в ней сидит король Коко. В тот день он решил сам отправиться на корабль белых и продать им почтовые марки со своим портретом, чтобы хотя бы немного пополнить казну, которая совершенно опустела после того, как он купил у заезжего купца две тысячи пятьсот тридцать три шипетки.

Джон Дулиттл пригласил короля на чашку чая.

— Стыдно, ваше величество, — говорил он королю, пока тот уплетал за обе щеки пирожные. — Мало того что вы людей продаете в рабство, у вас еще почта работает из рук вон плохо!

У меня слишком много королевских дел, — оправдывался король Коко, — чтобы еще заниматься почтой. Но если бы нашелся человек, который взялся бы мне помочь... Может быть, вы согласитесь?

И доктор Дулиттл неожиданно для себя согласился.

Глава 5

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОТКЛАДЫВАЕТСЯ

Когда Джон Дулиттл вместе со Сьюзен и Бегве спустился в лодку короля, он и не подозревал, за какое трудное дело взялся и какие удивительные приключения ожидают его в будущем.

В столице Фантиппо не было больших домов, она состояла сплошь из глинобитных хижин с крышей из тростника. Это была деревня, но такая огромная, что требовалось несколько часов, чтобы пройти ее из конца в конец. На холме у берега стоял королевский дворец.

Жители Фантиппо, как и их король, были люди веселые и неунывающие. Улыбка редко сходила с их лиц.

Почтальоны тоже приветливо улыбались, когда Джон Дулиттл с королем зашли на почту. Но доктору было не до веселья — письма толстыми пачками лежали на полу, на полках, в шкафах и даже на улице у порога почты.

— Ай-ай-ай! — схватился он за голову. — Разве можно так обращаться с письмами?! Так вот почему брат Бегве не получил письмо Сьюзен!

Не говоря больше ни слова, доктор снял скюртук и принялся за работу. Первым делом надо было рассортировать письма, то есть сложить отдельно все те, которые шли в один город или одну деревню, затем набить этими письмами сумку почтальона и отправить его в путь. Однако некоторые письма шли в очень дальние деревни, и почтальону нужны были лошади и повозка... Прошел час, два, три, и доктор понял, что ему не справиться ни за день, ни за неделю.

Король Коко даже обрадовался, когда узнал, что доктор вынужден остаться на несколько недель. Он приказал привести к берегу корабль доктора, поставить его на якорь и переправить на сушу зверей. Для Джона Дулиттла и его друзей сразу же приготовили большую глинобитную хижину — а других домов, как вы знаете, в Фантиппо не было.

Через десять дней почта, хоть и со скрипом, все же работала. Каждое утро почтальоны с толстыми сумками отправлялись в путь и разносили письма. Но переслать

письмо в Европу, через море, было намного труднее. О королевстве Фантиппо мало кто знал, и суда заходили туда очень редко.

Как-то раз доктор Дулиттл лежал утром в постели и ломал голову над тем, как бы исхитриться и найти способ отправлять письма в Европу.

В дверь постучали, и в спальню заглянул О'Скалли.

— Вставайте, доктор, — пролаял он. — Завтрак уже ждет вас на столе.

И пока доктор натягивал на себя брюки, рубашку и неизменный сюртук, пес ворчал:

— С утра покоя нет. Уже прилетела ласточка и ждет вас. У нее, видите ли, важное поручение от Проворного. Что важного может быть у птиц? Они даже по земле не ходят, знай себе по воздуху порхают. Легкомысленные создания! На земле надо стоять твердо, как мы, собаки, на четырех лапах.

Джон Дулиттл оделся под ворчание О'Скалли и вышел в столовую. На столе дымился завтрак, а на окошке сидела ласточка.

— Здравствуй, — сказал ей доктор и сел к столу. — Это ничего, что я при тебе съем яйцо?

— Конечно, ничего, доктор, — прощebetала в ответ ласточка. — Оно ведь куриное. Какое счастье, что люди не едят ласточкины яйца. Правда, говорят, что в Китае очень любят лакомиться ласточкиными гнездами. Вот это уж совсем бесчеловечно!

Доктор очистил сваренное всмятку яйцо и принялся за завтрак.

— Так что тебя привело ко мне? — спросил он у ласточки.

— Меня послал к вам Проворный, — ответила она. — Он спрашивает, как долго вы здесь пробудете. Нет-нет, мы не жалуемся, мы понимаем, что у вас тут важные дела, и готовы ждать еще, но мы опаздываем в Англию. Сперва мы задержались из-за работорговца Бонса. Целых три дня нам всем вместе пришлось искать его, выслеживать, гоняться за ним, а теперь вы занялись почтой королевства Фантиппо. Обычно в это время мы уже в Англии и вьем гнезда. Мы должны в срок отложить яйца и высидеть птенцов, иначе они не оперятся до

осени и не окрепнут. И тогда придется им зимовать в Англии.

— Я сожалею, что задержал вас, — сказал доктор. — Попробуем что-нибудь придумать. А почему Проворный сам не прилетел ко мне, а прислал тебя?

Он налил себе чаю в чашку и взялся за булочки с вареньем. Ласточка вспорхнула и опустилась на край стола. Она щебетала и время от времени ловко подхватывала крошки от сладкой булки.

— Он собрал стаю на совет, — говорила ласточка. — Мы должны решить — улетать немедленно или ждать вас. Только не подумайте, что мы бросаем вас, господин доктор.

— Ну что ты, я не обижаюсь, — ответил доктор. — Вы и так меня не раз выручали. Прошу тебя, передай Проворному, чтобы он сам прилетел ко мне. Погоди, погоди, где же я тебя видел раньше? Не ты ли прожила одно лето у меня в Паддлеби под крышей конюшни?

— Нет, — прошептала ласточка, — под крышей вашей конюшни я не жила. Но мы с вами действительно встречались. Это я прилетела к вам и сказала, что в Африке заболели обезьяны.

— Ну конечно! Как же я мог тебя забыть! — И доктор хлопнул себя ладонью по лбу. — Представляю, как тебе было трудно. Шутка сказать — прилететь зимой из Африки в Англию, когда все покрыто снегом и нет ни крошки еды. Такое не всякому по плечу.

— Мне и в самом деле пришлось несладко, — кивнула ласточка. — Ледяной ветер пронизывал меня насквозь, я едва не замерзла. Но я знала, что мне во что бы то ни стало надо долететь, иначе обезьяны умерли бы от ужасной болезни.

— А почему послали тебя? — спросил Джон Дулиттл.

— Проворный хотел лететь сам, — ответила ласточка. — Он очень смелый и летает быстрее всех. Однако стая не хотела его отпускать. Нельзя понапрасну рисковать жизнью вожака. Иначе стая не выживет. А заменить Проворного нам нечем. Вызвались лететь все, и тогда Проворный предложил бросить жребий. Каждая ласточка принесла по листику, у одного из них оторвали черешок и сложили их все в скорлупу кокосового ореха. Ласточки подлетали к скорлупе и с закрытыми глазами, наугад,

вынимали листик. Я выгащила листик без черешка, и это означало, что я должна была лететь в Англию. Признаюсь вам, доктор, мне было страшно. Я даже попрощалась с мужем и детьми, потому что не верила, что вернусь живой. А теперь я очень рада, что жребий пал на меня.

— Почему же теперь ты рада? — спросил доктор и встал из-за стола.

— Потому что я получила в награду вот это. Посмотрите, — прощелбетала ласточка и показала доктору правую лапку. На лапке была повязана красная ленточка.

— А что это такое? — удивился Джон Дулиттл.

— Это знак отличия, — гордо ответила ласточка. — Теперь любая встречающая птица сразу увидит, что я очень смелая.

— Ах, понятно! — воскликнул доктор. — Это ваша птичья медаль за храбрость.

— Раньше меня называли просто щебетунья, а теперь я Щебетунья-посланница.

— Я рад за тебя, — сказал Джон Дулиттл. — Однако пора идти приниматься за дела. Передай Проворному, что к десяти часам я приду на корабль. Пусть ждет меня там. До свидания.

Ласточка улетела, а доктор начал бриться. Когда Кряки зашла в столовую, чтобы убрать посуду, он стоял перед зеркалом, скоблил бритвой щеки и тихо бормотал:

— Как же я раньше об этом не подумал? Разве может быть более верный и более быстрый способ отправить письма в Европу? Ласточкина почта — вот что нам нужно!

Г л а в а 6

ОСТРОВ НИЧЕЙ

Доктор побрился, водрузил на голову цилиндр и отправился на корабль, чтобы встретиться там с Проворным.

— Мне ужасно неприятно, — принялся оправдываться доктор перед вожаком стаи ласточек. — Я причинил вам столько хлопот. Из-за меня вы задерживаетесь с отлетом в Англию. Но я пока не могу ехать. Должен же кто-то помочь африканцам с почтой. А без меня они загубят все дело.

— Да, я слышал об этом, — ответил Проворный. — Мы с удовольствием остались бы с вами, чтобы вам помочь. В конце концов, мир не перевернется, если мы одно лето проведем в Африке. Но во всем этом деле есть одна загвоздка. Мы не строим гнезд на деревьях. Как ни крути, а без домов, сараев, копошен или, на худой конец, навесов нам не обойтись.

— Но ведь в Фантиппо есть дома! — удивился доктор. — Разве они вам не подходят?

— Дома-то есть, — согласился Проворный, — но они не такие, какие нам нужны. Они слишком низенькие, крыши у них из тростника, который шуршит под ветром и пугает птенчиков. Мальчишки весь день играют рядом. Вдруг они повадятся разорять наши гнезда? Самочка, сидящая на яйцах, ни минуты не будет чувствовать себя в безопасности. Да и взрослые африканцы не лучше детей: они шумят, веселятся, бьют в барабаны. Нет, нам нужны крепкие, надежные английские дома, такие конюшни и сараи. Англичане ведут себя степенно и совсем не мешают нам. Мы любим людей, но только тогда, когда они любят нас.

— Конечно, ты прав, — ответил доктор Дулиттл. — Мне приятно смотреть, как веселятся жители Фантиппо, но и вас я прекрасно понимаю. Но, может быть, вы воспользуетесь моим кораблем? Здесь вас никто не будет беспокоить. Я с моими зверями пока живу на берегу, корабль пуст, а в нем столько щелей и закутков, что вашей стае вполне хватит места для гнезд. Что ты об этом думаешь?

— Прекрасно придумано! — обрадовался Проворный. — Но вам надо на несколько недель отказаться от корабля и не выходить в море. Представляете, что будет, если вы пуститесь в плавание с нашими птенчиками в гнездах? Они все заболеют морской болезнью, а их родители с ума сойдут от тревоги за малышей.

— Можешь положиться на мое слово, — пообещал доктор. — Еще несколько недель я не тронусь с места. Корабль в вашем распоряжении, а я уж позабочусь, чтобы вас здесь не беспокоили.

— Хорошо, я скажу ласточкам, что они могут начинать вить гнезда, — сказал Проворный. — А потом, когда вы поплывете дальше, мы с птенцами полетим за вами, чтобы показать им дорогу в Англию. Обычно свое первое в жизни путешествие они проделывают в обратном направлении — из Англии в Африку. А на этот раз все будет наоборот.

— Договорились, — прощепетал на языке ласточек доктор Дулиттл. — Корабль теперь ваш. Прилетай ко мне, как только вылупятся птенчики. У меня для тебя есть очень важное поручение. Я никому не могу его доверить, кроме тебя. А сейчас мне пора возвращаться на почту.

Вот так корабль доктора Дулиттла стал домом для целого поколения ласточек. Корабль стоял на якоре в тихой бухте, и тысячи ласточек сразу же начали строить себе гнезда в распахнутых настежь трюмах, в матросском кубрике, в кают-компании, на корабельной кухне — камбузе, на мачтах, реях. На корабле не осталось ни одного уголка, ни одной щели, где бы не было ласточкиного гнезда.

Доктор Дулиттл запретил местным жителям приближаться к его кораблю. О'Скалли, хотя и относился свысока к ласточкам за то, что они не стоят твердо на земле четырьмя лапами, собрал окрестных псов и попросил их не допускать к кораблю ни одну кошку. Псам только того и надо было. Они с радостным лаем носились по берегу, и за все время, пока ласточки сидели на яйцах, ни один кот-разбойник не проник на корабль.

Таких кораблей мир еще не видывал, это было настоящее царство ласточек. Тысячи птиц вились вокруг мачт, улетали и возвращались, лепили гнезда и кормили птенцов.

А в Англии люди говорили: «Что же за весна без ласточек? Наверное, лето будет холодным, раз они не вернулись к нам из Африки». «Нет, — отвечали им другие, — будет засуха и будет голод. Не к добру все это». «Быть беде!» — пророчили третьи.

Но не было ни засухи, ни голода, ни беды. К началу осени, когда доктор Дулиттл вернулся в Паддлеби-на-Марше, прилетели в Англию и ласточки. Но ненадолго. Они только показали своим окрепшим за лето птенцам страну, которую считали своей родиной, и сразу же пустились в обратный путь, в Африку, чтобы там зазимовать.

Но это потом. А пока ласточки высиживали птенцов на корабле доктора Дулиттла. Птенцы вылупились в срок, подрастали, учились летать. Скоро гнезда ласточкам уже стали не нужны, и птицы очистили корабль доктора Дулиттла от глины и грязи. Пуще прежнего корабль засиял чистотой.

Как-то утром доктор пришел на почту. Завидев его, почтальоны принялись за работу — такая уж у них была привычка: ничего не делать, пока не придет Джон Дулиттл. Толстые сумки заполнились письмами, и босоногие почтальоны разошлись по улицам города.

Вдруг на почту вошел О'Скалли. В зубах он держал кость. Пес устроился у двери, положил кость на пол и начал с аппетитом грызть ее. Доктор Дулиттл присмотрелся к кости.

— Ну-ка покажи мне кость, — попросил он пса. — Боже, я думал, что они все давно вымерли! Где ты ее нашел, О'Скалли?

— Тут рядом есть остров Ничей, — ответил пес. — Сова Бу-Бу как-то слетала туда и принесла мне гостинец. Кость как кость, не хуже и не лучше других.

— Конечно, в костях ты смыслишь больше меня, — согласился с ним доктор, — но эта кость особенная. Пожалуйста, одолжи мне ее на несколько минут, я хочу показать ее королю.

Доктор Дулиттл взял кость и отправился к королю Коко. О'Скалли, то ли из любопытства, то ли из боязни потерять кость навсегда, бежал за ним. Король сидел на пороге дворца и сосал леденец. Как и все его подданные, он очень любил сладости.

— Добрый день, ваше королевское величество, — поклонился ему доктор. — Не можете вы мне сказать, кому принадлежит эта кость?

Король удивленно посмотрел на доктора, потом на кость и пожал плечами.

— В королевстве Фантиппо все принадлежит или мне, или моим подданным. Кость не моя, значит, она принадлежит кому-то из моих подданных.

— Вы меня неправильно поняли, ваше величество, — сказал доктор. — Я хотел спросить, какому животному она принадлежала.

Король еще раз с удивлением посмотрел на доктора и на кость.

— Мои подданные любят говядину. Может быть, это кость коровы?

— Нет, — возразил доктор, — это не кость коровы. До сих пор это животное считалось вымершим.

— Ну конечно, — не стал с ним спорить король, — если корову съели, значит, она умерла. Это кость вымершей коровы.

— Ваше королевское величество, — еще раз поклонился королю доктор, — прошу вас, дайте мне лодку и гребцов. Мне надо посетить остров Ниче .

И тут, к великому изумлению доктора, король Коко вдруг поперхнулся леденцом, вскочил на ноги, опротясь бросился во дворец и захлопнул за собой дверь.

— Как странно! — вслух подумал доктор. — Что же его так испугало?

— Наверняка какой-нибудь пустяк, — проворчал О'Скалли, успокаивая доктора. — Местные жители ужасно суеверные. Как хорошо, что мы, собаки, не верим ни в духов, ни в приметы. Без них легче жить. Пойдемте лучше к морю, найдем лодку и направимся на остров Ничей без королевского разрешения.

Они пошли на берег и попросили лодочника перевезти их на остров Ничей. Лодочник испугался, замахал руками и убежал. Точно так же поступил и второй лодочник, и третий. Они не хотели даже говорить об этом, наотрез отказывались одолжить доктору лодку.

Наконец им встретился старый лодочник, знакомый Джона Дулиттла, с которым они иногда беседовали в тени большого баобаба. Этот лодочник тоже отказался плыть на остров Ничей, но он открыл тайну странного поведения туземцев.

Вот что рассказал старик:

— На этом острове живут злые колдуны, мы не решаемся даже произнести вслух его название. Там нет людей, поэтому и называют его остров Ничей. — Старый лодочник прошептал эти слова так тихо, что доктор едва расслышал их. Старик испуганно оглянулся и продолжил: — Ни один человек не осмелится вступить на этот остров. Там живут драконы, огромные, рогатые драконы. Они дышат огнем и пожирают людей. Если вам дорога жизнь, не ходите туда.

— Но если никто не бывал на этом острове, то откуда стало известно, что там живут драконы? Может быть, стоит проверить, правда это или глупые рассказы?

— Правда, истинная правда, — настаивал старик. Он подрагивал от страха и широко открывал глаза. — Тысячу лет тому назад, когда нашей страной правил король Какабуки, это был обычный остров. Но у короля была теща. Она слишком много говорила, она тараторила без умолку, она никогда не закрывала рот, а король терпеть не мог болтунов. И тогда Какабуки приказал отвезти те-

цу на остров и оставить там. Нет, он не собирался ее убивать, слуги должны были каждую неделю возить на остров еду. Но когда прошла неделя и слуги короля нагрузили лодку жареными цыплятами, рисом в меду и прочими блюдами с королевской кухни, они приплыли на остров и никого там не нашли. Теща короля пропала без следа, слуги рыскали по острову и звали ее, и тут из зарослей на них выскочил дракон. Из ноздрей у него валил дым, а в пасти торчали большие, как кинжалы, зубы. Бедняги едва-едва унесли ноги, возвратились домой и рассказали королю Какабуки, что с ними приключилось на острове. Король собрал всех колдунов королевства и велел им узнать, что случилось с его тещей. Все колдуны молчали, и только самый старый из них сказал, что злые духи превратили тещу короля в дракона. От этого дракона пошли другие, и как только возле острова появлялась лодка, драконы выбегали на берег, открывали пасть и извергали дым и огонь. Прошла уже не одна сотня лет, но с тех пор ни один человек не ступал на остров... Вы сами знаете, как его называют...

Старик закончил свой рассказ, отвернулся от доктора и сделал вид, что чинит лодку, чтобы к нему больше не приставали с расспросами и не просили перевезти на проклятый остров.

— О'Скалли, — обратился доктор к псу, — ты сказал, что кость принесла тебе Бу-Бу. Она видела там драконов?

— Нет, — ответил О'Скалли. — Если бы видела, она наверняка рассказала бы всем. Правда, дело было уже к вечеру и она не полетела в глубь острова. А кость лежала на берегу.

— Очень странное предание об острове, — шепнул доктор. — Но тем больше мне хочется попасть туда. А кость очень любопытная, я как-то видел похожую в одном из музеев. Не мог бы ты мне ее подарить? Когда вернусь в Паддлеби, я положу ее под стекло в моем кабинете.

— Конечно, берите, — великодушно согласился О'Скалли. — Но не забудьте повесить табличку: «Кость подарена псом О'Скалли, оказавшим неоценимые услуги доктору Дулиттлу в его путешествиях». Про сову Бу-Бу можно не писать — подумаешь, слетала на остров! Послушайте, доктор, а что, если нам переправиться на ост-

ров вплавь. Лодки нам ни за что не раздобыть. Туземцы боятся острова как огня. Туда всего мили полторы, не больше.

— Нешлохо придумано, — поддержал его доктор.

Джон Дулиттл с псом пошли вдоль берега, пока не оказались напротив острова. Остров Ничей был большой, весь поросший зеленью. Посередине его возвышался холм, похожий на рождественский пудинг. Доктор разделся, завязал одежду узелком, узелок пристроил на голове, сверху нахлобучил цилиндр и вошел в воду. О'Скалли прыгнул в волны вслед за ним.

И тут оказалось, что море в тех местах очень коварное. Сначала все шло хорошо, но как только пловцы отплыли подальше от берега, быстрое течение подхватило их и понесло мимо острова в открытое море. Доктор и пес по-

вернули назад, но как ни старались, течение уносило их все дальше и дальше.

— Не тратьте зря силы, доктор, — сказал О'Скалли. — С таким течением нам все равно не справиться. Главное — удержаться на воде. Пусть нас вынесет в открытое море, а там что-нибудь придумаем. С вами мне и акулы не страшны.

Доктор не ответил, и О'Скалли понял, что силы Джона Дулиттла на исходе. Он полагал в надежде, что кто-нибудь из птиц услышит его и приведет помощь с берега, но они были одни.

— Возвращайся один, О'Скалли, — прохрипел доктор. — Не думай обо мне. Постарайся доплыть до берега.

— Ни за что! — пролаял О'Скалли. — Одному мне возвращаться нельзя. Попробуйте держаться за меня.

Набежала волна, и доктор едва не захлебнулся. Он закашлялся, выплюнул воду, но тут же следующая волна накрыла его с головой. Казалось, еще минута — и силы покинут доктора. И тут произошло что-то очень и очень странное. Вода под ними забурилась, где-то огромное тело поднялось из глубины, и подняло доктора с псом. Животное было такое большое, что утопающие лежали на его спине словно на палубе корабля. Они хватали воздух широко открытыми ртами и удивленно смотрели друг на друга.

А неизвестное животное мчалось к острову, словно корабль под всеми парусами.

— Что это такое, доктор?! — воскликнул О'Скалли.

— Пока еще не знаю, — выдохнул доктор. — На кита не похоже, у китов кожа гладкая, а у этого костяная чешуя. — И он постучал пальцем по роговым пластинкам.

— Но ведь оно живое? — не унимался О'Скалли. — А где у него голова? Я вижу только его спину.

— Голова у него в воде, — пояснил доктор Дулиттл. — Ты лучше посмотри назад, на его хвост.

О'Скалли оглянулся и увидел самый большой хвост, какой ему когда-либо доводилось видеть. Длинный, сильный и гибкий, он поворачивался в воде из стороны в сторону, как руль корабля, и направлял тело животного прямоком к острову.

— Знаю! Теперь я знаю, кто нас везет! — воскликнул

О'Скалли. — Это дракон! Мы сидим на теще короля Какабуки. Да здравствуют король и его теща!

— Может быть, и теща, может быть, и короля Какабуки... — задумчиво протянул доктор. — В любом случае, мы должны быть ей благодарны за то, что она спасла нас. Еще никогда в жизни я не тонул по-настоящему. Надо бы мне одеться, пока теща короля Какабуки держит голову под водой. Все-таки нельзя предстать перед дамой нагишом.

Доктор развязал узелок с одеждой, оделся, как и подобает воспитанному человеку, а тем временем спасшее им жизнь странное животное подплыло к острову.

Глава 7

В ЗВЕРИНОМ РАЮ

Джон Дулиттл с О'Скалли продолжали сидеть на спине невиданного зверя, а тот медленно и тяжело вылезал из воды на берег. Как только доктор увидел его голову на длинной шее, он в страшном волнении воскликнул:

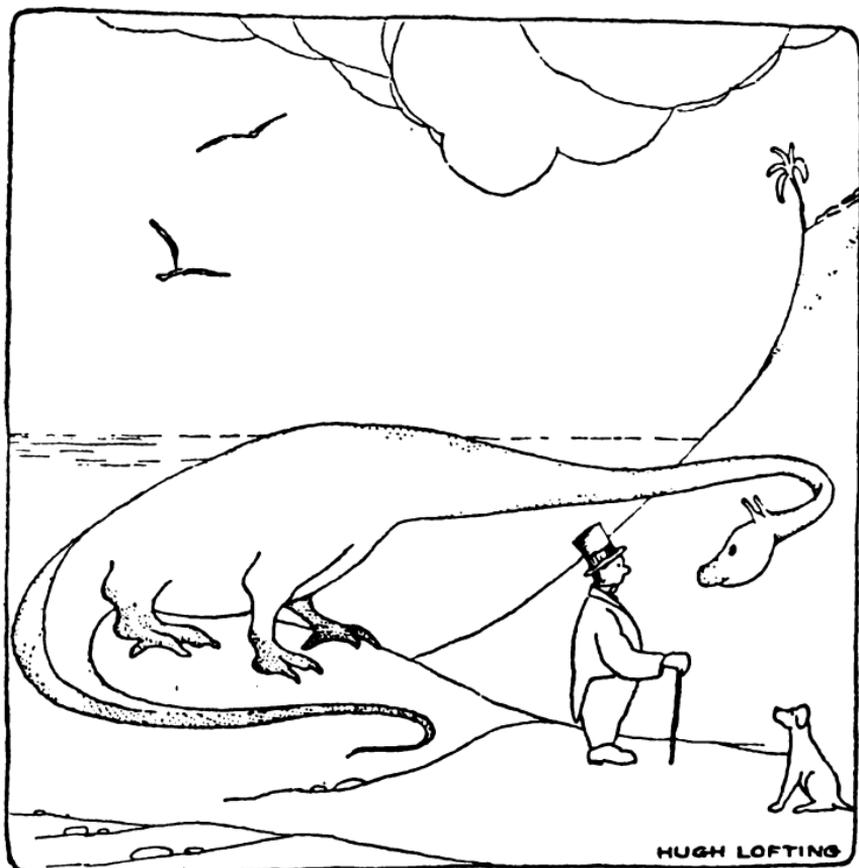
— Да ведь это киффенодокус!

— Кто? — удивленно переспросил О'Скалли? — Киф... фен... доходокус? Имя у него такое же длинное и уродливое, как и он сам.

— Киффенодокус, — поправил его Джон Дулиттл. — Доисторический ящер киффенодокус. Все ученые в один голос утверждают, что эти звери давным-давно вымерли. Я первый человек, увидевший их живыми. Какое счастье, что мы с тобой отправились на остров!

— И едва не утонули, — тихонько проворчал О'Скалли, так чтобы доктор его не услышал. Он не хотел портить ему праздник.

Огромное животное, которое жители Фантиппо именовали драконом, вылезло наконец полностью на прибрежный песок, и доктор смог его рассмотреть. У него был хвост крокодила, гусиные, перепончатые лапы, шея жирафа и голова с рогами буйвола. Но все это было очень большое, просто огромное! На его спине могла легко разместиться пара слонов,

Когда Джон Дулиттл с псом слезли со спины чудовища, оно повернуло к ним голову и заговорило. Голос его оказался на удивление тихим и мягким.

— Как вы себя чувствуете?

— Спасибо, хорошо. Благодарю вас за помощь, — ответил доктор.

— Не стоит благодарности, — продолжало чудовище. — Я очень боялся, что не успею вовремя. Вы уж простите, мы поначалу приняли вас за туземцев. Мы с братом паслись в долине на другом краю острова, когда вдруг прибежал наш маленький племянник и закричал: «Скорее, сюда плывет туземец!» Мы помчались на берег, чтобы встретить как следует непрошеного гостя, чтобы ему nepовaдно было в другой раз лезть на наш остров. И тут мой брат говорит: «Постой, постой, где ты видел ту-

земцев в цилиндрах?» Я тоже пригляделся, и оказалось, что к острову плывет человек в цилиндре. И тут меня осенило. «Ребята, — говорю я, — это может быть только доктор Дулиттл, и никто другой! Кто, кроме него, мог ползти в воду с цилиндром на голове?» Вдруг наш племянник как закричит: «Да ведь он тонет!» Мы бросились в воду и поплыли к вам. Уф! Никогда я так быстро не плавал. К счастью, я успел вовремя.

— А почему я не заметил, как вы подплыли? — спросил доктор.

— Вообще-то мы под водой плаваем редко и только по эту сторону острова. Туземцы считают нас драконами, и мы не хотим, чтобы они узнали правду. Пока они боятся появляться здесь, остров остается нашим. — Чудовище вытянуло длинную шею и ласковым голосом шепнуло на ухо доктору: — Туземцы считают, что мы питаемся человеческим мясом и дышим огнем, а на самом деле мы едим бананы. Но как только вблизи появляются люди, мы спускаемся к болоту. Над болотом всегда туман, мы набираем его полные легкие, а потом возвращаемся на берег, встаем на задние лапы и с ревом выдуваем из ноздрей туман. А людям кажется, что это дым. Таким образом не одну тысячу лет нам удастся сохранить остров только для зверей.

— Удивительно! Потрясающе! — ликовал Джон Дулиттл. — Ведь все ученые на земле считают, что вы, киффенодоки, давным-давно вымерли.

— Они правильно считают, — кивнуло головой на длинной шее чудовище. — Киффенодоки и вправду вымерли. Последний из них умер две тысячи лет тому назад. Я сам тогда был малышом ростом со слоненка, не больше. А мы, филозавры, выжили.

— А где же твой брат, племянник и остальные родственники? — спросил доктор.

— Они плыли рядом с нами под водой, а потом решили обогнуть остров, чтобы туземцы не заметили их с берега. Да и нам с вами пора уходить отсюда. Хотя нас и принимают за кровожадных чудищ, мы не опаснее ягвенка.

— А другие животные здесь живут? — расспрашивал доктор.

— Конечно, и очень много. Но все они травоядные, иначе нам, филозаврам, давно бы пришел конец.

Филозавр показал доктору Дулиттлу весь остров Ничей. Посередине острова располагалась незаметная с моря тихая долина. По ней преспокойно разгуливали филозавры, грелись на солнышке и уплетали спелые бананы. На берегу реки паслось стадо гиппопотамов. В высокой траве разгуливали слоны и носороги. У подножия холма, поросшего редким лесом, бродили длинношеее жирафы. Они изящно покачивались и шутя обгрызали молодые веточки с деревьев. Там были обезьяны, антилопы, буйволы. В воздухе летали стаи птиц. Все животные жили в согласии, еды им хватало, а человек, к счастью, не появлялся на острове.

Джон Дулиттл с умилением смотрел с вершины холма на долину, где радовались жизни звери и птицы.

— Ваш остров можно назвать звериным раем! — восхищался доктор. — Пусть он навсегда останется ничьим.

— За последнюю тысячу лет, — ответил ему филозавр, — ты второй человек, попавший к нам на остров. До тебя здесь побывала только теща короля Какабуки.

— Кстати, что с ней случилось? — спросил доктор. — Все туземцы в один голос говорят, что она превратилась в дракона.

— В дракона? — удивился филозавр. — Какие темные люди! Ведь всем известно, что драконов не бывает. Мы ее выдали замуж.

Филозавр умолк и принялся лакомиться гроздьёю бананов.

— Выдали замуж?! — вскричал доктор. — Но за кого?

Филозавр дожевал, вытер пасть перепончатой лапой и сказал:

— Конечно, за человека. Она болтала без умолку, не закрывала рот ни на минуту, и однажды вечером бабушка сказала мне: «Филли, малыш, если мы ее не уберем с острова, то через три дня подвинемся рассудком». Мы с бабушкой дождались, пока теща короля Какабуки уснет, положили ее к себе на спину и поплыли на другой конец Африки. Там, возле реки Конго, было маленькое королевство и правил им глухой король. Вот к нему-то мы ее и привезли. Король с радостью женился на ней, потому что не слышал ни слова из ее болтовни.

Джону Дулиттлу так понравилось в зверином раю, что он ни разу не вспомнил про почту, про свой корабль с ласточками, про короля Коко и про все на свете. С утра до вечера к нему шли животные.

У жирафов болели копыта, и доктор Дулиттл делал им примочки из целебных корешков. Носороги на острове ни с кем не дрались, и у них отросли огромные рога на носу. Пришлось доктору стачивать их шершавыми камнями. Олени жаловались на то, что дынных деревьев на острове становится с каждым годом все меньше и меньше. Доктор Дулиттл попросил оленей вскопать землю своими ветвистыми рогами и посеял семена.

— Через три-четыре года здесь будет целая рощица дынных деревьев, — сказал он вожаку оленьего стада. — Каждое лето, перед сезоном дождей, вскапывайте так же

землю, бросайте в нее семена, и у вас всегда будет вдоволь пищи.

Так в хлопотах и заботах прошла неделя. Но однажды утром на остров прилетел Проворный. Он долго летал над рощами, долинами и холмами, пока не нашел доктора.

Джон Дулиттл сидел возле камышовых зарослей. Перед ним стоял малыш бегемот с мамой. У малыша расшатался молочный зуб, и заботливая мать привела его к доктору. Детеныш разинул пасть, а Джон Дулиттл сделал из цепочки от карманных часов петельку, накинул ее на больной зуб и пытался вырвать его, чтобы на его месте без помех вырос новый.

— Наконец-то я отыскал вас, доктор! — прошептал Проворный. — Вам только в прятки играть! Я ищу вас уже два дня.

— Здравствуй, Проворный, — ответил доктор, бросил взгляд искоса на вожака ласточек и снова сосредоточился на больном зубе малыша бегемота. Он потянул за цепочку, раздался хруст, и зуб величиной с морковку оказался у него в руках. — Вот и все. Как видишь, это совсем не больно. А теперь иди на середину реки и прополощи хорошенько рот. Что у тебя нового, Проворный?

— Уже два дня тому назад из наших яиц вылупились птенцы, — сказал Проворный. — Помнится, вы просили меня сообщить вам об этом, потому что вы хотели мне что-то поручить. Я сразу же полетел к вам домой, но Крякки ничего не могла мне сказать. Кстати, она от тревоги за вас места себе не находит. Пришлось мне пуститься на поиски. Слава Богу, лодочники не умеют держать язык за зубами, и я подслушал, как они шептались и говорили, что вы уже пять дней тому назад уплыли на остров Ничей. Все королевство Фантиппо уверено, что вас слопали драконы. В сказки о драконах я не верю, но тоже не на шутку встревожился. А представляете, что делается на почте? Письма там уже лежат горами!

— Прости, мне ужасно неловко, что я заставил всех беспокоиться, — смутился доктор Дулиттл. — Что же это, в самом деле? Как же я не догадался передать весточку с птицами? Слишком много у меня здесь было работы, вздохнуть некогда. Давай-ка присядем в тени и поговорим.

САМАЯ БЫСТРАЯ В МИРЕ ПОЧТА

Доктор Дулиттл уселся в тени пальмы, Проворный устроился у него на коленях. Рядом улегся О'Скалли. Псу не было дела до почты королевства Фантиппо, но на острове ему уже надоело — там не водились кошки, а значит, не за кем было носиться с лаем, некого было загонять на деревья.

Но доктору Дулиттлу почта в королевстве Фантиппо не давала покоя. Если уж он за что-то брался, то доводил дело до конца.

— Послушай, Проворный, — начал доктор. — Я долго думал и наконец убедился, что отправлять письма из Фантиппо в Европу почти невозможно. Сюда не заходят корабли. И вот мне пришла в голову мысль: а что, если попросить вас, ласточек, доставлять письма в другие страны? Пернатые почтальоны — такого еще не бывало!

— Почему бы и нет? — ответил Проворный. — Загвоздка только в том, что мы не можем летать в другие страны круглый год — летом мы высиживаем птенцов, а зимой путь в Европу нам заказан — там слишком холодно.

— А у нас будут почтовые станции, — возразил доктор. — Представь себе, что кому-то вздумалось отправить письмо на Северный полюс. Ласточки несут письмо в Северную Африку и там передают его дроздам. Те летят в Шотландию и вручают письмо чайкам. Чайки отправляются в Гренландию и передают письмо гагарам, а тем уже не так трудно долететь до самого Северного полюса. С письмами на Южный полюс нам помогут пингвины.

— А согласятся ли другие птицы носить письма людей? — с сомнением чирикнул Проворный.

— Я сам попрошу их об этом, — сказал доктор. — К тому же теперь и животные смогут передавать весточку о себе родственникам и знакомым.

— Неслыханно! — удивился вожак ласточек. — Ни птицы, ни звери не пишут друг другу писем!

— Пока не пишут, — согласился с ним доктор Дулиттл. — Но что помешает делать им это в будущем? Раньше люди тоже не писали писем, а потом оказалось,

что получать письма не только приятно, но и очень полезно. Неужели птицы не оставляют друг другу послания на песке или на стенах домов?

— Оставляем, — ответил Проворный. — Мы, ласточки, на домах, где строим гнезда, чертим знаки для птиц, которые прилетают после нас. Смотрите... — Проворный прыгнул на песок и сделал лапкой несколько крестиков на песке. — Это значит: не вейте здесь гнездо, в доме живет кот. А вот это значит: спокойные хозяева, в саду много мошек, глина и солома для гнезда за конюшней.

— Прекрасно, — обрадовался доктор, я и не подозревал, что у птиц есть своя азбука.

— Но у других птиц она другая. У дроздов свои собственные значки, они оставляют царапины на камнях: «В винограднике много улиток, лучше разбивать их здесь». Дело в том, что дрозды любят лакомиться улитками, но если бросать их пустые раковины где попало, улитки покинут виноградник. А крачки оставляют на прибрежных деревьях свои пометки. Длинные черточки означают рыбные места.

— Наверняка у зверей тоже есть что-то похожее, — сказал доктор. — Если уж люди выдумали письменность, то чем хуже животные? Они ведь ничуть не глупее людей. Если мы возьмем значки всех зверей и птиц, то у нас получится всеобщая звериная азбука! Вот тогда ласточкина почта заработает по-настоящему.

— Мне кажется, — вмешался О'Скалли, — что звери завалят вас письмами, доктор. У меня все спрашивают, что вы едите на завтрак, как одеваетесь и прочие глупости.

— Ну и пусть заваливают, — не смутился доктор, — я с удовольствием буду отвечать на их письма.

Когда стемнело, филозавр посадил Джона Дулиттла и О'Скалли к себе на спину и переправил их на берег Фантиппо.

На следующее же утро доктор Дулиттл направился к королю. Король Коко сидел у входа во дворец и сосал леденец. На шее у него висела лепточка с еще одним леденцом, большим, плоским и зеленым. Время от времени король подносил его к глазам и смотрел сквозь него на

мир. Он видел, как белые люди смотрят сквозь очки, и ему захотелось подражать им. Но он правильно рассудил, что смотреть сквозь леденец приятнее и вкуснее: леденец можно полизать.

На подносе перед королем лежали еще леденцы. Он очень любил сладкое и поэтому был толстым, как бочка.

— Ваше королевское величество, — сказал доктор, — я готов открыть в Фантиппо почту, которая будет отправлять письма в другие страны, если, конечно, ваше королевское величество согласится меня выслушать.

— Мое королевское величество согласилось тебя выслушать, — ответил король Коко и протянул доктору поднос с леденцами. — Угощайся, такие вкусные леденцы готовят только на моей кухне.

Джон Дулиттл взял розовый леденец и сунул его в рот. Леденец и вправду был очень вкусный.

— Ваше величество, — начал доктор Дулиттл, — я уже научил почтальонов разносить письма по Фантиппо, но отправлять письма в другие страны намного сложнее. Корабли сюда почти не заходят. Поэтому я предлагаю создать еще одну почту — для отправки писем за границу. Она так и будет называться — Заграничная Почта Королевства Фантиппо.

— Название мне нравится, — одобрительно кивнул головой король Коко и сунул в рот еще один леденец.

— Но эта почта будет не на берегу, — продолжал доктор Дулиттл, — а на большом плоту в море. Плот будет стоять на якоре рядом с... — доктор вовремя удержался, чтобы не произнести вслух ужасное название острова. — Не то чтобы рядом, а так, в сторонке от острова, о котором я как-то вам рассказывал.

— А вот это мне не нравится, — нахмурил брови король.

— Вашему королевскому величеству нечего опасаться, — уговаривал короля доктор, — никто из ваших подданных никогда не попадет на остров. Мы поставим плот на якорь подальше от острова, и я сам прослежу, чтобы никто из жителей Фантиппо не высадился на берег. Если кто-то захочет отправить письмо в другую страну, ему достаточно будет доставить письмо ко мне на плот.

— Я даю тебе мое королевское согласие, — ответил король. — Но чтобы на всех марках был нарисован я, в короне и с леденцом.

— Конечно, конечно, — поспешил согласиться доктор. Он не имел ничего против короны и леденца.

А через полчаса Джон Дулиттл приказал Проворному разослать гонцов во все уголки земного шара с известием, что знаменитый звериный доктор вызывает к себе вожakov всех птиц: чаек, корольков, сорок, коршунов, дроздов, чижей, диких гусей и даже пингвинов.

Гонцы разлетелись, и уже через три дня на острове Ничьем яблоку негде было упасть от пернатых. А какой там стоял гомон! Птицы чирикали, клекотали, каркали, щебетали, свистели.

Доктор Дулиттл сел в большую красивую лодку, которую ему подарил король Коко, и поплыл на остров Ничей. Проворный сидел у него на плече. Птичьи вожакИ ждали доктора в большой долине у подножия холма. Прилетели все: от крохотной птички колибри до огромного буревестника.

Когда Джон Дулиттл рассказал, что он хочет сделать, птицы обрадовались, зашумели и захлопали крыльями. Они свистели и щебетали так громко, что было слышно даже на берегу Фантиппо, а туземцы потом еще долго говорили шепотом о страшной битве драконов на заколдованном острове.

Итак, птицы согласились помогать доктору Дулиттлу и разлетелись по родным местам. А доктор вернулся домой и хорошенько выспался.

А еще через три дня был готов плот. Он был очень большой, и на нем стоял домик с комнатами для доктора и его зверей, со шкапами, ящиками и полками для писем, с запасом марок, конвертов, клея и сургуча.

Плот вывели в море и поставили на якорь между берегом Фантиппо и островом Ничьем. Доктор и его звери поселились на плоту. Крякки, как обычно, день-деньской мела, убирала, стряпала. О'Скалли поначалу ворчал, что на плоту скучно, что там нет ни крыс, ни кошек, а потом нашел себе увлекательное занятие. Днем он громким лаем пугал стайки рыб и гонялся за вылезавшими на плот

крабами, а ночью сторожил почту. Бу-Бу продавала марки.

Первое письмо по ласточкиной почте отправил сам король Коко. Рано утром он приплыл к плоту на лодке и спросил:

— Какая почта самая быстрая в мире?

— Английская почта гордится тем, что письмо из Лондона в Канаду идет всего четырнадцать дней, — ответил доктор.

— У меня есть друг, — сказал король, — он уехал в Алабаму и открыл там собственное дело. Он чистит обувь. Я написал ему письмо и хочу посмотреть, как скоро получу на него ответ.

Джон Дулиттл хотел было возразить королю, что его почта еще не начала работать, что до Алабамы очень далеко, но Проворный прыгнул на плечо к доктору и шепнул:

— Отдайте это письмо мне, утром нос английской почте.

Проворный позвал Щебетунью-посланицу и сказал ей:

— Отнеси это письмо на Азорские острова. Найди там белохвостых жаворонков. Они со дня на день должны улететь в Америку. Передай им письмо и попроси доставить по адресу.

Щебетунья молнией взлетела в небо и исчезла из глаз.

Когда его королевское величество проснулся следующим утром, на столе рядом с тарелкой с леденцами лежал ответ из Алабамы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

НЕОБЫКНОВЕННАЯ ПОЧТА

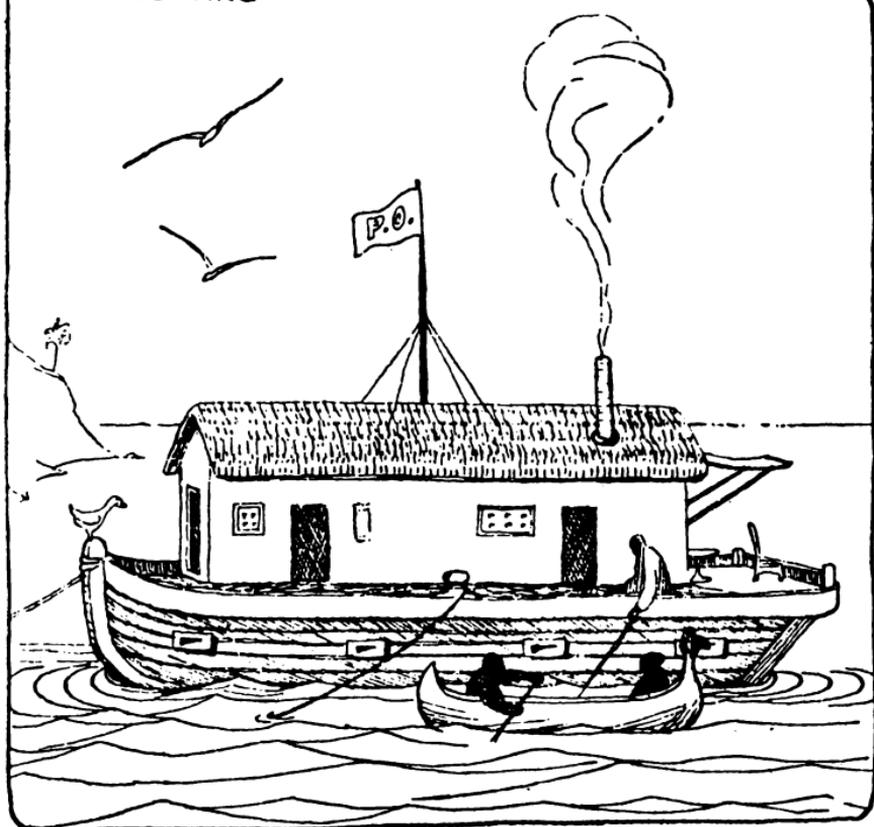
Никто, даже сам доктор Дулиттл, не предполагал, что так быстро и исправно заработает ласточкина почта и что столько удивительных приключений ему придется пережить.

Конечно, дело это было новое, никем не опробованное, и не все сразу наладилось. Каждый новый день приносил доктору загадки и головоломки, и ему приходилось вертеться белкой в колесе, чтобы почта работала без перебоев. Он трудился с утра до ночи, не щадил ни себя, ни своих почтальонов и к вечеру падал с ног от усталости. Но он не жаловался, и только Крякки непрестанно ворчала:

— Когда же это кончится? Пожалейте себя, доктор! Объявите всем, что завтра почта выходная, и поспите вдоволь.

А такой почты свет еще не видывал! Во-первых, она размещалась на плоту. Во-вторых, почтальонами были птицы. А в-третьих, каждого посетителя встречали как гостя: угощали чаем и булочками. Дамам из Фантиппо так понравились испеченные уткой булочки, что они стали приплывать на плот каждый день. Пришлось доктору соорудить на другом краю плота большой навес, поставить под ним столы и принимать там гостей. Дамы приезжали с детьми, подолгу сидели в тени навеса, распивали чай, а их мальчишки в это время удили рыбу. Частенько даже сам король Коко посещал почту, чтобы попить чаю с булочками.

А еще доктор Дулиттл позаботился о перьях. В те времена не было стальных перьев, и люди использовали гу-

синие. Даже на почте в Англии стояли чернильницы, а рядом лежали заточенные гусиные перья, чтобы любой мог написать письмо и тут же его отправить. Но они были плохо очинены, скрипели, царапали бумагу, оставляли кляксы. Доктор Дулиттл отказался от гусиных перьев, а попросил у буревестников и чаек, прилетавших к нему, по паре перьев из их хвостов. Писать ими было намного проще.

В самом углу стоял небольшой стол с чернильницей, полной красных чернил, и с пером из хвоста павлина. Там писали письма влюбленные. Необычные чернила и красивое пестрое перо помогало им найти самые нежные и цветистые слова для своих подружек.

А еще клей. Без клея не может работать ни одна почта. Мало того что марку надо купить, ее еще надо наклеить

на конверт. Для этого обратную сторону марки намазывают клеем. Он высыхает, а потом достаточно марку лизнуть и прижать к конверту. Легко сказать — лизнуть, а если клей горький, кислый или соленый?

Доктор Дулиттл долго искал нужный клей и наконец придумал свой собственный. Он сделал его из сахарного сиропа. Жители Фантиппо очень любили сладости, и как только на почте у доктора Дулиттла появились марки с новым клеем, люди сотнями повалили к нему.

Поначалу доктор не догадывался, зачем жителям Фантиппо понадобилось так много марок. Бу-Бу даже не успевала считать деньги, вырученные за марки. А денег поступало так много, что пришлось везти на плот два больших глиняных горшка. Бу-Бу ссыпала монетки в горшки, а пес О'Скалли сидел рядом и никого к ним не подпускал.

И тут вдруг доктор Дулиттл заметил, что жители Фантиппо понесли марки обратно и стали требовать обратно свои деньги. На всех почтах мира можно сдать марки назад и получить за них деньги, если, конечно, марки не грязные и не рваные. Но про клей ни в каких почтовых правилах не сказано ни слова. Так что, если хочешь, слизывай его и неси марку обратно!

Конечно же марки продаются не для того, чтобы любовью лакомка мог слизать с них сладкий клей. Пришлось доктору Дулиттлу добавить в клей лакричного сока.

В один прекрасный день на почту заглянул брат короля Коко. Он умудрился подхватить простуду в Африке и непрерывно кашлял.

— Пять... кхе-кхе-кхе... марок в один пенни... кхе-кхе-кхе. И что-нибудь от кашля... кхе-кхе-кхе, — не проговорил, а прокашлял брат короля.

Доктор тут же выдал брату короля микстуру от кашля и пять марок в один пенни. И вдруг его осенило — а что, если добавить в клей лекарство?

Скоро на почте доктора Дулиттла стали продаваться марки от бронхита, марки от ангины и даже марки от живота.

Как-то вечером О'Скалли запер дверь, повесил на нее табличку «Закрыто» и вернулся в почтовый домик. Те-

перь, когда дела пошли на лад, доктору Дулиттлу уже не надо было работать день и ночь напролет. Поэтому О'Скалли застал Джона Дулиттла в кресле, с ногами на столе и с любимой трубкой в зубах.

— А славно мы поработали, — сказал доктор и улыбнулся. — Вот теперь у нас наконец есть настоящая почта.

О'Скалли устроился возле кресла и ответил:

— Да, другой такой почты во всем мире не сыщешь.

— Днем с огнем не сыщешь, — согласился с ним Хрюкки. — Кстати, доктор, не пора ли нам зажечь огни на плоту, уже смеркается. А то, чего доброго, опять появится фрегат и в темноте налетит на нас. Снова начнутся разговоры про колбасу для экипажа, а я это ужас как не люблю!

— Пора, — ответил доктор, и поросенок подхватил фонари и выбежал наружу. Доктор тем временем продолжал беседовать с О'Скалли.

— Подумать только, мы открыли почту больше недели тому назад, а я не написал еще ни одного письма! Где же это видано — жить на почте и не писать писем? всю жизнь, как только я собирался написать письмо, у меня не оказывалось под рукой марки. А теперь у меня марок хоть на сотню писем, а я никому не пишу.

— А вы напишите знакомым зверям, — посоветовал О'Скалли. — В лошадиный приют или моим приятелям Скоку и Тобби.

— Скок и Тобби небось бродят вместе с цирком по всей Англии; — возразил доктор. — Их не найдет ни один почтальон. Конечно, я мог бы написать Саре, но не помню ее адреса.

— А я знаю, кому вы должны написать! — воскликнул О'Скалли. — Мэтьюзу Маггу! И заодно передайте привет от меня его собакам.

— Но ведь ни он, ни его собаки не умеют читать.

— Зато его жена Теодора и читает и пишет, — не сдаваясь О'Скалли.

— Но о чем же я ему напишу? — спросил доктор. — Рассказывать о почте слишком долго.

В эту минуту в комнату влетел Проворный и сказал:

— Доктор, увольте нас, ласточек, от работы в городе.

Мои почтальоны не могут найти нужный дом, нужную дверь, нужный почтовый ящик. Хотя мы и строим гнезда под крышами домов, птицы мы не городские. Мои ласточки то и дело сбиваются с дороги, путают улицы, а сегодня принесли назад четыре письма. Я сам полетел относить эти письма, но тоже не нашел ни улицы, ни дома.

— Что же делать? — почесал затылок доктор Дулиттл. — Дай-ка мне подумать. Ну конечно! Надо позвать сюда Горлопана.

— А кто такой Горлопан? — спросил Проворный.

— Лондонский воробей, мой давний знакомый, — ответил доктор. — Каждое лето он прилетает ко мне погостить в Паддлеби. А живет он на соборе Святого Павла в ухе Варфоломея.

— Где? — переспросил О'Скалли.

— Снаружи собора вдоль стены стоят статуи святых, — пояснил доктор. — Горлопан свил себе гнездо в ухе святого Варфоломея. Уж кто-кто, а он не заблудится среди домов и улиц. Он-то нас и выручит. Сейчас я напишу ему письмо.

— Написать-то вы напишете, — покачал головой Проворный. — А кто ваше письмо доставит? Ни одна ласточка не отыщет Горлопана в Лондоне.

— Как же я об этом не подумал? — снова почесал затылок доктор Дулиттл. — Что же делать?

— Я знаю, что делать! — воскликнул О'Скалли. — Вы только что ломали голову над тем, что написать Мэтьюзу Маггу. Пусть Проворный напишет Горлопану письмо по-птичьи, а вы вложите его в конверт с письмом к Мэтьюзу Маггу. Когда воробей прилетит к вам в Паддлеби, торговец едой для кошек передаст письмо ему.

— Здорово придумано! — обрадовался доктор Дулиттл. — Я всегда говорил, что часто собаки намного умнее своих хозяев.

Он сел к столу, достал бумагу, перо и чернила и принялся писать письмо Мэтьюзу Маггу. Проворный пристроился с другой стороны стола, макнул лапку в чернильницу и вывел на листе несколько закорючек для Горлопана.

— Попросите Мэтьюза присматривать за нашим до-

мом, — сказала Крякки. — Не побил ли град стекла в окнах? Не протекает ли крыша?

Доктор закончил письмо и написал на конверте:

«Многоуважаемому господину Мэтьюзу Маггу, торговцу едой для кошек в Паддлеби-на-Марше».

Щебетунья-посланица вызвалась доставить письмо. Маленькая птичка зажала письмо в клюве и улетела.

Доктор не ожидал скорого ответа, потому что Теодора, жена Мэтьюза Магга, не очень-то любила читать да и писала не так уж хорошо, как думал О'Скалли. К тому же Горлопан не мог появиться в Паддлеби раньше, чем через две недели. Его жена, воробиха, не отпускала его на прогулку в деревню до того, как он научит птенцов всем премудростям городской жизни: клевать овес под самым носом у лошадей, ловко спастись от кошек, да и мало ли что понадобится знать молодому воробью, чтобы не заблудиться среди путаницы лондонских улиц, не умереть с голоду и не пропасть.

Тем временем жизнь на почтовом плоту шла своим чередом. Бу-Бу, Крякки, тяни-толкаю, белой мыши и О'Скалли там нравилось. Иногда, правда, им становилось скучно, и тогда они направлялись на прогулку на остров Ничей, который теперь, с легкой руки доктора, все животные называли «звериным раем».

Иногда вместе с ними выбирался на остров и доктор Дулиттл. Больше всего ему нравилось беседовать с филозаврами. Это были очень древние животные, и они помнили даже то, что происходило тысячу лет тому назад. А если филозавры и не видели что-то своими глазами, то знали об этом по рассказам бабушек.

Каждый день звери доктора просматривали свежую почту. Им всем хотелось получать письма. Но письма приходили жителям Фантиппо, а зверям, увы, никто не писал.

А однажды утром вернулась Щебетунья и принесла письмо из Паддлеби. Это был ответ Мэтьюза Магга.

Теодора от имени мужа писала, что письмо для Горлопана повесили на яблонево́й ветке и что воробей сразу же его увидит, как только прилетит в сад. Окна в доме были целы, крыша не протекала. Конечно, дом следовало

бы подкрасить, но с этим делом можно было и подождать.

Это известие особенно обрадовало Крякки. Утка по натуре была домоседкой, ее тянуло в Паддлеби, и она не одобряла затей доктора.

Щебетунья-посланница, пока ждала ответ Мэтьюза Магга на письмо доктора, успела рассказать окрестным дроздам и скворцам о новой почте на острове Ничьем. Скоро уже все живое в Паддлеби и даже во всей Англии узнало про ласточкину почту.

А немного погодя пришло первое письмо, адресованное не людям, а зверям. Сначала Крякки получила письмо от сестры, она его читала и перечитывала и уже не так тосковала по дому. Потом белая мышь получила весточку от родственников, которые жили в ящичке письменного стола. Пришло письмо О'Скалли от соседского бульдога. Бу-Бу сообщили, что она стала теткой — теперь у нее было шесть племянников и племянниц, которые появились на свет на чердаке конюшни в Паддлеби.

И только Хрюкки писем не получал. Поросенка это очень расстраивало, он чуть не плакал от обиды. И когда доктор собрался на берег Фантиппо, Хрюкки увязался за ним.

На следующий день ласточки пожаловались, что письма очень тяжелые. Доктор посмотрел на конверты — все они были для Хрюкки. Десять толстых-претолстых писем. Поросенок с радостным видом уселся в углу и стал открывать их одно за другим.

Десять писем для одного Хрюкки! О'Скалли это показалось подозрительным, он подкрался к поросенку и заглянул через плечо. В конвертах лежала банановая кожура.

— Кто тебе прислал банановую кожуру? — удивился О'Скалли.

— Я сам послал ее себе, — улыбнулся в ответ поросенок. — Почему вы должны получать письма, а я нет? Получать письма очень приятно, и если мне никто не пишет, я буду писать сам себе. К тому же это вкусно. — И он сунул банановую кожуру в рот.

Глава 2

ГОРЛОПАН

А затем наступил великий день в истории почты — в Фантиппо прилетел знаменитый лондонский воробей по имени Горлопан.

Доктор завтракал, когда в окошко влетел воробей и зачирикал:

— Привет, господин доктор! Вот мы и встретились снова. Что новенького в этом старом мире? Говорят, что вы подались в почтмейстеры? Кто бы мог подумать, что вам взбредет в голову такое?

Горлопан был особой птицей. Даже если бы вы увидели его впервые, и то сразу бы догадались, что он всю жизнь провел на улицах большого города. А его чирикание больше всего походило на голос наглого лондонского сорванца. Всем своим поведением он отличался от других птиц. Проворный был одной из самых умных и смелых ласточек, но в его глазах читалась благородная деревенская наивность, тогда как дерзкий и хитрый взгляд Горлопана говорил напрямик: «Вы собрались меня одурачить? Дудки! Со мной этот номер не пройдет. Я настоящее дитя Лондона и скорее сам одурачу вас».

— Ах, это ты, — обрадовался воробью Джон Дулиттл. — Наконец-то! Милости прошу! Как летелось? Кстати, ты уже завтракал? — И доктор отщипнул несколько крошек от булочки.

Воробей мгновенно склевал крошки и даже не поблагодарил — он не привык принимать пищу из человеческих рук, он ее добывал. И все, что он находил, было его по праву.

— Летелось неплохо, — чирикнул Горлопан. — Бывает и хуже. Ну и жара тут у вас! Под таким солнцем можно и живьем зажариться. А домик вы себе отгрохали что надо. Да еще на воде!

Узнав, что прилетел Горлопан, сбежались все звери, чтобы поздороваться с ним и послушать новости из Паддлеби.

— Как поживает старая лошадь в конюшне? — спросил доктор Дулиттл.

— Жалуется на ревматизм, — ответил Горлопан. — А что тут удивительного? Она уже давно не жеребенок. Но если учесть ее возраст, то старая кляча неплохо держится. По-моему, она уже выжила из ума. Ей взбрело в голову послать вам в подарок чайную розу. Напротив конюшни как раз расцвел куст. Но я ей ответил: «Ты принимаешь меня за ломовую лошадь?» Представляете, я, почтенный воробей, лечу над Атлантическим океаном с чайной розой в клюве? Все встречные подумали бы, что я полетел на свидание. Это в моем-то возрасте!

— Пощади нас, Горлопан! Замолчи! — расхохотался доктор Дулиттл. — Когда я слушаю тебя, то начинаю тосковать по родине.

— Я тоже, — сознался О'Скалли. — Как там крысы в дровяном сарае? Много их развелось?

— Тысячи, — ответил воробей. — Большие как кролики, а нахальные — просто ужас! Бродят по сараю как по собственным владениям.

— Уж я до них доберусь, уж я их научу уму-разуму, — прорычал пес и оскалился. — Надеюсь, мы все-таки скоро уедем отсюда.

— А как дела в саду? — спросил доктор.

— Неплохо, — чирикнул воробей. — Конечно, появились сорняки, но под окнами расцвели ирисы. Ничего красивее я в жизни не видал, можете мне поверить.

— А что нового в Лондоне? — спросила белая мышь. Она была родом из города, хотя и небольшого, поэтому любила иногда поиграть в светскую даму.

— В Лондоне все новое, вот только сам город старый, — ответил Горлопан. — Старые кареты на четырех колесах пошли на слом, все как сумасшедшие носятся на двуколках. И совершенно не смотрят, куда едут! Чуть не раздавили моего младшенького! Я едва успел выхватить его из-под копыт. А рядом с биржей открыли новую овощную лавку.

— А я, когда вырасту, тоже открою овощную лавку, — хрюкнул поросенок. — И непременно в Англии. Там растут такие замечательные овощи!

— Опять он взялся за свое! — принялась выговаривать поросенку сова. — Что же ты за животное, что у тебя только еда на уме!

— Почему только еда? — воскликнул поросенок. — Я тоже тоскую по родине! И по овощам, — тихонько добавил он. — Что может быть лучше раннего салата на грядке в Паддлеби!

— Да ты поросячий поэт! — удивился Горлопан. — Почему бы тебе не сочинить стихи про капусту с морковкой, господин Окорок?

— Погодите, погодите, — остановил разболтавшихся зверей доктор Дулиттл. — Сначала поговорим о деле. Я просил тебя прилететь, чтобы ты взялся за почту в Фантиппо. Наши ласточки теряются среди улиц и не могут найти нужные дома. Только тебе, городской птице, такое по плечу. Могу я на тебя рассчитывать?

— Мне бы сначала осмотреться в городе и прикинуть, что к чему, — ответил воробей. — Прежде всего я хочу искупаться. Я так вспотел, пока летел, что у меня слиплись перья. Где тут у вас поблизости есть лужа, в которой я мог бы освежиться? Только не с соленой водой.

— Горлопан, ты забыл, что прилетел в Африку, — сказал доктор. — Здесь луж не бывает. Подожди, я принесу тебе мой умывальный тазик, в нем и искупаешься.

— Только не забудьте промыть его хорошенько, — пискнул воробей, — а то мыло попадет мне в глаза.

Горлопан отдохнул с дороги, как следует выспался, а утром доктор поплыл с ним на берег Фантиппо, чтобы показать воробью город.

Джон Дулиттл бродил по улицам, а воробей порхал над ним, вертел головой и без умолку чирикал:

— Да, город большой, я даже не подозревал, что в забытой Богом Африке есть такие города. Конечно, до Лондона ему далеко. А какие узкие улицы! Теперь я понимаю, почему туземцы ходят пешком, а не разъезжают в каретах — здесь даже козе не протиснуться, не то что паре лошадей. А дома-то, дома! Они их строят как ласточки свои гнезда — обмазывают колья глиной, и дом готов! Как, вы говорите, зовут здешнего короля?

— Коко, — подсказал доктор.

— Король Кокос! — удивился Горлопан. — Это надо же было дать королю такое имя! Так вот, пожалуйста, доктор, скажите этому Ореху-Кокосу, чтобы приказал своим

подданным повесить у дверей колокольчики. Где вы видели в Европе дом без колокольчика?

— Здесь Африка, а не Европа, — поправил его доктор. — Но я все же поговорю с королем и попрошу его распорядиться насчет колокольчиков.

— А где почтовые ящики? — продолжал Горлопан. — Дикари! У них даже нет почтовых ящиков. Не можем же мы опускать им письма в дымоход! Пусть сколотят себе по ящичку, а еще лучше по два, и повесят их по обе стороны от двери.

— А зачем два ящичка? — удивился Джон Дулиттл.

— А это я сам придумал, — гордо поднял голову воробей. — В один ящик мы будем опускать письма, а в другой — счета. Представляете, звонит колокольчик, человек открывает дверь, а вместо письма от милой ему вручают счет от портного! Он ждет уведомление о наследстве, а ему приносят вызов в полицию! Так ведь и удар хватить может! А если повесить два ящичка: один для приятных писем, другой для неприятных, человек будет знать, что его ждет.

— Здорово придумано! — рассмеялся доктор Дулиттл. — А если люди не станут вынимать из ящичка неприятные письма?

— Это уж их дело, — ответил воробей. — Мы будем звонить один раз, когда принесем счет или вызов в полицию, и два раза, когда принесем обычное письмо. И люди будут знать, стоит им спешить вынимать письма из ящичка или лучше подождать. Я вот что вам скажу, господин доктор: если вы, самый умный человек на свете, и я, самая умная птица, вместе возьмемся за это дело, то почта у нас будет что надо! Мы покажем этим дикарям, да и всему миру тоже, как следует работать! Кстати, а подарки к праздникам? Обычно всем почтальонам под Рождество вручают подарки.

— Боюсь, что здесь подарков не будет, — с сомнением покачал головой доктор. — В Фантиппо Рождество не празднуют.

— Как так? — ужаснулся Горлопан. — Не празднуют Рождество? Какое безобразие! Неслыханно! Ступайте к Ореху-Кокосу и скажите ему, что он и его подданные, если не хотят, могут не праздновать Рождество, но почталь-

оны должны получить в этот день подарки. Так ему и передайте. Давно пора взяться за воспитание короля.

— Так и быть, я поговорю с королем, — согласился Джон Дулиттл. — Но какие подарки вы хотите получить?

Горлопан на минуту задумался, а потом зачирикал:

— Пусть все жители в первый день Рождества положат на пороге дома леденец... нет, два леденца. Уж больно они здесь хороши. Не будет леденцов, не будет и писем. А если мы рассердимся, то можем сделать еще хуже: будем носить им только счета и вызовы в полицию!

В тот же день после обеда доктор Дулиттл отправился к королю Коко и передал ему все требования новых почтальонов. Его королевское величество без спора согласился на все. Да и зачем было спорить? Изящные медные колокольчики у дверей очень украсили дома жителей Фантиппо. Появились и почтовые ящики: разрисованные цветами и птицами для приятных писем и выкрашенные в черную краску — для неприятных.

— А что такое Рождество? — спросил король Коко. — И почему в этот день надо дарить подарки?

Доктор рассказал ему об Иисусе Христе, но король Фантиппо, где были свои старые языческие боги, не захотел менять привычных и понятных богов на нового. В то же время обычаи делать друг другу подарки ему очень понравились. Сначала жители Фантиппо по велению короля стали оставлять на пороге домов леденцы для почтальонов, потом они стали оставлять там целые груды сладостей для соседских мальчишек и всех прохожих, а в конце концов принялись обмениваться подарками.

Когда много лет спустя после отъезда доктора Дулиттла из Африки туда приехали первые христианские миссионеры, они с удивлением обнаружили, что туземцы празднуют Рождество! Для них так и осталось загадкой, почему язычники туземцы делают друг другу подарки в этот день. А если бы им кто-нибудь сказал, что этот обычай в африканские дебри занес лондонский воробей по кличке Горлопан, они ни за что бы не поверили.

Вот так Горлопан стал почтальоном в королевстве Фантиппо. Конечно, в одиночку ему никогда бы не удалось справиться с доставкой писем, которых становилось все больше и больше и которые становились все тяжелее

и тяжелее. Туземцы быстро привыкли к письмам, вошли во вкус и писали друг другу по любому поводу, даже для того чтобы сообщить, что прошел дождь, хотя тот, кому они писали, жил в сотне шагов от них.

Поэтому Горлопан написал в Лондон своим друзьям, и через пару недель к нему на помощь прибыли еще пять десятков городских птиц, не боящихся ни кошки, ни человека. А накануне главных праздников королевства Фантиппо — праздника Полнолуния и праздника Сезона Дождей — Горлопан отправлял в Лондон ласточек-гонцов за подмогой. Перед праздниками даже сотня воробьев выбивалась из сил, разнося по городу поздравительные открытки и посылки с подарками.

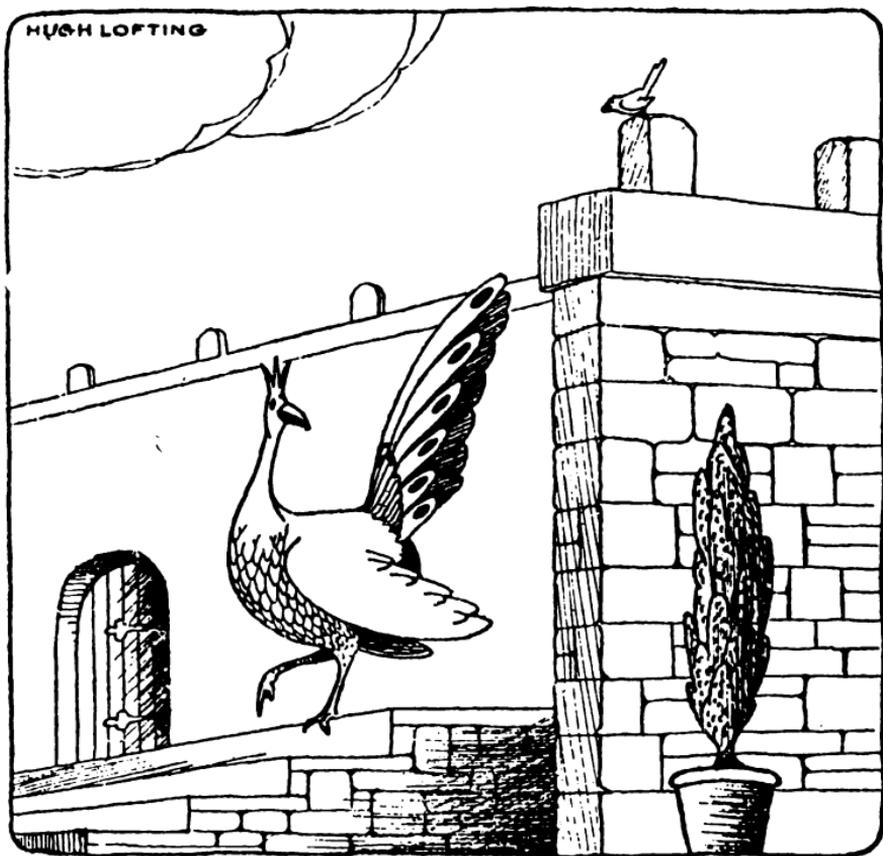
С девяти утра до шести вечера у дверей жителей Фантиппо звенели медные колокольчики. «Дзинь-дзинь-дзинь» значило, что пришли гости. «Дзинь-дзинь» — что почтальон принес письмо, а просто «дзинь» — что в черный почтовый ящик опустили счет от портного или парикмахера.

Хваста воробей на этот раз похвастался не зря: почта и впрямь заработала как следует. Письма приходили вовремя, опускали их в нужный ящик. Полсотни юрких почтальонов сновали между плотом и городом, и сова Бу-Бу едва успевала вручать им письма.

И только одно портило все дело — удивительная наглость Горлопана. Он избегал ссориться со зверями доктора Дулиттла — врожденная английская домовитость Крякки внушала ему уважение, выросшего на задворках Лондона О'Скалли он считал себе равным, а сову Бу-Бу попросту побаивался. Но остальных птиц и животных Горлопан и в грош не ставил.

Он затевал ссоры с чайками, ласточками, домашними курами и гусями. Он воровал овес у лошадей, рыби головы у кошек и даже кости у собак, хотя ни рыба, ни кости ему были вовсе не нужны — он их не ел, а делал это из чистого озорства. Горлопан ругался со всеми, с кем мог поругаться, и выкрикивал при этом самые ругательные лондонские словечки.

— Почтальоны должны быть вежливыми со всеми, — каждый Божий день наставлял его доктор Дулиттл. — Запомни: каков почтальон, такова и почта.

Но увещевания доктора мало помогали. Такая уж у Горлопана была натура — он не мог удержаться от ссоры.

Однажды любимый павлин короля Коко пожаловался доктору Дулиттлу, что Горлопан дразнил его «расфуфыркой».

— Я же не виноват, что у меня от рождения такие перья, — говорил павлин. — К тому же мне нравится. Смотрите, как красиво. — И он распустил хвост.

Терпение доктора лопнуло, он вызвал к себе Горлопана и устроил ему головомойку. Нахальный воробей не посмел возражать самому Джою Дулиттлу, но затаил злобу на павлина. Собрав своих лондонских товарищей, он к вечеру того же дня проник в королевский сад, где, не подозревая о грозящей опасности, разгуливал павлин.

С криками: «Ябеда! Мы тебе покажем, как жаловать-

ся!» — воробьи напали на павлина, поколотили его и вырвали три пера из его хвоста.

Явный разбой не сошел Горлопану с рук. Доктор Дулиттл вспылил и немедленно отослал воробья вместе с его товарищами в Лондон.

И сразу же дела на почте пошли из рук вон плохо. Ласточки и другие птицы старались изо всех сил, но с городской почтой справиться не могли. Жители Фантиппо, уже привыкшие к почте и письмам, начали жаловаться на нерасторопных почтальонов. Теперь доктор Дулиттл сожалел, что отослал назад Горлопана, но было поздно.

И вдруг однажды утром на плот опустилась стайка воробьев. Это были все те же старые лондонские знакомцы доктора Дулиттла. Впереди с соломинкой в клюве летел Горлопан собственной персоной. Он вел себя так, словно размолвки с доктором и не было.

— Привет, господин доктор! — чирикнул он. — Наверное, вы все подумали, что я дал деру в Лондон, не так ли? Как бы не так! Я-то знаю, что вам здесь без меня не справиться. Поэтому мы прогулялись взад-вперед по Африке и вернулись. Ну и птицы здесь живут, доложу я вам, и в подметки нам, воробьям, не годятся. Разве что попугаи, с теми надо держать ухо остро...

— Стыдно безобразничать! — выговаривал ему доктор Дулиттл, хотя и был рад, что воробей вернулся. — Нельзя обижать других! Ну уж ладно, дело прошлое. Отдохни и берись за письма.

Но прошло две недели, и на почтовый плот пожаловал сам король Коко с любимым павлином. Пока король пил чай под навесом, павлин вышел прогуляться по плоту, и тут Горлопан ухватил в лапки пузырек самых черных чернил и вылил их павлину на хвост. Пришлось доктору отчитать сорванца и снова выгнать с работы.

Снова дела на почте пошли хуже некуда, и снова Горлопан вернулся.

Не проходило и месяца, чтобы Горлопан не ввязался в драку, не поссорился с кем-нибудь, не созорничал. Такая уж у него была натура. В конце концов доктор смирился и закрыл глаза на его поведение. Не зря лондонские птицы говорят: «Нахального воробья могила исправит». Помните, что-то похожее говорят и люди то ли про верблюда, то ли про рыбу горбушу...

ПТИЦЫ И КОЛУМБ

После того как доктор Дулиттл отправил по ласточкиной почте свое первое письмо «кошачьему кормильцу» Мэтьюзу Маггу, он вошел во вкус и начал строчить письмо за письмом всем своим знакомым. Скоро он так разошелся, что, как только у него выдавалась свободная минутка, садился к столу и брался за перо и бумагу.

Для начала он написал письма всем друзьям и знакомым. Потом вожакам птичьих стай, которые принимали у ласточек почту и несли ее дальше. От этих птиц — дроздов, чаек, гагар, цапель, журавлей и пингвинов он узнал много интересного об их образе жизни, о том, чем питаются, куда и как летают, как высиживают и воспитывают птенцов.

Конечно же доктор Дулиттл не утерпел и сообщил об этом всем знакомым ученым, которые изучали птиц. Но разве могли профессора поверить безвестному доктору. Они назвали все его открытия нелепостями и выдумками и даже не ответили на его письма.

Но Джон Дулиттл не унывал. Его почта работала. Каждое утро он вешал у двери объявление о том, кто и куда улетает.

Объявления были такие:

В БЛИЖАЙШУЮ СРЕДУ, 18 ИЮЛЯ, КРАСНОКРЫЛЫЕ РЖАНКИ ВЫЛЕТАЮТ В ДАНИЮ И НА ОСТРОВА В ПРОЛИВЕ СКАГЕРРАК.

НА ПИСЬМАХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ НАКЛЕЕНЫ МАРКИ В ЧЕТЫРЕ ПЕНСА.

НАМЕЧАЕТСЯ ВЫЛЕТ ЧЕРНЫХ ЖУРАВЛЕЙ В СТОРОНУ МАРОККО, ПОРТУГАЛИИ И ПРОЛИВА ЛА-МАНШ. ВОЗМОЖНА ОТПРАВКА ПОСЫЛОК ВЕСОМ ДО ТРЕХ ФУНТОВ.

Каждая стая птиц, летящая из одного конца света в другой, считала своим долгом завернуть на остров Ничей и помочь доктору Дулиттлу. Они заранее сообщили доктору, куда и каким путем полетят.

Однажды утром доктор сидел за столом и готовил

почту к отправке. В комнату вприхуил Проворный. Он уселся на краешек стола и защебетал:

— Доктор, мне сообщили, что завтра сюда прилетают сойки. Они летят из Дагомси в Венесуэлу.

— Очень кстати, — заметил доктор. — У меня здесь лежат две дюжины писем в Панаму. Им ничего не будет стоить завернуть туда и бросить письма в почтовые ящики. Ты мне не подскажешь, чем любят лакомиться сойки?

— Желудями, — ответил Проворный и поморщился. — Удивительная гадость! Я как-то попробовал из любопытства, потом не мог отплеваться. По мне, мухи и гусеницы намного вкуснее.

— Ну уж нет, — вставил свое слово сидевший в стороне Хрюкки, — вкуснее желудей нет ничего на свете.

— Вот и хорошо, — сказал доктор. — Крякки, пойдика сюда! — позвал он утку. — Пожалуйста, отправляйся на остров и попроси диких кабанов набрать для меня пару мешков желудей. И не вздумай взять с собой Хрюкки, иначе он слопаёт их по дороге. Нам надо хорошенько накормить соек перед перелетом.

— Подумаешь, сойки! — обиженно хмыкнул Хрюкки. — Только и умеют, что летать да щебетать. За что их кормить желудями?

Утром доктора Дулиттла разбудил громкий щебет. Стая соек уже сидела на плоту. Джон Дулиттл оделся и вышел из почтового домика. Тысячи черно-золотистых птиц без умолку болтали и клевали рассыпанные по плоту желуди. Вожак стаи подлетел к доктору.

— Здравствуйте, доктор, — сказал он. — Мы будем рады помочь вам, но вылететь сможем только через пару часов. Дело в том, что чуть севернее дует сильный ветер и мои старые кости подсказывают мне, что утихнет он не раньше чем к обеду.

— Ничего страшного, — ответил Джон Дулиттл, — подкрепитесь пока перед дальней дорогой.

— В плохую погоду нам ни за что не пересечь океан, — продолжал вожак соек. — Мой прапрадед однажды чуть не погиб из-за внезапной бури. К счастью, его спас моряк по имени... по-моему, его звали Христофор Колумб.

— Колумб? — удивился Джон Дулиттл. — Тот самый, что открыл Америку?

— Ничего он не открывал. Это мой прапрадед открыл ему Америку. Конечно, люди все равно открыли бы Новый Свет, но было бы это намного позже.

— Ну-ка расскажи мне все по порядку, — оживился доктор. — Я слышал, что Колумб плыл за перелетными птицами.

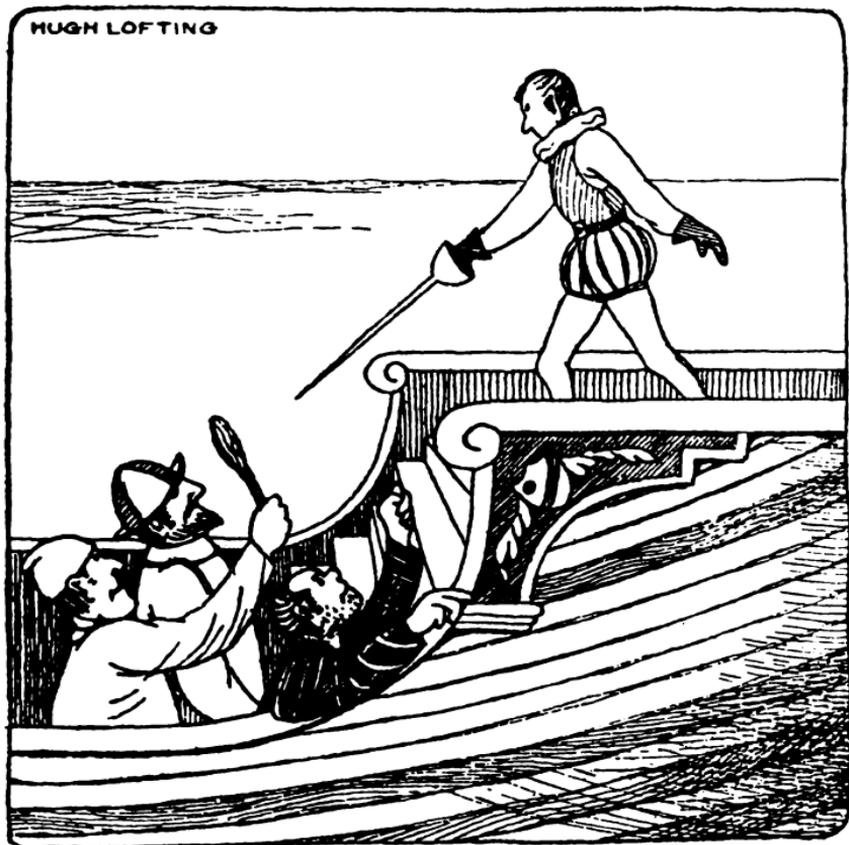
— Эту историю мне рассказала бабушка, — начал вожак соек. — А она узнала ее от своей бабушки.

В тот год выдалась на редкость ненастная осень. Стая моего прапрадеда вылетела из Африки, добралась до Бермудских островов и долгих три недели просидела там в ожидании хорошей погоды. Мой прапрадед долгие годы до этого был вожаком стаи, но перед самым перелетом стая выбрала себе нового вожака. Да и пора уже было — прапрадед мой к тому времени постарел, ослаб и не мог вести стаю.

Наконец установилась хорошая погода, и стая отправилась в путь. Но тут новый вожак заметил в море большие корабли, плывущие на запад. Они были огромные, намного больше тех, которые нам, сойкам, до того приходилось видеть.

Новый вожак испугался — ведь до того он видел только маленькие, выдолбленные из ствола дерева лодки индейцев. И он повел стаю в другую сторону, лишь бы не попадаться людям на глаза. Но мой прапрадед уже встречал такие большие корабли и не полетел за стаей, а повернул к кораблям.

Немного погодя он догнал свою стаю и сказал новому вожаку: «На тех больших кораблях плывет очень смелый человек. Он ищет новые земли. Корабли вышли в море много дней тому назад, матросы устали, у них кончается вода. Люди, не зная, что берег близко, взбунтовались. Я знаю их адмирала. Когда-то давным-давно он спас мне жизнь. Как-то раз, когда я впервые летел через океан, разразилась буря и я отбил от стаи. Три дня я в одиночку сражался с ураганным ветром, и в конце концов меня отнесло далеко на восток, к берегам Европы. Силы покинули меня, я умирал от голода и жажды и едва не упал в море. И тут вдруг я увидел большой корабль. Едва живой, я долетел до него и упал на палубу. Матросы хотели посадить меня в клетку, но капитан корабля взял меня

к себе в каюту, кормил и поил, а когда буря кончилась, отпустил на свободу. Теперь этот капитан стал адмиралом. Это он ведет корабли на запад в поисках новых земель. Не бойтесь людей на кораблях. Давайте полетим туда, пусть матросы увидят нашу стаю и догадаются, что берег уже близко».

— Так оно и было на самом деле! — воскликнул доктор Дулиттл. — Христофор Колумб сам пишет об этом в своих дневниках. Пожалуйста, рассказывай дальше.

— Новый вожак послушался моего прапрадеда. Стая соек повернула обратно и села на корабль Колумба. Они прибыли вовремя — взбунтовавшиеся матросы уже окружили адмирала и угрожали ему смертью, если тот не повернет корабли назад. В руках бунтовщиков засверкали ножи, а адмирал, готовый идти до конца, обнажил шпагу.

И тут матросы услышали шум крыльев, оглянулись и увидели, что большая стая соек села на нос корабля. «Да ведь это сойки! — закричал один из матросов. — Значит, земля близко!» К людям вернулась надежда.

Стая соек летела впереди кораблей и указывала путь. На седьмой день на горизонте показались Багамские острова. Матросы упали на колени и возблагодарили Бога за спасение. Так они и назвали открытый ими остров — Сан-Сальвадор, что значит Спаситель.

А Колумб так никогда и не узнал, что открытием Америки обязан полумертвой сойке, которую он когда-то спас.

И если бы не мой прадед, — закончил свой рассказ вожак соек, — Колумбу пришлось бы или вернуться в Испанию ни с чем, или умереть от рук взбунтовавшихся матросов. Однако нам уже пора лететь. До свидания, доктор. Спасибо за желуди.

Птицы подхватили почту, поднялись в воздух и улетели в Америку.

Глава 4

МАЯК НА МЫСЕ СТИВЕНА

На западном побережье Африки, милях в двадцати к северу от Фантиппо, лежит мыс Стивена. Он выдается далеко в море, и на его оконечности стоит маяк. По ночам на нем горит огонь, чтобы корабли в темноте не налетели на прибрежные скалы. А скал и подводных камней в тех местах очень много.

Как-то вечером доктор Дулиттл сидел за столом и при мерцающем свете свечи писал письмо. Уже было поздно, и все звери давно спали, а Бу-Бу, обычно коротавшая вечера с доктором, улетела в Фантиппо поохотиться на мышей.

Вдруг откуда-то издалека донесся крик. Доктор отложил перо в сторону и прислушался.

Это был голос морской птицы. Обычно чайки, крачки, буревестники кричат, только сбившись в стаи. Но в тот

вечер кричала одинокая птица. Доктор Дулиттл насторожился, распахнул окно и выглянул наружу. Стояла темная ночь, чернее смолы, тучи закрыли небо, и не было видно ни зги. Доктор долго вглядывался в темноту, но ничего не мог рассмотреть. Таинственный крик повторился, словно кто-то звал на помощь.

Крик звучал все ближе и ближе. Не зная, что и думать, доктор схватил цилиндр и выбежал из дома.

— Кто здесь? Что случилось? — крикнул он в темноту на языке морских птиц.

Ночной океан молчал, но вскоре рядом с доктором села большая чайка и едва не потушила свечу взмахом крыльев.

— Доктор! — сказала она, как только отдышалась. — Беда! Маяк на мысе Стивена погас. До сих пор он зажигался каждый вечер и его свет всегда показывал нам дорогу в темноте, но сегодня он погас. Я не знаю, что там случилось, но боюсь, что о скалы может разбиться судно, и не одно. Вот я и решила позвать вас на помощь.

— О Боже! — всплеснул руками доктор. — Как же так? Ведь на маяке живет смотритель! Он должен следить за тем, чтобы маяк светил кораблям с вечера до утра. Ты не заметила, его сегодня зажигали или нет?

— Не знаю, — ответила чайка. — Еще днем я вылетела в море наловить селедки — в это время года она косяками идет на север. Когда начало темнеть, я полетела к берегу, но не увидела огней маяка и сбилась с пути. Я долго плутала, и когда добралась до мыса Стивена, было уже совсем темно. Маяк не горел, и я едва не разбилась о скалы на берегу.

— Как далеко отсюда до мыса Стивена? — спросил доктор Дулиттл.

— Берегом будет миль двадцать пять, а морем не больше двенадцати.

— Я сейчас же еду на маяк, — решительно сказал доктор, натянув плащ. — Погоди минутку, я разбужу Крякки.

Он побежал на кухню и разбудил утку, которая сладко посапывала около очага.

— Крякки! — позвал он и нетерпеливо потянул ее за крыло. — Проснись! Погас огонь на мысе Стивена!

— Что? — не поняла спросонок утка. Почему огонь в очаге?

— Да нет же! — теребил ее доктор Дулиттл. Почему маяк! Только что прилетела чайка и сказала, что не горит огонь на мысе Стивена! Корабли в темноте могут налететь на прибрежные скалы! Да проспись же, наконец!

Крякки очнулась от сна и вскочила на ноги.

— Я знаю эти места и сейчас же лечу туда, — сказала она. — Нет-нет, чайка мне не нужна, пусть лучше она покажет дорогу вам. Садитесь в лодку и отправляйтесь к маяку, там и встретимся. Эх, угораздило же Бу-Бу улететь на охоту в Фангиппо именно сегодня! Она ночью видит не хуже, чем ясным днем. Ну да ладно, хорошо еще, что не разыгралась буря.

Утка взмахнула крыльями и вылетела в распахнутое окошко. Доктор Дулиттл схватил свой саквояж с лекарствами, отвязал от плота лодку, сел за весла и изо всех сил погреб к мысу Стивена. Чайка летела впереди и в темноте указывала ему путь.

Было тихо. Только всплескивали весла да время от времени чайка подавала голос. Вдруг раздался шум крыльев — Крякки летела навстречу доктору. До сих пор остается загадкой, как она умудрилась найти его в крошечной тьме.

Крякки села на носу лодки и сказала:

— Доктор! Что-то случилось со смотрителем маяка! Дверь заперта, окна закрыты. Я долго стучала и звала, но он не откликнулся. Может быть, он заболел?

— Неужели с ним случилось несчастье? — вздохнул доктор и заработал веслами еще быстрее. — Не мог же он бросить маяк и уйти!

— Но это еще не самое худшее, — продолжала утка. — По ту сторону от мыса вдоль берега плывет корабль. Капитан не видит света маяка и ведет свой корабль прямоком на скалы. Корабль разобьется, и люди утонут.

— О Господи! — простонал доктор Дулиттл и с такой силой ударил веслами по воде, что едва их не сломал. — И надо же было этому случиться ночью! Ласточки спят, воробьи спят...

— Я хотела было полететь навстречу кораблю, — сказала утка, — но разве капитан поймет мое криканье? К

тому же я хорошо знаю повадки морских бродяг — и глазом моргнуть не успеешь, как окажешься в руках повара.

— Как далеко от скал плывет корабль? — спросила чайка.

— Ему осталось мили полторы, но он пройдет их за полчаса, — ответила Крякки. — На нем три мачты и много парусов.

— Плывите к маяку, — сказала чайка, — а я тем временем позову моих друзей.

Она расправила крылья и с тревожными криками полетела над берегом. Доктор налег на весла и вдруг услышал, что другие чайки отвечают с берега. Скоро уже сотни птиц кружили над скалами.

Чайка повела стаю за собой к большому кораблю, ко-

торый плыл на скалы, словно искал гибели. На палубе у штурвала стоял сам капитан. В свете фонаря он следил за стрелкой компаса. Чайки набросились на него. Они громко кричали, били его крыльями по лицу, опрокинули и погасили фонарь. Всеми способами они старались помешать капитану.

Как ни размахивал капитан руками, чайки не отступали. Тогда он подал команду:

— Свистать всех наверх!

Через минуту заспанные матросы высыпали на палубу и тоже вступили в сражение с чайками.

Тем временем доктор Дулиттл доплыл до мыса Стивена, втащил лодку на песок, чтобы ее не унесло назад в море, и начал карабкаться по скалам к подножию маяка. Его темная башня высилась над ночным морем.

Доктор обошел башню, нашел на ощупь дверь, но она была закрыта на ключ. Он стал громко кричать, изо всех сил колотить в нее кулаками.

— Эй, люди! — вопил он что было мочи. — Откройте!

Никто ему не ответил. А Крякки летала вокруг и твердила:

— Скорее, доктор, корабль уже близко. Он уже в миле от скал. Вот уже осталось меньше мили...

Доктор отошел на несколько шагов, разбежался и с размаху ударил плечом в дверь. Но засовы и замки были сработаны на совесть. Они выдерживали натиск бушующих волн и ураганного ветра. Дверь даже не дрогнула от удара.

С криком ярости доктор поднял с земли большой камень и изо всех сил ударил им в замок. Дверь с треском распахнулась, и доктор вбежал внутрь.

А на корабле матросы все еще сражались с чайками. Тысячи птиц налетали на них из темноты и не давали вести корабль. И тогда капитан приказал бросить якорь, зажечь факелы и разогнать птиц огнем.

Птицы очень боятся огня, их нежные, тонкие перья мгновенно вспыхивают, поэтому чайки были вынуждены отступить. Матросы подняли якорь, и корабль снова двинулся навстречу скалам.

Внутри маяка было еще темнее, чем снаружи. Доктор бросился вперед, споткнулся обо что-то на полу и растя-

нулся во весь рост, но сразу же вскочил и помчался вверх по винтовой лестнице, которая вела к фонарю маяка.

Крякки осталась у двери и не спускала глаз с корабля. У нее отлегло от сердца, когда она увидела, что корабль остановился и бросил якорь. Но утка рано радовалась — через несколько минут корабль продолжил путь. Она ждала, что с минуты на минуту зажжется огонь маяка, но вместо этого услышала растерянный голос доктора:

— Крякки! Я забыл захватить с собой спички! Они остались на столе рядом с трубкой. Я не могу зажечь фонарь. Но ведь должны где-то здесь быть спички! Помогите мне их найти.

— Как же я их найду в такой темноте? — крякнула в ответ утка.

Доктор скатился вниз по винтовой лестнице и снова споткнулся обо что-то на полу. Он ощупал это «что-то» руками. Оказалось — это смотритель маяка. Он был жив, но не приходил в себя.

Джон Дулиттл обшарил карманы смотрителя.

— Чертовски не везет, — простонал он. — У смотрителя тоже нет спичек.

Тяжелая тишина повисла над маяком. Крякки уже мысленно видела, как с треском лопаются днище корабля, как в трюм хлещет вода, как люди падают в море, а волны подхватывают их и с размаху швыряют на камни. И все это из-за того, что они с доктором не могут найти спички!

Доктор лихорадочно перебирал в голове все известные ему способы добыть огонь. Но ни один из них не годился. Нужны были только спички. И вдруг среди глухой тишины послышалось звонкое щebetание.

— Ты слышишь, Крякки? — шепнул доктор. — Это поет канарейка. Обычно клетки с ними держат на кухне. А там, где кухня, там и спички!

Спотыкаясь в темноте и налетая друг на друга, ощупывая руками и крыльями стены, они обошли маяк и наконец наткнулись на маленькую дверь. Дверь открылась, доктор и утка перешагнули порог, оступились на ступеньках и снова едва не упали.

В кухне было тесно и темно как в склепе. Если тут когда-либо и горел огонь, то давно.

Но как только доктор и утка перешагнули через порог, канарейка снова защебетала:

— Наконец-то вы пришли. Я так устала. Пожалуйста, будьте так любезны, набросьте на мою клетку покрывало. Здесь ужасный сквозняк, и я от него не могу уснуть. Уже с обеда ко мне никто не заглядывал, я даже не знаю, что случилось с моим хозяином...

— Где спички? — перебил ее доктор. — Говори скорее, где спички.

— Обычно хозяин набрасывает на мою клетку покрывало сразу же после ужина, — продолжала канарейка, не обращая внимания на слова доктора. — Но сегодня он меня не укрыл. Мое покрывало лежит...

— Да замолчи же ты, трещотка, — сердито крикнула утка. — Где лежат спички? Маяк погас, и корабль плывет на скалы.

— Спички на камине, рядом с солонкой. И незачем на меня кричать, — обиженно ответила канарейка. — Встаньте рядом с моей клеткой и вытяните вперед руки, крылья, лапы, или что там у вас еще.

Доктор Дулиттл побежал на голос канарейки, по дороге опрокинул стул и больно ушибся об угол стола. Протянув руку вперед, он нашел камин. Через мгновение Крякки облегченно вздохнула: чиркнула спичка, и в руках у доктора зажегся маленький огонек.

— Ах, это вы, доктор! — пропела канарейка. — Простите, я вас не узнала в темноте. Если вам нужна свеча, она стоит за вашей спиной на столе.

Дрожащей от волнения рукой доктор зажег свечу, прикрыл слабое пламя от сквозняков и побежал вон из кухни.

— Лишь бы только не опоздать, — шептал он. — Лишь бы не опоздать...

На перилах винтовой лестницы сидела чайка.

— Доктор! — воскликнула она. — Мы сделали все, что могли! Мы попытались остановить корабль, но ни матросы, ни капитан не поняли, что мы хотим спасти их, и отогнали нас огнем. Теперь корабль уже почти у скал.

Доктор не ответил чайке и побежал вверх по лестнице. Винтовая лестница потому и называется винтовой, что идет вверх кругами. Доктор так быстро пробегал круг за кругом, что у него закружилась голова и он едва не упал.

Наконец он добрался до вершины башни, поставил свету, зажг с сразу две спички и поднес их к фитилю огромного фонаря.

Когда яркий свет маяка озарил море, капитан, стоявший у штурвала, вдруг увидел перед собой скалы.

— Свистать всех наверх! — снова закричал он.

Не успевшие еще улечься матросы тут же высыпали на палубу, в мгновение ока свернули паруса и бросили якорь. Чудом спасенный корабль покачивался на волнах в сотне шагов от скал.

Глава 5

ЧАЙКИ И КОРАБЛИ

Когда утреннее солнце заглянуло в окно башни маяка, оно застало доктора Дулиттла склонившимся над смотрителем маяка. Тот все еще лежал у лестницы, ведущей наверх.

— По-моему, он приходит в себя, — крикнула утка. — Посмотрите, у него дрожит веко.

— Принеси-ка мне еще немножко воды, да похолоднее, — попросил доктор. — Ему нужен компресс.

На лбу смотрителя маяка вздулась огромная багровая шишка. Внезапно он открыл глаза, удивленно уставился на доктора и простонал:

— Огонь... надо зажечь маяк.

Он попытался подняться, но доктор удержал его и сказал:

— Не волнуйтесь, огонь горит. К тому же уже рассвело. Выпейте вот это, вам сразу станет лучше. — И он поднес к губам смотрителя маяка ложку микстуры, которую привез в своем черном саквояже.

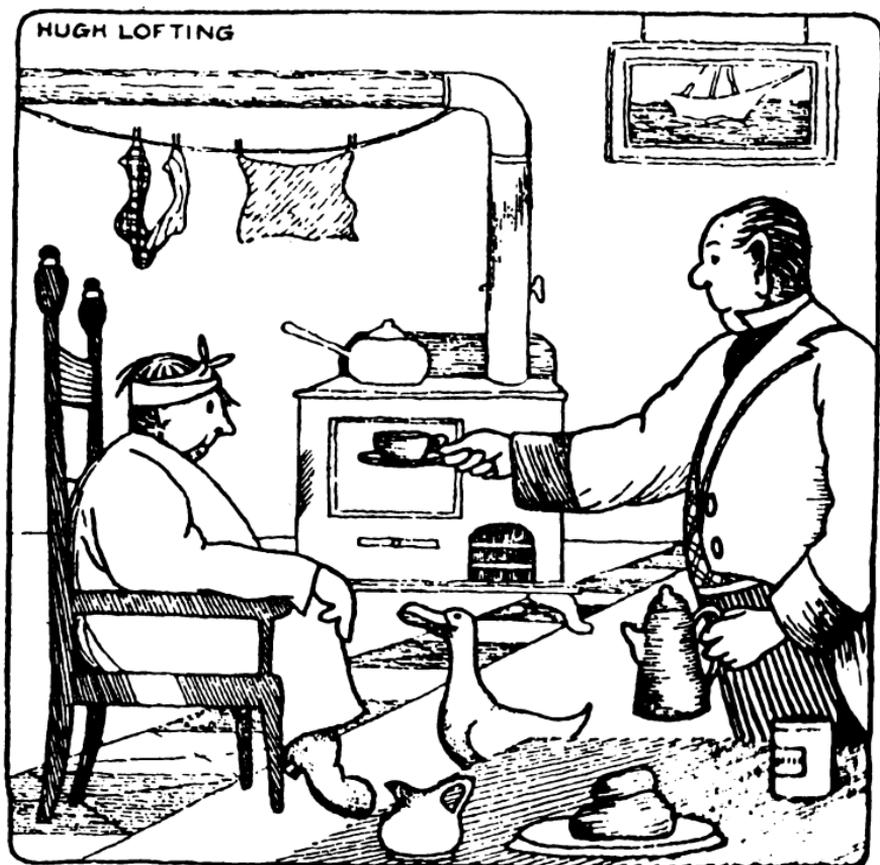
Больной выпил лекарство, ему стало легче. Доктор помог ему встать на ноги и провел на кухню. Пока смотритель маяка приходил в себя, Крякки с помощью Джона Дулиттла развела огонь в очаге и принялась готовить завтрак.

— Я благодарен вам, кто бы вы ни были, — сказал

смотритель, удивленно поглядывая на хлопчущую утку. — Нас на маяке двое — я и мой напарник Фред. Вчера днем он ушел на парусном ялике на дальнюю песчаную отмель, чтобы наловить устриц, и я остался один. К вечеру я спустился вниз, чтобы взять новый фитиль для фонаря, но неловко оступился на лестнице, не удержался на ногах и свалился вниз. Наверное, я ударился головой о ступеньки и потерял сознание. Даже не знаю, как долго я здесь лежал. Вот уж вправду говорят: кабы знал, где упадешь, соломки бы подстелил.

— Ничего, все хорошо, что хорошо кончается, — ответил доктор. — Выпейте кофе, он вас приободрит.

Потом они пили кофе, завтракали и беседовали. Часам к десяти утра вернулся Фред с полной корзиной устриц. Он очень расстроился, когда узнал, что в его отсут-

ствие с напарником случилось несчастье. Оба они были бывальными моряками родом из Лондона. Жизнь на маяке однообразная и скучная, и они очень обрадовались доктору Дулиттлу.

Смотрители провели доктора по всему маяку, показали ему все фонари и фитили, а потом похвастались своей гордостью — маленьким садом, где они сумели вырастить огурцы, помидоры и настурции. Раз в полгода к ним заходил корабль и привозил припасы: муку, сухари, чай, кофе, сахар, копченую грудинку. Но привезти овощи было нельзя, поэтому смотрители сумели возделывать клочок каменистой земли и вырастить на нем овощи и цветы.

Когда они вернулись на кухню и Крякки подала им чай, Фред спросил:

— Вы нам не расскажете последние лондонские новости? Мы там так давно не были.

— Увы, — развел руками доктор. — Я и сам там давно не был.

И тут в окно влетел Горлопан. Он уже с самого утра летал по всему берегу и искал доктора.

— Привет, доктор, — зачирикал он. — Наконец-то я вас нашел. Все звери волнуются, не случилось ли чего с вами? А это кто такие? — И он кивнул головой в сторону смотрителей маяка.

— Они англичане, родом из Лондона, — чирикнул в ответ доктор. — Присматривают за маяком.

— Из Лондона? — растрогался Горлопан. — То-то я гляжу, лица у них такие приятные. Разбойные, но приятные.

Фред и его напарник даже открыли рты от удивления — где же это видано, чтобы человек перечирикивался с воробьем? Но когда Горлопан рассказал им последние лондонские новости и так живо описал два новых трактира возле порта, им волей-неволей пришлось поверить собственным ушам.

— Конечно, лица чернокожих тоже хороши, — не унимался воробей, — но лица соотечественников намного приятнее.

С тех пор как только у него выдавалась свободная минута — он летел в гости на маяк. Конечно, говорить со

смотрителями он не мог, ведь те не знали воробьиного языка, но это обстоятельство не мешало им и не портило удовольствие от встреч.

— Вот оно, настоящее общество, — говорил воробей, — вы бы только послушали, доктор, как Фред напевает песню «Пусть цветут незабудки на могилке моей». Меня даже слеза прошибает.

Когда доктор стал собираться обратно в Фантиппо, зрители не хотели его отпустить.

— Непременно приезжайте к нам в воскресенье, — говорили они. — Мы приготовим праздничный обед и даже испечем пудинг.

— Знаю я, как мужчины готовят, — проворчала утка. — Все будет пересолено, переперчено и подгорит.

К счастью, зрители не поняли ее кряканья. На прощание они подарили доктору корзинку с огурцами и помидорами и букет огненных настурций. А потом долго стояли на берегу и махали руками вслед доктору Дулиттлу, утке Крякки и воробью Горлопану.

Не успел доктор отплыть далеко от мыса Стивена, как появилась чайка, та самая, что сообщила ему о несчастье.

— Все кончилось благополучно, доктор? — поинтересовалась она, описывая плавные круги над лодкой.

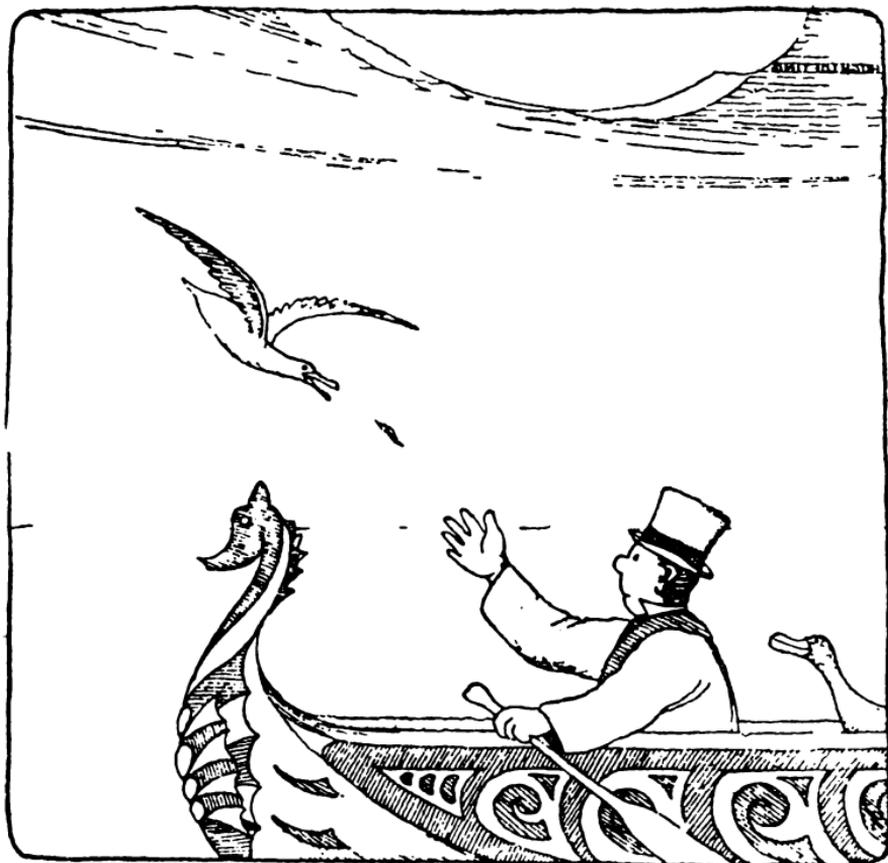
— Благополучно, — ответил доктор и с хрустом надкусил подаренный огурец. — Зритель набил себе большую шишку на лбу, но скоро она заживет. Если бы не ты и не канарейка, корабль непременно разбился бы.

Доктор выбросил в море хвостик от огурца, и чайка стремительно бросилась вниз и подхватила его у самой воды.

— Я очень рада, что корабль не утонул, — сказала чайка.

— А почему ты так забеспокоилась из-за погасшего маяка? — спросил доктор и пристально посмотрел на кружившую над лодкой чайку. — По-моему, вам, чайкам, нет дела до людей и их кораблей.

— Вы ошибаетесь, доктор, — ответила чайка и ловко поймала в воздухе еще один огуречный хвостик. — Без людей и кораблей нам пришлось бы совсем туго, особенно в северных широтах. Когда начинаются холода, рыба уходит в глубину и нам становится трудно добывать пи-

шу в море. Иногда мы залетаем даже в города, к прудам и паркам. Люди бросают рохлям голубям куски хлеба, и тогда мы хватаем их на лету, вот так. — И чайка подхватила еще один огуречный хвостик.

— А при чем тут корабли? — спросил доктор.

— Дело в том, что не очень-то честно отнимать пищу у городских птиц, — призналась чайка. — Мы залетаем в города, только когда у нас не остается другого выхода. А если лететь за большим кораблем, то всегда можно чем-нибудь поживиться. Два года тому назад я с сестрой всю зиму прожила возле кораблей, которые ходили в Китай за чаем, но потом мы пристроились к кораблям, плавающим из Глазго в Филадельфию и обратно, и не прогадали. Публика на этих кораблях сытая — то они не едят, это

они не любят, а как только разыгрывается шторм, все, что приготовил повар, летит за борт. Представляете, утром нам выбрасывали кексы, после обеда печенье, а вечером, случалось, даже угощали хлебом с сыром. Так что, как видите, доктор, люди и корабли нам далеко не безразличны.

— Это очень занятно, — пробормотал доктор. — А приходилось тебе видеть кораблекрушение?

— И не раз, — ответила чайка. — Бывает, в корабль бьет молния, иногда корабли топят буря, иногда они сталкиваются между собой в тумане...

Так за беседой они добрались до почтового плота. С кухни тянуло чем-то вкусным. Тяни-толкай созывал зверей к обеду.

— Ну вот мы и дома, — сказал доктор, причалил лодку к плоту и спросил чайку: — Не согласишься ли ты пообедать вместе с нами. Мне хотелось бы порасспросить тебя о кораблях и о том, какие опасности их подстерегают.

— Спасибо, с удовольствием, — согласилась чайка. — Впервые меня приглашают за стол люди.

Крякки угощала чайку поджаренными хлебцами, а доктор все расспрашивал ее.

— Ты говоришь, что корабли сталкиваются в тумане. А вам, чайкам, туман не помеха?

— Если мы попадаем в туман, — отвечала чайка, — то поднимаемся повыше, туда, где тумана нет.

— А как вы спасаетесь во время бури? Неужели вам сильный ветер не грозит гибелью?

— В шторм даже нам, морским птицам, приходится несладко. Мы, чайки, даже не пытаемся сопротивляться ветру. Буревестники это любят, но для нас это слишком опасная игра. Обычно мы летим куда нас несет, а потом, когда буря стихает, возвращаемся обратно.

— Но ведь на это у вас уходит уйма времени, — заметил доктор. — Это так неудобно — улетать с бурей за тридевять земель, а потом возвращаться обратно.

— Не так уж часто мы попадаем в бурю, — ответила чайка. — Морские птицы чувствуют приближение бури и обходят ее стороной. Редко, очень редко непогода застает нас врасплох.

— А как вы догадываетесь о приближении бури? И почему моряки не умеют угадывать погоду?

— Они только называют себя морскими волками, — презрительно сказала чайка. — А на самом деле они существа сухопутные. Да и зрение у нас намного острее, чем у людей. Когда мы взлетаем повыше, наши глаза видят все на пятьдесят миль в округе. Так что и грозовые тучи мы замечаем намного раньше, чем люди. К тому же нам ничего не стоит убежать от бури, потому что летаем мы быстрее любого ветра. Моряки говорят, что они всю жизнь проводят на море, но разве это так? Как бы то ни было, а все же полжизни они проводят на суше. А когда выходят в море, то или спят в каютах, или дряют палубу. Редко кто из них внимательно всматривается в море.

— Наверное, им скучно смотреть на море, — вступился доктор за моряков.

— Может быть, и скучно, — согласилась чайка. — Но вы посмотрите на нас, морских птиц. Мы с детства, как только вылупляемся из яйца, вглядываемся в море, вглядываемся в него днем и ночью, весной, осенью, летом и зимой. Море — наш дом, и кому, как не нам, знать его лучше всех. Спасибо, — кивнула она головой утке и клюнула свежеподжаренный хлебец, который та положила ей на тарелку. Расправившись с хлебцем, чайка продолжала: — Вы можете выпустить меня из темного сундука в любом уголке океана, и я сразу же скажу вам, где мы находимся.

— Поразительно! — изумился доктор. — И как же ты это узнаешь?

— По рыбам и птицам, по медузам и крабам, по тому, как бежит рябь по воде, или по тому, как вздымаются вверх большие волны, по цвету, запаху и вкусу воды. Вы можете завязать мне глаза, и я берусь узнать место даже по ветру. Разве моряки так могут? Конечно, они отличают северный ветер от восточного, но не больше. А мы выросли среди ветров, среди бурь и ураганов, поэтому даже по легкому дуновению узнаем, какая будет погода.

Глава 6

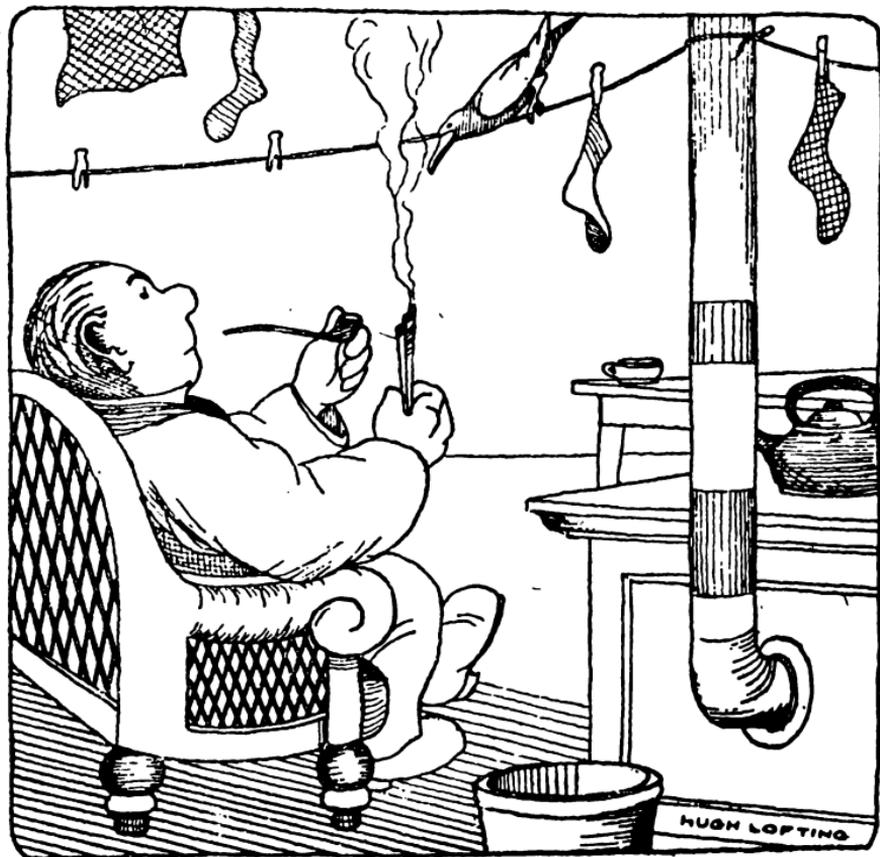
СЛУЖБА ПОГОДЫ

После обеда доктор Дулиттл сел в кресло и закурил любимую трубку.

— Твой рассказ о морях и ветрах навел меня на любопытную мысль, — сказал он чайке. — Ведь многие птицы, которые разносят письма, хорошо предсказывают погоду. Почему бы нам на нашей почте не открыть службу погоды?

О'Скалли, который убирал со стола, удивленно посмотрел на доктора и спросил:

— А что такое служба погоды? Кто кому будет служить: мы ей или она нам?

Никто никому служить не будет, — ответил доктор. Это очень важное дело, без него не могут обойтись ни моряки, ни крестьяне. В службе погоды работают люди, их называют метеорологами, которые предсказывают погоду.

— И как им это удается? — удивился Хрюкки.

— В том-то и дело, что плохо удается, — сказал доктор. Иногда метеорологи предсказывают погоду правильно, иногда — нет. У них есть умные приборы, и они ими все время измеряют давление воздуха, температуру воздуха, влажность воздуха, силу ветра. Я думаю, что с помощью птиц это получится лучше. Ведь птицы не ошибаются.

— А для каких стран вы собираетесь предсказывать погоду? Если только для Фантиппо или даже для всей Западной Африки, то это проще простого. Разве что иногда здесь бывают штормы и ураганы, а в остальное время стоит адская жара. А вот предсказывать погоду в Магеллановом проливе или на Новой Земле я не возьмусь. Уж больно часто она там меняется. Я уж не говорю про Англию. Там погода меняется не то что каждый день — каждый час.

— Чем тебе не нравится английская погода? — чирикнул Горлопан и воинственно нахохлился. — Ты зачем тычешь клювом в нашу старую добрую Англию? Может быть, ты еще здешнюю жару назовешь погодой? Да это настоящая турецкая баня. Да, погода в Англии меняется, но так жить веселее. Поэтому у настоящих англичан свежие, розовые лица, а бедолаги туземцы изжарились до черноты, смотреть жалко...

— Я бы хотел, — перебил доктор расходившегося не на шутку Горлопана, — предсказывать погоду для всех стран. Ведь к нам прилетают птицы отовсюду, а те, которые не прилетают, могут сообщать мне через других птиц, какую ждут погоду. Вы представляете, как это было бы полезно? Крестьяне во всем мире знали бы, когда сеять и когда убирать, когда будет дождь, а когда нет. А ранние морозы? А град? Сколько убытков они приносят крестьянам!

— Боюсь, — сказала чайка, — что я не смогу помочь ни вам, ни крестьянам. Я ничего не смыслю ни в ранних овощах, ни в погоде на суше. Море — другое дело, если

вы хотите, я познакомлю вас с одной птицей, которая расскажет вам о погоде на море больше, чем все метеорологи земли, вместе взятые.

— Кто это? — спросил доктор.

— Буревестник, старый, как мир, — ответила чайка.

— Он что же, будет предсказывать нам только бури? — усмехнулся О'Скалли. — А кто возьмется за хорошую погоду?

— Он возьмется за любую погоду, — не растерялась чайка. — Никто не знает, сколько ему лет, мы зовем его Одноглазым. Когда-то он подрался с морским орлом из-за камбалы. Камбалу он отбил, но потерял глаз. Он лучший предсказатель погоды из всех, кто когда-либо жил на свете. Он еще ни разу не ошибся, и все морские птицы спрашивают его совета.

— И ты еще спрашиваешь, хочу ли я с ним познакомиться? — вскричал доктор. — Конечно, хочу!

— Он живет не так далеко отсюда — в скалах у побережья Анголы. Он уже плохо видит и не может охотиться на больших рыб, а там на камнях очень много устриц. Одноглазый облетел весь мир, и теперь ему скучно коротать дни на скалах. Он очень обрадуется, когда узнает, что сам доктор Дулиттл зовет его в гости.

Джон Дулиттл потирал руки от удовольствия.

— Скорее, скорее зови его в гости! Надеюсь, мы подружимся с Одноглазым и он нам поможет в службе погоды.

Чайка поблагодарила доктора и Крякки за обед и тотчас же отправилась к буревестнику по имени Одноглазый. Заодно она захватила в клюв несколько почтовых открыток, которые король Коко написал своему дальнему родственнику, правившему в Анголе.

Поздней ночью чайка вернулась. Вместе с ней на плот сел огромный старый буревестник. Удивительное дело — он был ужасно похож на старого моряка из тех, что гордо именуют себя морскими волками. Он пропах рыбой, его трепали страшные бури и ураганы, его единственный глаз смотрел на мир хищно и устало, а на пустой глазнице не хватало черной повязки.

— Служба погоды? — сказал он. — Здорово придумано, клянусь камбалой! Я буду не я, если мы это не сдела-

ем и наша служба не станет лучшей в мире. Утром нос всем этим людишкам, которые зазнались и в грош не ставят нас, прирожденных моряков.

Утке старый буреветник не понравился. Она презрительно пробормотала: «Бродяга!» — и гордо удалилась на кухню. Поросенку он тоже пришелся не по душе — какие страшные клювы и когти! — и он засеменил за Крякки.

Но Одноглазый не почтил их вниманием. Он прилетел к славному доктору Дулиттлу и говорил только с ним. Часа полтора, не меньше, буреветник рассказывал доктору о ветрах, а тот слушал его как зачарованный.

Что такое погода? Это дождь или жара, холод или засуха. Дождь идет из туч, а их гонит по нему ветер. И куда повернет ветер, туда он несет и тучи. Ветер приносит холод с гор, где лежат вечные льды, с Северного и Южного полюсов. И если в четверг в проливе Ла-Манш идет дождь, а ветер юго-западный, то в Англии заморосит не позже, чем в пятницу утром.

Поэтому доктор Дулиттл попросил всех птиц сообщать ему, где какая погода и куда дует ветер. А перелетные птицы, как известно, знают даже, когда и как изменится ветер. А во время своих перелетов через океан они видят, где собираются грозные облака, где надвигается буря.

Через неделю доктор Дулиттл вывесил у двери почты первое объявление. На нем крупными красивыми буквами было написано:

**СЛУЖБА ПОГОДЫ СООБЩАЕТ:
НА МАРШРУТЕ САНДВИЧЕВЫ ОСТРОВА — МЫС ГОРН
СИЛЬНЫЙ БОКОВОЙ ВЕТЕР.
НА ПОБЕРЕЖЬЕ ЧИЛИ ГРОЗЫ.
В ЛОНДОНЕ ПРОЛИВНОЙ ДОЖДЬ.
ПОСЫЛКИ СО СЛАДОСТЯМИ
НЕ ПРИНИМАЮТСЯ ДО ПОНЕДЕЛЬНИКА.**

А те птицы, которые зимуют в своих странах, сообщили доктору Дулиттлу, какой выдался урожай ягод, орехов и грибов и какую следует поэтому ожидать зиму. Даже люди подметили, что если рябины много и созревает она рано, то зима будет холодной. Но птицы знают намного больше примет — по землянике, чернике, ежевике, мали-

не, вишням и даже яблокам. Доктор Дулиттл рассылал письма крестьянам в разные страны и предупреждал их: весна у вас в этом году будет ранняя и сухая, а лето — дождливое. И крестьяне, вместо того чтобы сеять горох, сажали капусту — она хорошо родится в сырую погоду.

Туземцы королевства Фантиппо раньше боялись выходить в море. В тех краях бури обычно налетали внезапно и топили маленькие лодки. Теперь море было им не страшно. Парусники заменили выдолбленные из стволов деревьев лодки, плавать стало легко: за два, а то и за три дня чернокожие моряки узнавали, когда задует попутный ветер. Народ Фантиппо превратился в торговцев, их корабли пошли к северу и к югу, добрались до мыса Доброй Надежды, обогнули Африку и вышли в Индийский океан.

Королевство богатело, а больше всех богател сам король Коко. Он нарадоваться не мог на почту и службу погоды доктора Дулиттла.

— Просите чего хотите, — великодушно предлагал доктору король Коко, когда приплывал на почтовый плот пить чай с булочками. — Хотите почтовый плот в два раза больше этого и из черного дерева? Мне не жалко.

— Ваше королевское величество, — усмехался доктор Дулиттл, — плот из черного дерева утонет. Лучше выдайте нам два мешка муки для булочек и пришлите корм для птиц.

Прошло совсем немного времени, и о службе погоды доктора Дулиттла заговорили. Английские крестьяне, которым писал Джон Дулиттл, отправились в Лондон и сказали там:

— Зачем мы платим налоги? Королевская служба погоды путает засуху и ливни, а доктор Джон Дулиттл сидит в Африке и сообщает нам, что в четверг будут заморозки, но уже к обеду потеплеет. И хотя бы раз ошибся! Долой королевских метеорологов, хватит кормить бездельников!

Что было делать правительству? Когда подданные чего-то требуют, правительство должно подчиниться. И оно послало главного королевского метеоролога, важного седого господина, в Фантиппо выяснить, каким образом Джон Дулиттл предсказывает погоду.

В один прекрасный день важный седой господин пришел на почтовый плот доктора. Он долго ходил по плоту, заглядывал в воду, в почтовые ящики, в шкафы. Потом он пил чай с булочками под навесом, выгучил наизусть прогноз погоды, висевший на доске у входа на плоту, и ускал восвояси.

Королевский метеоролог так и не сумел разгадать тайну Джона Дулиттла и вот что сообщил своему правительству: «Доктор Джон Дулиттл не пользуется никакими приборами. Он отпетый мошенник. Единственное, что у него есть, — это старый плот, вокруг которого носятся стаи грязных птиц».

Глава 7

ЗНАНИЯ — ПОЧТОЙ

Когда О'Скалли говорил, что доктора Дулиттла завалят письмами, он как в воду глядел. Но не все обстояло так, как предсказывал пес. Сначала звери и птицы и вправду спрашивали доктора Дулиттла, что он ест на завтрак и как одевается. Но потом они поняли, какие выгоды им сулит почта.

Вскоре бедняга доктор утонул в потоке писем. Каждую свободную минуту он теперь тратил на ответы.

О чем его только не спрашивали! У кого-то болели рога, у кого-то копыта, зубы, хвосты, головы, плавники и ноги — болело все. И доктор терпеливо объяснял всем, чем следует лечиться.

А однажды ему написали эскимосские собаки и пожаловались, что стали лысеть. Не то чтобы лысеть полностью, а шерсть у них выпадала и становилась редкой и уже не защищала от холодных северных ветров.

— Бедняги, — пробормотал доктор. — Надо бы им помочь.

Он всю ночь смешивал лекарства и к утру приготовил мазь. Воюла она так сильно, что даже привыкший ко всему Горлопан не выдержал и расчихался.

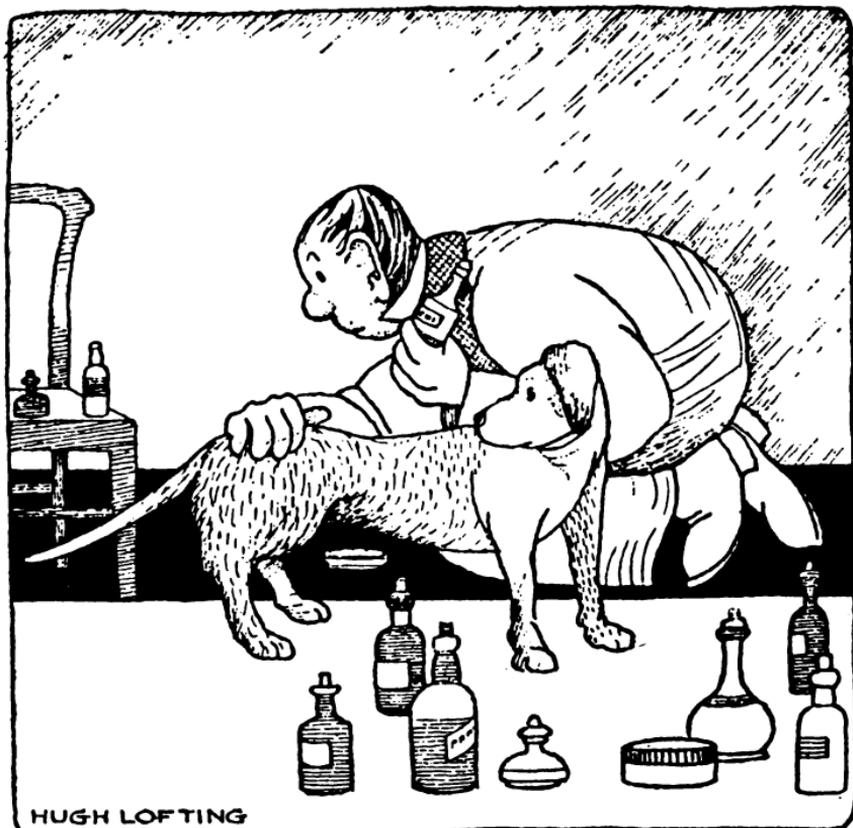
— А эта мазь поможет, доктор? — спросил О'Скалли. Он очень беспокоился за своих эскимосских родственников.

— А вы опробуйте мазь на мне, — вмешался поросенок. — Намажьте мне шею и хвост, на них вырастут длинные волосы, и я буду похож на лошадь.

— Лошадь с пяточком? — фыркнул О'Скалли. — Нет уж, если вам нужно опробовать мазь, опробуйте ее на мне.

Доктор согласился и втер мазь в бока О'Скалли. Пес терпел, хоть и морщился от неприятного запаха. Он даже на неделю потерял нюх. Зато шерсть у него стала густая и мягкая.

Теперь было ясно, что лекарство поможет эскимосским собакам, и доктор отослал его на север по почте.

А письма продолжали приходить. Звери спрашивали, как и от чего лечиться, из чего лучше строить гнезда, чем кормить детей, чтобы они росли крепкими и здоровыми. А иногда спрашивали такое, на что ответить было очень и очень непросто даже доктору Дулиттлу. Так, одна молодая устрица спросила, почему на море бывают отливы и приливы и нельзя ли их остановить.

Сначала доктор отвечал на каждое письмо, но потом перестало хватать времени, и он написал две-три дюжины книг «Как ухаживать за детьми», «Пособие для молодых кроликов», «Свинячья энциклопедия», «Уход за рогами и копытами» и другие. Теперь доктор рассылал зверям книги, а те читали их и узнавали много нового.

Особенно часто они просили выслать им «Сказки для детенышей-зверенышей» и «Правила хорошего звериного тона». В «Правилах» доктор учил зверей: «Никогда нельзя употреблять в разговоре выражения «как собак нерезанных», «драная кошка», «бред сивой кобылы» и «заячья душа». И никогда не чавкайте за едой, даже если у вас зверский аппетит...»

Но звери все равно продолжали писать доктору Дулиттлу. Вот какое письмо прислала ему одна молоденькая свинка из Патагонии:

«Дорогой доктор Дулиттл!

Я с большим удовольствием прочитала книгу о хорошем зверином тоне. К сожалению, там не так уж много написано о хорошем свинском тоне, а мне хочется знать, как должны себя вести мы, свиньи. Я скоро выхожу замуж и уже ношу в носу обручальное колечко. К нам придут гости, а я не знаю, удобно ли будет попросить их принести на свадьбу вместо цветов пучки морковки.

С уважением

Каролина Корейка».

И вот что ответил ей доктор:

«Дорогая Каролина!

Разве может быть лучше подарок, чем свежие овощи? А если у морковки оставить зеленые хвостики, то она станет украшением праздничного стола. Сердечно поздравляю со свадьбой.

Джон Дулиттл».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1

ЖУРНАЛ ДЛЯ ЗВЕРЕЙ

По вечерам, когда наступали сумерки, Джон Дулиттл и его звери усаживались, как и в Паддлеби, возле очага и коротали время за разговорами. Огонь в очаге они, правда, не зажигали, потому что в Африке и без того слишком жарко.

Вот так, сидя на уютной кухне, где благодаря Крякки все сверкало чистотой, звери рассказывали друг другу занятные истории. Слава об этих вечерах быстро разошлась по всему свету, и однажды доктор получил письмо от белых медведей.

«Господин доктор, — писали они. — Не могли бы вы прислать нам книгу с веселыми и забавными рассказами? В долгую полярную ночь бывает невыносимо скучно среди льдин и снегов. Мы уже рассказали друг другу все истории, какие только знали».

В тот же день к вечеру звери доктора Дулиттла снова собрались на кухне.

— Расскажите нам что-нибудь интересное, — попросил доктора О'Скалли.

— Может быть, сегодня обойдемся без рассказов? — возразил доктор. — Поиграйте лучше в прятки.

— Нет, наш плот слишком маленький для игры в прятки, — сказала Крякки. — В прошлый раз Хрюкки едва не свалился в воду. А тяни-толкаю даже спрятаться негде. Расскажите нам что-нибудь, вы так много знаете.

— Что же вам рассказать? — спросил доктор.

— Историю о грядке морковки, — подсказал поросенок.

— Ну нет, — возразил О'Скалли. — Это скучная история. А вы сделайте так, как часто делали в Паддлеби: вытаскивайте все из карманов, наверняка с одним из предметов связана какая-нибудь история.

— Хорошо, — согласился доктор. — Я расскажу вам что-нибудь, но сначала давайте поговорим вот о чем. Сегодня я получил письмо от белых медведей. Ночи на севере очень длинные, жить среди льдов и снегов скучно, вот они и просят прислать им книгу рассказов. Мне сейчас пришла в голову мысль, что лучше будет выслать им не книгу, а издать для всех северных животных — медведей, моржей, тюленей — журнал. Он будет выходить раз в месяц, а назовем мы его «За полярным кругом». Рассылать журнал будем по почте с помощью чаек и гагар. Гагарам холода не страшны, и они доставят журнал хоть на Северный полюс. Трудность не в этом, а в том, что в журнале должно быть много всяких историй и рисунков. Давайте сделаем так: каждый вечер мы будем рассказывать по очереди истории, а потом напечатаем их в журнале. А читатели выберут рассказ, который им больше всего понравился.

— Вот здорово! — воскликнул поросенок. — А я в журнале буду вести колонку садоводов-огородников!

— Опять овощи! — хмыкнул О'Скалли. — Белые медведи не едят морковку.

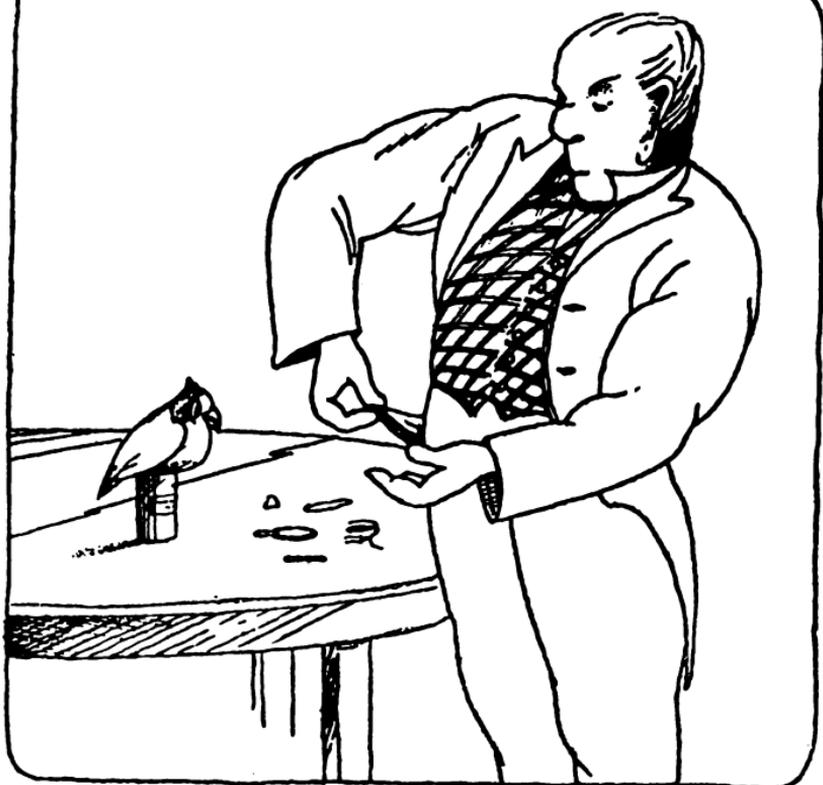
— Ну и что? — не сдавался поросенок. — Я вышлю журнал диким свиньям, им это будет интересно. Начи-айте ваш рассказ, доктор.

Джон Дулиттл сунул руку в карман и вытащил оттуда уйму всяких вещей. Перед ним на столе лежали шнурки, вязальная спица, перочинный ножик со сломанным лезвием, две пуговицы, кусок медной проволоки, увеличительное стекло, огрызок карандаша и штопор.

— Да, — разочарованно протянул доктор, — о таком хламе и рассказать-то нечего.

— А вы посмотрите в карманах сюртука, — подсказала утка. — Ведь вы не надевали его с тех пор, как мы отплыли из Паддлеби. Наверняка там найдется что-нибудь поинтереснее.

Доктор Дулиттл вывернул карманы сюртука. Теперь перед ним на стол легли сломанные часы, огарок свечи, гнутая монетка и градусник.

— А что это такое? — спросил поросенок и ткнул копытцем в градусник.

— Это градусник, — ответил доктор. — Им меряют температуру людям, чтобы определить, больны они или здоровы. Вот я и вспомнил...

— Историю! — воскликнула сова.

— Я так и знал! — сказал пес. — Как только вы вытащили из кармана градусник, я сразу же догадался, что с ним связана какая-нибудь история. Как вы ее назовете?

Доктор устроился поудобнее в кресле и сказал:

— Назову-ка я эту историю «Забастовка больных».

— Каких больных? — спросил Хрюкки.

— А что такое забастовка? — спросил тьяни-толкай.

— Это были обычные больные, которые только и знали, что болеть да лечиться от всего на свете. А забастов-

ка — это когда люди перестают делать то, что им положено делать.

— Так что же больные перестали делать? — спросила белая мышь. — Болеть или работать?

— Нет, — ответил доктор, — они перестали лечиться, и вот что из этого вышло...

— Погодите минутку, не начинайте рассказывать, — вдруг хрюкнул поросенок. — Я пересяду поближе, мне здесь неудобно сидеть, да и слышно плохо.

— Наказание ты мое! — недовольно крикнула утка. — И то тебе не так, и то не этак.

Но поросенок не ответил на ворчание Крякки. Он уже подбежал к доктору Дулиттлу и пристроился у его ног.

— Все головы? — спросил доктор и обвел глазами притихших зверей. Затем он закурил свою любимую трубку и начал рассказ.

Глава 2

РАССКАЗ ДОКТОРА ДУЛИТТЛА

Много лет тому назад я был молодым, подающим надежды врачом и сам был полон надежд. Я только-только получил диплом и первым делом купил этот градусник. Я считал себя хорошим врачом, я знал все болезни и все лекарства, но люди не хотели у меня лечиться. Больные — в большинстве своем предпочитают докторов-стариков. Прошло несколько месяцев, а у меня не появилось ни одного пациента. Мой новый градусник так и лежал без дела, и у меня не было возможности проверить, правильно ли он работает. Я не мог даже проверить его на себе, потому что здоровье у меня было завидное. Я попробовал простудиться и стал выходить в дождь без шляпы и плаща, но лишь закалился и стал еще здоровее. Я чуть не плакал от обиды.

В то же время я познакомился с другим молодым врачом. Он был в не лучшем положении, чем я. У него тоже не было ни одного пациента. А как известно, деньги вра-

чу платят пациенты. Звали его Корнелий Фиппс. И вот однажды он сказал мне: «Я знаю, что нам делать. Мы должны открыть санаторий».

— А что такое санаторий? — перебил доктора Хрюкки. Остальные звери на этот раз не рассердились на него, потому что и сами не знали, что такое санаторий.

— Санаторий, — объяснил доктор, — это такая лечебница, где больные и лечатся и отдыхают. Я сразу же согласился с Корнелием, мы сняли неподалеку от Лондона усадьбу в деревне, закупили кресел-каталок, грелок, стетоскопов и многое другое, что так нравится больным. Фиппс дал объявление в газетах, что мы открываем санаторий, и вскоре к нам прибыли первые пациенты. Желающих лечиться в санатории было так много, что наша усадьба даже не смогла вместить всех, а мой градусник перегрелся. Мы стали хорошо зарабатывать, потому что лечились у нас люди состоятельные, платили не скупясь. Фиппс был счастлив. А меня мучила совесть, потому что ни один наш пациент не выздоровел. В конце концов я отважился на серьезный разговор с Корнелием Фиппсом.

— Корнелий, — сказал я ему, — от нас еще не уехал ни один пациент. Это значит, что мы работаем из рук вон плохо.

— Наоборот, Джон, — ответил мне Фиппс, — мы прекрасно работаем. Зачем им уезжать? Пока они здесь, они нам платят. Чем дольше они у нас погостят, тем больше денег мы заработаем.

— Это бесчестно! — возмутился я. — Я стал врачом, чтобы лечить людей, а не наживаться на их болезнях и несчастьях.

Мы крепко поссорились.

— Я больше не хочу работать здесь и обманывать больных, — заявил я. — Завтра утром я уезжаю, и ноги моей не будет в санатории.

В гневе я покинул кабинет Корнелия и зашагал к себе. И надо же было так случиться, что в коридоре мне встретился господин Тимоти Кисби. Он ехал в кресле-каталке, ходить он уже давно не решался. Господин Кисби был самым богатым нашим пациентом.

— Измерьте мне температуру, — сказал он мне. — Меня знобит.

— Это была последняя капля. До сих пор мне не удалось обнаружить у господина Кисби никакой болезни, хотя он постоянно жаловался то на холод, то на жару, то на боли в суставах, то на простуду. Я и сегодня уверен, что господин Кисби сам выдумал свои недомогания. К тому же я был в плохом настроении, поэтому не стал мерить ему температуру, а закричал:

— Вы притворщик, а не больной!

Боже, что тут началось! Господин Тимоти остолбенел от неожиданности, а когда пришел в себя, позвал Корнелия Фиппса и потребовал, чтобы я извинился.

— Ну что тебе стоит извиниться перед ним? — шептал мне на ухо Фиппс. — Ты же перессоришь меня со всеми пациентами.

— Нет, нет и нет, — наотрез отказался я. — Этот господин притворщик и никогда не дождетя от меня извинений.

— Ах так? — вспыхнул Кисби. — Тогда мы объявляем забастовку!

И произошло невероятное. До того господин Кисби был настолько слаб, что даже не мог ходить. И вдруг он вскочил с кресла-каталки, выхватил из рук Фиппса стетоскоп и, размахивая им над головой, побежал с воинственным кличем по санаторию. Он собрал всех больных и стал склонять их к забастовке, жалуясь на то, что я его обидел.

Больные послушались его. Это была даже не забастовка, а настоящий бунт. Они отказались принимать лекарства, за ужином они ели только то, что им было запрещено. Те, кому предписывалась вечерняя прогулка, остались в доме, а те, кому советовали избегать сквозняков, побежали гулять по лугам. А вечером они, словно мальчишки, устроили сражение на подушках и грелках.

На следующий день все они собрали вещи и уехали. Это был бесславный конец нашего санатория.

Но самое странное я узнал потом: забастовка пошла на пользу нашим больным. Они отказались от лекарств, от грелок, от кресел-каталок, стали ходить, двигаться, есть обычную пищу и выздоровели. Мне не очень-то повезло как санаторному врачу, но все же я вылечил больше больных, чем обманщик Фиппс...

Глава 3

РАССКАЗ ХРЮККИ

Следующим вечером звери после ужина снова уселись на кухне возле очага.

— Чья сегодня очередь рассказывать историю? — спросил доктор Дулиттл. — Не твоя ли, Хрюкки?

— Пусть лучше молчит и слушает других, — проворчал О'Скалли. Он был невысокого мнения о способностях поросенка.

— Хрюкки еще слишком молод, — сказала утка. — Что интересного он может нам рассказать?

— А если и расскажет что-нибудь, — вставила свое слово сова, — то непременно об овощах.

— Нельзя же так! — воскликнул доктор Дулиттл. — Ну что вы все накинулись на беднягу Хрюкки? Нельзя ему ставить в вину молодость. Пусть сегодня он расскажет нам свою историю. Как знать, может быть, именно его рассказ читатели журнала назовут лучшим. Иди сюда, Хрюкки, и начинай, не стесняйся.

Хрюкки смущенно переступил с ноги на ногу, залился румянцем и наконец выдавил из себя:

— Это очень интересная история... про свиней. Ну что вы хохочете? Мы тоже можем быть сильными и смелыми. Я назвал эту историю «Волшебный огурец».

— Волшебный огурец? — хмыкнул О'Скалли. — Чувь какая-то!

— Конечно же про еду! — заворчала сова. — Я ведь вас предупреждала!

— Рассказывай, Хрюкки, — подбодрил поросенка доктор Дулиттл. — Не обращай на них внимания.

— Жил-был один веселый поросенок, — начал Хрюкки. — И была у него мама-свинья. Они вместе часто ходили в лес полакомиться трюфелями. Это такие грибы, но растут они под землей.

В тот день мама-свинья и ее поросенок отправились под большой дуб на опушке леса. У мамы был замечательный нюх. Стоило ей один только раз понюхать землю, и она уже знала, где растут трюфели. Под дубом они разрыли землю и нашли огромный и вкусный-превкус-

ный трюфель. Пока они ели, из-под земли вдруг послышались голоса.

Свинья не любила волшебство. Поэтому она схватила в охапку сына и помчалась домой. Но любопытный и смелый поросенок дождался ночи и, когда родители уснули, потихоньку выбрался из хлева и отправился в лес. Ему очень хотелось узнать, что за голоса слышались из-под земли.

Он пришел к большому дубу и снова стал рыть землю. И вдруг земля под ним провалилась и он полетел вниз. От страха он зажмурил глаза, а когда открыл их, то увидел, что лежит на длинном обеденном столе. Посреди стола стояла супница с супом. В нее-то и упал поросенок.

Вокруг стола сидели маленькие человечки, они были даже меньше поросенка. Кожа у них была темно-зеленая, но они были совсем не страшные.

— Куда я попал? — спросил поросенок.

— В суп, — ответил один из человечков.

Поросенок сначала съел весь суп и только потом выбрался из супницы.

— Кто вы такие? — спросил он человечков.

— Гномы-поварята, — ответили ему. — Мы живем под землей и одну половину жизни придумываем новые блюда, а вторую — едим их. А днем ты слышал наш обеденный гимн. Мы всегда его поем, когда нам удается приготовить что-нибудь особенно вкусное.

— Ура! — обрадовался поросенок. — Очень подходящее для меня общество. Может быть, мы пообедаем вместе?

Суп уже был съеден поросенком, и гномы подали на стол огромное блюдо с тушеной капустой и морковкой. И вдруг послышались крики, дверь распахнулась, и в столовую гномов ворвались человечки с кожей огненно-красного цвета. Это были тролли, извечные враги гномов-поварят.

Гномы схватили вилки и стали разить ими как копьями. Некоторые размахивали как дубинами щипцами для орехов, третьи прикрывались крышками от кастрюль сплошь щитами. Сражение шло не на жизнь, а на смерть.

Конечно, поросенок встал на сторону своих новых друзей, гномов-поварят. Он с громким хрюканьем по-

силса по столовой, сбивал с ног троллей, топтал их копытами. И тролли с позором бежали с поля боя.

Когда столовую очистили от врагов и от осколков разбитой посуды, гномы поблагодарили поросенка за помощь. Если бы не он, пришлось бы им туго. Они возложили ему на голову венок из петрушки и сельдерея и усадили на почетное место за столом. И обед продолжился.

Никогда еще поросенку не случалось пробовать такие вкусные блюда. Да и сервировка была необычной. К рыбе подавали подушечки для иголок. Зачем? А потому что некрасиво укладывать рыбы кости на краю тарелки. Намного лучше втыкать их в подушечки. К молочному киселю подавали веер. Веером махали над тарелкой — и кисель быстро остывал. К десерту к большой корзине с фруктами подали тепшие ракетки. Если надо было передать яблоко на другой конец стола, его посылали ракеткой.

Поросенку очень понравилось в гостях у гномов-поварят, но задерживаться ему было нельзя. Когда обед кончился, он сказал:

— Мне пора. Если родители проснутся и заметят, что меня нет, мне влетит. Папа-кабан у меня строгий.

Гномам не хотелось расставаться с поросенком, но что же делать! На прощание они подарили ему огурец.

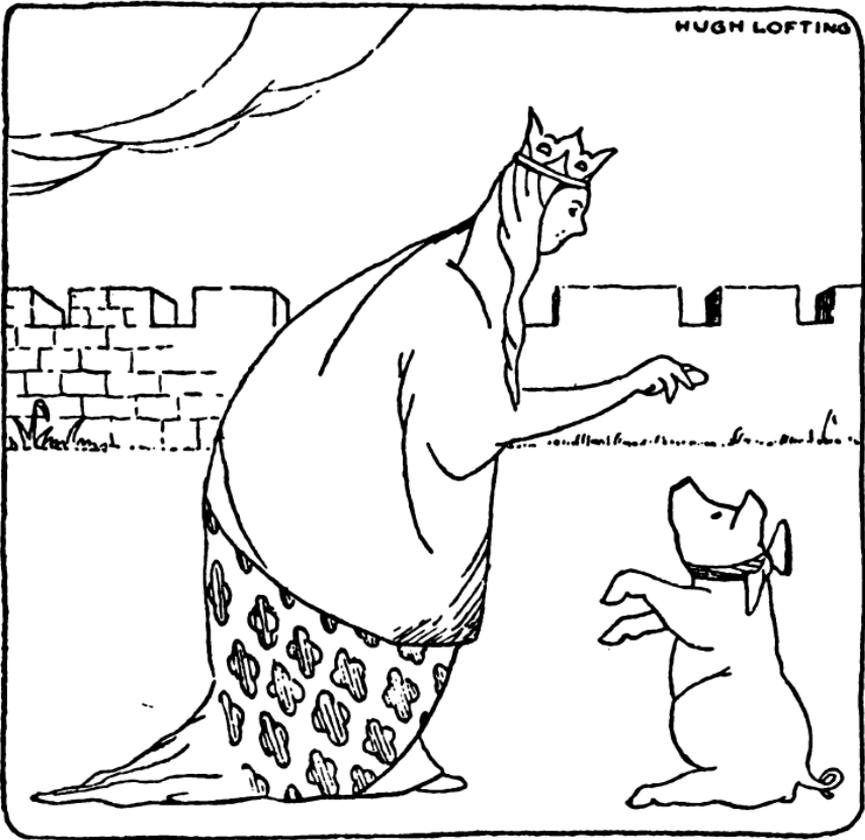
— Спасибо, но я уже сыт, — удивился поросенок.

— Это не обычный огурец, а волшебный, — сказали гномы. — Стоит отрезать от него маленький кусочек, посадить в землю, и тут же вырастет грядка овощей. Надо только назвать овощ. Скажешь «репа» — и вырастет репа, скажешь «морковка» — и вырастет морковка.

Поросенок поблагодарил гномов, расцеловал их всех по очереди и побежал домой.

Родители еще крепко спали, когда он вернулся в родной хлев. Поросенок спрятал огурец в углу и улегся спать.

Случилось так, что несколько дней спустя соседний король пошел войной на королевство, где жил поросенок. Несметные полчища врагов приближались к замку, где укрылись несчастные жители вместе со скотом и воины короля. Умный поросенок взял с собой в замок кусочек огурца.

Неприятель попытался взять замок штурмом, но воины короля храбро защищались. Тогда враги осадили замок.

— Ничего, скоро у них припасы кончатся и они сами нам сдадутся, — говорили они. — Мы возьмем их измором.

А королева заметила поросенка, и он ей очень понравился. Она очень любила животных. Королева повязала ему на шею зеленый бант, взяла его на руки, чесала его за ухом.

Подходил к концу первый месяц осады, все запасы уже были съедены, и король приказал зарезать поросенка. Королева в слезах бросилась на колени перед королем и просила его пощадить поросенка, но король был неумолим.

— Моим солдатам нечего есть, — говорил король. — Они голодают. Ты хочешь, чтобы я пожалел поросенка и погубил солдат?

Поросенок понял, что жизнь ему может спасти только волшебный огурец, подаренный гномами-поварятами. Он побежал в сад, вырыл пяточком ямку, бросил в нее кусочек огурца.

— Морковь! — тихонько хрюкнул поросенок, закапывая ямку. — Пусть везде растет морковь.

Не успел он произнести эти слова, как в королевском саду и в королевском огороде выросла морковь. Она росла везде, даже на тропинках, даже на клумбах с цветами. Теперь у короля и его солдат было вдоволь еды. Морковь придала им новых сил, они вышли за стены крепости, ударили по врагу и обратили его в бегство.

Король разрешил королеве оставить при себе любимого поросенка. Придворные наперебой баловали поросенка, кормили его всякими вкусностями, а в том месте, где он посадил волшебный огурец, ему построили большой замечательный хлев, даже не хлев, а настоящий свиный дворец, украшенный драгоценными камнями. И все жили весело и счастливо, и если не умерли, то живут еще и сегодня.

Вот так закончилась история про свиней и волшебный огурец.

Глава 4

РАССКАЗ КРЯККИ

— Молодец, Хрюкки, — похвалил поросенка пес. — Хотя у тебя только еда на уме, рассказ получился занятный.

Остальным зверям тоже понравился рассказ Хрюкки.

— А чью историю мы будем слушать завтра? — спросил доктор Дулиттл. — Может, ты нам что-нибудь расскажешь, Крякки?

— Я не мастерица рассказывать, — ответила утка, — но так уж и быть. Повидала я на своем веку немало.

Вечером следующего дня, когда все снова расселись у очага, утка пригладила перышки и начала свой рассказ.

В окрестностях Паддлеби живет крестьянин, который клянется, что его кошка понимает человеческую речь. Это, как вы понимаете, глупость, его кошка не понимает ни слова. Послушайте меня, и вы поймете, как случилось, что крестьянин и его жена поверили в чудеса.

В то время доктор Дулиттл уехал в Шотландию на поиски каких-то особых устриц, а я осталась дома присматривать за хозяйством. Однажды вечером наша старая лошадь пожаловалась мне, что в конюшне развелось много крыс и они воруют у нее овес из яслей.

О'Скалли уехал с доктором, задать трепку крысам было некому. Я бродила вокруг конюшни и ломала голову над тем, как уберечь от крыс овес. Вдруг из-за угла конюшни крадучись вышла большая белая пушистая кошка. По чести говоря, я котов не люблю. Во-первых, они воруют и едят маленьких утят, а во-вторых, кошкам нельзя верить.

— Что ты здесь делаешь? — сказала я строго кошке. — Ты зачем забралась в наш сад? Что ты здесь вынюхиваешь?

Обычно кошки не любят, когда им выговаривают, даже за дело. У них сразу же шерсть становится дыбом, хвост — трубой, а шипят-то, шипят... Но эта кошка была другой.

— Извините, — сказала она, — я случайно забрела к вам. Сейчас я уйду.

Мне стало совестно. Ведь сколько раз доктор Дулиттл говорил мне, что надо любезно встречать всех, кто к нему приходит. К тому же кошка ничего плохого мне не сделала.

— Погоди, — остановила я ее. — Если ты не собираешься охотиться на птиц в нашем саду, то можешь приходить к нам когда захочешь.

Мы разговорились, и я узнала, что кошка живет в крестьянском доме, милях в полутора от Паддлеби. Я рассказала кошке о крысах в конюшне и о том, как трудно с ними сладить. Они такие большие и сильные, а доктор Дулиттл слишком добр с этими нахалками и не разрешает ставить на них западни.

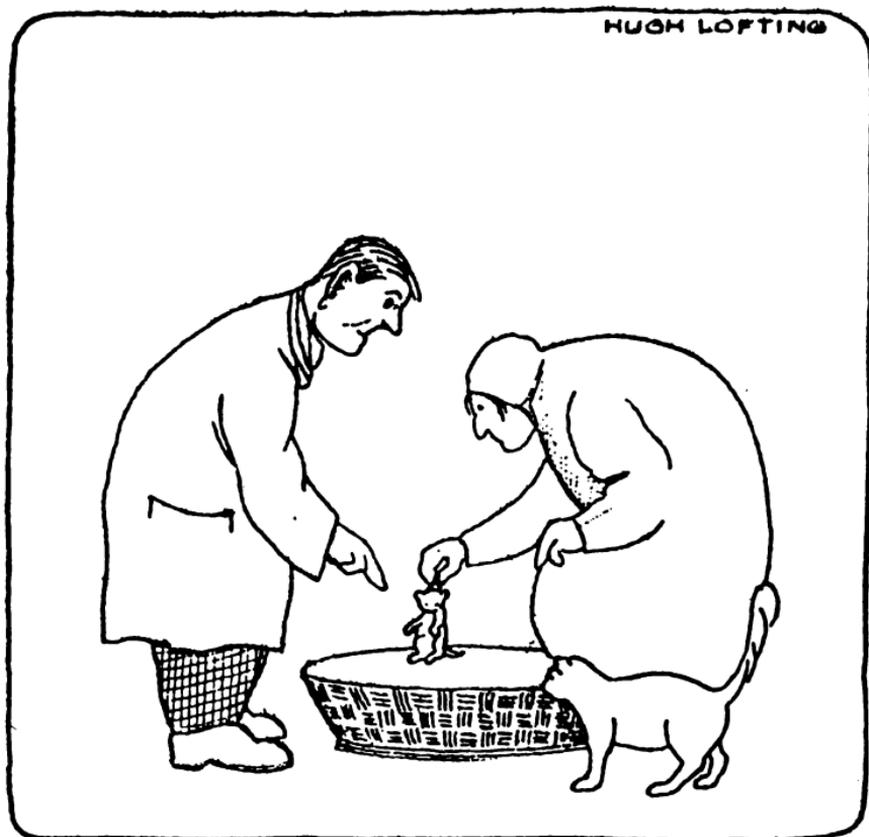
— Если вы не против, — предложила кошка, — я заночую у вас в конюшне. Крысы заметят меня и сразу же убегут.

Кошка провела ночь в нашей конюшне, и утром там уже не было ни одной крысы, а из яслей лошади не исчезло ни зернышка.

После того случая кошка не приходила к нам несколько дней. Я подумала, что стоило бы навестить ее и поблагодарить за услугу. Поэтому я собралась и отправилась за полторы мили в гости к кошке.

— Почему ты к нам не заглядываешь? — спросила я.

— У меня родились дети, — ответила кошка. — Шестеро маленьких котят, я не могу оставить их одних ни на минуту. Они живут в корзинке в спальне у хозяев. Пойдем, я покажу их тебе. Они такие милые!

В спальне на полу стояла круглая корзинка, а в ней на сиденье лежали шестеро котят. Они и вправду были очень милые. Пока мы их смотрели, на лестнице раздались шаги. Я испугалась: придут хозяева и поднимут крик: «Откуда утка? Что она здесь делает?» Чего доброго, им еще взбредет в голову приготовить меня с яблоками!

Поэтому я спряталась за шкаф.

Вошли хозяева, наклонились над корзинкой, погладили кошку с котятками и принялись разговаривать. Конечно, кошка не понимала ни слова, но я благодаря доктору Дулиттлу давно знала человеческий язык.

Крестьянин сказал жене:

— Придется нам оставить только одного котенка, а остальных завтра утопим в пруду. Незачем нам в доме столько котов. Какого ты хочешь оставить?

— Вот этого, черно-белого, — ответила жена.

Как только они ушли, я вышла из-за шкафа и сказала кошке:

— Я открою тебе тайну, но обещай мне, что ни ты, ни твои дети никогда и коготком не тронут ни одного утенка. Слушай: твой хозяин собирается завтра утопить котят в пруду, всех, кроме черно-белого. Поэтому сегодня ночью, как только хозяева уснут, унеси котят на чердак и спрячь их там хорошенько.

Кошка так и сделала. Наутро, когда хозяин пришел за котятками, в корзинке сидел только черно-белый, тот самый, которого хотела оставить его жена. Крестьянин никак не мог взять в толк, что же случилось. И только несколько недель спустя, когда хозяйка решила сделать уборку на чердаке, она обнаружила в углу на охапке сена котят. Хозяева поняли, что кошка спрятала своих детей и тайне выкормила их.

Но теперь котята подросли и могли сами о себе позаботиться. Они выпрыгнули в окошко и пошли своей дорогой.

С тех пор хозяин с хозяйкой верят, что их кошка понимает человеческий язык. Как же иначе могло случиться, что кошка догадалась, каких котят они собирались утопить? Теперь хозяева даже о соседях сплетничают шепотом, чтобы, не дай Бог, не услышала кошка.

Глава 5

РАССКАЗ БЕЛОЙ МЫШИ

— Чья сегодня очередь рассказывать историю? — спросил следующим вечером доктор Дулиттл, когда после ужина убрали со стола посуду.

— Белой мышки, — сказал О'Скалли.

— Так и быть, — согласилась мышь, — я расскажу вам историю моей молодости. Доктор Дулиттл знает ее, но вам будет интересно послушать.

Белая мышь пригладила усы, вильнула розовым хвостиком, блеснула черными глазками и начала:

— Нас в семье было семеро. Все мои братья и сестры были обычными серыми мышами, и только я одна в семье родилась белой.

— Как же ты будешь жить, моя деточка? — сокрушалась мать. — С такой шерсткой ты сразу же попадешь в лапы коту или сове.

Мы были городскими мышами и очень этим гордились. Наша норка находилась под мучным складом. Напротив, по другую сторону улицы, была лавка мясника, а рядом с ней — красильня, где красили ткани для одежды.

Когда мы подросли, родители научили нас всему, что надо знать самостоятельной мыши: как убежать от кошки или ласки, как вытащить из мышеловки кусочек сыру — и многому другому. И только глядя на меня родители печально качали головами, они не верили, что я, с моей белой шерстью, выживу в этом суровом мире.

И они были правы. В первый же день, когда я вышла на улицу, белая шерсть подвела меня. Сын мельника, нашего хозяина, увидел меня в ящике с овсом и закричал:

— Какая она беленькая! Я всегда хотел такую!

Он поймал меня и посадил в клетку.

Поначалу я места себе не находила от тоски. Убежать я не могла — проволочные прутья клетки были мне не по зубам. Но со временем я привыкла к жизни взаперти. Мальчишка оказался добрым, кормил меня, поил и никогда не обижал. Я привязалась к смешному толстенькому малышу. Время от времени он вынимал меня из

клетки и пускал погулять по столу. Иногда он сажал меня к себе на рукав, я бегала по нему, а малыш хохотал.

Все было бы хорошо, если бы не другие мыши. Они невзлюбили меня и что ни почь собирались у моей клетки, показывали на меня лапками и пищали:

— Смотрите, белая мышь! Ее приручили, сделали игрушкой.

В конце концов мне это надоело, и я придумала, как бежать из моей тюрьмы. Пол в клетке был деревянный, я прогрызла в нем дырочку, прогрызла крышку стола, на котором стояла клетка, — и была такова.

Стояла зима, везде лежал глубокий снег. Радуюсь свободе, я бросилась подальше от мучного склада, перебежала улицу и оказалась в красильне.

Там я встретила старую худющую крысу. Крыса сказала мне:

— Зачем ты пришла сюда, малышка? Поверь, здесь не лучшее место для жизни.

— Я ищу что-нибудь съедобное, — ответила я.

Старая крыса рассмеялась хриплым, старческим смехом.

— Здесь ты не найдешь ни крошки, — сказала она. — Здесь есть только краска разных цветов. — И крыса показала на огромные котлы, заполненные до краев краской. — Все съедобное, что здесь было, я уже давно съела. Выходить наружу что-нибудь поискать на улице я боюсь, потому что на крыше сарая сидят совы и подкарауливают меня. Все вокруг белым-бело, а я черная — и они сразу же заметят меня на снегу. Я почти умираю от голода. — И крыса покачнулась от слабости. — Но теперь все будет по-другому. Наверное, тебя послала ко мне добрая фея. Шубка у тебя белая, и ты можешь разгуливать под самым носом у сов. Они тебя все равно не заметят на снегу. Умоляю тебя, принеси мне что-нибудь поесть, все равно что. С тех пор как выпал снег, меня здесь держат словно в тюрьме. Днем — кошки, а ночью — совы.

Не долго думая, я выбежала на снег. Ясно светила луна. На крыше сарая сидели две большие страшные совы. Они вертели головами, оглядывали все вокруг, но меня не заметили. Верно говорят: нет худа без добра. И моя белая шубка сослужила мне службу.

Я добежала до помойки, нашла в ней горсть колбасных обрезков и принесла их голодной крысе. Клянусь моими усами, я никогда в жизни не видела, чтобы кто-нибудь так быстро и жадно ел. Наконец крыса насытилась и сказала:

— Спасибо тебе, малышка. Теперь мне намного лучше. Расскажи мне о себе.

Я рассказала крысе, что сбежала из клетки, где мальчик держал меня для развлечения.

— Но как я буду жить дальше — ума не приложу, — жаловалась я крысе. — До сих пор из-за моей белой шубки у меня были сплошные неприятности. Кошки видят меня издали, и жизнь моя постоянно висит на волоске.

— Слушайся меня, — сказала крыса. — Я старая, ум-

нии и плохому не научу. Оставайся со мной в красильне. Здесь тепло и удобно. В полу полно дыр и щелей. Пока лежит снег, ты будешь выходить и приносить нам еду, а когда снег растает и земля снова станет черной, я буду добывать пищу, а ты сидеть дома. Здесь нет ничего такого, что могли бы изгрызть мыши, поэтому люди не держат в красильне кошек. В домах, лавках и мукомольнях жить, конечно, намного сытнее, поэтому глупые молодые крысы и мыши там и селятся. Но, Боже мой, как же там много кошек и мышеловок! Шагу ступить нельзя! Поэтому я, старая и умная, предпочитаю жить в красильне. Лучше жить впроголодь, чем сытой попасть в лапы коту. Обжорство еще никого до добра не доводило.

Старая крыса убедила меня остаться с ней в красильне, и я прожила там весь год. Зимой добывала еду я, а летом моя подруга и наставница отплачивала мне сторицей. Она и вправду была умная, очень ловкая и знала, где раздобыть кусочки повкуснее. У нас не переводилось сало, сыр и колбаса. Ах, какие обеды мы устраивали под полом красильни!

Красильщики нас не тревожили, им не было до нас дела. Они размешивали краски в котлах и рассказывали друг друга последние городские новости.

Однако никому не достает ума довольствоваться тем, что у него есть. Так случилось и со мной. Когда наступило второе лето, я затосковала по свободе. Мне захотелось бродить по улицам, подружиться с другими мышами, попутешествовать и посмотреть мир. Мне даже захотелось выйти замуж! Причиной тому была, наверное, весна.

Как-то я сказала старой крысе:

— Похоже, я влюбилась. Каждую ночь зимой, когда я выходила на поиски пищи, мне встречался один молодой мышонок. Хорошо воспитанный и милый, он мне очень нравится. Я хочу перебраться в другое место, создать семью, растить детей... Скоро лето, и мне снова придется сидеть в этом сарае до первого снега. Я не хочу жить взаперти. Я хочу жить как все нормальные мыши.

Старая крыса задумчиво посмотрела на меня, а потом ответила:

— Если ты хочешь уйти, малышка, я не стану тебя

удерживать, хотя и считаю, что ты делаешь глупость. Одному Богу известно, как я сумею прожить без тебя. Но ты весь год помогала мне, и теперь я хочу помочь тебе.

Крыса повела меня наверх, туда, где стояли котлы с краской. Уже вечерело, красильщики давно ушли. Крыса нашла на полу веревку, вскарабкалась на краешек одного из котлов и опустила в краску конец веревки.

— Что ты хочешь делать? — спросила я крысу.

— Я хочу выкрасить тебя в черный цвет, — ответила крыса. — Ты по веревке спустишься вниз, окунешься в краску и снова вылезешь наружу. Если ты выйдешь отсюда в белой шубке, тебя сразу же кто-нибудь сцапает.

— Нет, никогда! — в ужасе воскликнула я. — Из белой стать черной!

— Другого выхода у тебя нет, малышка, — убеждала меня крыса. — Это вовсе не так трудно, как кажется. Забирайся сюда и не бойся. Ну смелее, смелее.

Я больше не раздумывала, собралась с духом и залезла на край чана. Было темно. Внизу подо мной блестела и переливалась краска.

— Ты должна нырнуть с головой, — продолжала старая крыса, — чтобы на шубке не осталось ни одного светлого пятнышка.

Очертя голову я прыгнула вниз. Краска была холодная и противная. Мне показалось, что я никогда не выплыву на поверхность. Я едва не утонула, но все-таки нашла веревку и, с трудом хватая ртом воздух, выбралась из котла.

— Вот и хорошо, — обрадовалась старая крыса. — Теперь побегай по сараю, чтобы согреться, а потом укройся соломкой и спи до утра. Когда рассветет, сама увидишь, как ты изменилась.

Ночью мне снилось, что я в нарядной черной шубке гуляю бок о бок с моим будущим мужем, а все смотрит на нас и говорит: «Какая красивая пара!» Когда записки день, я сразу же вскочила, чтобы осмотреть себя.

Нарядной черной шубки не было и в помине! Я все была ярко-голубая! Старая крыса перепутала котлы с краской!

Ни на кого и никогда я так не злилась, как на старую крысу.

— Ты только посмотри, что ты со мной сделала! — кричала я. — Где же твой хваленый черный цвет? Как, по-твоему, я теперь выгляжу?

Я плакала от обиды, а крыса только цокала языком и растерянно бормотала:

— Ничегошеньки не понимаю! В среднем чане всегда была черная краска. Голубая краска всегда была в левом чане. То ли красильщики поменяли котлы, то ли я из ума выжила...

— Да, да! — закричала я вне себя от злости. — Ты выжила из ума!

И я, вся в слезах и в голубой краске, покинула красильню, чтобы больше никогда туда не возвращаться.

Если и раньше моя шубка выдавала меня, то теперь дело обстояло во сто раз хуже. И на черной земле, и на белом снегу, и в зеленой траве моя ярко-голубая шерстка была видна издали. Не успела я переступить порог красильни, как на меня прыгнула кошка. Мне чудом удалось увернуться от острых когтей. Я выбежала на улицу, но там играла стайка мальчишек. Они увидели меня и закричали:

— Мышь! Голубая мышь! Сейчас мы ее поймаем!

Мальчишки гурьбой помчались за мною. Я бежала по краю сточной канавы, спрятаться мне было негде. На углу улицы две собаки грызлись из-за кости. Как только они увидели меня, тут же забыли старые ссоры и тоже помчались за мной. Вскоре за мной уже бежало полгорода. Я попала в ужасное положение, и пока не стемнело, меня не оставляли в покое.

Я валилась с ног от усталости. Несчастливая, я брела по почному городу, и вот под фонарем я встретила моего возлюбленного. Вы не поверите, он даже не захотел со мной говорить, а только соорудил презрительную гримасу и прошел мимо, словно мы и знакомы не были.

— Ах ты, неблагодарный! — крикнула я ему. — Да ведь это ради тебя я пошла на унижения!

— Вот так так! — ухмыльнулся он. — Неужели ты думаешь, что такой кавалер, как я, согласится показаться в обществе с крашеной голубой мышью? Я из приличной семьи!

Я попыталась найти место для почлега, но другие мы-

ши смеялись надо мной и гнали прочь. Я побежала к реке и попыталась отмыть краску. Теперь я мечтала о своей белой шубке. Но вода не помогла. Я терла что есть силы шерстку песком и глиной, однако все было напрасно. Голубая краска въелась в меня навсегда.

Дрожа от холода, в отчаянии я сидела на берегу реки. Небо на востоке светлело, и я поняла, что скоро наступит утро и снова весь город начнет охотиться на меня.

И тогда я решилась на то, на что никогда бы не решилась никакая живущая на свободе мышь. Я задумала вернуться в мою тюрьму, в мою клетку. По крайней мере толстощекий сын мельника не обижал меня, кормил и заботился обо мне. Я вернусь к нему и буду снова жить в неволе. К чему мне свобода, если друзья отвернулись от меня, если мышонок, которого я любила, смеется надо мной? Не лучше ли добровольно уйти от мирской суеты и провести остаток дней в клетке? Может быть, тогда мой возлюбленный пожалеет меня, но будет уже поздно!

Убитая горем, я встала на ноги и медленно побрела к дому мельника. На пороге я остановилась. Как трудно сделать последний решительный шаг! Я еще раз взглянула на улицу, вспомнила все унижения, которые мне пришлось пережить...

И вдруг я увидела моего брата. Он вышел из-за угла и заковылял к дому. У него были перевязаны хвостик и лапка.

Брат присел рядом со мной на пороге, и я, горько плача, рассказала ему историю своих злоключений с тех пор, как я покинула родительский дом.

— Бедняжка, — сказал он, выслушав мой рассказ, — тебе пришлось не сладко. Но я рад, что встретил тебя до того, как ты вернулась в свою тюрьму. По-моему, я знаю, как помочь твоему горю.

— Меня уже ничто не спасет, — всхлипнула я. — Жизнь для меня кончилась.

— Не отчаивайся, — ответил брат. — Ступай к доктору.

— Какому доктору? — удивилась я.

— Во всем мире есть только один-единственный настоящий звериный доктор. Его зовут Джон Дулиттл.

И брат рассказал мне о докторе Дулиттле. В то время доктор только-только начинал лечить зверей, но слыва о

нем уже разошлась по всей Англии. А я просидела весь год в красильне в обществе старой крысы и ничего о нем не слышала.

— Я возвращаюсь от доктора Дулиттла, — сказал мне брат. — Наш хозяин поставил в доме новые хитроумные мышеловки, и мне прищемило хвост и лапку. Я пошел к доктору, и он помазал мне больные места йодом и забинтовал их. Он добрый и честный, к тому же он знает язык зверей. Отправляясь к нему в Паддлеби, он придумает, как смыть с тебя отвратительную голубую краску. Доктор Дулиттл умеет все!

Вот так я впервые попала в дом на окраине Паддлеби. Когда доктор узнал, что со мной произошло, он остриг меня наголо, и я стала похожа на крохотного розового поросенка. Затем он намазал меня мазью, от которой быстрее растут волосы, и через месяц у меня снова была беленькая шубка.

А потом он предложил мне поселиться у него в рояле. Уж кто-кто, а он знал, как трудно будет мне прятаться от кошек. Я с радостью согласилась. Что может быть лучше, чем жить в доме у самого доктора Дулиттла! Настоящая мышиная мечта, да и только!

Доктор хотел было даже послать за моим бывшим возлюбленным.

— Теперь, когда ты снова стала беленькой, он будет вести себя по-другому, — сказал доктор.

— Ну уж нет, — не согласилась я. — Он предал меня, бросил в беде. Видеть его не хочу!

Г л а в а 6

РАССКАЗ О'СКАЛЛИ

Настала очередь пса рассказывать занятную историю. О'Скалли призадумался, наморщил нос, вспоминая что-нибудь повеселее, а потом вильнул хвостом и предложил:

— Хотите послушать историю о нищем и его верном псе?

О'Скалли и раньше рассказывал много занятного, поэтому звери наперебой закричали:

— Хотим! Хотим!

— Ну так слушайте. Много лет тому назад я перебрался из Лондона в небольшой городок и познакомился там с псом. Звали его Бродли. Его хозяином был нищий.

Встретились мы совершенно случайно. В городе жил мясник, которого ненавидели все собаки. Он никогда не бросал нам обрезки мяса, а все норовил швырнуть палкой или стегнуть кнутом. Однажды мясник вез на телеге припасы для своей лавки, но задремал по дороге. Лошадь заехала в канаву, телега опрокинулась, и все мясо вывалилось. Бараньи и свиные котлетки покатались по земле, а мы, собаки, в мгновение ока сбежались со всего города. Не успел мясник вылезти из канавы и почесать ушибленный бок, как мы уже разбежались во все стороны с мясом в зубах.

Именно тогда я и познакомился с псом нищего. С огромным куском говяжьей печени в зубах он бежал по улице рядом со мной, виляя хвостом от радости. Мне удалось спереть у мясника два круга колбасы. Колбаса путалась у меня в ногах, пока Бродли не остановился и не научил меня, как надо носить ее в зубах, чтобы она не мешала удирать.

С тех пор я подружился с ним. Бродли показал мне своего хозяина. Это был несчастный одноногий старик.

— Мой хозяин ужасно беден, — сказал мне Бродли. — Даже будь у него две ноги, он все равно не смог бы работать — до того он стар и немощен. Просить милостыню запрещено, поэтому он садится на улице с бумагой и цветными карандашами, рисует картинки, а потом продает их за два пенса каждую. А на груди у него висит табличка: «Я не прошу милостыню, я продаю свои картины!»

— И как много он зарабатывает? — спросил я. — Мне довелось как-то видеть твоего хозяина, но его рисунки мне не понравились.

— Они не нравятся не только тебе, — ответил Бродли. — Прохожие тоже не хотят их покупать, поэтому хозяину не хватает на хлеб даже для себя, не то что для меня. Ну да ладно, я малый не промах и как-нибудь о

себе позабочусь. А его жалко. Мне самому, по чести говоря, на его мазню смотреть противно. Не далее как вчера возле хозяина остановилась дама. Наверное, ей захотелось подбодрить моего хозяина, потому что она ткнула рукой в один из рисунков и сказала: «Как красиво нарисовано это дерево с красным яблоком на зеленом лугу». Хозяина едва удар не хватил. Он-то нарисовал горящий маяк в бурном море! Ума не приложу, как мне помочь хозяину.

Пока Бродли рассказывал мне о бедах своего хозяина, мне пришла в голову мысль.

— Послушай, Бродли, — говорю я ему, — а что, если нам открыть лавку?

— Это как? — не понял он. — Хозяева закрывают свои мясные лавки на замки. С замками нам не справиться.

— Да нет же, — втолковываю я Бродли, — не взломать дверь в чужую лавку, а открыть свою. Мы будем торговать костями. Но продавать их будем не людям, а собакам. Конечно, денег собакам не раздобыть, поэтому мы взамен потребуем вещи, которые твой хозяин потом сможет продать.

— Здорово придумано! — обрадовался мой приятель. — Завтра же и начнем.

На следующий день поутру мы пришли на городскую свалку и вырыли большую яму. Потом мы обегали весь город и вытащили из ящиков для мусора все кости, какие только нашли. Мы подкрадывались к цепным псам и утаскивали кости у них из-под носа. Цепных псов потому так и зовут, что они сидят на цепи.

Они лаяли нам вслед, грозились задать нам трепку, но цепи у англичан удивительно прочные. И слава Богу, что так, а не то нам несдобровать. Конечно, воровать нехорошо, но мы же не для себя старались.

Все собранные кости мы закопали в яму. Свежие кости хороши, не спору, но те, что пролежали в земле несколько дней, намного вкуснее.

И вот настал день, когда мы разрыли яму, встали у ее края и наперебой залаяли, зазывая к себе всех городских собак.

— Кости! Кости говяжьи, кости бараньи, кости телячьи, косточки куриные! Вкусные-превкусные! Три дня

в земле выдержанные! У нас всегда найдется кость на ваш вкус!

Дело пошло на лад. Со всего города к нам сбежались собаки и все хотели косточку. А мы устанавливали свои цены. Свиное ребрышко — подсвечник или гребень для волос. Кость от окорока — трость или зонтик, большая мозговая говяжья кость шла за шляпу или поношенные башмаки.

Что нам только не несли! Охочие до куриных косточек болонки тащили всякие дамские безделушки: шпильки, булавки, колечки. Большие сторожевые собаки — сапоги для верховой езды и каминные щипцы, а однажды нам даже принесли скрипку.

Поначалу все шло хорошо. Нищий продавал вещи и жил на вырученные деньги.

Только об одном мы не подумали: откуда собаки берут вещи, чтобы расплатиться с нами за кости. К концу первой недели нашей торговли в городе появилось много людей, которые бродили по улицам и смотрели под ноги, словно что-то потеряли. А однажды толпа собралась у свалки и принялась разглядывать нас с Бродли.

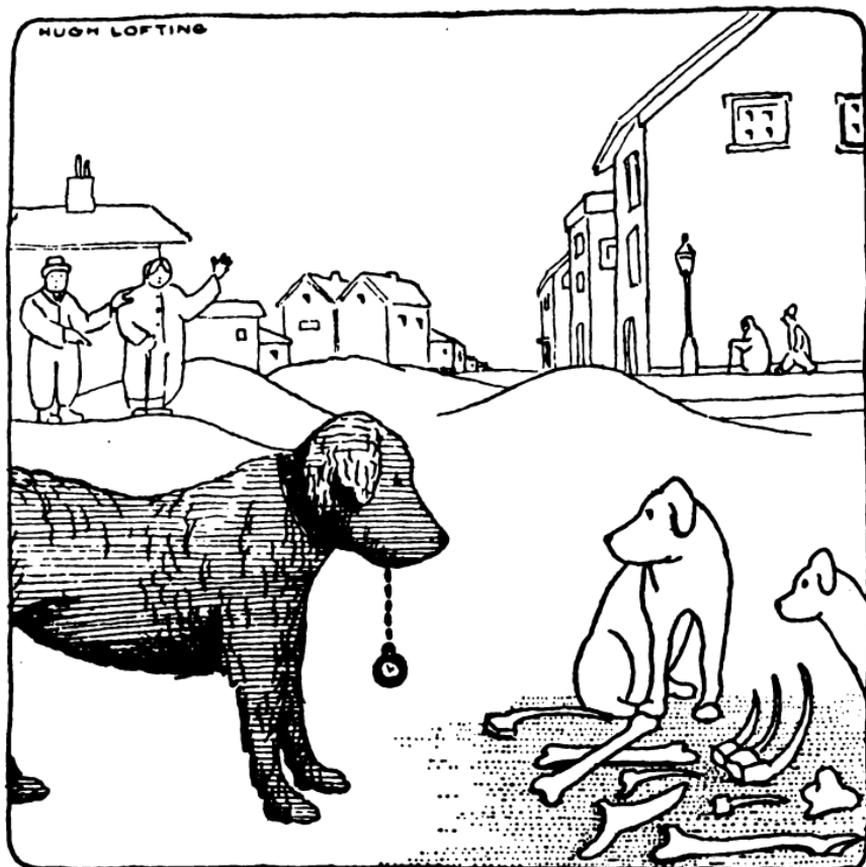
И тут, как на грех, появился бульдог. Он нес в зубах золотые часы на цепочке и потребовал за них две мозговые кости да еще кость от окорока в придачу.

Пока Бродли торговался с бульдогом, в толпе появился хозяин часов. Вы и представить себе не можете, что тут началось! Оказалось, что собаки стащили все вещи у своих хозяев и обменяли их на кости в нашей лавке. За нами долго гнались, но не поймали. Вернуться к торговле костями мы уже не могли.

Жаль, что люди так и не узнали, что всю нашу выручку получал нищий. Может быть, тогда они стали бы добрее и помогли бы ему деньгами.

Пришлось нищему снова вернуться к своим рисункам. Я-то думал, что хуже рисовать уже нельзя, а оказалось, что можно, потому что наш друг с каждым днем рисовал все ужаснее, и в конце концов покупателей у него совсем не стало.

В один прекрасный день я вышел прогуляться за город и встретил там легавую. Чистая и сытая, она прошло мимо меня с высоко задранном носом. Я не удержался и окликнул ее:

— Чего нос дерешь?

— Я не какая-нибудь бродячая шавка, — ответила она. — У меня есть хозяин.

— Подумаешь, — фыркнул я. — Я вот сам себе хозяин.

— Мой хозяин — художник, — сказала она. — Ему даже заказали написать портрет самой королевы. — И легавая подняла нос еще выше.

— Так ведь портрет заказали хозяину, а не тебе, — рассмеялся я. — Как хоть его зовут?

— Бродячие псы все равно ничего не смыслят в живописи, — ответила легавая. — Но так уж и быть, я назову его имя. Его зовут Джордж Морленд.

— Джордж Морленд?! — воскликнул я. — Неужели он поселился где-то поблизости?

— Да, — ответила легавая. — Мы остановились в гостинице «У короля Георга». Мой хозяин решил написать здесь несколько пейзажей. На следующей неделе мы возвращаемся в Лондон, чтобы начать портрет королевы.

Бог с ней, с легавой-заснайкой. В живописи я кое-что смыслил, наверняка даже больше нее, и был знаком с самим Джорджем Морлендом. Мне нравились его картины; особенно сцены охоты и деревенские пейзажи. Он часто изображал на картинах лошадей в конюшне, свиней у корыта, кур на заборе и собак у конуры.

Легавая пошла своей дорогой, а я нырнул в кусты и потихоньку следовал за ней по пятам. Она привела меня на холм. Выглянув из зарослей, я увидел Джорджа Морленда. Знаменитый художник сидел перед холстом и рисовал. Но вот он отложил кисть в сторону и тихонько проворчал:

— В любом пейзаже должно быть какое-нибудь живое. Картина удалась, но чего-то в ней не хватает. А что, если нарисовать собаку? Попробовать, что ли, заставить мою легавую полежать пять минут спокойно? Эй, Спотти! Ко мне! Ну иди сюда, глупышка.

Легавая подбежала к хозяину. Морленд оставил мольберт и кисти, отвел собаку под дерево, уложил на землю и строго приказал:

— Сиди смирно, Спотти, не шевелись.

Но глупая заснайка не понимала, чего от нее хотят: сначала принялась ловить мух зубами, потом чесать себя за ухом, а в конце концов умчалась в погоню за прошмыгнувшей мимо кошкой.

— Эй, ты куда?! — вскричал Морленд и в ярости швырнул вдогонку легавой кисть.

И тогда меня осенило. Я вышел из-за кустов, подошел к художнику и завилял хвостом. Я и в самом деле имел право гордиться знакомством с ним, потому что великий Морленд сразу же узнал меня.

— Неужели это ты, О'Скалли? Ну здравствуй, здравствуй! Как ты кстати! Иди сюда.

Он собрал кисти, которыми бросался в легавую, и заговорил со мной. Вы же знаете, как люди говорят с собаками, — они не надеются, что их поймут, но все же говорят. Но я-то понимал каждое слово!

— Иди сюда, О'Скалли. Ляг вот тут, под деревом. Можешь даже вздремнуть, если хочешь. Но ради Бога, если только у вас, собак, есть Бог, не шевелись минут десять.

Я улегся там, где он меня просил, и сделал вид, что уснул. Теперь все, кто заходит в Лондонскую картинную галерею, видят пейзаж Джорджа Морленда. Он называется «Вечер на крестьянском подворье». Тысячи людей смотрят на него, но никто не знает, что спящая под деревом собака — это я, О'Скалли, собственной персоной. Только доктор Дулиттл знает об этом, потому что я показал ему картину, когда мы приехали в Лондон.

Морленд закончил картину и стал собирать кисти и краски, намереваясь уйти. Но я ему помог, а он мне еще нет! Языка зверей он не понимал, поэтому я выбежал на дорогу и принялся лаять, словно звал его за собой.

— Что случилось, О'Скалли? Неужели что-то горит?

А я лаял и метался по дороге, ведущей к городу, оглядываясь назад и проверял, идет ли он за мной.

— Какая муха укусила этого пса? — недоумевал художник. — Реки поблизости нет, значит, никто утонуть не мог. Ладно уж, ладно, я иду за тобой, дай только собрать кисти.

Я повел Морленда на главную улицу города, где сидел нищий и рисовал свои картинки. Когда Морленд увидел его мазню, он сразу же понял, в чем дело.

— Господи! — воскликнул он. — Какой ужас! Неудивительно, что так разволновался, О'Скалли. У меня у самого мороз по коже.

Одноногий нищий как раз рисовал новую картину. Он хотел изобразить кошку, лакающую молоко из блюдца.

— Что это?! — воскликнул Морленд. — Ни одна кошка не выгибает так спину, если это не двугорбая кошка. Сейчас я покажу вам, как это должно выглядеть.

Я верно рассчитал. Знаменитый Морленд был добрым человеком, поэтому он взял из рук нищего карандаши и бумагу и нарисовал кошку и блюдце с молоком. Кошка была как живая, я даже с трудом сдержался, чтобы не лаять на нее.

— Боже, если бы я умел так рисовать! — вздохнул нищий.

— Да, я рисую легко, — подтвердил Морленд. — Но

знаете ли вы, сколько пота мне стоило научиться так рисовать? Скажите лучше, как много вы зарабатываете на рисунках?

— Почти ничего, — ответил нищий. — Сегодня за весь день я выручил всего два пенни. Наверное, я рисую ужасно, поэтому никто ничего у меня не покупает.

Я взглянул в лицо Морленду. Мне было интересно, что же он ответит нищему. Ну конечно же я не зря привел великого художника!

— Послушайте, что я вам скажу, — медленно произнес Морленд. — Мы сейчас сотрем все то, что вы нарисовали, и я сам нарисую новые картинки. Это даже занятно, я еще никогда не рисовал на улицах на продажу.

Возбужденный, словно школьник перед экзаменом, Морленд взялся за работу. Он рисовал, рисовал и рисовал. Вокруг собралась толпа зрителей. Они зачарованно смотрели, как из-под карандаша появлялись кошки, собаки, коровы, лошади, птицы.

— Кто это? — спрашивали друг друга люди. — Кто этот художник, который рисует для нищего?

Толпа росла, и вдруг кто-то узнал великого художника.

— Это Морленд, это сам Морленд! — шепотом передавали люди друг другу.

Городок был небольшой, но в нем была даже художественная лавка, где продавали картины. Ее хозяин слыл знатоком и любителем живописи. Кто-то побежал к нему и сообщил, что сам Джордж Морленд рисует на улице картины для одного нищего.

Хозяин художественной лавки, мэр города и жители с кошельком потуже помчались посмотреть на известного художника.

— Продайте нам ваши картины, — стали они упрашивать его.

— Эти картины не мои, — ответил Морленд. — Они принадлежат вот этому господину. — И он указал на одного нищего.

Нищий хотел было продать картины по шесть пенсов за штуку, но Морленд успел шепнуть ему на ухо:

— Двадцать фунтов, и ни пенсом меньше! Ручаюсь, они выложат денежки!

И в самом деле, в пять минут картины раскупили. В тот вечер я чувствовал, что мне есть чем гордиться. Теперь хозяин моего друга получил столько денег, что мог до конца жизни ни о чем не беспокоиться.

Глава 7

РАССКАЗ БУ-БУ

Теперь только сова Бу-Бу и двуглавый тяни-толкай еще не рассказали свои истории. Следующим вечером, в пятницу, доктор Дулиттл сказал:

— Ну, кто сегодня порадует нас рассказом?

— Я! — сказала сова.

— Нет, я! — сказал тяни-толкай.

— Не спорьте, я помирю вас, — предложил доктор. — Давайте бросим монетку. Если она упадет «орлом», рассказывает сова, а если «решкой» — тяни-толкай.

— А почему если «орлом», то сова? — спросил поросенок.

— Потому что она тоже птица и в родстве с орлами, — отшутился доктор.

Бросили монетку, и выиграла Бу-Бу.

— Я расскажу вам, — начала сова, — как однажды меня приняли за фею. Представляете, я — фея! — И маленькая кругленькая сова расхохоталась.

— Дело было в октябре. Уже смеркалось, и я вылетела на охоту. Дул холодный осенний ветер. Все мелкие зверушки сновали взад вперед по лесу, копошились среди опавших желтых листьев и делали запасы на зиму. В такое время лучше всего охотиться на лесных мышей. Они так заняты сбором пропитания, что ловить их — одно удовольствие.

Я летала над лесом, когда вдруг услышала детские голоса и лай собаки. Обычно совы избегают людей и улетают от них подальше. Но я была молодая и очень любопытная. Часто из-за любопытства я попадала в разные передраги... Но об этом в другой раз. Осторожно от дере-

ва к дереву я полетела на голоса. На поляне сидела стайка детей. Один из мальчишек развлекался тем, что дразнил собаку. Двое других детей, мальчик и девочка, вступились за животное.

— Прекрати немедленно, — сказали они, — как тебе не стыдно!

Но злой мальчишка был на голову выше их и принялся дразнить собаку еще пуще. Тогда мальчик и девочка набросились на него с кулаками и задали ему хорошую трепку.

Потом дети разбрелись по лесу с корзинками. Они искали грибы и орехи. Мальчик и девочка, проучившие злюку, мне очень понравились. Я потихоньку полетела за ними. Они беспечно болтали и забирались в лес все дальше. Вскоре стало темнеть, солнце опустилось за лес. Дети хотели вернуться к друзьям, но не знали лесных тропинок и пошли совсем в другую сторону.

Они брели по темному лесу, спотыкались о корни деревьев и скоро выбились из сил. Они сели на пенек, и девочка сказала:

— Вилли! Мы заблудились! Что же нам делать? Уже ночь, а я ужасно боюсь темноты.

— Я тоже, — признался мальчик. — С тех пор как тетя Эмма рассказала нам сказку про привидения, я боюсь темноты.

От удивления я едва не свалилась с ветки, на которой сидела. Впервые в жизни я услышала, что кто-то боится темноты. Я предпочитаю темноту яркому дню. Маленьких совят пугают дневным светом. Что страшного в том, что солнце отправилось спать?

Многие думают, что совы и летучие мыши видят в темноте, потому что у них особые глаза. Ох уж мне эти выдумки людей! Вот уши у нас и вправду особые. А в темноте мы видим хорошо только потому, что всю жизнь упражняемся в этом. Это точно такое же дело, как научиться играть на рояле или на флейте. Мы просыпаемся, когда другие ложатся спать, и возвращаемся в гнезда, когда остальные встают. А все потому, что предпочитаем темноту дневному свету. Никто не верит, что темнота бывает необыкновенно красива, особенно когда к ней привыкнешь.

— И что же малыши? — спросила Крякки.

— Да, да, рассказывай историю, — поддержал ее О'Скалли. — О том, что ты любишь темноту, мы слышали уже не раз.

— Не мешайте мне, — сказала сова. — Это история о детях и о темноте. Испуганные и грустные, они сидели под деревом и тихонько плакали. «Они защитили собаку, — подумала я. — Значит, они добрые и я должна им помочь».

Я перелетела на ветку прямо над их головами и как можно нежнее произнесла: «Пу-гу! Угу-гу!»

— Это нежно? — заметил О'Скалли. — Даже у меня мороз по коже. И что же это значит?

— На языке сов это значит: «Какой прекрасный вечер!» Вы бы видели, как бедные малыши испугались моего голоса.

— Что это? — закричала девочка и прижалась к брату. — Неужели привидение?

— Не знаю, — дрожащим голосом ответил мальчуган. — Ой, я боюсь, здесь так темно!

Я уговаривала их, чтобы они не боялись, чтобы шли за мной — я их выведу из леса, но дети пугались все больше и больше. Сначала они подумали, что я — злой дух, потом — ведьма, и наконец, что я — лесной великан. Это я-то великан! Да я могу поместиться в корзинке.

Как-нибудь потом, доктор, вы мне объясните, зачем люди рассказывают детям страшные сказки. Уж я-то точно знаю, что в лесу нет ни злых духов, ни ведьм, ни великанов.

Малыши сидели под деревом и дрожали от страха, а я не знала, как их заставить идти за мной. И я полетела к своей тетке. Она была самой старой и мудрой совой в нашем лесу. Я подлетела к ее дуплу и тихонько постучала.

— Что? Что случилось? — всполошилась тетка.

— Извини, тетушка, что я тебя разбудила. Сегодня прекрасная ночь для охоты.

— Да, — ответила она, — ночь действительно хороша. О такой темноте можно только мечтать.

— Тетушка, посоветуй мне, что делать, — сказала я. — Двое маленьких детей заблудились в лесу, они плачут и в темноте не могут найти дорогу.

— Да, странные существа эти люди, — проворчала тетушка. — Чем им мешает темнота? Почему ты не выведешь детей из леса? Скорее всего, они живут в тех крестьянских домах у развилки дорог.

— Я уже пыталась, — ответила я. — Но их пугает мой голос. Похоже, они решили, что я ведьма.

— Гм, — задумалась моя тетка. — А ты не умеешь лаять по-собачьи? Собак люди не боятся, и дети пойдут за тобой.

— Нет, по-собачьи я не умею, — огорчилась я и вдруг вспомнила, что год назад на конюшне в соседней деревне поселился старый филин. Он прилетел из Америки. Я подружилась с ним, и он научил меня мяукать. — Тетушка, как ты думаешь, а за кошкой дети пойдут?

— Наверняка пойдут, — сказала тетка. — Лети быстрее к ним и веди их домой, а то от их слез весь лес отсыреет.

Я вернулась к детям. Они плакали пуще прежнего. Я присела на земле неподалеку от них и мяукнула как настоящая кошка.

— Мы спасены, Вилли! — всхлипнула девочка и сразу же перестала плакать.

Глупышка сказала «спасены», словно им угрожала невесть какая опасность!

— Мы спасены! — повторила она. — Слышишь? Это наша кошка Туффи пришла за нами. Кошки всегда находят дорогу домой. Пойдем за ней, Вилли.

Я отлетела немного и снова мяукнула.

— Вот она! — закричала девочка. — Туффи зовет нас!

И они наконец собрались с духом и пошли за мной. Я мяукала и отлетала, мяукала и отлетала, стараясь не показываться детям на глаза. Они спотыкались на каждом шагу, длинные волосы девочки цеплялись за кусты, но я терпеливо ждала их. Наконец я вывела их из лесу. Возле крестьянских дворов у развилки дорог бегали люди, кричали, размахивали фонарями.

Я подвела детей к крайнему дому и тихонько уселась на смородиновый куст. Родители вели себя не лучше детей: они то плакали, то смеялись... Можно было подумать, что дети потерпели кораблекрушение в открытом море, прожили год на необитаемом острове и теперь чудом сумели вернуться домой! Как будто в нашем лесу на

них могли напасть львы или тигры! Да в нашем лесу самый страшный зверь — заяц, лис и тех нет.

— Как же вам удалось найти дорогу? — спрашивала мать и вытирала слезы.

— Нас привела домой Туффи! — сказала девочка. — Она прибежала за нами и привела нас домой! Она мяукала, а мы шли за ней. Где же ты, Туффи? Иди сюда, дай я тебя обниму! Кис-кис-кис!

— Туффи? — удивилась мать. — Но Туффи весь вечер проспала у теплого очага. Она и сейчас там!

— Значит, это была другая кошка, — сказал мальчик. — Она должна быть где-то здесь, потому что привела нас напрямиком к воротам.

Отец поднял повыше фонарь. Я не успела взлететь, и луч света упал на куст смородины, где я сидела и потешалась над людьми.

— Да ведь это сова! — воскликнула мать.

— Мяу! Мяу! — мяукнула я. — Пу-гу! У-гу-гу!

Я взмахнула крыльями, перелетела на крышу сарая и уселась там, где люди меня уже не видели.

— Ах, мамочка! Это была не сова, а фея! — щебетала девочка. — Самая настоящая фея. Она просто обернулась совой, чтобы ее не узнали.

Вот так однажды меня приняли за фею. Потом я познакомилась поближе с этими детьми и даже подружилась с ними, потому что они и в самом деле были добрыми. Девочка так и не поверила, что я обычная сова, а не фея.

— Фея, и только фея! — упрямо твердила она, когда взрослые пытались ее переубедить.

Теперь я часто прилетала по вечерам к развилке дорог, чтобы поохотиться на мышей. Дети ждали меня у ворот и не боялись ходить за мной в поле и даже в лес в полной темноте. Как же — с ними была фея! Очень часто они выносили мне еду и угощали бараньими котлетками, колбасой или ломтиком ветчины. В конце концов я так привыкла к даровому угощению, что растолстела, разленилась и перестала охотиться на мышей.

— Разве плохо, когда тебя угощают? — перебил сову поросенок. — Мне это нравится.

— Даже гусям угощенье не впрок, если к Рождеству их

зарезут, — ответила мудрая сова. — Вот я из-за лени и обжорства едва не поплатилась жизнью. Но об этом тоже в другой раз.

— Опять в другой раз... — обиженно протянул Хрюкки. — А дети научились видеть в темноте так же, как и ты?

— Научились, как только перестали бояться темноты. Помните, доктор, мы как-то вечером разболтались с вами о таблице умножения и других премудростях? Тогда я сказала: мы боимся того, чего не знаем. Вот так и эти дети.

А однажды умение видеть в темноте им здорово пригодилось. Весной разлилась река, да так, что затопила крестьянские дома. Дело было ночью, в кромешной тьме. Огонь в очагах погас, спички отсырели и не зажигались. Люди убежали на холм и спасались там от бушующей воды.

— Мой малыш! — закричала вдруг соседка. — Я потеряла его! Он остался в доме и утонет! Спасите его!

Мужчины на лодке добрались до ее полузатопленного дома, обыскали впотьмах все комнаты, но ребенка не нашли. Так и вернулись они на холм ни с чем.

— Нет там твоего ребенка, — сказали они женщине.

— Он там! — кричала она. — Вы плохо искали!

— Но там темно хоть глаз выколи, — оправдывались мужчины. — В такой темноте нам его никак не найти.

— А вы возьмите нас с собой, — попросили дети.

Взрослым делать было нечего, и они взяли с собой к затопленному дому детей.

А вода все прибывала. Она уже поднялась выше окон.

Дети осторожно влезли на чердак и сразу же нашли малыша. Он сидел в кромешной тьме в углу чердака и дрожал от страха.

Вот и вся моя история, — закончила свой рассказ Бубу. Затем она посмотрела на зевающего во весь рот поросенка и добавила: — Иди спать, Хрюкки. А мне самое время полетать поохотиться.

Глава 8

РАССКАЗ ТЯНИ-ТОЛКАЯ

Настал последний вечер, все уселись у очага и дружно посмотрели на тyani-толкая. Диковинный зверь покачал сначала одной головой, затем другой и сказал:

— Я хотел рассказать вам про чернокожих охотников бадамосов.

— И о том, как они охотились на страусов, — вставила вторая голова.

Первая голова повернулась ко второй и строго сказала:

— Погоди, не перебивай. Мы же договорились, что рассказывать буду я.

— А я буду следить, чтобы ты рассказала все как следует и по порядку, — ответила вторая голова.

— Не ссорьтесь, — остановил их доктор Дулиттл. — Одна голова — хорошо, а две — лучше. Вместе у вас получится замечательный рассказ. Я думал, что вы живете очень дружно.

— Конечно, — ответила доктору первая голова, — мы всегда прекрасно ладим. Даже этот рассказ мы придумали вместе. Но мы ужасно волнуемся, поэтому сегодня едва-едва не разругались. А вдруг вам не понравится?

— Валий рассказывай! — приободрил тyani-толкая О'Скалли. — Непременно понравится! Ты же жил в африканских джунглях, а там — самые увлекательные приключения.

— Ну уж приключений у меня было немного, — с сомнением покачал обеими головами тyani-толкая. — Мы звери робкие и застенчивые и не любим лезть в чужие дела. Но однажды мне волей-неволей пришлось помогать другим, и вот что из этого получилось.

Негритянские племена живут охотой. И способов охоты у них не счесть. Хитрости неграм не занимать, и на выдумку они мастера. Чтобы поймать жирафа, они додумались рыть в земле ямы и прикрывать их тоненькими веточками и травой. Жираф подходит к дереву, чтобы поглотить молодые побеги, и тут же проваливается в яму. А

выбраться из нее он уже не может, охотникам остается только прийти и схватить жирафа.

А вот как они охотятся на антилоп: плетут из гибких веток большой щит ростом с человека, затем прячутся за ним и подкрадываются к антилопам. По чести говоря, антилопы, конечно, глуповаты. Только они могут принять сплетенный из зеленых веток щит за кустарник.

— Может быть, они и не особенно умны, — вмешалась вторая голова, — но они наши родственники, и незачем пускать в них стрелы и бросать копья.

— Бывают способы очень хитрые и коварные, — продолжала первая голова. — Вот о таком способе я и хочу рассказать. Охотники племени бадамосов однажды решили поохотиться на страусов. Как известно, страусы живут стаями. По уму они недалеко от антилоп, и когда грозит опасность, страусы прячут голову в песок. Они, наверное, думают, что если сами не видят человека, то и человек их не видит!

Так уж случилось, что в стране бадамосов не было песка, и тамошним страусам некуда было сунуть голову. Поэтому при виде человека они пускались наутек.

— Чтобы найти песок и спрятать в него голову? — спросил Хрюкки.

— Как бы то ни было, — продолжал тяни-толкай, — они спасались бегством. Это у людей считается стыдным бежать от врага, а у нас, зверей, все наоборот: кто лучше бежит, тот дольше живет. Поэтому охотникам-бадамосам пришлось пуститься на хитрость, чтобы суметь приблизиться к стае страусов.

Однажды я гулял в лесу и увидел на поляне черных охотников. Я потихоньку подошел к ним поближе. Они снаряжались для охоты на страусов: накинули на себя плащи с пришитыми страусиными перьями, взяли в руки длинные шесты, на концах которых была насажена вырезанная из дерева страусиная голова, а на поясе под плащом у них висело оружие. Охотники и вправду походили на страусов — ведь перья были настоящие, а шеи и головы вырезаны очень искусно.

В то время я подружился со страусами. Я был благодарен им за то, что они отучили бадамосов играть в теннис. Дело в том, что вождь племени несколько лет тому

назад увидел, как белые люди играют в теннис. Игра так ему понравилась, что он выменял двух жирафов на ракетки и мячики. Вообще-то я не имею ничего против тенниса, но вождь облюбовал для площадки мое лучшее пастбище с самой сочной травой. Он приказал выжечь траву, разровнять землю, расчертить ее на квадраты, натянуть сетки, и каждый день полуголые бадамосы только и делали, что перебрасывались маленькими мячиками.

А страусы любили прогуливаться неподалеку, и когда мячики от неловкого удара залетали к ним, страусы их глотали. Они принимали их за яблоки. Через неделю они съели все теннисные мячики вождя бадамосов, и тому ничего не оставалось, как забросить ракетки. Вскоре мое пастбище снова поросло травой.

Вот так я подружился со страусами и, когда узнал, какая ужасная опасность им угрожает, немедленно отправился к их вожаку и сказал:

— Послушай, приятель, племя бадамосов собирается на охоту на вас. Они хотят переодеться страусами, подкрасться к вам и всех перебить. Но бадамосы забыли, что у них черные ноги. Как только увидите, что к стае приближается страус с черными ногами, нападайте на него и бейте клювами. Вас ведь много, а охотников мало.

— Хорошо, — ответил мне вожак стаи, — мы так и сделаем. Спасибо, что предупредил.

Но оказалось, что от моего предупреждения толку мало. Дело шло к вечеру, стая страусов уже устраивалась на ночлег, когда вожак возвращался в темноте к стае, он провалился в болото. К счастью, ему удалось вылезти из трясины, но ноги его стали совершенно черными от грязи. Он хорошо запомнил мой совет и, прежде чем лечь спать, собрал стаю и сказал ей:

— Страусы! Вы великие птицы. Но охотники-бадамосы собираются истребить нашу стаю. Опасайтесь страусов с черными ногами. Бейте их, гоните прочь.

Когда рассвело, страусы отправились на поиски пищи. Вожак проснулся позже остальных и побежал разыскивать своих сородичей. Ему даже в голову не пришло посмотреть на свои ноги. После вчерашнего болота они были черные-пречерные.

Стая паслась на опушке леса, и когда вожак прибли-

зился к ней, все страусы сначала с подозрением уставились на его черные ноги, а потом, как по сигналу, бросились колотить своего вожака.

— И поделом ему! — вмешалась вторая голова. — Ноги перед сном мыть надо!

— То, что страусы поколотили своего вожака, еще полбеда. Беда в том, что, пока они лупили беднягу так, из леса вышли охотники и стали незаметно подкрадываться к страусам. Слава Богу, я их вовремя заметил и что было мочи закричал: «Вот они! Бегите! Спасайтесь!»

Страусы пустились наутек. Я тоже убежал от охотников, спрятался в лесной чаще и стал ломать голову над тем, как мне уберечь от опасности моих незадачливых друзей. И я решил дожидаться ночи, пробраться в деревню бадамосов и выкрасть наряд из страусиных перьев. Чтобы сделать новый наряд, чернокожим охотникам надо будет сначала поймать страуса. А поймать его без наряда они не смогут.

Темной ночью я вышел из джунглей и тихонько вошел в деревню бадамосов. Все спали. Спал даже часовой на другом краю деревни.

Я бродил среди хижин и нигде не видел ничего похожего на наряд из страусиных перьев. Наконец я подошел к часовому. Он закутался в плащ со страусиными перьями, прислонился к пальме и сладко посапывал во сне. И я решился на отчаянный шаг. Я что есть силы боднул часового пониже спины. Он подскочил, словно ужаленный змеей...

— И тут я своими рогами, — сказала вторая голова, — ловко поддела плащ с перьями.

— Часовой завопил так громко, — продолжала первая голова, — что проснулась вся деревня. Мужчины, женщины, дети и даже собаки бросились за мною в погоню. Я никогда не бегал так быстро, как в ту ночь. До сих пор у меня от одного воспоминания мурашки бегут по коже. Мужчины улюлюкали, женщины визжали, собаки лаяли. Они бежали за мной по пятам, и я слышал, как сучья трещат под их ногами.

Меня спасла река. Начался сезон дождей. Река вышла из берегов и неслась бурным потоком. С трудом хватая

воздух от страха и усталости, я выбрался на крутой обрыв. Бадамосы уже радовались.

— Сейчас мы его поймаем! Сейчас! Через реку ему не перебраться! — кричали они.

Мне не оставалось ничего другого, как броситься вперед. Одним прыжком я перелетел через реку, а когда оглянулся, то увидел, что мои преследователи уже стояли там, откуда я мгновение назад прыгнул. В бессильной злобе они размахивали кулаками, но броситься в воду не решались.

С победным криком я растоптал у них на глазах наряд из страусиных перьев и весь этот мусор столкнул в реку. Бурный поток тут же подхватил его и унес. Бадамосы кричали и топали ногами от ярости, а я сделал то, о чем всю жизнь вспоминаю со стыдом. Я до сих пор краснею. Я показал бадамосам сразу два языка! Это так глупо и неприлично!

С той ночи бадамосы оставили в покое страусов, зато стали преследовать меня. У меня не было ни минуты покоя. Везде меня ожидала засада. Бадамосы сооружали ловушки, рыли ямы, травили собаками. Все труднее мне удавалось скрываться от охотников.

Они так долго и упорно за мной гонялись, что я решился на отчаянный шаг и прибегнул к их же хитрости. Как-то раз я наткнулся на висящую на ветвях шкуру зебры. Наверное, ее там оставили сушиться на солнце охотники. Не долго думая, я подцепил шкуру рогами и забросил ее себе на спину так, что она укрыла меня целиком. Вторая голова склонилась низко к земле, и ее не было видно. Со стороны я выглядел как настоящая зебра.

В тот день бадамосы вышли на охоту. Они обычно залезают на деревья и выжидают. Стоит внизу на тропе, ведущей к водою, появиться антилопе или зебре, охотники прыгают им на спину и убивают.

Я высмотрел дерево, на котором притаился вождь бадамосов, и направился туда. Вождь принял меня за зебру и прыгнул мне на спину. Но тут...

— Но тут я вскинула рога и поддала ему как следует! — не выдержала вторая голова. — Он подлетел в воздух, кувырнулся и...

— И опустился прямо на мои рога, — продолжила первая голова. — С дикими воплями вождь бадамосов катался по земле.

— Злой дух! — кричал он. — На меня напал злой дух!

Остальные охотники тоже бросились наутек. С тех пор они не отваживались ходить на охоту в тот лес, и никто больше не гонялся за мной.

Доктор Дулиттл слово в слово записал рассказы зверей, и скоро журнал вышел в свет. Птичья почта доставила его в северные льды. Моржи, тюлени, нерпы и белые медведи читали его и перечитывали вслух в долгие полярные ночи.

Но чей рассказ лучше, так и не удалось узнать. Малышам очень нравился рассказ Хрюкки. Мамам и бабушкам пришелся по душе рассказ утки, они даже не раз всплакнули над трогательной историей. Старые медведи хвалили рассказ О'Скалли, а полярные совы читали детям перед сном рассказ Бу-Бу. Каждый зверь называл свой любимый рассказ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 1

РОЗОВЫЕ ЖЕМЧУЖИНЫ

В один прекрасный день к доктору Дулиттлу подошел поросенок Хрюкки и спросил:

— Доктор, а почему наша почта не доставляет посылки?

С этого вопроса и начались новые приключения доктора Дулиттла и его зверей.

— Сжался надо мной, Хрюкки! — взмолился доктор. — У меня и без посылок работы невпроворот. Зачем тебе понадобились посылки?

Сидевшая рядом с доктором сова пробормотала вполголоса:

— Держу пари, что тут дело в желудке. Поросятку захотелось чего-нибудь вкусенького, вот он и подумал о посылках.

Хрюкки смутился, но потом набрался храбрости и выпалил:

— Да, дело в желудке, но не только в моем. Нам всем нужны свежие овощи. В них много витаминов. Пусть птицы носят вам овощи из Европы.

— Что я вам говорила? — рассмеялась сова. — Он помешался на овощах. А мне овощи не нужны, я обойдусь и мышами.

Но посылки слишком тяжелы для птиц, Хрюкки, — сказал доктор. — Ласточкам не поднять такую тяжесть. Конечно, можно было бы позвать на помощь орлов, но орлы — птицы редкие, а посылок будет много. Боюсь, что с посылками у нас ничего не получится.

— Получится, получится, — затараторил поросенок. — Я уже все рассчитал. Еще до конца месяца в Англии созреет брюссельская капуста. Вы же знаете, доктор, что больше всего на свете я люблю брюссельскую капусту, если, конечно, не считать морковь и репу. Я тут случайно узнал, что на днях из Европы в Африку прилетают дрозды. Разве так трудно им принести в клюве по крохотной капустной головке? Ведь брюссельская капуста такая маленькая! Я с прошлой осени не ел хороших овощей. Я больше смотреть не могу на батат и прочие африканские гадости. Сладкий картофель мне уже в горло не лезет!

— Ладно уж, — сжалился доктор, — попробуем помочь твоему горю. Сегодня же я отправлю в Англию письмо дроздам и попрошу их захватить для тебя брюссельскую капусту.

Прошла неделя. Стая дроздов села на почтовый плот доктора Дулиттла. Каждая птица держала в клюве маленькую капустную головку. Хрюкки едва не плясал от радости и готов был перецеловать всю стаю. Но дроздам, наверное, не нравилось целоваться с поросятами, поэтому они вежливо распрощались и улетели своей дорогой.

Но это было только начало. К доктору Дулиттлу стали обращаться другие звери с просьбой прислать и то и это. Утка заказала муку и начинку для пирогов, О'Скалли — ошейник для одного из своих друзей, белая мышь — кусочек сыру, а сова — темные очки, чтобы лучше видеть днем.

Дальше — больше. В конце концов сам доктор не выдержал и попросил принести ему семена цветов. И скоро под окном почты в большом ящике с землей зацвели настурции, ноготки и садовые ромашки.

Потом и жители Фантиппо стали заказывать себе в Европе то часы, то вечные перья, а иногда даже и книги. Королю Коко прислали велосипед. Доставляли его по частям. Два аиста несли по колесу, орел — раму, а ворон — седло. Гайки, болты, педали и цепь несли сороки — они любят все блестящее.

Когда на почтовом плоту доктора Дулиттла собрали велосипед, оказалось, что не хватает одной гайки. Но ни сороки, ни птичья почта не были в том виноваты — гайку забыли отправить с фабрики. Доктор сразу же написал туда письмо, и гайку выслали.

Король Коко проехался на новом велосипеде по всем улицам Фантиппо и в честь такого великого события приказал объявить этот день государственным праздником. Праздник отмечают до сих пор. Называется он — Праздник королевского велосипеда.

А старый свой велосипед король Коко подарил своему младшему брату.

Несколько недель спустя доктор получил письмо из Англии от одного крестьянина. Вот что он писал:

«Глубокоуважаемый господин доктор Дулиттл!

Очень вам признателен за то, что вы так точно предсказали погоду на это лето. Благодаря этому у меня хорошо уродилась брюссельская капуста. Но не успел я ее собрать — в одну ночь она исчезла с поля. Не понимаю, почему так случилось. Вы человек ученый, может быть, вам удастся объяснить странное происшествие?

Преданный вам *Боб Скряггинс*».

— Действительно, очень странное происшествие! — воскликнул Джон Дулиттл. — Куда же исчезла брюссельская капуста Боба Скряггинса?

— Как куда? — сказала сова. — Ее съел Хрюкки. Где же еще дрозды могли взять капусту для поросенка?

— О Господи! — заволновался доктор. — У нас опять неприятности! Теперь придется придумывать, как расплатиться с этим крестьянином за капусту. А он, судя по всему, запросит недешево.

— Подумаешь, уперли у него капусту! — вмешался Горлопан. — Знаю я этого Скряггинса. У него и так денег куры не клюют.

— Не мучайте себя понапрасну, доктор! — поддержала Горлопана утка. — Подождет ваш Скряггинс с деньгами за капусту, тем более что у нас снова нет ни пенса. Лучше подумайте о собственном здоровье. Нельзя же так много работать. На почте дела идут как по маслу... Кстати, я совсем забыла! Пусть нам пришлют фунта три сливочного масла, наше уже на исходе. Так о чем я говорила? Ах да! Вам пора отдохнуть. Погуляйте, попутешествуйте, поживите в свое удовольствие...

— Конечно, я возьму отпуск! — пообещал доктор Дулиттл утке.

Но шли дни, а доктор Дулиттл все работал и работал, пока удивительные события не заставили его забыть на время почту.

А произошло вот что. Как-то раз доктору принесли небольшую посылку, упакованную в сухие морские водоросли. Внутри лежала большая раковина, а в ней — письмо и створки устриц.

Доктор удивился, пробежал глазами письмо и закричал:

— Крякки! Пойди-ка сюда! Послушай, что мне пишут!

Утка села рядом с доктором, и он прочел ей вслух:

«Дорогой доктор Дулиттл!

Недавно я обедала устрицами, и внутри раковин мне попались маленькие, очень красивые камешки. Я всю жизнь провела на море, но еще никогда таких не видела. Мой муж говорит, что это яйца устриц. Но я ему не верю — устрицы не откладывают яйца. Может быть, вы объясните нам, что это такое. Только, пожалуйста, обратитесь к нам эти камешки, потому что мои дети очень любят ими играть».

Доктор отложил в сторону письмо, взял в руки устричные створки и раскрыл их.

— Ты посмотри, Крякки! — прошептал он. — Какая красота!

— Жемчужины, — так же шепотом и так же восторженно ответила Крякки. — Розовые жемчужины!

— Ты видела когда-нибудь такие большие жемчужины? — с волнением в голосе продолжал доктор. — Каждая из них стоит целое состояние. Кто же их мне прислал?

Доктор взял письмо, долго вертел его в руках.

— Письмо не подписано, — сказал наконец он. — Но судя по почерку, его написала утка-широконоска. Я узнаю ее почерк. Эти птицы обычно гнездятся на пустынных берегах и питаются мелкими ракушками и рыбешкой. Ну-ка, Крякки, присмотришься к обратному адресу. Откуда пришло это письмо?

Утка прищурилась и прочла по слогам:

— Ска-лы Хар-мат-тан.

— Где это? — спросил доктор.

— Где-нибудь на краю света, — пожала плечами Крякки. — Давайте спросим у Проворного.

Утка позвала Проворного, тот посмотрел обратный адрес и сказал:

— Да это же скалы Харматтан! Полдюжины маленьких островков милях в шестидесяти к северу от Фантиппо.

— Как странно, — задумчиво произнес доктор Дулиттл. — Я думал, что такие жемчужины можно найти только в южных морях. В здешних водах жемчужины такого размера и такой красоты не встречаются. Мне даже жаль расставаться с ними — до того они красивые! Но широконоска просила вернуть их, нельзя отнимать у малышей игрушки. Завтра утром я отправлю посылку на скалы... как их там... Харматтан. А где же мне пока спрятать жемчужины? Люди теряют голову при виде таких драгоценностей, поэтому придется попросить О'Скалли и тyani-толкая сторожить всю ночь дверь.

И вдруг на стол, где лежали жемчужины, упала чья-то тень. Доктор поднял глаза и увидел лицо человека. Оно было ужасно: заросшие черной щетиной щеки, нависшие лохматые брови, нос крючком. Глаза страшного человека не отрывались от жемчужин.

Сердце у доктора заколотилось в груди от тревоги, и он поспешил накрыть ладонью жемчужины, смахнуть их со стола и сунуть в карман.

— Что вам угодно? — спросил он дрогнувшим голосом.

Незнакомец разлепил тонкие губы и глухо, словно из могилы, сказал:

— Мне угодно отправить деньги по вашей почте. У меня заболела жена, и ей понадобятся деньги на лечение.

Доктор принял от него деньги, выдал расписку, и пока незнакомец не отплыл к берегу Фантиппо, доктор не спускал с него глаз.

— Станный человек, — пробормотал доктор. — Не хотел бы я встретиться с ним ночью в пустынном месте.

— Я не хотела бы с ним встретиться даже днем, — заметила утка. — Он говорит, что у него заболела жена. Бедняжка, наверняка она больна с тех пор, как увидела его лицо.

— Следовало бы узнать, кто он такой, — сказал Джон Дулиттл. — Ведь белые люди редко заглядывают в эти края.

На следующее утро жемчужины упаковали, доктор прибавил к ним письмо, где объяснил, что это за красивые камешки, и посылку отправили прямым путем на острова Харматтан.

Доставить посылку попросили дрозда. Он был из той стаи, что принесла брюссельскую капусту для Хрюкки. Дрозду понравились окрестности Фантиппо, он поселился там и частенько выполнял поручения доктора.

— Посылка эта очень ценная, — наставлял дрозда доктор Дулиттл, — даже если остановишься на отдых, ни на минуту не спускай с нее глаз.

Дрозд улетел, а Джон Дулиттл отправился в Фантиппо, чтобы навестить короля Коко, король охотно принимал у себя доктора и любезно угощал его леденцами.

— Не знает ли ваше королевское величество, — спросил доктор у короля, — белого человека, который заходил вчера ко мне на почту? У него ужасное лицо и жадные, косящие глаза.

Король сразу же догадался, о ком говорит доктор Дулиттл.

— Это Джейкоб Уилкинз, — ответил король. — Я давно его знаю, много лет тому назад он рыскал у моего берега и искал жемчуг, но так ничего и не нашел. А потом он отплыл в южные моря. Говорит, что жемчуга там видимо-невидимо. Не связывайтесь с ним, доктор! Он прожженный плут, ради денег пойдет на любое преступление.

В душе доктор порадовался, что успел отослать жемчужины. А вслух сказал:

— Ваше королевское величество, я уже полгода работаю на почте, и пора подумать об отдыхе. Не соблаговолите ли вы дать мне отпуск?

— И где же вы собираетесь отдыхать? — спросил король Коко.

— Я поплыву к северу, к островам Харматтан, — ответил доктор.

— Как хорошо! — обрадовался король. — Это там, где правит мой старый друг вождь Ням-Ням. Ему принадлежит клочок берега и сами острова. Он сам очень беден, и

народ его беден, но они честные люди. Наверное, поэтому они и бедны, — тихонько добавил король. — Кланяйтесь от меня моему старому другу.

Доктор поблагодарил короля и вернулся на плот. Утром он уже плыл на север. С собой он взял только Крякки. Почта осталась на попечении О'Скалли, Проворного и Горлопана.

У берега Фантиппо им встретила яхта. На палубе стоял заросший щетиной, косоглазый человек. Это был Джейкоб Уилкинс.

К вечеру доктор уже высадился на берег неподалеку от островов Харматтан. На берегу стояла деревня в два десятка тростниковых хижин. Это и были владения вождя Ням-Няма.

Племя и вправду оказалось очень бедным. В течение многих лет сильные соседи нападали на старого вождя и отнимали у него по кусочкам владения. Самые богатые и плодородные земли уже давно были в руках соседей.

Весь некогда великий народ ютился в жалкой деревне на узкой и каменистой полоске морского берега.

Доктор беседовал с вождем, когда в хижину влетел Проворный и взволнованно прощелбетал:

— Господин доктор! Кража! Грабеж! Пропали жемчужины! Дрозд вернулся на почту и сказал, что по пути его ограбили!

Г л а в а 2

ПРОПАЖА

Доктор наспех попрощался с вождем Ням-Нямом, опрометью выскочил из хижины и прыгнул в лодку. Там его уже ждали Горлопан и Крякки. Подальше от них, нахолившийся и с виноватым видом, сидел дрозд.

— Как же это случилось? — спросил доктор Дулиттл. — Ведь я тебе говорил: ни на минуту не спускай с посылки глаз!

— Прошляпил! — набросился Горлопан на незадачли-

вого почтальона. — Проворонил жемчужины! Ворона ты, а не дрозд!

— Не кричи и не бранись, — осадил воробья доктор Дулиттл. — Криком горю не поможешь.

— Я не виноват, господин доктор, — принялся оправдываться дрозд. Он очень волновался, хватал воздух широко открытым клювом. — Я полетел напрямиком на скалы Харматтан, по самой короткой дороге. Но по пути я встретил свою родную сестрицу. Она сидела на дереве в лесу, над которым я пролетал. Мы с ней так давно не виделись, и мне показалось, что не случится ничего плохого, если я с ней минутку пощебечу. Я сел рядом. Щебетать с посылкой в клюве нельзя, поэтому я положил посылку позади себя на ветку. А когда оглянулся, чтобы взять посылку и улететь, ее там уже не было.

— Может быть, посылка упала с ветки на землю? — с надеждой спросил доктор. — Ты не искал ее внизу в кустах?

— Нет, упасть она не могла, — ответил дрозд. — Я положил посылку в развилку на ветке. Ее украли.

— Неслыханно! — вознегодовал доктор. — Что же это такое! Нашу почту ограбили!

— Держу пари, что это сделал Джейкоб Уилкинс, косоглазый охотник за жемчугом, — сказала Крякки. — Если у человека такое лицо, то он способен на что угодно. Он единственный из людей, кто знал, что вы собираетесь отправить жемчужины по почте. Он, и никто другой! И пусть меня поджарят с яблоками, если это не так!

— А ведь король Коко предупреждал меня, что Уилкинс — отпетый негодяй. Надо немедленно возвращаться в Фантиппо и отыскать его. За пропажу посылки отвечает почта, и если жемчужины похитил Джейкоб Уилкинс, я должен во что бы то ни стало получить их обратно. С сегодняшнего дня все почтальоны получают от меня строжайший приказ — ни под каким видом не разговаривать на работе ни с родными, ни с двоюродными сестрами.

Уже взошла луна. Доктор сидел в лодке и палетал на весла. Рядом с ним примостились утка и воробей. Проворный и дрозд улетели коротким путем на почту.

— А что же вы скажете Уилкинсу? — спрашивала утка. — Такой разбойник только посмеется над вами. До-

бром он жемчужины не вернет, это уж как пить дать. Как жаль, что у вас нет с собой пистолета. Может быть, позвать на помощь О'Скалли и тяни-толкая?

— Нет-нет, — ответил доктор, — нам надо торопиться, пока разбойник не снялся с якоря и не уплыл из Фантиппо. Попробую-ка я с ним сначала поговорить по-хорошему. Ну а потом... А потом что-нибудь придумаем.

— Нечего с ним говорить по-хорошему, — воинственно чирикнул Горлопан. — Мы ему зададим перцу. Мы и не таких видали!

— Не храбрись заранее, — осадила воробья Крякки. — Посмотрим, что ты запоешь, когда увидишь эту мерзкую разбойную рожу. А вам, доктор, я вот что предложу. Полечу-ка я вперед и высмотрю, где стоит его яхта, а потом вернусь и все вам расскажу. Может быть, его и на яхте уже нет.

— Умница! — похвалил утку доктор Дулиттл. — Может быть, нам надо искать его совершенно в другом месте.

Прошел час. Доктор упорно греб, лодка скользила по залитой лунным светом воде. Горлопан дремал. Вдруг он встрепенулся, и в то же мгновение у них над головами послышался шум крыльев. С тихим кряканьем утка опустилась на лодку. Она была взволнована и даже дрожала от нетерпения, так ей хотелось поскорее сообщить важную новость.

— Разбойник у себя на яхте, доктор! И жемчужины у него! — выпалила Крякки. — Я заглянула к нему в окошко и увидела, как он при свече пересчитывает и перекладывает жемчужины.

— Негодяй! — подпрыгнул от возмущения воробей.

— Впервые я согласен с тем, что ты говоришь о человеке, — сказал доктор и налег на весла. — Только бы он не ушел из Фантиппо до нашего возвращения.

Наконец в предрассветных сумерках показались очертания яхты охотника за жемчугом. Доктор тихо опускал весла в воду. Он боялся, что плеск спугнет Уилкинса и тот успеет поднять якорь.

Но вот доктор уже причалил к яхте, привязал лодку к якорной цепи, а сам вскарабкался на палубу и на четвереньках пополз к светящемуся окошку. Еще не рассвело.

Тихо, как тень, доктор спустился по лестнице и открыл дверь в каюту. Косоглазый Уилкинс все еще сидел за столом и пересчитывал жемчужины. На койках у стены спали еще двое таких же небритых и разбойного вида мужчин.

Наверное, Уилкинс был скуперджем и жалел масло на дверные петли. Дверь заскрипела, охотник за жемчугом вскочил как ужаленный, увидел доктора и тут же выхватил из-за пояса пистолет.

— Один шаг — и я стреляю! — рявкнул он.

Доктор застыл на месте как вкопанный. Он не мог отвести взгляд от черного дула пистолета и лихорадочно размышлял, что же делать дальше. И тут Крякки проскользнула под стол и своим крепким клювом ущипнула Уилкинса за ногу.

Уилкинс вскрикнул от боли и замахнулся ногой на утку. Но ударить ее он не успел, потому что Горлопан бросился на него сверху и клюнул прямо в лоб. Пистолет дрогнул в руке охотника за жемчугом, и доктор прыгнул ему на спину. Противники упали на пол.

Они катались по полу, опрокидывая все вокруг. Уилкинс пытался освободить руку с пистолетом, но доктор вцепился в нее мертвой хваткой. Утка прыгала рядом, хлопала крыльями и успевала время от времени ущипнуть Уилкинса.

Откуда только у Джона Дулиттла, невысокого и толстенного мирного доктора, взялись силы? Он сражался как лев, заставил своего противника выронить пистолет и уже впился ему в горло, но... Но шум сражения разбудил спящих в каюте сообщников. Они вскочили на ноги и бросились на помощь Уилкинсу.

Джона Дулиттла ударили по голове, и он упал без чувств. Когда он пришел в себя, то обнаружил, что лежит на дне собственной лодки, Горлопан поливает ему лицо водой, а Крякки пытается своим крепким клювом рвать узлы на веревке, которой его связали по рукам и по ногам.

— Где Уилкинс? — спросил слабым голосом доктор Дулиттл.

— Сбежал, — ответила Крякки. — Сбежал с жемчужинами и сообщниками. Они перетащили нас и лодку, но

ставили паруса и уплыли. Они очень спешили, то и дело поглядывали в подзорную трубу на море и что-то говорили о сторожевых кораблях. По-моему, на их совести не одно черное дело. Наверняка их уже ищут, чтобы судить и повесить. Никогда в жизни не видела более подозрительной шайки. Ну вот, руки у вас теперь свободны. Ноги вы себе развяжете сами. Как вы себя чувствуете, доктор?

— Голова болит и кружится, — ответил доктор Дулиттл. — Ничего страшного, я жив, а это главное. Скоро приду в себя.

Джон Дулиттл развязал узлы на ногах, встал и посмотрел на море. Далеко на востоке исчезали в дымке паруса яхты Джейкоба Уилкинса и его сообщников.

— Ты был прав, Горлопан, этот человек — негодяй, — сказал сквозь стиснутые зубы доктор Дулиттл.

А что еще он мог сказать?

Глава 3

ЖЕМЧУЖИНЫ И БРЮССЕЛЬСКАЯ КАПУСТА

Грустный и подавленный, доктор сел за весла.

— Я только загляну на почту, а потом сразу же вернусь к вождю Ням-Ням, — сказал он. — Скорее всего, жемчужины пропали безвозвратно. Больше мы их не увидим.

— Может быть, сторожевой корабль все-таки поймает Уилкинса? — спросила утка. — В конце концов вор всегда попадается.

— Если Уилкинс и попадется, то будет уже поздно, — вздохнул доктор. — Он постарается поскорее сбить их с рук. Ему ведь нужны деньги, и только деньги. А маленькие утята так радовались жемчужинам! Я один во всем виноват. Но не стоит лить слезы, жемчужины не вернешь.

На почтовом плоту творилось что-то странное. Вокруг тревожно виляла стая ласточек. Доктор причалил к плоту и поспешил в почтовый домик.

Внутри было тесно от птиц и зверей. Все сгрудились вокруг стола, на котором стояла маленькая рыжая белка с черными ушками. Перепуганный насмерть зверек был связан красной тесемкой, которой на почте обвязывали посылки. Белка дрожала и затравленно озиралась. По обе стороны от нее стояли на страже Проворный и дрозд, потерявший посылку с жемчужинами.

— Что все это значит? — грозно спросил доктор Дулиттл. — Как вы посмели связать белку?

— Мы поймали вора, который украл жемчужины, — гордо ответил Проворный.

— Мы отняли у него жемчужины! — победно сказала Бу-Бу. — Теперь жемчужины лежат в ящичке с марками, а О'Скалли сторожит их.

— Ничего не понимаю! — развел руками доктор. — Ведь жемчужины украл разбойник Джейкоб Уилкинс!

Джон Дулиттл подошел к ящичку с марками, открыл его и увидел жемчужины. Это и в самом деле были три прекрасные розовые жемчужины, те самые, что он отправил посылкой на скалы Харматтан.

— Где же вы их нашли? — спросил доктор у Проворного.

— Пока вы плыли к Фантиппо, — начал рассказывать Проворный, — мы с дроздом полетели к дереву, где он потерял посылку. Уже стемнело, поэтому мы устроились на ночлег на ветке, чтобы отдохнуть, а с утра отправиться на поиски. Когда рассвело, мы увидели вот эту белку, она прыгала с ветки на ветку, а в зубах держала розовую жемчужину. Мы бросились на нее, отняли жемчужину и заставили сказать, где спрятаны две остальные. А когда все три жемчужины оказались у нас, мы связали белку и доставили сюда.

— Здесь какая-то путаница. Белки не едят жемчуг, — сказал доктор и внимательно посмотрел на связанную красной ленточкой «преступницу». — Почему ты украла жемчужины? Зачем они тебе понадобились.

Несчастливая белка продолжала дрожать и не отвечала. Доктор Дулиттл развязал ее и повторил вопрос.

— Я думала, что это брюссельская капуста, — сказала белка и всхлипнула. — Недели две тому назад мы с мужем сидели на ветке и вдруг почувствовали запах брюсс-

сельской капусты. Ах, брюссельская капуста! Это так вкусно! Мы огляделись и увидели большую стаю дроздов. Каждый из них держал в клюве маленькую капустную головку. Они летели очень низко над лесом, и мы так надеялись, что птицы останутся на ночлег в нашем лесу и оставят нам хотя бы немножко, хотя бы две-три головки брюссельской капусты. Но дрозды пролетели мимо. И вот вчера утром я вдруг увидела дрозда со свертком в клюве. «Он снова несет брюссельскую капусту, — подумала я. — Попробую-ка я подкрасться к нему незаметно. Может быть, мне удастся полакомиться». Как только дрозд сел на ветку и отвернулся, я схватила сверток и была такова. А когда мы нашли в нем только эти блестящие камушки, то страшно огорчились. Сначала я подумала, что это леденцы из Фантиппо — я много о них слышала. Но сколько я их ни грызла, во рту сладко так и не стало. Не нужны мне эти камни, заберите их себе, а меня отпустите на свободу.

— Мне жаль, что так получилось, но ты сама виновата, — сказал белке доктор Дулиттл. — Сейчас Крякки отнесет тебя на берег, а дальше уж добирайся домой сама. И запомни: нельзя грабить почту, так поступают только разбойники. Если тебе захотелось полакомиться брюссельской капустой, почему ты не обратилась ко мне?

— Да потому что краденое всегда вкуснее, — зачирикал Горлопан. — Подарите вы ей гору орехов, она не удержится и стащит еще хотя бы один. Не отпускайте ее, доктор. Лучше мы будем ее судить по всем правилам. А судьей буду я, и уж тогда-то от каторги ей не отвертеться. Два года принудительных работ на кухне у Крякки! Пусть драит посуду с утра до вечера.

— Ни в коем случае! — возразил доктор. — В конце концов что она сделала? Обычные детские шалости, не больше!

— Хороши детские шалости! — не унимался Горлопан. — У нее уже дети, какой пример она им подает! Все белки одним миром мазаны, уж кто-кто, а я их насквозь вижу! В Лондонском парке их видимо-невидимо, а какие наглые! Не успеешь оглянуться, как уже стянули корочку хлеба из-под самого носа и спрятались в дупле.

— Если ты не прекратишь, — сказал доктор Дулиттл

Горлопану, — то я буду тебя судить, и тогда тебе не по-доровится. Нельзя же так!

— Иди сюда, — сказала Крякки белке, — я отнесу тебя на берег. Твое счастье, что доктор Дулиттл такой добрый. По чести говоря, Горлопан прав — наказать тебя следовало бы.

Утка взмахнула крыльями, схватила белку своими крепкими лапами и полетела к берегу.

— Возвращайся поскорее, Крякки! — крикнул ей вслед доктор Дулиттл. — Мы снова поплывем к Ням-Няму.

Было уже за полдень, когда Джон Дулиттл отплыл к скалам Харматтан. На этот раз с ним отправились в путь не только Крякки, но и О'Скалли, Хрюкки и белая мышь.

Конечно, белая мышь почти ничего не весила, но поросенок был толстенький и упитанный, да и О'Скалли был не маленьким, поэтому лодка двигалась вперед медленно. Доктор греб с трудом, и только к вечеру они добрались до деревни вождя Ням-Няма.

Старик вождь угостил их ужином. Но еды было так мало, что все остались полуголодными.

— Прости меня, белый человек, — сказал вождь, — но еды у нас немного. Некогда у моего племени были и леса с дичью, и луга со стадами скота, и возделанные поля. Соседи завидовали нам, пошли на нас войной и отняли все, что мы имели. Мы не могли защищаться, потому что их было больше и их воины были сильнее. Особенно сильное войско у короля Дагомеи. Он набирает в войско только женщин, но все они огромного роста и ужасно сильные. Сражаются они дубинками и так ловко ими орудут, что ни один из наших мужчин не может выстоять в бою.

Доктор сидел в хижине старого вождя, а в это время король Дагомеи, злейший враг всех мирных соседей, отправил свое войско на морской берег, чтобы захватить последние владения Ням-Няма. Он уже давно хотел это сделать, несмотря на то что клочок каменистой земли был ему ни к чему. Такая уж натура у него была — воевать, грабить и захватывать было для него лучшей забавой.

И вот когда доктор, его звери и жители деревни мирно спали, на них с громкими воплями напало женское войско короля Дагомеи.

Все вскочили и схватились за оружие. Но в темноте сражаться плохо, воины племени Ням-Няма часто принимали своих же сородичей за врагов и наносили им удары.

Доктор Дулиттл стоял у стены хижины вождя и кричал:

— Остановитесь! Одумайтесь! Давайте решим дело миром!

Но никто его не слушал. А когда рассвело, в деревне не осталось ни одного человека из племени Ням-Няма. Все они сбежали в лес и спрятались в густых зарослях. А в деревне хозяйничали высокие и сильные солдаты-женщины короля Дагомеи. Они ходили по хижинам и вытаскивали оттуда скудный скарб побежденных. Увы, таковы правила войны — бой всегда кончается грабежом.

— Прекратите немедленно! — крикнул им доктор Дулиттл. — Как вам не стыдно!

Но они только смеялись над ним.

— Уходи, белый человек, подобру-поздорову. А не то мы схватим тебя и отведем к нашему королю и он сделает тебя рабом.

Белая мышь сидела на плече у доктора и с ужасом смотрела на женщин. Вдруг она тихонько пискнула доктору на ухо:

— Я никогда и ни с кем не воевала, но попробую справиться с этим войском. Если это и вправду женщины, то они должны бояться мышей. Позову-ка я себе на подмогу здешних мышей, и тогда посмотрим, чья возьмет.

С этими словами она прыгнула с плеча доктора и шмыгнула в ближайшую хижину. Скоро она вернулась, но не одна. Две сотни обычных серых мышей, живших в щелях и норках под негритянскими хижинами, шли за ней словно солдаты на параде. Все они дружно набросились на женщин и стали кусать их за ноги.

— Ай! Ай! Мыши! — в ужасе завопило войско короля Дагомеи и пустилось наутек.

Высокие, сильные женщины, привыкшие к сражениям, побросали на землю все награбленное и побежали без оглядки.

— Спасибо тебе, — сказал доктор Дулиттл белой мы-

ши. — Ты вправе гордиться, ведь ты — единственная в мире мышь, которая выиграла сражение с целым войском.

Глава 4

ЛОВЦЫ ЖЕМЧУГА

Племя Ням-Няма всё еще скрывалось в лесу. Доктор звал, искал туземцев, но те не откликались. Тогда он решил не тратить зря время и поплыть к скалам Харматтан.

Но где же они, эти скалы? В море не было видно ни островка.

Тогда утка полетела вдоль берега и увидела чайку. Та разгуливала по камням и изнывала от безделья.

— Добрый день, чайка, — сказала ей утка. — Не могла бы ты показать мне дорогу к скалам Харматтан?

— Конечно, — ответила чайка. — Лети все время прямо. А что тебе там понадобилось? Ведь домашние утки там не живут.

— Мне самой, конечно, там делать нечего, — сказала Крякки. — Но доктору Дулиттлу надо во что бы то ни стало посетить эти острова.

— Доктору Дулиттлу? — удивилась чайка. — Почему же ты мне сразу не сказала? Я сама провожу его к скалам Харматтан.

Доктор, О'Скалли, Хрюкки, Крякки и белая мышь плыли в лодке, а чайка летела впереди и показывала дорогу.

День выдался ясный и тихий. Светило солнце, плескалась вода. Что может быть лучше в такую погоду, чем морская прогулка?

Поросенок Хрюкки веселился, прыгал по лодке. Когда он увидел, что чайка время от времени подхватывает что-то с воды, он спросил:

— А что она делает?

— Ест водоросли, — ответил доктор.

— Так эту траву можно есть? — воскликнул Хрюкки.

Он бросился на нос лодки, перегнулся через борт и подхватил клок морских водорослей. При этом лодка ед-ва-едва не перевернулась.

— Немедленно прекрати, Хрюкки! — вскричал доктор. — Мы же все утонем!

И доктор строго-настрого приказал поросенку сидеть на дне лодки и не шевелиться. Хрюкки обиженно притих и только косил глазом на проплывающие мимо длинные стебли водорослей.

Африканский берег уже скрылся из вида, зато впереди появилось несколько крошечных скалистых островков. Это и были, по словам чайки-проводника, скалы Харматтан.

Скалы были черны от гнезд морских птиц, а в воздухе вились чайки, крачки, альбатросы, бакланы, гуси и утки. Не успела лодка причалить к берегу, как все они слетелись, чтобы посмотреть на чужака, осмелившегося вторгнуться в их владения. А когда чайка-проводник сказала им, что этот невысокого роста толстяк не кто иной, как великий доктор Дулиттл, воздух задрожал от птичьих криков.

Нетрудно было понять, почему морские птицы облюбовали себе для жительства эти острова. Со всех сторон вокруг торчали камни. О них с грохотом разбивались морские волны. А дальше за камнями были спокойные бухты и заливы, куда не заходил ни один корабль. Казалось, что даже маленькая лодочка не сможет прошмыгнуть среди камней и отмелей. И только с помощью птиц доктор Дулиттл сумел провести свою лодку к самому большому острову.

Теперь доктору Дулиттлу стало ясно, почему острова Харматтан остались во владении вождя Ням-Няма. Бесплодные и каменистые, голые, без единой травинки, открытые ветрам и бурям, они никого не соблазняли. По правде, самому вождю Ням-Няму и его племени они тоже были не нужны. Никто из людей сюда и не заглядывал.

— Мне здесь не нравится, — сказал Хрюкки, вылезая из лодки. — Здесь нет ничего, кроме скал и воды. Не понимаю, зачем мы сюда приплыли.

— Я хочу найти здесь жемчуг, — ответил доктор. — Но сначала я поговорю с уткой-широконоской. Я должен вернуть ее детям игрушки. Будь так добра, Крякки, полетай среди этих птиц и найди ее. Самому мне с этим делом не справиться.

Крякки полетела на другие островки, чтобы найти там ту самую широконоску, которая прислала жемчужины доктору Дулиттлу. Тем временем доктор присел на камень на берегу, и тут же к нему один за другим пошли пациенты. У кого-то из птенцов болело горло, кто-то объелся устрицами, гусята плохо росли — им не хватало витаминов. О'Скалли носился по берегу за крабами, а те молча пятились к воде и грозно щелкали клешнями. Мышка при виде хищных клювов и острых когтей спряталась к доктору в карман. Хрюкки грустно сидел рядом с доктором: ему на этом острове было скучно, здесь не было ничегошеньки съестного.

Вскоре вернулась Крякки, доктор сел в лодку и отправился к утке-широконоске на другой остров.

Широконоска ждала доктора на берегу. Как только лодка пристала к берегу, широконоска заковыляла навстречу доктору и сказала:

— Простите, господин доктор, что я сама не полетела к вам, но я боюсь оставить детей одних. К нам на остров повадился морской орел, как бы он не утащил моих малышей. — И она с нежностью посмотрела на двух маленьких, кругленьких, едва оперившихся утят. Они еще не умели летать и топтались рядом с матерью.

Доктор Дулиттл протянул им на ладони розовые жемчужины. Утята радостно крякнули, подхватили жемчужины клювами и принялись бегать по песку, играя ими, словно настоящими мячами.

Утка смотрела на своих детишек с материнской гордостью.

— Замечательные утята! — сказал доктор широконоске. — Как хорошо, что я сумел добраться сюда и вернуть им игрушки.

— Да, им эти камешки очень нравятся, — ответила мать. — Кстати, господин доктор, я вас спрашивала в письме, что это такое? Вы представляете, я их нашла между створками устрицы.

— Люди называют эти камушки жемчугом, — объяснил доктор, — и ценят их очень высоко. Богатые женщины носят целые жемчужные ожерелья. За одну такую жемчужину можно купить дом с садом.

— Тогда оставьте эти жемчужины себе, — предложила широконоска. — И купите себе дом с садом.

Но доктор отказался:

— Нет-нет, дом у меня уже есть. Посмотри, как весело утятам играть жемчужинами. Не могу же я в самом деле отнять у них игрушку.

— Могли бы поиграть и обычными камушками, — проворчала себе под нос Крякки.

Но доктор, к счастью, не услышал ее, иначе он рассердился бы и выбрал бы Крякки. Но он продолжал беседовать с широконоской:

— Жемчужины растут в устрицах. Сначала песчинка попадает внутрь устрицы, а потом вокруг нее нарастает жемчужина. Вы, утки, любите полакомиться устрицами, наверное, жемчужины тебе встречались и раньше.

— Нет, раньше они мне не попадались, — покачала головой широконоска. — А ту устрицу я взяла вон на той скале. Баклан натаскал их из моря целую гору, но съесть все не смог и улетел. Там еще много осталось. Пойдемте попробуем открыть еще несколько устриц, может быть, в них тоже лежат жемчужины?

Они отправились на другой край островка. Там, на скале, и вправду лежала куча устриц. Доктор открывал их одну за другой, но все они были пусты.

— А где бакланы собирают устриц? — спросил доктор Дулиттл.

Широконоска ответила:

— В море между этими двумя островами. Но там глубоко, и мне их не достать со дна.

— Попробую-ка я понырять там, — предложила Крякки. — Конечно, я не из породы нырков, но вдруг мне повезет и я добуду несколько жемчужин.

Крякки выплыла в море, нырнула и с трудом достала со дна несколько устриц. Потом она нырнула еще раз и еще раз. Крякки приносила устриц доктору на берег, и они с волнением — а вдруг там жемчужина? — открывали раковину. Но внутри были только жирные и вкусные устрицы и больше ничего.

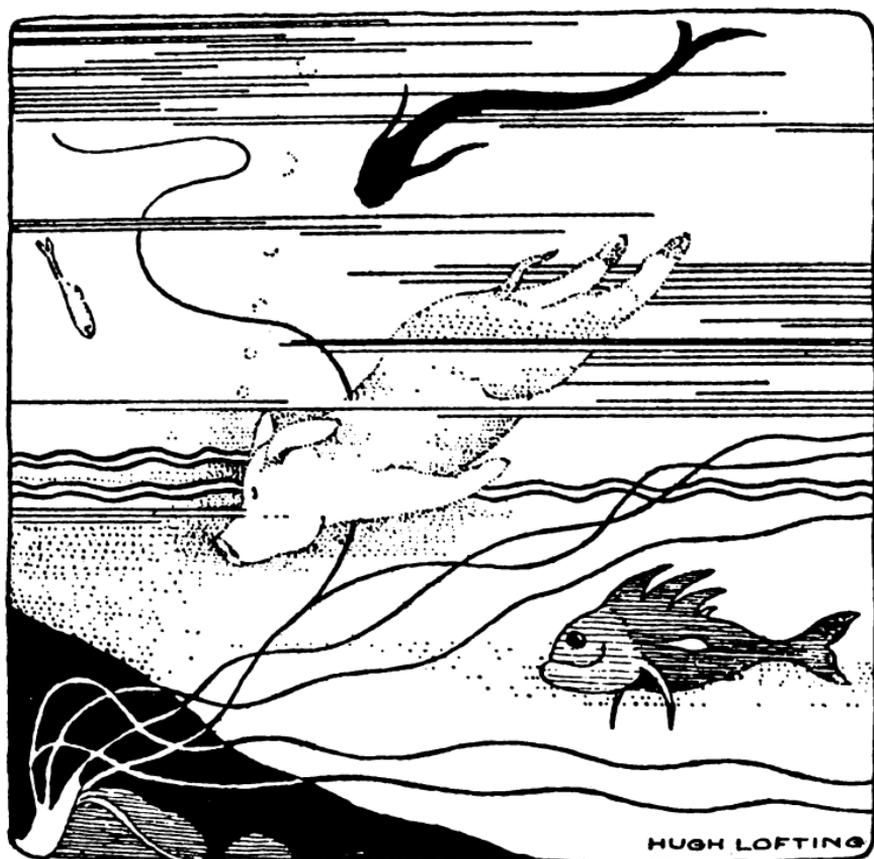
— Теперь попробую понырять я, — сказал доктор Дулиттл. — В детстве я неплохо нырял.

Он сел в лодку вместе со своими зверями и отплыл от берега. В море он набрал побольше воздуха в грудь и бросился в воду. Вода была удивительно чистая и прозрачная, и О'Скалли с Хрюкки внимательно следили, как доктор погружается в глубину.

Но вот он вынырнул, громко фыркнул и с трудом перевел дух. В руках у него не было ничего, кроме морской травы.

— Посмотрим, может быть, мне больше повезет! — воскликнул О'Скалли и бросился в воду.

Разве мог поросенок остаться в стороне? Он влез на край лодки и тоже плюхнулся в воду.

HUGH LOFTING

— Ты куда? — только и успел крикнуть ему доктор. — Остановись!

Но Хрюкки уже успел нырнуть. Он так быстро загребал копытцами, что даже зарылся с головой в песчаное дно, и пришлось доктору Дулиттлу с О'Скалли откапывать его и выволакивать на поверхность.

— Я тоже хочу наловить жемчуга! — прохрюкал поросенок, когда его втащили в лодку. Он кашлял и выплевывал изо рта песок вперемешку с водорослями.

Доктор Дулиттл строго погрозил ему пальцем:

— Нет уж, ловца жемчуга из тебя не получится. Сиди в лодке и больше не прыгай в воду.

О'Скалли и доктор нырнули еще несколько раз и сумели вытащить не больше дюжины устриц. Ни в одной из них не было жемчужины, даже самой маленькой.

— Похоже, из нас ловцов жемчуга не получится, — сокрушенно сказал Джон Дулиттл. — Скорее всего, здесь жемчуга нет и в помине, а те три жемчужины попали сюда случайно.

Но Крякки возразила доктору:

— А я уверена, что жемчуг здесь есть и его здесь видимо-невидимо. Надо только порасспросить баклана, который собрал ту кучу устриц, где широконоска нашла жемчужины.

Пока доктор одевался, Хрюкки вытряхивал песок из ушей, а О'Скалли носился по берегу, чтобы обсохнуть, Крякки полетела на поиски баклана. Через полчаса она вернулась с большой черной птицей.

— Это он, — сказала Крякки. — Это он выловил ту гору устриц.

Доктор обрадовался баклану и сказал:

— Не мог бы ты мне подсказать, где на этих островах можно найти жемчуг?

— Жемчуг? А что это такое? — удивилась птица, и перья у нее на голове встали хохолком.

Крякки быстро полетела к утятам широконоски, взяла у них жемчужины и принесла их, чтобы показать баклану. Только теперь непонятливая птица догадалась, о чем говорит доктор.

— Ах, эти камушки! Но они бывают лишь в испорченных устрицах.

— Что значит — в испорченных устрицах? — настала очередь удивляться доктору Дулиттлу.

— Устрицы с этими камушками очень плохо пахнут. Они невкусные. Наверное, они больны. Я никогда их не ем.

Доктор Дулиттл не переставал удивляться:

— Так ты отличаешь устриц под водой по запаху?

— Ну конечно! Меня еще мама этому научила, а было это — дай Бог памяти — лет десять тому назад, не меньше.

— Так вот почему мы не нашли ни одной жемчужины в той горе устриц! — воскликнула Крякки и от волнения захлопала крыльями. — Теперь у нас будет жемчуга, сколько мы захотим!

Тут доктору Дулиттлу пришлось одернуть утку:

— И не думай об этом. Эти острова принадлежат вождю Ням-Няму и его племени. Только он вправе распоряжаться жемчужинами.

— Господи! — сокрушенно вздохнула утка. — Виданное ли дело, чтобы человеку богатство само плыло в руки, а он отказывался? Конечно же туземцы разбогатеют, а мы снова останемся на бобах.

— Не ворчи, Крякки, не ворчи, — сказал доктор. — А ты не мог бы принести мне пару подпорченных, больных устриц? — спросил он у баклана.

Птица кивнула головой и ответила:

— С удовольствием, господин доктор. Если вам понадобится хоть сотня таких устриц, мы с друзьями вмиг их вам принесем.

Баклан взмыл в воздух и недалеко от берега камнем упал в воду. Не успели наши друзья и глазом моргнуть, как он уже вынырнул. В лапах и в клюве баклан держал по устрице.

Затаив дыхание, звери смотрели, как доктор открывает створки. В первой устрице лежала маленькая серая жемчужинка, во второй — средняя, розовая, а в третьей — две огромные черные жемчужины.

Глава 5

ОБОМБО

Уже к вечеру доктор вернулся в деревню Ням-Няма. Среди тростниковых хижин царило необычное оживление. Туземцы шумели, перебивали друг друга, размахивали руками. Старый вождь стоял на пороге хижины. Заметив своего друга Джона Дулиттла, он пригласил его зайти.

Когда доктор вошел внутрь хижины, вождь закрыл дверь и рассказал ему о причине волнения подданных.

— Выслушай меня, белый человек. Тяжелые испытания выпали мне на старости лет. Сорок лет я был вождем моего народа, меня уважали и слушались. Теперь у нас

нет хлеба, потому что на скалах он не растет. У нас нет рыбы, потому что лодки отняли жадные соседи. Матери с голодными детьми выпрашивают у меня на пороге моей хижины хоть горсть муки, а мне им нечего дать. Наверное, я плохой вождь, поэтому мой зять Обомбо требует, чтобы племя избрало вождем его. Я устал и готов передать власть ему, но я знаю, что он бездельник и сразу же начнет войну с соседями. Но разве когда-нибудь война наполнила желудки подданным? О, почему я дожил до этого дня!

Старый вождь упал на землю и залился слезами. Доктор Дулиттл сел рядом с ним и сказал:

— Полно плакать, вождь Ням-Ням. Сегодня я открыл такое, что сделает твой народ богатым и счастливым. Выйди к своему племени и скажи, что я, посланец короля Коко, обещаю им достаток, если они согласятся пожить под твоей властью еще неделю.

Ням-Ням открыл дверь хижины и произнес длинную речь. Когда вождь умолк, из толпы выступил его зять Обомбо и закричал:

— Не слушайте его! Что он может нам обещать?! Лучше прогнать старика в дикие джунгли, и я поведу вас к победам...

Но закончить ему не дали.

Из толпы послышались голоса:

— Молчи!

— Мы верим белому человеку!

— Наш старый вождь всегда заботился о нас!

— Мы не хотим воевать!

В Обомбо полетели камни и комья грязи. Пришлось ему самому бежать в джунгли, чтобы спастись от гнева соплеменников.

Страсти улеглись, туземцы разошлись по хижинам, а доктор Дулиттл взялся за дела. Дважды в день он со старым вождем плавал на лодке к скалам Харматтан. Бакланы доставали с морского дна «подпорченных» устриц и складывали их на берегу. Доктор раскрывал створки, вынимал жемчуг, паковал его в коробочки и рассылал его птичьей почтой ювелирам.

Племя вождя Ням-Няма стало богатеть. Как только у них появились деньги, в селение потянулись купцы с то-

варами. И если раньше у туземцев не было хлеба, то теперь у них была и одежда, и скот, и лодки, и даже корабли. Бедная деревня очень быстро превратилась в большой город. На его шумном базаре покупали и продавали все.

Соседи спрашивали себя: «Откуда у нищего племени появились деньги?» — и не находили ответа. По совету доктора Дулиттла, вождь Ням-Ням держал в тайне всю историю с жемчугом.

Однако чужое богатство не дает людям спать. Соседи послали в страну вождя Ням-Няма лазутчиков, и те выследили доктора Дулиттла и жемчужные острова.

Эмир страны Эллубуба набрал большое войско, половину войска послал на лодках захватить скалы Харматтан, а сам с другой половиной напал на город вождя Ням-Няма, выгнал его жителей в дикие джунгли, а доктора Дулиттла и старого вождя бросил в тюрьму. Теперь у бедного племени и вовсе не осталось своей земли.

Бежавшие в джунгли туземцы не знали, что делать. И тут к ним снова пришел Обомбо.

— Теперь вы видите, — говорил он, — до чего довел вас белый человек. Почему вы не поверили мне, мы бы сами напали на страну Эллубуба и завоевали ее.

Напуганные туземцы согласно кивали головами, но броситься в бой не спешили.

Эмир Эллубубский не разрешил ни Крякки, ни Хрюкки, ни О'Скалли пойти в тюрьму вместе с доктором. А они хотели во что бы то ни стало оказаться рядом с ним. Пес даже укусил эмира за ногу. В наказание тот велел посадить О'Скалли на цепь.

В темнице, куда бросили доктора Дулиттла, не было окон. Он сидел в темноте со связанными за спиной руками и разговаривал сам с собой:

— Боже мой, я опять попал в тюрьму, и никого из друзей нет рядом. К тому же эта тюрьма хуже всех остальных — глухие стены и ни одного окошка. Как бы то ни было, тюрьма тоже человеческое жилище, а его надо проветривать.

Вдруг что-то шевельнулось в его кармане, оттуда выглянула белая мышь. Еще накануне вечером она устроилась в кармане у доктора на ночлег и проспала все: и бой, и поражение, и тюрьму.

Доктор вскричал от радости:

— Какое счастье! Только ты мне сейчас можешь помочь! Ну-ка полезай мне на спину и перегрызи веревку, которой мне связали руки.

— Сейчас, — пискнула мышь. — Вы только скажите, почему здесь так темно? Неужели я проспала весь день?

— Нет, — ответил доктор, — даже до полудня еще далеко. Просто-напросто меня посадили в тюрьму. Пока ты спала, эмир Эллебубский напал на нас, захватил город — и вот я здесь. Что за невезение! Но хуже всего то, что ни О'Скалли, ни Крякки, ни Хрюкки не позволили пойти со мной.

В то время как доктор Дулиттл рассказывал о сражении, белая мышь влезла ему на спину, добралась до веревки и принялась точить их своими маленькими острыми зубками. Веревки были толстые, но мышь грызла и грызла их, и наконец они упали на пол.

— Спасибо, — поблагодарил белую мышь доктор Дулиттл и принялся растирать затекшие руки. — Какое счастье, что ты уснула в моем кармане. Должен признаться, что тюрьма эмира Эллебубского — самая ужасная из всех, где мне пришлось побывать.

А в это время эмир Эллебубский пировал в своем дворце, празднуя со своими вельможами победу. Теперь острова Харматтан должны были называться — «Жемчужные прииски его величества эмира Эллебубского». Под страхом смертной казни запрещалось кому бы то ни было высаживаться на островах, а шесть свирепого вида воинов должны были плавать туда каждый день и забирать выловленных бакланами устриц.

Птицам нет дела до человеческих неурядиц, поэтому бакланы ничего не знали ни про войну, ни про то, что доктор Дулиттл сидит в тюрьме. Когда воины эмира приплыли на острова и забрали устриц с жемчужинами, все птицы подумали, что это люди вождя Ням-Няма, и даже не попытались помешать им увезти улов.

И все же справедливость на свете существует. Так уж получилось по чистой случайности, что в тот день в устрицах оказались только маленькие серенькие жемчужинки, за которые ничего не выручишь.

О'Скалли сидел на цепи, поросенок спрятался в кустах, чтобы не попадаться на глаза воинам эмира, а утка тщетно пыталась освободить пса от ошейника. Они очень хотели помочь доктору, но не знали, как пробраться в темницу без окон.

А доктор в те минуты уже беседовал с белой мышью.

— Ах, если бы я мог передать весточку Крякки, — говорил он. — Да только как это сделать?

— Я могу передать, — пискнула мышь. — Здесь в углу есть старая крысиная нора. Сейчас я проверю, куда она ведет.

Белая мышь юркнула в норку, затем вернулась и сказала:

— Нора выходит наружу около дерева по другую сторону дороги.

Доктор обрадовался:

— Что бы я без тебя делал? Беги найди Крякки и скажи ей, чтобы она немедленно полетела на скалы Харматтан и приказала бакланам не выносить на берег ни одной устрицы.

Мышь вылезла на улицу, отыскала Крякки и все ей передала слово в слово.

Утка взмахнула крыльями и полетела на острова, а мышь тем временем взялась за ошейник О'Скалли. Она грызла толстый кожаный ремень на шее у пса, а тот приговаривал:

— Давай же, мышка, давай поскорее. Уж теперь-то мы выручим доктора.

Крякки прилетела на острова вовремя. Не успела она рассказать бакланам, что случилось, как там снова высадились воины эмира Эллебубского, чтобы забрать новый урожай устриц. Птицы быстро выбросили все раковины в море, и сколько люди эмира ни искали, так ничего и не нашли.

Пришлось им вернуться к эмиру ни с чем.

— О эмир! — упали они перед ним на колени. — Мы не нашли на островах ни одной раковины с жемчугом.

Эмир затопал на них ногами и закричал:

— Олухи! Плывите снова на острова, но не смейте возвращаться с пустыми руками, а не то я прикажу отрубить вам головы!

И все же посланцы вернулись с пустыми руками. Эмир не стал рубить им головы, а призадумался. Почему вождь Ням-Ням находил на скалах Харматтап жемчуг, а ему, эмиру, не удается это сделать?

— Ваше величество, — сказал эмиру его генерал, — наверняка это козни белого человека. Именно он, белый человек, начал ловить устриц на островах и добывать жемчуг.

Эмир хлопнул в ладоши, и к нему тотчас же прибежали слуги.

— Отнесите меня в тюрьму, где сидит белый человек.

Эмира отнесли в паланкине в тюрьму, дверь открыли. Эмир встал на пороге и громко спросил:

— Почему я на моих островах не могу найти ни одной жемчужины? Отвечай, белый негодяй!

— Это не твои острова и не твой жемчуг, черный разбойник! — ответил Джон Дулиттл. — Ты украл их у старого, немощного Ням-Няма. Жемчуг находят в море птицы. Но это честные птицы и помогают они честным людям. Почему в твоей тюрьме нет даже окон? Разве можно держать пленников в такой душной темнице?

С эмиром никто так не разговаривал. Сначала он открыл рот от удивления, а затем в бешенстве заорал:

-- Как ты смеешь дерзить мне? Я эмир Эллебубский!

Но Джона Дулиттла было не так-то просто запугать.

— Ты вор и мошенник без стыда и совести, — сказал он. — Я не желаю с тобой разговаривать.

— Прикажи птицам работать на меня, а не то я заморю тебя голодом, — пригрозил эмир.

Доктор оставался непреклонен.

— Нет, нет и нет! Ты не получишь ни одной жемчужины с островов Харматтап.

— Что ж, посмотрим, у кого из нас больше терпения. Пока я не получу жемчуг, ты не получишь ни крошки хлеба и ни капли воды.

С этими словами эмир покинул тюрьму. Дверь закрылась, загрохотали замки. Доктор снова остался один в кромешной тьме душной темницы.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Эмир Эллебубский знал, что делал: пытка голодом — очень страшная пытка, и ни один пленник не может ее выдержать. Поэтому эмир был уверен, что через несколько дней доктор Дулиттл станет намного сговорчивее.

Но эмир Эллебубский не знал, что у доктора Дулиттла есть друзья и среди них — белая мышь. Днем и ночью она шныряла по домам, собирала крошки хлеба, сыра, овощей и носила их через нору в тюрьму. Она складывала крошки в цилиндр доктора, и к вечеру цилиндр наполнялся.

Может быть, эта пища была не такой вкусной, как стряпня Крякки, но вполне съедобной. К тому же что оставалось бедному доктору? Не мог же он позволить себе умереть с голоду в тюрьме у глупого эмира Эллебубского!

Намного труднее было доставлять доктору воду. Утка раскалывала лесные орехи, вынимала из них ядрышки, заполняла скорлупу водой и склеивала половинки смолой деревьев. Белая мышь катила орехи по норе прямо в темницу.

Но ведь в лесной орех помещается всего несколько капель воды! Поэтому белая мышь собрала своих родственников, лесных мышей, и они несли ей орех за орехом.

На четвертый день эмир Эллебубский послал слуг в тюрьму узнать, не согласен ли пленник на его условия. Слуги вернулись и сказали:

— О эмир! Белый человек не хочет уступать.

— Прекрасно! — воскликнул эмир. — Придется заморить его голодом. Через десять дней он умрет, а я приду в тюрьму и посмеюсь над ним. Такая смерть ждет всякого, кто осмелится возражать эмиру Эллебубскому.

Прошло десять дней. Эмир собрал своих министров и генералов и отправился в тюрьму, чтобы самому увидеть, как в страданиях умирает белый человек.

Но когда дверь темницы открылась, они увидели не худое, изможденное тело, а живого, довольного и улыбающегося доктора Дулиттла. Белый человек не только не

умер, он даже потолстел! Да оно и немудрено — ведь доктор в тюрьме вел неподвижный образ жизни.

Эмир снова открыл рот от удивления. Он так и застыл в дверях с разинутым ртом и не мог произнести ни слова. Накануне вечером генералы рассказали ему, что белый человек один обратил в бегство женское войско короля Дагомеи. Но эмир только отмахнулся — такое под силу лишь колдуну.

Но теперь эмир верил во все, что рассказывали про этого белого человека.

— Он колдун! Он знает черную магию! — дрожащим голосом шептал эмиру на ухо его министр. — Он даже потолстел! Ваше величество, отпустите его на свободу, пока он не накликал на нас беду! А что, если он убивает взглядом?

И перепуганный насмерть министр спрятался за спинами генералов. Эмир тоже струсил и сказал:

— Я освобождаю тебя, белый человек! Я не хотел тебя убивать. Я только решил проверить твоё могущество. Надеюсь, ты не прогневался на меня?

А доктор неожиданно встал в двери так, что опрометчиво вошедшие в темницу эмир и свита не могли из нее выйти, и сказал:

— Я не уйду отсюда и не выпущу тебя, пока в тюрьме не пробьют окон. Здесь же дышать нечем.

— Эй там, кто-нибудь! — крикнул эмир. — Немедленно приведите каменщиков, пусть пробьют окна.

— И я не уйду отсюда, пока ты не освободишь вождя Ням-Няма и не вернешь ему все, что отнял сейчас и раньше!

— Все будет как ты пожелаешь, — простонал эмир и заскрежетал зубами от ярости. — Только уходи поскорее...

— Я покидаю вас, — сказал Джон Дулиттл, — но если ты когда-либо осмелишься напасть на соседей, я вернусь! Запомни мои слова!

Доктор вышел из тюрьмы на залитую солнцем улицу. Перепуганный эллубубский люд разбежался при его появлении.

— Колдун! Идет колдун! На кого он посмотрит — тот погиб!

А белая мышь в кармане у доктора хохотала до слез.

И вот доктор Дулиттл вместе с вождем Ням-Нямом и всеми своими зверями покинули страну Эллубуба. По дороге к ним навстречу из джунглей выходили подданные старого вождя, все еще скрывавшиеся в лесах. Услышав весть, что страна их наконец свободна, что эмир Эллубубский возвращает им поля и луга, они шли вслед за вождем и доктором.

Когда они вернулись в город, Джон Дулиттл был похож на полководца, возвращающегося с победой, — столько людей шествовало за ним.

Теперь Ням-Няму никто не угрожал. Эмир боялся нарушить данное доктору Дулиттлу обещание, а король Дагомеи после бесславного бегства женского войска никогда больше не осмеливался нападать на соседей.

Бакланы снова начали ловить устриц, и вскоре благо-

получие и счастье поселились в стране Ням-Няма. Но сначала доктор Дулиттл отправился к скалам Харматтан в сопровождении старого вождя и четверых самых достойных мужчин племени.

— Запомните этих людей, — сказал доктор бакланам, — отдавайте устриц только им, и никому другому.

А вечером состоялось прощание племени с доктором Дулиттлом. Туземцы пели и плясали в его честь, на шею ему повесили гирлянду из цветов. Вождь Ням-Ням поднес доктору огромную жемчужину.

— Возьми от нас этот подарок, белый человек. Мы знаем, как много ты сделал для нас, и знаем, что нам никогда не оплатить свой долг перед тобой.

— И на том спасибо, — шепнула Крякки на ухо О'Скалли. — Ты-то хоть понимаешь, что значит для нас получить такую жемчужину? Доктор снова беден как церковная мышь. Хоть опять подавайся в цирк и показывай тяни-толкая зевакам за деньги. Я очень рада, наконец-то мы сможем вернуться домой и никуда не уезжать.

— А мне жизнь в цирке очень правилась, — вмешался Хрюкки. — Я люблю путешествия. К тому же когда я выступал в цирке, публика была без ума от меня и кормила очень вкусной морковкой.

— Мне тоже в цирке жилось неплохо, — ответил О'Скалли. — Но доктору уже пора на покой, а эта жемчужина сделает его богатым на всю жизнь.

Но в ту минуту, когда доктор благодарил вождя за подарок, с неба спустилась Щебетунья-посланица. В клюве она держала письмо для доктора Дулиттла. На конверте красными чернилами было написано: «СРОЧНОЕ».

Щебетунья-посланица села доктору на плечо и сказала:

— Господин доктор, Проворный решил, что лучше передать вам это письмо лично, с гонцом.

Доктор вскрыл письмо.

— Боже, — прошептал он. — Мне снова пишет Скрыгинс, тот самый крестьянин, у которого дрозды украли брюссельскую капусту для Хрюкки. А я был так занят, что даже не удосужился ответить ему. Надо же мне с ним как-то рассчитаться, возместить ему ущерб. Но как? Придумал! Пошлю-ка я ему эту жемчужину.

У Крякки на глазах от отчаяния выступили слезы. А доктор тут же вырвал чистый лист из записной книжки, написал ответ Скряггину, завернул в него жемчужину и отдал сверток ласточке.

— Пусть Проворный немедленно отправит посылку в Англию. Завтра я возвращаюсь в Фантиппо. Счастливого пути.

Когда Щебетунья-посланница исчезла в небе с бесценной жемчужиной Джона Дулиттла в клюве, Крякки смахнула крылом слезы с глаз и проворчала:

— Вот и улетело состояние доктора. Уму непостижимо, как легко он расстаётся с деньгами.

— Легко пришло, легко и ушло, — хрюкнул в ответ поросенок. — Ты думаешь, быть богатым так уж и приятно? Им все время приходится оглядываться — а что скажут люди? То не делай, туда не ходи, веди себя прилично — не жизнь, а сялошная скука!

Глава 7

ЗАГАДОЧНОЕ ПИСЬМО

А теперь я расскажу о необычном происшествии, возможно, самом необычном из всех тех, что выпали на долю доктора Дулиттла и его зверей.

Когда доктор вернулся из отпуска на свой почтовый плот, его радостно встретили и звери и птицы. Даже король Коко, увидев в свою новую подзорную трубу, ценой в десять шиллингов и шесть пенсов, что доктор Дулиттл возвращается, поспешил на плот. Подзорную трубу ему совсем недавно прислали по почте из Лондона, и он не расставался с ней. Смотреть через нее на мир было гораздо интереснее, чем через леденец. Хотя и у леденца есть свои преимущества...

Фантиппское общество за время отсутствия доктора заскучало. Дамам и господам — а это были настоящие дамы и господа, хотя и черные, не хватало чаепитий на плоту. Где же еще можно было обменяться новостями и

посплетничать? Поэтому они тоже сели в лодки и вместе с королем приплыли на почту.

В тот день доктор так и не смог взяться за работу. До самого вечера он встречал своих друзей, пожимал руки, отвечал на вопросы, пил чай и рассказывал о своих приключениях.

Удобный плот, почтовый домик, цветущие под окнами настурции, ноготки и садовые ромашки да еще сердечный прием жителей Фантиппо растрогали доктора. Проводив с Крякки гостей, он сказал:

— У меня такое чувство, что я вернулся домой.

— И вы называете этот поплавок домом? — ответила утка. — Настоящий наш дом в Паддлеби, а вы о нем, кажется, уже и думать забыли.

— Ты права, — со вздохом согласился доктор. — Пора нам возвращаться в старую добрую Англию. Но жители Фантиппо очень милые и гостеприимные, они искренне нам радовались. По-моему, Африка — прекрасная страна.

Крякки ждала гора немытой посуды, поэтому она не стала пререкаться с доктором и лишь сказала:

— Прекрасная, если только приезжаешь сюда на время, не выходишь на солнцепек и бочками пьешь лимонад.

После ужина доктор Дулиттл рассказал сначала до конца всю историю с жемчужинами, королем Дагомеи эмиром Эллебубским. И только когда стемнело и звери легли спать, он сел к столу и взялся за поджидавшие его письма. Как всегда, письма пришли со всех уголков земного шара, от самых разных животных.

К утру доктор понял, что одному ему не справиться: ведь на каждое письмо надо было ответить. Поэтому он позвал на помощь Проворного. Доктор диктовал ему ответы, а вожак стаи ласточек быстро-быстро записывал их по-птичьи. Но часто и Проворный не успевал за доктором, и тогда их выручала Бу-Бу. Память у нее была удивительная — шутка сказать, запомнить таблицу умножения! Поэтому она запоминала все, что говорил доктор, и потом звала еще ласточек и диктовала им письма от имени доктора.

Последнее письмо было очень страшным, вынуждавшим

илом. Доктор долго не мог прочесть в нем ни единого слова. Он вертел письмо и так и эдак, пытался читать слова справа налево и слева направо, но ничего не мог понять. Даже написано оно было не чернилами, а илом.

Доктор бился над ним целую неделю и наконец ко всеобщей радости прочел.

Вот что было написано в загадочном письме:

«Дорогой доктор Дулиттл!

Я много слышала о вас, а теперь прознала про вашу почту и пишу как могу и умею, потому что раньше писем никогда не писала. Мне сказали, что вы взяли на службу одноглазого буревестника, чтобы он предсказывал погоду. Может быть, он и умеет что-то предсказывать, но не так, как я. Это я предсказала всемирный потоп, и не только день, но даже час, когда разверзлись хляби небесные. Хожу я теперь медленно, а то бы давно уже навестила вас. Может быть, вы помогли бы мне и подлечили мой ревматизм. Вот уже лет пятьсот он мучит меня немилосердно. Почему бы вам не навестить старуху, а я бы рассказала вам, что знаю про погоду, про потоп и про человека по имени Ной. Это он спас меня и взял к себе в ковчег, когда вода залила всю землю. Всего вам доброго.

Старая черепаха Илистый Панцирь».

Когда Джон Дулиттл сумел разобрать эти написанные илом каракули, радости его не было предела. Но, как оказалось, радовался он рано.

— Друзья, мы собираемся в дорогу, — сказал он зверям. — Завтра утром мы уже должны быть в пути.

Звери весело запрыгали, и только Крякки пришло в голову спросить:

— И куда же мы собираемся?

— Как куда? — удивился доктор Дулиттл. — К Илистому Панцирю.

— Это-то я поняла, — продолжала ворчать утка. — Но где она живет?

Доктор бросился перечитывать письмо и, к своему огорчению, обнаружил, что обратного адреса там нет. Старая черепаха, предсказавшая всемирный потоп и ви-

девшая своими глазами Ноя, приглашала доктора в гости, но забыла написать, куда она его приглашает.

— Проворный! — позвал доктор вожака ласточек. — Разузнай, откуда пришло это письмо. Я не остановлюсь ни перед чем, я переверну весь мир вверх дном, но узнаю, где живет Илистый Панцирь.

Доктор расспрашивал зверей на острове Ничьем, Горлопана, сову, всех ласточек и птиц, приносивших почту, но они только недоуменно пожимали плечами. Никто не знал, когда и кто принес письмо, никто не знал, как оно попало в гору писем, словом, никто ничего не знал.

— И надо же такому случиться! — сокрушался доктор. — Лучшая в мире почта — и никто ничего не знает!

Джон Дулиттл был в отчаянии. Он хотел знать о животных все. Он посвятил им всю свою жизнь. И тут ему подвернулась такая возможность: узнать хоть что-нибудь о допотопных временах и допотопных зверях. Подумать только — Илистый Панцирь была на Ноевом ковчеге! Не мог же он упустить такой редкий случай из-за досадной мелочи — обратного адреса!

Два дня он потратил на расспросы и поиски, но так ничего и не добился. Затем он занялся делами почты, втянулся в работу и за повседневными хлопотами в конце концов забыл и про черепаху, и про загадочное письмо.

Но в один прекрасный вечер, когда доктор Дулиттл сидел за столом и работал, в окно почты кто-то тихонько постучал. Доктор отложил работу, встал из-за стола и открыл окно. В окне показалась голова громадной змеи. В зубах она держала измазанное илом письмо.

— Господи! — воскликнул доктор. — Как ты меня напугала! Заходи, пожалуйста, располагайся.

Змея заскользила через окошко в комнату, бесчисленные кольца ее тела ложились к ногам доктора словно корабельный канат. Даже Джон Дулиттл удивился размерам змеи.

— Много тебя еще осталось там, снаружи? — спросил он.

— Много, — ответила змея, — больше половины.

— Тогда я лучше открою дверь в коридор, иначе

ты вся здесь не поместишься. Эта комната для тебя маловата.

Когда змея полностью забралась на плот, она заняла и комнату доктора, и весь коридор.

— Чем могу быть полезен? — спросил доктор и закрыл окно.

— Я принесла вам письмо, — сказала змея. — Моя приятельница старая черепаха написала вам, но почему-то не получила ответа. Тогда она решила послать к вам меня.

— Но ведь она не указала обратный адрес! — говорил доктор, беря в руки измазанный илом конверт. — Я долго искал, откуда пришло ее письмо, да так и не нашел. Никто не знает, где живет Илистый Панцирь.

— Теперь я понимаю, в чем дело, — вздохнула змея. — Черепаха никогда не писала писем и не знала, зачем нужен обратный адрес.

— Я очень хочу встретиться с Илистым Панцирем, — сказал доктор Дулиттл. — Ты не знаешь, где она живет?

— Конечно, знаю, — ответила змея. — Рядом со мной, в озере Янганьика.

— Я никогда о нем не слышал, — удивился доктор Дулиттл. — Наверное, путь оттуда сюда неблизкий. Ты устала? Может быть, тебя чем-нибудь угостить?

— Я бы не отказалась от молока, — сказала змея, — я так давно его не пила.

— У меня есть молоко диких коз. Одну минутку, сейчас я его принесу. — И доктор отправился на кухню, чтобы разбудить Крякки.

— Проснись, Крякки, — тормошил он утку, — ты представляешь, я получил еще одно письмо от черепахи. Теперь я знаю, где она живет. У меня сейчас сидит посланец от нее. Принеси нам, пожалуйста, молока.

Когда Крякки появилась с кружкой молока, она едва не выронила ее из лап.

— Боже мой, да у вас все кишит змеями!

— Ты преувеличиваешь, Крякки. Это одна змея, — невозмутимо заметил доктор.

— Значит, у вас все кишит змеей, — продолжала охать утка. — Какое счастье, что здесь нет вашей сестры Сары!

СТРАНА МАНГРОВЫХ БОЛОТ

Озеро Янганьика, где жила старая черепаха Илистый Панцирь, лежит в глубине Африки, в самой дикой и лесистой ее части. Путь туда очень долгий и очень трудный, поэтому еще никто из людей там не побывал.

— На этот раз ты, Хрюкки, останешься дома, — сказал доктор. — А с собой я возьму О'Скалли, Крякки, Бу-Бу и...

— И меня! — закричал Горлопан. — Как же вы обойдетесь без меня? А с письмами мои друзья-воробьи справятся, уж будьте покойны!

Змея ухватила хвостом нос лодки доктора и потащила друзей за собой. Сначала они плыли миль сорок вдоль африканского берега, а затем вошли в устье реки и стали подниматься вверх по течению.

Пока в реке было много воды, плыть было не трудно. Доктору даже не приходилось садиться за весла — змея легко, словно щепку, тащила лодку за собой. Но чем дальше в глубь Африки они продвигались, тем мельче и уже становилась река. Как это часто бывает в жарких странах, местами она совсем пересыхала, и перед путешественниками лежало сухое, без капли воды, русло или просто цепочка грязных луж, отделенных друг от друга песчаными отмелями.

Вдоль берега тянулись густые заросли, огромные деревья нависали над рекой, иногда их ветви переплетались, и путешественники двигались по зеленому коридору. И это было хорошо, потому что солнце палило нещадно. Там, где река пересыхала, доктору Дулиттлу приходилось срубать деревья и перетаскивать лодку на деревянных полозьях. И тогда зной и тяжелый труд выжимали из него последнюю каплю пота.

К вечеру первого дня путешественники остановились на ночлег под большим раскидистым деревом. Птицам и змее все тяготы пути были нипочем, но доктор и О'Скалли устали так, что едва дышали.

— А не лучше ли нам оставить лодку и дальше идти пешком? — спросил доктор.

— Нет, лодка нам еще пригодится, — возразила змея. — Нас ждут на пути и реки, и озера, и болота. Вам без лодки не обойтись.

Чем дальше они продвигались, тем гуще становились джунгли. Заблудиться в диком африканском лесу проще простого. К счастью, у них был проводник — змея. Она вела путешественников по руслу реки, река извивалась, петляла, но все же это была дорога.

А вокруг высились неизвестные деревья, цвели неизвестные цветы, порхали неизвестные бабочки, в ветвях гнездились птицы. Доктор Дулиттл только и делал, что вертел головой по сторонам и едва успевал строчить в записной книжке.

На третий день русло реки привело путешественников в неизведанные места. Начинались мангровые болота.

Тот, кто никогда не бывал на поросших мангровыми деревьями болотах, никогда не сможет их себе представить. По бесконечной равнине текут бесчисленные мутные ручейки, местами они сливаются в небольшие озера с затхлой стоячей водой. По берегам растут мангровые деревья. Это особые деревья — они стоят на высоких воздушных корнях, словно их держат на себе осьминоги. То тут, то там из воды из ила торчат травянистые кочки, переплетанные узлы сучьев, корней и колючих веток. С веток свисают тонкие полосы мха, похожие на рваное тряпье.

Унылая картина!

Точно так же изменилась и жизнь вокруг. Лесных птиц сменили водяные. Ибисы, бакланы, нырки и цапли бродили по воде или высидывали яйца на крохотных островах. Из-под корней мангровых деревьев выползали невиданные полурыбы-полуящерицы и яростно сражались с крабами.

Многим людям страна мангровых болот показалась бы местом зловещим и угрюмым, похожим на жуткий сон. Однако доктор Дулиттл не питал отвращения ни к какому из живых существ, даже самая мерзкая жаба была в его глазах ничуть не хуже, чем домашняя кошка. Поэтому он с любопытством и восторгом рассматривал невиданных животных.

Змея была права, когда не позволила путешественни-

кам оставить лодку в джунглях. Среди трясины и ила доктор и О'Скалли не смогли бы сделать ни шагу. Но даже в лодке они двигались вперед медленно и с большим трудом. Мангровые деревья протягивали к ним свои длинные скрюченные руки-ветви, цеплялись со всех сторон за одежду, вставали на пути, словно поклялись стеречь тайну этих глухих и угрюмых мест, где люди никогда не селились, куда не заглядывали даже случайные путешественники.

Доктор Дулиттл никогда бы не пробрался сквозь мангровые болота, не будь с ним великанши змеи. Она легко, словно по суше, скользила по трясине, уходила вперед на десятки миль и выбирала для лодки лучший путь. В самых трудных местах она обвивала хвостом нос лодки, резко дергала, и лодка, как пробка из бутылки, вылетала из трясины.

Крякки, Бу-Бу и Горлопан перелетали от дерева к дереву, от ветки к ветке и сверху поглядывали на лодку. Однажды, когда лодка снова застряла в трясине, змея дернула ее слишком резко, доктор и О'Скалли подпрыгнули вверх и шлепнулись в черную жижу. Сухопутным путешественникам было не до смеха, но Горлопан хохотал во всю глотку. Его громкое чириканье нарушило торжественную тишину болот.

— Караул! Спасите! Кто бы мог подумать, что знаменитый доктор Дулиттл из Паддлеби-на-Марше будет кататься по вонючей трясине верхом на гадюке! Вы даже не представляете, как это смешно со стороны! А на кого ты стал похож, О'Скалли!

Измазанный черным илом с ног до головы и злой на весь мир О'Скалли влез в лодку и процедил сквозь зубы:

— Смейся, смейся, ты хвастаешься тем, что у тебя есть крылья? Попадешься как-нибудь кошке в лапы, кого будешь звать на помощь?

— Какое плоское болото! — не унимался воробей. — Вот бы здесь устроить футбольное поле. Странно, что никто еще до этого не додумался. Мне раньше и в голову не приходило, что где-то в мире может быть больше грязи, чем в Лондоне после дождя. Когда же мы наконец доберемся до цели? Можно подумать, что мы собрались на край света, а с тех пор как мы пошли вверх по реке, нам

не встретилось ни одно человеческое существо. Старуха черепаха, похоже, любит одиночество. Я бы ничуть не удивился, если бы мы встретили здесь самого старика Ноя, сидящего на развалинах ковчега. Эй, доктор! Спасайте О'Скалли! Длинный сук ухватил его за ухо!

Нет худа без добра. Змея услышала отчаянное чирикание Горлопана, встревожилась и высунула из-за кустов свою огромную голову, чтобы посмотреть, не случилось ли несчастье. Доктор и О'Скалли, воспользовавшись передышкой, привели себя в порядок. Крякки и сова тем временем вытащили из трясины бесценные записные книжки доктора.

— Разве здесь нет людей? — спросил змею доктор Дулиттл.

— Нет, — покачала головой змея, — страна людей давно осталась позади, а в этих болотах могут жить только болотные жители: птицы, змеи и ящеры.

Доктор вздохнул, ополоснул в луже свой выдавший виды цилиндр и снова спросил:

— Нам еще далеко?

— Еще один день пути, — ответила змея. — Обширные болота отделяют озеро Янганьика от суши. Но скоро плыть станет легче.

— А какие берега у озера Янганьика? — полюбопытствовал доктор.

— У таинственного озера нет берегов, его не окружает твердая суша.

— А почему ты называешь его таинственным озером?

— У нашего озера два имени. До потопа его называли Янганьика, а теперь называют таинственным озером. Но со времен Великого потопа здесь не ступала нога человека...

— Еще бы! Ступать-то некуда! — чирикнул Горлопан.

— Вы первый из людей, кто увидит озеро, — продолжала огромная змея, пропустив мимо ушей выходку Горлопана. — Мы, те, кто живет здесь, гордимся, что купаемся в водах потопа. Черепаха рассказывает, что до дождя, того самого, что лил сорок дней и ночей, здесь была суша. А с тех пор как кончился потоп, этот уголок земли еще не высох.

— А что же здесь было до потопа? — спросил доктор.

— Меня тогда еще не было на свете, поэтому я сама толком не знаю, — ответила змея. — Я родилась уже после потопа, но Илистый Панцирь говорит, что здесь были хлебные поля и холмы с виноградниками. Расспросите Илистый Панцирь, она вам все расскажет.

— Удивительно! — доктор был вне себя от радости. Он уже предвкушал историю старой, допотопной черепахи. — Скорее в путь! Мне не терпится увидеть Илистый Панцирь и таинственное озеро.

Глава 9

ТАИНСТВЕННОЕ ОЗЕРО

На следующий день, как и обещала змея, перед взором путешественников открылась более отрадная картина. Кочки встречались все реже, редел мангровый лес. Суши становилось меньше, воды — больше. Теперь лодка доктора беспрепятственно скользила по водной глади. Над головой появилось голубое небо.

Время от времени над путешественниками проносились стаи диких уток и гусей. Крякки с тоской провожала их глазами.

— Мы, утки, на болотах не гнездимся, — сказала она, — а это значит, что до озера уже недалеко.

К вечеру лодка оставила позади последние островки с мангровыми деревьями и выплыла в огромное озеро.

Перед доктором Дулиттлом и его друзьями расстилась вода, вода без конца и края, вода без берегов. Опускались сумерки, и озеро медленно погружалось в чернильную темноту. Над ним клубился густой серый туман. Ветер гонял ключья тумана над водой, скручивал его длинные густые пряди.

Доктор долго вглядывался в таинственное озеро, а затем прошептал:

— О Боже! Здесь волей-неволей поверишь, что Всемирный потоп еще не кончился.

В ответ ему послышалось издевательское чириканье

Горлопана. В густом тумане воробья не было видно, его голос доносился откуда-то с кормы лодки.

Какое приятное местечко, не правда ли? А мы еще браним Лондон за его туманы. Да по сравнению со здешними местами Лондон в самую ненастную погоду сверкает в лучах солнца. Похоже, Господь Бог сотворил этот райский уголок по просьбе болотных тварей. Вы только посмотрите, как носится над водой туман. А может, это старик Ной с семейством вышел в ночных рубашках поиграть в салочки?

— Здесь всегда был туман. И когда после потопа засияло солнце, из этого тумана встала первая радуга.

— Что толку в тумане и что толку в радуге? — не унимался Горлопан. — Будь эта страна моей, я бы отдал ее даром первому встречному, да еще доплатил пару грошей за туман и радугу. И сколько нам еще плыть, чтобы расцеловать разлюбленную черепаху?

— Осталось совсем немного, — ответила змея. — Илистый Панцирь живет к северу отсюда, на небольшом островке. Нам надо спешить, чтобы добраться туда до темноты.

От мангровых зарослей доносились крики ночных птиц. Бу-Бу прислушалась, а потом сказала:

— Доктор, здесь есть даже совы. Но таких сов я не встречала нигде, и говорят они по-особому, не так, как мы.

— Да, — ответил доктор, — здесь живут звери и птицы, каких нет больше нигде в мире.

Уже почти совсем стемнело, когда змея повернула влево и направилась к мангровым островкам. Доктор еле поспевал за ней. Вдруг нос лодки уткнулся во что-то твердое.

Джон Дулиттл перегнулся через борт, чтобы посмотреть, во что уткнулась лодка, и вдруг услышал низкий, дрсбезжащий голос:

— Приветствую тебя, Джон Дулиттл, на озере Янгань-ика!

На небольшом холмистом островке сидела черепаха. Она была большая, такая большая, что на ее панцире могли бы поместиться две телеги.

Доктор Дулиттл был у цели своего путешествия.

Есть люди, которые пускаются в дорогу с тюками, баулами и свертками. Они любят путешествовать с удобствами. Другое дело Джон Дулиттл, он всегда пускался в дорогу налегке. Вот и на сей раз он прихватил с собой только самое необходимое и, конечно, черный саквояж с лекарствами. Среди «самого необходимого» нашлась свеча. Было уже так темно, что без огня ни доктор, ни звери не могли сойти на берег.

Над озером гулял ветер, и зажечь свечу оказалось не так-то просто. Ветер то и дело задувал пламя. Бу-Бу прекрасно видела в темноте, поэтому она слетала на островок, нарвала травы и листьев и сплела из них корзинку, в которую и поставили свечу. От этого огонь свечи стал зеленоватым, но горел достаточно ярко, чтобы осветить дорогу.

К своему удивлению, доктор вдруг обнаружил, что островок, где жила черепаха, не был обычной подсохшей грудой ила. Он был из камня!

— Это стены древнего города, — сказала черепаха, — раньше, когда я была помоложе, я могла даже ночевать в воде, но лет пятьсот назад я подхватила ревматизм, и с тех пор пришлось мне подыскать себе место посуше и потеплее.

— Погоди, погоди! — вскричал доктор. — Какого города? Откуда здесь взялся город?

— Он ниоткуда не взялся, — ответила черепаха, — он всегда здесь был. — Она кивнула на мутные воды озера и добавила: — Много тысяч лет тому назад вон там стоял город Шальба. Теперь он на дне озера. Я хорошо его помню, потому что сама когда-то жила в нем. В те времена это был самый большой и самый красивый город. В нем правил король Машту, самый могущественный монарх мира. А сейчас я, Илистый Панцирь, живу на руинах его дворца. Ха-ха-ха!

— Почему ты смеешься? — удивился доктор. — Разве король Машту плохо обошелся с тобой?

— Это долгая история, — проскрипела черепаха. — Незачем ворошить прошлое. Король Машту получил по заслугам, жаль только, что из-за него пострадали и другие. Может быть, не будь этого короля, не было бы и потопа.

Но ты прибыл ко мне издалека и, должно быть, устал и проголодался.

Конечно же доктор устал и проголодался, но ему не терпелось услышать подлинную историю потопа. Поэтому он сказал:

— Нет, нет, ни капельки. Я с нетерпением жду твой рассказ. Он будет очень длинным?

— Не очень, недели на три, — язвительно чирикнул воробей. — Для такой копуши, как черепаха, это будет быстро. Поэтому я предлагаю сначала вздремнуть, потом позавтракать и уж затем слушать басни Иистой Колоды.

Хотя Горлопан и грубил, он все же был прав. Пора было устраиваться на ночлег. Пришлось доктору смириться.

Бу-Бу помогла Крякки набрать на островке ягод и наловить у берега вкусных жирных устриц. Когда все насытились и стали искать себе место для ночлега, оказалось, что на островке нет ни одного сухого местечка. Доктор Дулиттл попытался было устроиться в лодке, но там тоже было мокро и неудобно. Черепаха долго смотрела, как суетится доктор, и наконец сказала:

— Когда Ной с семьей вышел после потопа из ковчега, он сплел из прутьев и коры постели и подвесил их к деревьям.

— Ах, гамаки! — воскликнул доктор. — Вот мы и нашли выход.

Бу-Бу и Крякки принесли коры и веток. Доктор сплел большой удобный гамак, повесил его между двух больших деревьев, втащил туда О'Скалли и сам устроился рядом. Деревья согнулись под их тяжестью к самой воде, но все-таки устояли.

Взошла луна и залила озеро Янганьика мутным зеленым светом. Деревья отбрасывали голубые тени. Доктор не мог сомкнуть глаз и все смотрел и смотрел на таинственный пейзаж. Вдруг черепаха запела. Она качала в такт головой и хрипло нараспев повторяла древние, никому не ведомые слова.

— Что это за песня? — спросил доктор.

Черепаха на минуту умолкла и сказала:

— У короля Машту был свой цирк, слоны трубили эту песню, когда их выводили на арену. Это марш слонов.

И черепаха запела дальше.

— У допотопных слонов допотопного короля совсем не было слуха, — буркнул Горлопан и спрятал голову под крыло.

Солнце еще не встало над мрачным, угрюмым озером Янганьика, когда О'Скалли проснулся. Он лежал под одеялом в ногах у доктора, ему было уютно и тепло и вовсе не хотелось вставать. Доктор ворочался и бормотал во сне: «Машту! Шальба! Марш слонов! Невероятно!»

Проснувшись и Крякки, с недовольным ворчанием она пошла на берег собирать устриц. Как бы то ни было, а завтрак для доктора должен быть готов вовремя.

Горлопан высунул голову из-под крыла, бросил взгляд на озеро, туман и болота и поспешил снова спрятать голову под крыло. Дорого бы он дал, чтобы оказаться в родном туманном Лондоне.

Но больше спать он уже не мог. Все звери встали, проснулся и доктор Дулиттл, которому не терпелось услышать рассказы черепахи. Он выпрыгнул из гамака и плюхнулся в воду озера, чтобы вымыться. О'Скалли последовал его примеру.

Воробей встряхнул перышки и полетел к доктору.

— Доктор, — чирикнул он, — здесь гиблое место. Такой сырой воздух, что я околел. Останься мы здесь подольше, и у нас между пальцев вырастет перепонка, как у гусей. Это у меня-то, у лондонского воробья! А что будет с О'Скалли? Представляете, водоплавающий пес! Бр-р-р! Поэтому будьте начеку, и как только старая черепаха начнет вспоминать, вы ее подгоняйте, подгоняйте. Знаете, на кого она похожа? На старого солдата. В Лондоне в каждой кабачке сидят такие, и если начинают рассказывать о походах, то удержу на них нет. Вы скажете Илистой Колоде, чтобы она говорила покороче, покороче. Чем быстрее мы уберемся с этого болота и вернемся в Фантиппо, тем лучше для нас.

После завтрака доктор отточил три карандаша, достал три чистые записные книжки, велел сове внимательно слушать и запоминать на тот случай, если он не успеет что-то записать, и сказал черепахе:

— Я слушаю тебя, Илистый Панцирь.

Горлопан снова оказался прав — почти прав. Рассказ черепахи продолжался не три недели, но все-таки занял весь долгий день от рассвета до заката. Солнце медленно двигалось по небосклону с востока на запад, а черепаха все рассказывала и рассказывала о чудесах, которые ей довелось увидеть и пережить в давние времена. Карандаш доктора бегал по страницам записной книжки.

Звери сидели рядом и тоже слушали. Даже Горлопан притих и ловил каждое слово. А черепаха рассказывала о древних невиданных зверях, о гигантских птицах, о людях, выстроивших первые города, о войнах и пожарах...

Крякки приготовила обед и ужин и подала их как можно тише, чтобы не мешать Илистому Панцирю. Доктор проглотил всего несколько кусочков и продолжал записывать. Стемнело, и доктору пришлось зажечь свечу. Потом звери задремали, а он и Бу-Бу слушали.

До полуночи оставалось совсем немного, когда черепаха закончила свой рассказ. Все молчали. Далеким звездам мерцали в голубом тумане, пеленой покрывшем озеро. Где-то вдали в мангровых зарослях ухали совы, и Бу-Бу вертела головой, прислушивалась к их крикам. Как только доктор закрыл записную книжку и спрятал ее в карман, Крякки дунула на свечу и погасила ее, свечей у них оставалось немного. Наконец доктор заговорил:

— Спасибо тебе, Илистый Панцирь. Никогда в жизни мне не доводилось слышать такой интересный рассказ. Я очень рад, что приехал сюда и познакомился с тобой.

— И я очень рада, Джон Дулиттл, — ответила черепаха. — Ты один из людей понимаешь звериный язык. Если бы ты не навестил меня, я бы уже никому и никогда не смогла рассказать историю потопа. За последнее время я сильно сдала и уже никогда не покину воды озера Янганьика.

Доктор замялся, словно не решался высказать просьбу, а потом набрался храбрости и произнес:

— Не могла бы ты подарить мне что-нибудь на память о затонувшем городе? Конечно, если это возможно.

— С удовольствием выполню твою просьбу, — согласилась черепаха. — погоди, я сейчас нырну и принесу тебе что-нибудь из глубины.

Медленно, словно настоящее допотопное животное — а черепаха и вправду была допотопным животным, — Илистый Панцирь подняла свое огромное тело и погрузилась в воду. Лишь легкие круги указывали то место, где она исчезла.

Звери и доктор молча ждали возвращения черепахи. Джон Дулиттл закрыл глаза и медленно представил себе, как Илистый Панцирь шагает по дну озера между развалин домов и дворцов, как она входит в чудом сохранившийся храм и приносит ему оттуда книгу или рукопись...

Мокрая и блестящая в свете луны черепаха вышла из воды. На ее панцире лежала высеченная из камня огромная оконная рама! Если бы эту раму положили на лодку доктора, она сразу пошла бы ко дну.

Даже выдавший виды Горлопан сначала опешил, а потом зачирикал:

— Боже! Я как-то видел в Лондоне, как грузчики тащили рояль на четвертый этаж. Бедняги, они так пыхтели! Вот бы им взять в напарники Илистую Колоду! Доктор, а доктор! А что вы сделаете с этой рамой? Повесите на цепочку и будете носить на шее?

Черепаха сбросила раму на землю. Раздался глухой удар, от которого задрожал весь островок.

— Ничего легче мне не удалось найти, — оправдывалась черепаха. — Я искала тарелку или горшок, чтобы вы могли взять их с собой, но все дно затянуло илом, и добраться туда невозможно. А эту раму я взяла с третьего этажа королевского дворца, с окна опочивальни самой царицы. Я подумала, что, даже если ты не увезешь ее с собой, тебе будет любопытно взглянуть на прекрасную резьбу. Погоди, я смою грязь, и ты посмотришь.

— Ну вот, из-за старой рамы мы сожжем последнюю свечу! — проворчала Крякки.

Но доктор не обратил внимания на ее ворчание, зажег свечу и долго, пока она не догорела дотла, рассматривал резьбу и перерисовывал ее в записную книжку.

Огонек свечи вздрогнул и погас. Доктор очутился в темноте. Из гамака доносилось посапывание О'Скалли. И доктору ничего не оставалось, как тоже забраться в гамак и укрыться одеялом.

Глава 10

ПОСЛЕДНИЙ ПРИКАЗ ПОЧТМЕЙСТЕРА

Поутру Крякки разбудила друзей и пригласила их к завтраку. Пелена тумана висела над озером и закрывала солнце.

Проснулась и черепаха. У старушки обострился ревматизм. Малейшее движение причиняло Илистому Панцирю ужасные страдания. Добрая утка сжалилась и отнесла черепахе завтрак в постель.

Доктор бранил себя за то, что накануне попросил черепаху принести ему что-нибудь на память со дна озера.

— Это все из-за меня, — говорил он. — Ревматизм обострился из-за вчерашнего холодного купания.

К счастью, черный саквояж с лекарствами, как всегда, был при нем. Доктор раскрыл его, достал оттуда пузырьки и баночки и принялся готовить микстуру и растирание.

— Ты непременно должна уйти с озера и поселиться в сухом месте, — сказал он Илистому Панцирю. — Я знаю, что черепахи любят воду, но в твоём возрасте пора подумать о здоровье.

— Но мне нигде не будет так хорошо, как здесь, — возразила старая черепаха. — Я слышала, что люди уже расселились по всему миру, а здесь меня никто не беспокоит.

— Ну-ка выпей эту микстуру, — сказал доктор и протянул черепахе большую бутылку с чем-то коричневым. — У тебя сразу же пройдет боль в передних лапах.

Черепаха выпила лекарство, попробовала пошевелить передними лапами и воскликнула:

— Ты и вправду великий врач! Передние лапы у меня больше не болят. А как же быть с задними?

— Не торопись, — успокоил ее доктор, — а задние мы сейчас разотрем. Вот так, вот здесь, вот тут еще немножко. Ну-ка попробуй походить.

Черепахе сразу стало лучше.

— Доктор, я чувствую, что даже могу танцевать, — сказала она.

— Не надо! — взвизгнул О'Скалли. — Если она заплашет, наш островок уйдет на дно.

— Я оставлю тебе запас микстуры, — сказал Джон Дулиттл, — но тебе все равно придется найти место посуше. Этот островок для тебя не годится. Если уж ты непременно хочешь остаться жить на озере Янганьика, давай поищем настоящий остров.

— Здесь нет других островов, — ответила черепаха, — здесь только болота, трясина и вода, и раньше мне здесь очень нравилось. Мне и сейчас здесь нравится, да вот только ревматизм замучил.

Джон Дулиттл задумался, а потом решительно сказал:

— Ну что ж, если здесь нет для тебя подходящего острова, придется его соорудить.

— Соорудить? — разинула от удивления рот черепаха. — Разве это возможно?

— Скоро увидишь собственными глазами, — ответил доктор и позвал Горлопана. — Прошу тебя, немедленно отправляйся в Фантиппо, — сказал он воробью. — Пусть Проворный разошлет гонцов ко всем птицам земного шара. Я хочу соорудить посреди озера Янганьика остров для Илистого Панциря. Она самая старая из живущих на земле существ и заслужила покой.

Горлопан покрутил головой и сказал:

— Всех птиц! Со всех концов земли! Построить остров черепах! Да Проворный мне ни за что не поверит! Он наверняка подумает, что я решил над ним подшутить. Вы уж напишите ему вашу просьбу по-птичьему, а я передам.

Доктор тут же вырвал лист из записной книжки и написал на нем:

ПРИКАЗ ПОЧТМЕЙСТЕРА

ВСЕМ СОТРУДНИКАМ ЛАСТОЧКИНОЙ ПОЧТЫ И ПРОВОРНОМУ ЛИЧНО СОБРАТЬ СО ВСЕХ КОНЦОВ ЗЕМЛИ ВСЕХ ПТИЦ. НАПРАВИТЬ ИХ НА ОЗЕРО ЯНГАНЬИКА ДЛЯ СТРОИТЕЛЬСТВА ОСТРОВА ДЛЯ ДРЕВНЕЙ ЧЕРЕПАХИ ПО ИМЕНИ ИЛИСТЫЙ ПАНЦИРЬ. ЗАРАНЕЕ БЛАГОДАРЕН ВСЕМ ОТКЛИКНУВШИМСЯ НА МОЮ ПРОСЬБУ.

ПОЧТМЕЙСТЕР Д-Р МЕД. *ДЖОН ДУЛИТТЛ.*

Потом, когда ласточкина почта перестала работать, Горлопан унес последний приказ почтмейстера с собой в Лондон. Там в левом ухе святого Варфоломея, под крышей собора святого Павла, у него было гнездо. А в правом ухе он хранил последний приказ почтмейстера и охотно показывал его другим воробьям.

Горлопан вернулся на озеро Янганьика в тот же день под вечер. Он сказал, что Проворный уже разослал гонцов по всему миру, всем вожакам птичьих стай. Следовало ожидать, что к утру на озеро прилетят первые птицы.

Еще не рассвело, когда к доктору прилетел сам Проворный. За завтраком он рассказал, что уже успел даже объяснить суть дела вожакам птичьих стай. Сначала прилетят большие птицы и сбросят в воду самые крупные камни, потом прилетят средние птицы, а последними появятся пичуги, те, что могут нести в клюве не больше песчинки.

— На всю работу уйдет дня три, не больше, — говорил Проворный. — Ручаюсь вам, что прилетят все.

Не успел доктор позавтракать, как небо над озером потемнело от птичьих стай. Клекотали орлы, кричали альбатросы, буревестники, цапли, журавли, грифы и филины. Проворный вспорхнул им навстречу и застыл неподвижно над самой серединой озера — он указывал птицам, куда сбрасывать камни.

И началась работа.

Огромные птицы летели шеренгами по двенадцать в ряд. Они подлетали к Проворному, и каждый раз в воду падали двенадцать больших камней. Птицы летели и летели, камни падали и падали, и могло показаться, что с неба льет каменный дождь. Плеск воды не умолкал ни на минуту.

Птиц становилось все больше, камни падали все чаще. Вода в озере поднялась и затопила остров, на котором сидели Джон Дулиттл и его друзья. Пришлось доктору с О'Скалли спастись на панцире старой черепахи.

Когда стемнело, дневных птиц сменили ночные. И к утру из воды выглянула верхушка острова.

Черепаха смотрела вокруг широко раскрытыми глазами.

— Вот так же из вод потопа показались горы, — шепнула она доктору.

Теперь за работу взялись средние птицы, и морская галька посыпалась вниз. Остров рос и рос, и к вечеру новые владения Илистого Панциря протянулись далеко во все стороны.

Когда прилетели мелкие птицы, свист падающих с высоты камушков перешел в мягкий шум. Небо было черно от птичьей мелюзги, каждая из них несла по песчинке, но этих песчинок было больше, чем звезд на небе. И остров покрылся песком и землей, на которой могли расти деревья и цветы.

Птицы принесли семена растений, разбросали их по острову, набрали в клювы воды, и каждая из них полила свое семечко.

Проворный, усталый, подлетел к доктору и сказал:

— Остров готов, через месяц на нем взойдут травы, через год на нем будут шуметь пальмовые рощи.

— Спасибо, Проворный, — ответил доктор Дулиттл. — И ты, и все твои друзья потрудились на славу.

А старая черепаха посмотрела на остров и задумчиво сказала:

— Теперь гордый город Шальба погребен на века, и его надгробным камнем стал этот остров. Ты сделал мне царский подарок, Джон Дулиттл. Горе тебе, несчастный город Шальба. Царь Машту погиб, но я, Илистый Панцирь, все еще жива.

Глава 11

ПРОЩАНИЕ С ФАНТИППО

Илистый Панцирь торжественно ступила на свой остров. Он был большой, не меньше четверти мили, и высоко поднимался над озером.

Старой черепахе остров очень понравился. Она взобралась на самое высокое место, откуда было видно все вокруг и где уже не было тумана, прищурилась на солнце и сказала:

— Как давно я не грелась на солнце! Теперь я быстро поправлюсь.

Крякки решила приготовить торжественный обед. Устрицы и кислые ягоды давно уже всем надоели, поэтому

она послала птиц за провизией. И скоро ей принесли морскую и речную рыбу, овощи, фрукты, орехи, зелень. Пир удался на славу! Все поздравляли старую черепаху, а она благодарно кивала головой.

Горлопан сидел возле доктора Дулиттла и ужасно волновался.

— А что, если ей взбредет в голову произнести речь? — чирикал он. — Она же снова пустится в воспоминания, и тогда ее не остановишь до утра.

К радости воробья, доктор сразу же после обеда стал готовиться к отъезду.

Первым делом он приготовил шесть бутылей микстуры и шесть банок растирания для старой черепахи.

— Если лекарства кончатся, — сказал он Илистому Панцирю, — напиши мне в Паддлеби. Теперь, когда здесь появился остров, наверняка на нем будут делать привал перелетные птицы. Поэтому как только у тебя снова разыграется ревматизм, дай мне знать, и я вышлю тебе новый запас лекарств.

Поклажи у доктора было немного, поэтому звери быстро погрузились в лодку, сердечно попрощались с Илестым Панцирем и двинулись в обратный путь. Огромная змея, та самая, что привела их на озеро Янганьика, вызвалась проводить путешественников до моря.

У края мангровых зарослей они остановились и посмотрели назад. На вершине острова стояла черепаха и глядела им вслед.

— Она выглядит точно так же, как в тот вечер, когда мы с ней впервые встретились. Она похожа на памятник, — заметила Крякки.

— Старое несчастное существо, — шепнул доктор. — Надеюсь, теперь ей станет лучше. Какая необыкновенная судьба, долгая-предолгая жизнь и невероятная история!

— Я ли вас не предупреждал, доктор? — чирикнул Горлопан. — Невероятно длинная история. Длиннее не бывает. Она ее рассказывала полтора дня.

— Зато какая история! — ответил доктор Дулиттл. — Никто другой в мире не мог бы ее нам рассказать.

— Вот это верно, — согласился воробей. — Ладно уж, пусть живет. История ее мне понравилась, хотя я, честно говоря, не поверил ни одному ее слову, и никогда не поверю! Старая колода придумала все это, пока тысячу лет

сидела в болоте. Что ей еще было делать? Хотя, конечно, придумала здорово!

Обратный путь через джунгли прошел без особых происшествий. Но когда путешественники добрались до моря и распрощались со змеей-проводником, они вдруг увидели, что в африканском берегу зияет огромная дыра. Это было то место, откуда птицы брали камни, гальку и песок для строительства острова. За три дня птицы перенесли огромный кусок берега на тысячу миль в глубь Африки. А когда через много лет ученые добрались наконец до озера Янганьика, они в один голос заявили, что оно когда-то было морем. Почему морем? Да потому что посреди озера стоял остров из морской гальки и морского песка. По правде говоря, они не очень ошибались. Озеро Янганьика и в самом деле было когда-то морем — во времена Всемирного потопа.

И только доктор Дулиттл был единственным из людей, кто знал, как на озере появился остров и откуда доставили камни для его сооружения.

Когда доктор Дулиттл вернулся на свой почтовый плот, король Коко и все дамы и господа приплыли поприветствовать его. Тут же подали чай, и гости уселись в тени навеса.

Доктор собрался с духом и сказал королю, что вынужден покинуть почту и вернуться к себе на родину.

Король Коко огорченно спросил:

— А как же наша почта?

Но в эту минуту в порт Фантиппо вошли несколько больших парусников. Это были новые торговые корабли Фантиппо, которые плавали вдоль всей Африки.

— Ваше величество, — сказал королю доктор Дулиттл, — посмотрите на эти корабли. Они могут брать почту и доставлять ее в большие порты, куда заходят пароходы из Европы. Теперь ласточкину почту может заменить обычная. Я очень привязался к Фантиппо и к его жителям, но меня ждут дела на родине.

Правду говоря, король Коко огорчился не из-за почты, а из-за того, что больше не будет его доброго белого друга и не будет чая на почтовом плоту. Но он понимал, что не может доктор Дулиттл остаться в Фантиппо навсегда. Поэтому король Коко, смахнув две горькие слезинки прямо в чашку со сладким чаем, сказал:

Так и быть, мое королевское величество разрешает тебе усхать.

Звери доктора очень радовались, что Джон Дулиттл наконец-то отправляется домой. Хрюкки и О'Скалли не могли дождаться, когда же они вступят на палубу корабля, Крякки с раннего утра до позднего вечера хлопотала по хозяйству, паковала посуду, одежду, готовила припасы на дорогу. Горлопан только и делал, что расхваливал свой расчудесный Лондон и рассказывал всем, что он сделает, как только вернется домой.

Король Коко, его придворные и подданные устроили доктору Дулиттлу торжественные проводы. Целый день между кораблем доктора Дулиттла и городом сновали лодки, нагруженные подарками. Доктор Дулиттл улыбал-

ся всем, но в глубине души грустил — ему не хотелось расставаться со своими новыми друзьями.

Как бы то ни было, корабль отчалил от берега Фантиппо и вышел в открытое море.

Когда ученые взялись за изучение истории королевства Фантиппо, в своих книгах они непременно упоминали таинственного белого человека, который за короткое время непонятно как сумел создать почту, торговлю, научить туземцев мореплаванию. «Он внес весомый вклад в развитие просвещения и рост благосостояния всех жителей государства», — писали они. Признаюсь, я сам не совсем понимаю, что такое «весомый вклад», сколько он весил и на каких весах его взвешивали, но да Бог с ними, учеными, уж так у них принято выражаться.

А на главной площади Фантиппо и по сей день стоит деревянный памятник доктору. Странное дело! — памятники королям и полководцам по всему миру засижены птицами с ног до головы. А на этом скромном памятнике неизвестному человеку нет ни единого пятнышка. До сих пор люди ломают голову, почему у птиц такое уважительное к нему отношение.

Почта в Фантиппо после отъезда доктора Дулиттла работала исправно. Появились новые марки с портретом короля Коко. А в честь первого парада торгового флота Фантиппо выпустили очень красивую марку в два шиллинга. На ней изобразили короля Коко, глядящего на свои новые суда через леденец.

Сам король Коко тоже увлекся почтовыми марками и стал их собирать. Когда король состарился, его коллекция превратилась в нечто вроде семейного альбома с фотографиями. Король брал к себе на колени внучат, листал альбом и рассказывал:

— А это ваш дедушка в тот год, когда к нам приплыл белый человек по имени Джон Дулиттл.

Почтовый плот поставили у самого берега. Птицы, прилетающие в Паддлеби, рассказывали, что король Коко сам поливает настурции, ноготки и садовые ромашки под окнами почтового домика и не теряет надежды, что в один прекрасный день его белый друг вернется в Фантиппо. Королю Коко так не хватает доброй улыбки доктора, чаепитий под навесом и поучительных бесед.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЦИРК ДОКТОРА ДУЛИТТЛА

Часть первая

Глава 1. У очага	4
Глава 2. Как доктора приняли за Шалтая-Болтая	7
Глава 3. Да здравствует цирк!	11
Глава 4. Да ведь это доктор Дулиттл!	16
Глава 5. Доктор падает духом	23
Глава 6. Тюлениха с Аляски	30
Глава 7. Гонец с севера	33

Часть вторая

Глава 1. Подготовка к побегу	39
Глава 2. Безумная ночь в цирке	46
Глава 3. В заброшенном саду	51
Глава 4. Собаки-ищейки	57
Глава 5. Пассажиры из Пенчерча	63
Глава 6. Почтовая карета до Грантчестера	69

Часть третья

Глава 1. Двойник разбойника	77
Глава 2. К морю по реке	81
Глава 3. Мировой судья барон Вильям Пибоди	86
Глава 4. Лиса по имени Ночная Тень	93
Глава 5. Средство от собак	99

Часть четвертая

Глава 1. Снова в цирке	104
Глава 2. Потасовка	111
Глава 3. Говорящий конь	116
Глава 4. Бетти заговорила	120
Глава 5. Гвоздь программы	125
Глава 6. Несравненная Бетти	128
Глава 7. Пастбище для Бетти	131
Глава 8. Приют для престарелых лошадей	138

Часть пятая

Глава 1. Господин Беллами из Манчестера	143
Глава 2. Пьеса для зверей	148
Глава 3. Афиша и памятник	153
Глава 4. Слава, счастье и дождь	160
Глава 5. Тайна исчезновения господина Блоссомы	166
Глава 6. Доктор становится хозяином цирка	170
Глава 7. Цирк доктора Дулиттла	174

ПОЧТА ДОКТОРА ДУЛИТТЛА

Предисловие	182
-------------------	-----

Часть первая

Глава 1. Сьюзен	184
Глава 2. Фрегат	189
Глава 3. Меткий выстрел	193
Глава 4. Почта королевства Фантиппо	199
Глава 5. Возвращение откладывается	205
Глава 6. Остров Ничей	209
Глава 7. В зверином раю	217
Глава 8. Самая быстрая в мире почта	223

Часть вторая

Глава 1. Необыкновенная почта	228
Глава 2. Горлопан	235
Глава 3. Птицы и Колумб	243
Глава 4. Маяк на мысе Стивена	247
Глава 5. Чайки и корабли	254
Глава 6. Служба погоды	261
Глава 7. Знания — почтой	266

Часть третья

Глава 1. Журнал для зверей	269
Глава 2. Рассказ доктора Дулиттла	272
Глава 3. Рассказ Хрюкки	275
Глава 4. Рассказ Крякки	279
Глава 5. Рассказ белой мыши	283
Глава 6. Рассказ О'Скалли	290
Глава 7. Рассказ Бу-Бу	298
Глава 8. Рассказ тyani-толкая	304

Часть четвертая

Глава 1. Розовые жемчужины	310
Глава 2. Пропажа	316
Глава 3. Жемчужины и брюссельская капуста	320
Глава 4. Ловцы жемчуга	325
Глава 5. Обомбо	332
Глава 6. Освобождение	338
Глава 7. Загадочное письмо	342
Глава 8. Страна мангровых болот	347
Глава 9. Таинственное озеро	351
Глава 10. Последний приказ почтмейстера	358
Глава 11. Прощание с Фантиппо	361

Хью Лофтинг

ДОКТОР ДУЛИТТЛ И ЕГО ЗВЕРИ

Сочинения для детей в трех книгах

Книга вторая

Редактор *А. С. Корина*

Художественный редактор *М. А. Закиров*.

Технический редактор *Г. В. Климушкина*

Корректоры *Т. Н. Гуляева, О. В. Селиванова*

Подписано к печати 28.09.92. Формат 84 x 108 1/32. Бумага тип. Гарнитура «Таймс». Высокая печать. Усл. печ. л. 19,32. Уч.-изд. л. 21,58. Тираж 100 000 экз. Издание подготовлено к печати на персональных компьютерах. Редакционно-производственное агентство «Олимп», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Издательство русского Пен-центра «ППП» (Проза. Поэзия. Публицистика), 103031, Москва, Неглинная ул., 18/1. Тульская типография, 300600, г. Тула, проспект Ленина, 109. Заказ № 466

Лофтинг Х.

Л 81 Доктор Дулиттл и его звери. Сочинения для детей в трех книгах. Книга вторая. — М.: «Олимп» • «ППП», 1992. — 368 с.

ISBN 5-7390-0091-2

4804040100-034

Л _____ подписное

Г 68(03)-92

ББК 84. 7 США

